АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
М. Я. ЦВИЛЛИНГ

1038207

МОСКВА
«НАУКА»
1985

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

40
Ф 94

В сборнике освещаются вопросы, связанные с лингвистическими, лингвостилистическими и жанровыми особенностями современных официально-деловых стилей, в основном научного и газетно-публицистического. Исследование проводилось на материале русского, английского, немецкого и французского языков. Проблемы лингвостилистики тесно связываются с актуальными методическими и лингвометодическими проблемами обучения иностранным языкам научных работников.

Редакционная коллегия:

Л. И. ЗИЛЬБЕРМАН, Н. М. РАЗИНКИНА, О. В. СИВЕРГИНА, Е. С. ТРОЯНСКАЯ, М. Я. ЦВИЛЛИНГ

Рецензент:

В. Л. Егоров

Ф $\frac{4602000000-280}{042\ (02)-85}$ 324—85—III

© «Наука», 1985

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Н. М. РАЗИНКИНА

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЛОЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЕВ ЭСТЕТИКИ К ФОРМУЛИРОВКЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ "ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ"

На первый взгляд, сама постановка вопроса о связи критериев эстетики с принципами идентификации функциональных стилей литературного языка (научного, официально-делового, газетного, публицистического) представляется несколько неожиданной. Хорошо известно, что эстетика как философская наука имеет свою, специфическую проблематику, свой угол зрения, свой уровень обобщения. В самом деле, что общего между критериями, используемыми эстетикой как мировоззренческой наукой о закономерностях эстетического освоения мира человеком, о сущностях и формах творчества по законам красоты [1], и критериями, используемыми в общем языкознании и лингвостилистике для определения языковой специфики функционального стиля? Как соотносятся общие категории эстетики, такие, например, как "гармония", "красота", "прекрасное", и формы эстетического познания, такие, как "эстетическое восприятие", "эстетический идеал", "эстетическое наслаждение", "эстетическое переживание", "эстетическая ценность", "эстетическое чувство" [2] с функционально-стилевой стратификацией литературного языка?

О принципах выделения функциональных стилей написано немало, и если понятие функционального стиля и нуждается в дальнейшей разработке и в дальнейшем уточнении, то может показаться, что эстетика не является той наукой, которая способна это сделать [3]. (Мы оставляем в стороне довольно глубоко разработанный в литературоведении вопрос об эстетических качествах художественной прозы и поэзии. Художественная проза — одно из основных, но не единственное явление, определяющее функциональную стратификацию литературного языка). Однако отсутствие прямых связей и параллелей представляется самоочевидным только до тех пор, пока не встают следующие вопросы: а) каковы факторы, удовлетворяющие

---

[1] См.: Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М.: Политиздат, 1972, с. 481.

[2] Перечень и толкование этих понятий см. в: Краткий словарь по эстетике. М.: Политиздат, 1963.

[3] «Если бы наряду с точными науками у нас была узаконена область неточных наук, первое место в ней по праву заняла бы эстетика»,— так охарактеризовал нынешнее состояние эстетики театральный критик, режиссер и художник Н. Акимов (цит. по: *Крюковский Н. И.* Кибернетика и законы красоты: Философский очерк. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1977, с. 5).

требованиям эстетики, и б) правомерно ли противопоставлять фактор красоты (эстетический критерий) и фактор функциональной целесообразности и обусловленности (лингвистический критерий)?

Задача эстетики как философской науки, изучающей общие закономерности эстетического отношения человека к действительности, состоит в том, чтобы выяснить, что представляет собой красота, чем она отличается от других качеств предметов и явлений действительности и как она с ними связана, какое значение имеет она в жизни и деятельности людей [4]. Красота — это такое своеобразное свойство предмета, явления, которое выражает не только определенные соотношения объективно ему присущих элементов формы, пропорций, гармонических соотношений, но и отношение к нему воспринимающего человека. Очень точно некогда сформулировал это Ф. Шиллер: "Красота есть одновременно предмет для нас и состояние нашего субъекта". Примечательно, что, конспектируя один эстетический трактат, К. Маркс обратил внимание на эти слова и выписал их [5].

Одним из аспектов изучения красоты является вопрос о соотношении красоты и целесообразности. Под последней понимается свойство процессов, предметов, явлений приводить к определенному результату, цели в широком или условном смысле слова [6]. Сущность прекрасного, проявление прекрасного ни в коей мере не противопоставлены пользе и, следовательно, целесообразности. Именно с этой точки зрения представляется возможным сказать, что критерии выделения функциональных стилей литературного языка имеют в своей основе не только вполне определенный целевой момент (целевую направленность, целесообразность), но также обладают эстетической ценностью. Скажем, если научное произведение (говоря о функциональном стиле научной прозы) конкретно, лаконично и понятно излагает то или иное положение, если языковой материал, отбираемый ученым, не сковывает его мысль, но, напротив, способствует ее развитию, иными словами, если мышление ученого выработало адекватную форму выражения, такое научное произведение будет иметь как познавательную ценность, так и ценность эстетическую.

Функционально-стилевая целесообразность и оправданность дает лингвисту возможность подвести не замкнутые, не ограниченные в своем количестве тексты под абстракцию такого высокого порядка, какой является понятие функционального стиля. В одинаковой мере справедливо и обратное: связь целевого назначения высказывания и его языковой специфики позволяет абстрактному понятию функционального стиля распространиться на бесконечное множество его конкретных проявлений (т. е. на отдельные тексты).

Тот факт, что текст, скажем, научный, "стремится" максимально полно отвечать общим целевым требованиям функционального стиля научной прозы (логическая последовательность, точность, эксплицитность изложения) и в то же время не может это сделать в совершенной форме, т. е. так, чтобы уже́ нельзя было ближе подойти и более соответствовать этим общим требованиям, сближает понятие целесообразности в лингвистике и в кибернетике. Последняя понимает под целесообразностью в ее общем виде действия обратной связи, при которой информация о разнице между

[4] *Каган М.* Начала эстетики. М.: Искусство, 1964, с. 6.
[5] Там же, с. 17.
[6] Философский словарь, с. 452.

требуемым и фактическим состоянием превращается в причину все большего приближения системы к требующемуся состоянию [7].

Итак, будучи четко ориентированным на определенное целевое назначение, имея определенную целевую заданность, функциональный стиль (или, точнее, текст, являющийся его представителем) демонстрирует связь языковых элементов как семантически и грамматически целенаправленную и целесообразную. Это качество функционального стиля обладает определенной эстетической ценностью, поскольку, как отмечалось выше, понятия гармонии и целесообразности являются сопряженными. Красивое (прекрасное, гармоничное), будучи одной из важнейших и самых широких по значению категорий эстетики, служит для определения наиболее совершенных явлений как в искусстве, так и в науке, и в последней связано с обозначением объективно существующего, целесообразного [8]. Эстетика как наука изучает природу явления с точки зрения его полезности, оправданности, функциональной необходимости [9]. Та же полезность и та же оправданность предопределяют активное целеполагающее начало в выделении функциональных стилей литературного языка. Понимание отбора языковых средств как результата следования определенной сознательной цели представляет целесообразность как процесс оптимального приспособления предмета (в самом широком смысле слова) к окружающей среде [10] (ср. с приводимым выше пониманием целесообразности кибернетикой).

Л. С. Выготский писал, что эстетика может разрабатываться в двух аспектах: сверху, т. е. с общефилософских позиций, и снизу, т. е. с позиций фактов и эмпирических наблюдений [11]. Представляется, что целый ряд явлений, определяемых лингвистикой как функционально оправданные и целесообразные, может быть использован эстетикой в качестве материала для эмпирических наблюдений. Таким образом, не только понятия эстетики приложимы к определенным языковым явлениям, но также и эти последние могут служить для разработки эстетических критериев и оценок.

Не только целесообразность и функциональная оправданность в органи-

---

[7] Там же, с. 452.

[8] Краткий словарь по эстетике, с. 274, 275.

[9] Ср. со следующим высказыванием Сократа: «...все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено» (История эстетики. М., 1962, т. 1, с. 90).

[10] Изучение стиля в связи с выполняемой им функцией нашло свое выражение в так называемой «целевой» (или «телеологической» от греч. teleos 'достигший цели' + logos 'понятие, учение') модели, которая была предложена пражцами и в разных аспектах использовалась и чешскими, и русскими лингвистами. При использовании целевой модели устанавливается непосредственная зависимость между целью коммуникации и использующимся для ее достижения комплексом языковых (стилистических) средств. Для преодоления известного схематизма, отличающего эту модель, ряд лингвистов пользуется дополнительным понятием «стилевых черт», в связи с чем она приобретает следующий вид: цель — совокупность непосредственно определяемых этой целью стилевых черт — совокупность соответствующих им стилистических (т. е. собственно лингвистических) признаков (*Семенюк Н. Н.* Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972, с. 56).

[11] *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1965, с. 19. Ср. также со следующим «Эстетика должна прийти в соприкосновение, с одной стороны, с конкретным искусство- и литературоведением, которые как раз непосредственно занимаются фактами, а с другой — с философией...» (*Крюковский Н. И.* Указ. соч., с. 23).

зации языкового материала способны стать причиной возникновения эстетического чувства. Тем же свойством обладает и другая особенность функционального стиля, а именно, его ц е л о с т н о с т ь [12].

Целостность функционального стиля далеко выходит за рамки отдельно взятых произведений. Она создается за счет типизированного отбора языковых средств в каждом тексте, тяготеющем к особенностям того или иного функционального стиля. Проблема целостности, являясь в своей основе онтологической и эстетической, применительно к функциональному стилю находит свое воплощение в ряде специфических языковых явлений. Известно, что целостность способна находить свое перевоплощение в другой целостности. Рассмотрим это явление на примере соотношения таких языковых понятий, как функциональный стиль и входящие в его состав жанровые разновидности.

Еще 50 лет назад В. В. Виноградов назвал изучение жанрового своеобразия функционального стиля одной из основных задач стилистов. Однако до настоящего времени эта проблема остается одной из наименее изученных. Нет четкого и развернутого определения того, что следует считать жанром (в лингвистическом понимании этого слова), не проводится разграничение между такими взаимосвязанными понятиями, как текст — жанр — разновидность функционального стиля — функциональный стиль [13].

Причин такой неразработанности множество. Одна из них состоит в том, что еще недостаточно полно уяснен вопрос, в чем состоит, с одной стороны, языковая целостность функционального стиля и, с другой стороны, языковая целостность жанра. Наличие как первой, так и второй никогда не вызывало сомнения у лингвистов, но большей частью постулировалось, нежели анализировалось.

Понятие жанра, традиционно возникшее в литературоведении, оказывается чрезвычайно существенным для лингвостилистического анализа того или иного функционального стиля. Каждый функциональный стиль оформляется в своей, только ему присущей, совокупности жанров. Например, в научной прозе это монография, журнальная статья, реферат, рецензия на научную работу, разного рода справочные материалы, патент, аннотация, научно-техническая реклама; в устной разновидности — лекция, доклад, выступление. Жанровая специфика, являясь одним из основных (если не основным) дифференциальных признаков функционального стиля, обеспечи-

---

[12] Ср.: Сущность понятия «стиль» — в наличии какой-то целостности, единства, системности по общему показательному признаку (*Кожина М. Н.* О закономерных связях функционирования языковых средств с экстралингвистическими основаниями стилей.— В кн.: Исследования по стилистике. Пермь, вып. 4, 1974).

[13] Одной из немногих работ последнего времени, затрагивающих проблему соотношения функционального стиля и жанра, является статья В. Л. Наера «К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции» (в кн.: Лингвостилистические особенности научного текста. М.: Наука, 1981, с. 3—13). Автор статьи справедливо пишет о том, что функциональные стили сами по себе являются инвариантными подсистемами, в свою очередь, допускающими дальнейшую стилистическую дифференциацию на уровне «жанров». Понятия функционального стиля и жанра, находясь в близких родо-видовых отношениях, имеют в своей основе как общее (сохранение единой функции), так и различное (например, частные коммуникативно-целевые установки, устная или письменная форма деятельности — ср., с одной стороны, научную статью и научный доклад).

вает его целостность. Последняя проявляется в ходе дискретного изучения жанров (каждый жанр изучается в отдельности и устанавливаются их общие и специфические свойства), так и в результате уяснения того, каким образом жанры (их совокупность) реализуют общие черты функционального стиля (например, рассматривается вопрос о том, с помощью каких языковых средств доказательность научного стиля проявляет себя, скажем, в статье и в рецензии на научную работу).

В свою очередь и система жанров обладает своей специфической целостностью и, следовательно, структурированностью: мы имеем жанры, связанные с выражением и формулировкой научных теоретических положений: монография, статья, доклад; жанры, имеющие научно-информационный характер: реферат, аннотация и т. д. Кроме того, каждый жанр имеет свои варианты. Например, журнальная статья может быть обзорной, экспериментальной, статьей — постановкой проблемы, полемической статьей. При этом каждый уровень, т. е. отдельный жанр — их группировки или совокупности — функциональный стиль в целом, наряду со специфическими обладает и общими признаками и закономерностями. Таким образом, единство и целостность функционального стиля (понятия, обладающие известной эстетической ценностью) могут быть раскрыты как через качественную характеристику отдельных жанров, т. е. частей или компонентов, образующих функциональный стиль, так и через характер взаимосвязи этих компонентов.

Можно определенно сказать, что уже наметились два основных пути изучения языковых особенностей функционального стиля: "от части к целому" и "от целого к части". При этом либо создается новое "впечатление" о функциональном стиле как образовании, состоящем из отдельных компонентов, либо происходит расчленение функционального стиля. В первом случае (от части к целому) свойства целого выводятся исходя из свойств его частей. В настоящее время этот подход не имеет достаточно широкого распространения: очевидно, еще не настало время для обобщения данных, полученных по отдельным жанровым разновидностям функционального стиля. Иными словами, еще не наступил тот этап, когда возможно распространение понятий, относящихся к области жанра, на другую область, область более высокой степени абстракции — функциональный стиль. Такая экстраполяция, по-видимому, станет возможной не только после накопления значительного числа данных по отдельным жанровым разновидностям функционального стиля, но и после проведения соответствующих исследований по сопоставлению жанров, их группировке, выяснению инвариантных языковых особенностей жанров и т. п. При втором, наиболее распространенном в настоящее время подходе (от целого к части) языковые особенности жанра как бы постулируются на основе общих языковых особенностей того или иного функционального стиля. При таком подходе, приступая к изучению языкового своеобразия, например, научной монографии, исследователь берет за исходный, отправной момент те свойства, которые традиционно приписываются функциональному стилю научной прозы. Это — логическая последовательность изложения, эксплицитность синтаксических построений и т. д.

В философском определении целостности подчеркивается внутреннее единство объекта, его автономность и отдифференцированность от окружающей среды. Эти свойства следует понимать не в абсолютном, а в относитель-

ном смысле, поскольку сам объект обладает множеством связей со средой, существует лишь в единстве с ней [14]. Это определение понятия целостности как нельзя более полно и точно соответствует тому представлению о целостности, которое формулируют лингвисты, выделяя основные признаки функционального стиля. Действительно, каждый функциональный стиль характеризуется внутренним единством (в частности, единством жанрового состава) и своеобразной автономией, сказывающейся в его "отдельности", "отделенности" от других функциональных стилей. В то же время эта отделенность является не абсолютной, но относительной, поскольку связи, существующие между функциональными стилями, чрезвычайно многообразны и глубоки.

Помимо свойств целостности, о которых говорилось выше, в философском определении этого понятия подчеркивается, что представление о целостности изменчиво, поскольку обусловлено степенью развития научного мышления. И это положение можно проиллюстрировать на примере понимания лингвистами целостности функционального стиля. Если ранее эта целостность понималась лишь как «служение одной ведущей цели» (например: функциональный стиль научной прозы служит раскрытию свойств изучаемого научными методами объекта действительности; официально-деловой стиль служит осуществлению официальной переписки и закреплению законодательных актов и т. п.), то в настоящее время в это понимание входит и целостность прагматической установки жанров, образующих тот или иной функциональный стиль, и тип передаваемой в них информации.

Подобный расширенный подход в большей степени, чем существовавший ранее, способен показать целостность как внутреннюю обусловленность объекта, как нечто такое, что определяет его специфику и уникальность. В этом случае понятие целостности сближается с понятием сущности явления. В свою очередь, углубленное понимание целостности объекта связано с углубленным представлением о его эстетической ценности [15].

Понятие целостности играет существенную роль, когда задача исследования заключается в получении синтетического знания об объекте и когда сам объект является достаточно сложным. Перенося это положение на рассматриваемый здесь объект лингвистического анализа, скажем, что жанровая стратификация функционального стиля является одним из показателей этой сложности, а понятие жанровой транспозиции — одно из наиболее актуальных для изучения состояния стилей литературного языка [16].

В поисках определения понятия "стиль" многие ученые постепенно убеждаются в необходимости предварительного накопления большого количества фактов использования языковых средств в их атомизированных содержательно-эстетических функциях для последующих обобщений. «Вместо изучения всех возможных литературных текстов,— пишет Ван Дейк,— исследование выиграло бы при ограничении определенных типов литературных текстов: новелла, драма и т. п.» [17] и, добавим, принципов орга-

---

[14] Философский словарь, с. 452.

[15] О связи целостности и сущности см. Философский словарь, с. 452.

[16] Об актуальности изучения проблемы жанровой дифференциации функционального стиля находим интересные высказывания К. Гаузенбласа и И. Мистрика (см. об этом: *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 97).

[17] Цит. по: *Гальперин И. Р.* Вступительная статья к сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика, М.: Прогресс, вып. 9, 1980, с. 7.

низации текста в пределах жанра. Следующим этапом могло бы явиться изучение тенденций, сводящих определенные жанры в целостную систему того или иного функционального стиля.

Динамичность, подвижность жанров в пределах функционального стиля не только не нарушает целостность последнего, но, напротив, обеспечивает эту целостность. Это происходит вследствие того, что данное качество жанров ограничено и подчинено общему коммуникативному заданию функционального стиля, которое выступает как общее свойство каждого отдельного жанра и тем самым способствует восприятию функционального стиля как явления, обладающего эстетическим качеством целостности: "Различные целостные системы имеют общие свойства, обладают инвариантами целого. Любые отображения целого должны отражать эту общность" [18].

Степень устойчивости жанров, характер их сочетания и взаимопроникновения исторически изменчивы, но их подчиненность основному коммуникативному заданию функционального стиля неизменна. Так, на протяжении XIX и XX вв. менялись роль и взаимовлияние таких жанров английской научной прозы, как монография и журнальная статья, но их подчиненность основному коммуникативному заданию стиля всегда оставалась неизменной.

Далее, возникновение в XX в. новых жанров научной прозы, таких, как, например, реферат и аннотация, в свою очередь, углубило понятие коммуникативного задания функционального стиля и тем самым способствовало новому, более глубокому осмыслению его целостности и, следовательно, гармоничности. Известно, что гармоничные системы обладают повышенной устойчивостью (длительностью существования) во времени и способностью к эффективному функционированию.. В изменяющейся среде система не может быть гармоничной, если она не будет адаптироваться к изменившимся условиям. Требование устойчивости не противоречит свойству изменчивости. Наоборот, устойчивые системы обладают хорошей изменчивостью при сохранении известных инвариантов [19].

Примечательно, что на жанровую целостность функционального стиля влияют факты, находящиеся за пределами жанрового состава того или иного функционального стиля. Так например, развитие романа в русской и европейской литературе XIX в. не могло не отразиться и на развитии научного стиля (прежде всего научной монографии) в литературном языке этого же периода: роман с его своеобразной полифоничностью и углубленными психологическими характеристиками персонажей способствовал развитию искусства логически последовательного изложения, столь важного в науке. В свою очередь, развитие философской и научной литературы на родном языке обогащало речевые возможности романиста [20].

---

[18] *Газен В. А.* Восприятие целостных объектов. Л., 1974, с. 26.

[19] Там же, с. 43.

[20] О взаимоотношении и взаимном влиянии романа и монографии см.: *Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М. 1967, с. 75—76. Ср. также: в XIX в. романисты (в частности, Бальзак, Флобер, Золя) пытались проникнуть в научные методы познания и тем самым придать роману тот престиж, который отличал науку этого времени (*Rees G.* The influence of science on the structure of the novel in the nineteenth century.— In: Literature and science: Proceedings of the 6th congress of the International Federation for modern languages and literatures. Oxford, 1955, p. 255—256).

Тот факт, что каждый функциональный стиль оформляется и приобретает целостность в своей, особой совокупности жанров, конечно, не исключает существования межстилевых жанров, таких, как, например, эссе, научно-популярные произведения.

В рамках такого функционального стиля, как, скажем, деловая проза, деление на жанры и соблюдение правил их внутреннего композиционного построения строго регламентировано; жанры художественной прозы, напротив, допускают варьирование в широких пределах. Что касается научной прозы, то она в этом отношении занимает промежуточное положение. Ср., с одной стороны, такие "жесткие" жанры, как аннотация, разного рода справочные материалы и, с другой стороны, лекция, статья.

Узкая социально-жанровая ограниченность официально-деловой прозы определяется содержательной спецификой той сферы общения, которую такая проза обслуживает. Точно так же, как широкий и вариативный стилистический диапазон художественной (поэтической) речи определяется эстетическими задачами последней. И та, и другая особенность создают целостность соответствующих функционально-стилевых образований.

Относительность в степени регламентированности жанра, ступенчатость этой регламентированности (например, от патента — эталона упорядоченности — до произведения, приближающегося к особенностям научно-популярной литературы) при общем давлении единой коммуникативной установки функционального стиля — это аргумент в пользу целостности функционального стиля и никак не свидетельство плюрализма в его концепции. Жанры, выделяемые в рамках функционального стиля, не представляют собой некую совокупность равнозначных изолированных сущностей, не сводимых к единому началу. Как отмечалось выше, единая определяющая коммуникативная заданность как основа функционального стиля предопределяет системность его жанрового состава и однонаправленность тенденций отбора языкового материала. Органическая взаимосвязь всех жанровых разновидностей функционального стиля, их соответствие определенному назначению создает то, что можно назвать г а р м о н и ч е с к и м состоянием функционального стиля.

Гармония является одним из существенных признаков прекрасного, одной из наиболее общих категорий эстетики. Греческое понятие *harmonia* означает стройность, соразмерность, уравновешенность элементов в системе [21]. Понятие гармонии получило широкое распространение как в искусстве,так и в науке. Для того чтобы объект реализовал свои качества гармоничного целого, он должен обладать рядом свойств. К ним относятся, в частности, следующие: повторяемость целого в его частях (большое в малом), соподчиненность, принцип единства в системе средств композиции [22]. Остановимся на этих принципах в связи с рассматриваемым здесь объектом исследования.

П р и н ц и п п о в т о р я е м о с т и ц е л о г о в е г о ч а с т я х служит для объединения частей в целое на основе сходства. Части целого обладают различными признаками, среди которых выделяется ведущий. Так, общее

---

[21] Ср. со следующим: «Единство целого рождается из подчиненности частей; и из этой же подчиненности рождается гармония, которая немыслима вне многообразия» (*Дидро Д.* Об искусстве. Цит. по кн.: *Ганзен В. А.* Указ. соч., с. 44).

[22] О принципах выделения гармоничного целого см.: *Ганзен В. А.* Указ. соч., с. 44 и след.

коммуникативное задание стиля, как отмечалось выше, неизменно повторяется во всех его жанровых разновидностях. Иными словами, какую бы жанровую разновидность, например, научной прозы, мы ни взяли, она всегда будет связана с определенной сферой общения и всегда будет иметь сходную целевую установку — в лаконичной, последовательной и логически организованной форме передать сумму научных знаний, фактов, обобщений.

Принцип соподчиненности служит для объединения частей в целое на основе различия. Так, применительно к понятию функционального стиля этот принцип проявляется, в частности, в иерархической организованности его жанров, т. е. в выделении ведущих, основных жанров (например, научная монография, журнальная статья) и жанров, находящихся на периферии (например, научно-техническая реклама, широко представленная в отраслевых журналах).

Принцип уравновешенности означает единство, обеспечиваемое согласованием противоположностей. Это можно наблюдать, например, в случае согласованности письменных и устных (лекция, доклад, выступление) жанров научной прозы.

Наконец, принцип единства, обеспечивающий создание гармоничного целого, требует согласования цели и средства. В обеспечении этой задачи "участвуют" указанные выше три принципа: так, принцип повторяемости означает, как говорилось выше, единство функционального стиля по его ведущему коммуникативному заданию; принцип соподчиненности — единство, достигаемое объединением всех элементов (в данном случае жанровых разновидностей) вокруг одного абстрактного понятия "функциональный стиль". Единство целого следует рассматривать как его интегральный принцип [23].

Выше мы говорили о гармоническом состоянии функционального стиля в связи с его двумя характерными особенностями: целесообразностью и жанровой целостностью. Эстетические качества функциональных стилей проявляются и в другом плане, а именно, в их способности к взаимодействию и взаимопроникновению, ибо только эстетически оправданное объединение элементов различных функциональных стилей создает полноценное произведение, например, в области научно-популярной или научно-фантастической литературы.

Из всех существующих ныне и выделяемых лингвистами функциональных стилей развитого литературного языка, пожалуй, только официально-деловая проза существует в своем наиболее "чистом" виде. Остальные функциональные стили характеризуются неизбежными контактами и смешениями. Причем слова "контакт" и "смешение" недостаточно четко показывают природу процессов, лежащих в основе органического синтеза языковых единиц, лишь в теории традиционно закрепленных за тем или иным функциональным стилем.

Нам уже приходилось останавливаться на вопросах, связанных с взаимо-

---

[23] Говоря о целостности литературного произведения, М. М. Бахтин отмечает: «Автор литературного произведения присутствует только в *целом* (выделено нами.— *Н. Р.*) произведении и его нет ни в одном выделенном моменте этого целого, менее же всего в оторванном от целого содержании его» (*Бахтин М. М.* К методологии литературоведения.— В кн.: Контекст 1974. М.: Наука, 1975, с. 203).

действием функциональных стилей [24]. Здесь отметим лишь, что наиболее интересные образцы "смешения" дает художественная проза и проза научная. Причины этого явления кроются как в лингвистических, так и в экстралингвистических факторах. Что касается последних, то большую роль здесь играет то общее, что лежит в основе художественного и научного творчества: «...неправы те, кто утверждает, что в творческом процессе художника слова нет ничего общего с творчеством ученого, потому что художественное творчество не заключает в себе, подобно творчеству научному, системности, определенной "стратегии творчества". С таким утверждением связано отрицание возможности использования при изучении процессов создания художественных произведений категорий эвристики как науки о способах и средствах решения творческой задачи. Но ведь при всем своеобразии писательского труда в нем все-таки заключены такие фазы, как возникновение замысла, осознание художником своей цели, выбор наилучшего из возможных решений творческой задачи, признание необходимости определенной системы принципов, определенной "стратегии творчества" для каждого конкретного проявления силы таланта» [25] (разрядка наша.— *Н. Р.*).

Именно эти черты сходства дают возможность автору не только художественного, но и научного произведения осознать гармонию формы и содержания, а читателю — получить наслаждение от восприятия этой гармонии.

Известно, что эстетическое включает в себя субъективную сторону — наслаждение красотой продуктов человеческой деятельности во всех областях общественной жизни. Иными словами, основные эстетические критерии раскрываются как своеобразное проявление эстетического освоения мира в каждой из областей общественного бытия и человеческой жизни [26]. Научное произведение не является в этом отношении исключением. Эстетические качества произведений художественной литературы подробно исследовались и исследуются литературоведением и лингвистической стилистикой. Гораздо меньше сказано об эстетических качествах произведений научной прозы и, шире, функционального стиля научной прозы в целом, а также о том, что язык художественной литературы не может и не должен быть противопоставлен другим формам проявления языка как "нехудожественным", не обладающим эстетической ценностью. Однако при этом необходимо постоянно иметь в виду, что эстетические критерии в науке (применительно к языковому материалу — в научных текстах) и в искусстве (художественная проза и поэзия) не идентичны. Эстетика в научном творчестве — это эстетика понятий и абстракций, это "головная" эстетика, не адресующаяся непосредственно к чувствам [27].

---

[24] См.: *Разинкина Н. М.* Сопоставление функционально-речевых систем как один из приемов изучения стиля научной прозы.— В кн.: Обучение чтению научного текста на иностранном языке. М.: Наука, 1975, с. 174—182; *Она же.* О сопоставлении различных функциональных стилей.— В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Проблема языка науки. М.: Изд-во МГУ, 1981, вып. 5, с. 92—101.

[25] *Мейлах Б. С.* НТР и возможности теории творчества.— В кн.: НТР и развитие художественного творчества. Л.: Наука, 1980, с. 21.

[26] Философский словарь, с. 482.

[27] *Фейнберг Е.* Обыкновенное и необычное (заметки о развитии современной науки).— Новый мир, 1965, № 8, с. 228.

Эстетический критерий в науке может выступать и как критерий правильности: от Эйнштейна и Планка, Дирака и Борна набирает силу идея, согласно которой эстетический критерий выступает и критерием истины, а простота и красота решения проблемы становятся указанием на правильность этого решения. Существенно подчеркнуть, что аргумент "от эстетики" присутствует никак не со стороны, а изнутри концепции, определяет как бы внутренние ее возможности, оказывается своеобразным и весьма строгим критерием ее истинности [28].

Языковые средства, используемые для формулировки научной концепции (разветвленные логические постулаты и выводы, их целостность, четкость и убедительность, их способность формировать основу для абстрактных выкладок), обладают немалой эстетической ценностью. К тому же в основе понятийной усложненности естественнонаучной доктрины нередко оказывается метафора, а в основе метафорического произведения художественной литературы всегда лежит упорядоченная система доказательств. Справедливым представляется мнение о том, что л ю б о й творческий акт в своих глубинах носит эстетический характер, а в ходе отбора жизнеспособных научных концепций и моделей исследователь зачастую и вполне обоснованно руководствуется чувством красоты [29].

Красота (например, в математике — "красивое решение задачи"), являясь одной из важнейших категорий эстетики, в науке служит для оценки таких свойств предметов и явлений действительности, как их гармоничность, завершенность. Данная эстетическая категория характеризуется многообразием признаков: это соразмерность и пропорциональность, гармония частей, новизна, целесообразность и целостность формы, соответствие формы содержанию [30]. Таким образом, понятие красоты в научном мышлении всегда связано с объективными качествами природы. При этом ученые испытывают удовлетворение от стройности и красоты как процесса получения знания, так и самого результата этого процесса.

Известно, что наиболее полно эстетическое отношение человека к действительности выявляет искусство и, в частности, поэтический язык (под последним традиционно понимают язык художественной литературы — как прозы, так и поэзии). Однако сферой выражения общественно-эстетического идеала является также и научная литература, которую тоже можно справедливо назвать генератором эстетических ценностей общества. Эту эстетическую ценность создают интеллектуальные абстракции, способствующие познанию мира. Критерии красоты, гармоничности и законченности приложимы к этим абстракциям в такой же степени, в какой они приложимы к абстракциям, лежащим в основе произведения художественной литературы: и те, и другие есть абстракции человеческого разума, и те, и другие способны показать мир в его гармоничной целостности и организованности, иными словами, и те, и другие представляют собой различные способы постижения истины [31].

---

[28] *Гей Н. К.* Целостность культуры, содружество наук и искусств.— Новый мир, 1981, № 12, с. 226.

[29] *Гулыга А. В.* Искусство в век науки. М.: Наука, 1978, с. 142.

[30] Краткий словарь по эстетике, с. 170.

[31] Ср.: «При коренном различии науки и искусства, творчества научного и художественного, оба эти вида в конечном счете подчиняются общим, универсальным законам мышления. Цель всякого истинного искусства в своей основе близка к стремлениям науки — путем анализа жизни понять ее, понять ее законы. Ведь

Итак, выше была сделана попытка показать такие качества функционального стиля, как его целесообразность (соответствие целевой установке), целостность (в плане целостности жанрового состава) и гармоничность. Эти свойства дают основание говорить о возможности приложения ряда понятий эстетики к такому сложному лингвистическому понятию, каким является понятие функционального стиля. В свою очередь, это способствует более углубленному представлению о самих функциональных стилях как об абстракциях, в основе которых лежат единые принципы организации языкового материала. Кроме того, и "такой весьма специфический, тонкий и трудноопределяемый предмет, как эстетические понятия и отражаемые им явления" [32], получает своеобразное освещение будучи приложенным к лингвистическому объекту.

В. Л. НАЕР

ПРАГМАТИКА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ
(вербальный и невербальный аспекты)

Сила воздействия научного слова, в общем независимо от жанра научного произведения, кроется прежде всего в силе самой концепции, позиции автора, в достоверности фактов, которыми он оперирует, в обоснованности его исходных положений и строгой логике и непротиворечивости их развития, в убедительности доказательств и правомерности выводов. Требования, предъявляемые к научному изложению, в целом изоморфны тем требованиям, которые предъявляются к самой науке, к процессу научного познания, процессу отбора, обработки и научного осмысления фактов. Автор научного произведения стремится быть точным, логичным и объективным; превыше всего он стремится максимально приблизиться к истине; он склонен думать, что ему это в целом удается (иначе он едва ли бы отважился публиковать свою работу), и рассчитывает, что в это поверит и читатель. Научное произведение дает научно осмысленную картину реального мира, и сила его, таким образом, заключается в адекватности этой картины реальной действительности; а это предполагает не только адекватность самой концепции автора и достоверность фактов, лежащих в ее основе, но и адекватность ее вербального воплощения.

Научное изложение в сущности своей сугубо референционно. Как бы ни удалялись от реального мира абстрактно-теоретические построения, они имеют смысл лишь постольку, поскольку они соотносимы с ним. Это референционное начало, естественно, находит непосредственное отражение в языке (в преимущественном отборе лексических единиц, способных обнажить сущность явлений,— терминологии и терминологически ориентированной общеупотребительной лексики, в использовании синтаксических структур, отражающих реальные связи явлений,— причинные, следственные,

---

и перед писателем и перед ученым в ходе их деятельности возникает определенная задача, которую предстоит решить, проблемная ситуация. Л. Толстой назвал работу художника "опытом в лаборатории"» (*Мейлах Б. С.* Указ. соч., с. 25).

[32] *Крюковский Н. И.* Указ. соч., с. 21.

а также некоторые другие; и проч.) Не случайно, референционной функции (интеллектуально-коммуникативной) отводят особое место при рассмотрении образцов научного стиля. Более того, как известно, бытует представление, что это его единственная функция [1], что ею и исчерпывается специфика функционирования языка в сфере научной деятельности.

Представляется, однако,— и это достаточно широко признается,— что специфика языка науки значительно шире и богаче. Образцы научной прозы не являются бледными и бесстрастными фотографиями действительности; они представляют собой плоды мыслительной работы ученого, которые отражают помимо объективной реальности его отношение к ней, его оценки реальных фактов и иных попыток их осмысления, его собственный образ мыслей, его идейные и научные установки, его вкусы и, наконец, его стремление оказать на читателя определенное — прежде всего интеллектуальное — воздействие, впрочем, не только интеллектуальное. Научному стилю, как и всякому другому, свойственна своя прагматика. В текстах научного стиля, наряду с образующим их основу предметно-концептуальным содержанием и несмотря на заметную тенденцию к некоторой унификации форм выражения, достаточно отчетливо представлена личность автора научного произведения, а также его установки, адресованные читателю. Под прагматикой здесь и понимается воздействующий аспект содержания, что, конечно, не исключает известных толкований прагматики, в разное время предложенных Ч. Моррисом [2], как аспекта семиотики и как исследования образования, использования и воздействия знаков. Это и сама сущность, и форма воздействия.

Воздействие на читателя средствами языка принципиально отличается от того воздействия, которое на него оказывает само содержание научного текста. Последнее первично. Когда читатель приступает к чтению научного произведения, он открыт такому воздействию, он ожидает его и готов принять новые факты и идеи либо отвергнуть их. Воздействие средствами языка (собственно средствами языка, а не содержанием, которое они выражают) вторично. Оно может читателем и не осознаваться. Но оно от этого не делается менее эффективным и значительным. Такое воздействие и является результатом реализации прагматической установки или установок научного текста.

Понятие прагматической установки трактуется в научной литературе весьма широко и многообразно: его прилагают и к отдельному высказыванию, и к тексту, и к автору, и к стилю. И едва ли можно с уверенностью утверждать, что все эти интерпретации термина в одинаковой степени правомерны. По существу это различные явления; и, видимо, нет нужды обозначать их одним и тем же термином. Когда говорят о прагматической установке стиля (имеется в виду функциональный стиль), то, что именуется прагматической установкой, фактически совпадает с понятием функции данного стиля, и, думается, термин «установка» здесь едва ли уместен, поскольку функция стиля — это один из его кардинальных, ведущих признаков, его постоянная характеристика, складывающаяся из обобщенной цели общения

---

[1] Ср., напр., *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). Л., 1973, с. 55.

[2] *Morris C.* Foundations of the theory of signs. Chicago, 1938; *Idem.* Signs, language and behavior. N. Y., 1946. См. также: *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981, № 4, с. 334.

и ограниченной, хотя и очень широкой, сферы человеческой деятельности, в которой такое общение протекает. Функциональные стили (а тем более их функции) — явления абстрактные, отвлеченные от конкретных речевых актов, прагматические установки же, напротив, являются свойством именно конкретных, живых речевых образований. Они изменчивы, и в рамках одного функционального стиля постоянно порождаются высказывания и тексты, характеризующиеся различными прагматическими установками, хотя в принципе они, видимо, и поддаются учету.

Говорят о прагматической установке автора, имея в виду намерение автора, его конкретную цель при порождении высказывания, при создании текста. Роль автора здесь бесспорно первостепенна: создавая речевое произведение и воплощая в нем определенное смысловое содержание, он вместе с тем выражает свое отношение и к речи, и к ее содержанию, и к соответствующим референтам, программируя определенное воздействие на адресата, т. е. разрабатывая прагматический аспект высказывания. Автор при этом является субъектом прагматики, от которой он неотделим, но которая (как и сам текст) отделима от него и способна, как аспект созданного им речевого произведения, обособиться и даже пережить его. "Прагматическая установка автора", таким образом, сливается с текстом, растворяется в нем; она материализуется в тексте и воплощается в нем и только из него и может быть понята, ибо в конечном счете не важно, что автор хотел сказать и какое он намеревался оказать воздействие, важно, что он сказал и какое воздействие оказал.

Представляется поэтому, что с лингвистической точки зрения единственным реальным объектом исследования в сфере прагматики является реализованная в тексте прагматическая установка, т. е. его прагматика, его воздействие прежде всего. При этом представляется правомерным исходить из того, что, в самом общем виде прагматическая установка текста может быть определена как материализованное в тексте осознанное намерение отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя. Прагматическая установка реализуется именно в тексте, так же как и прагматический аспект языка вообще раскрывается на уровне текста [3] как законченного речевого произведения. Реальная прагматика входящих в него (или самостоятельных) отдельных высказываний и прагматические потенции отдельных языковых средств при всей своей значимости — явления подчиненные и не всегда однозначно определяющие конечный прагматический эффект: они могут быть, в частности, и одно-, и разнонаправленными, повышая либо ослабляя, или вовсе нейтрализуя частные прагматические эффекты друг друга.

Несмотря на то, что прагматический аспект в принципе свойствен всякому тексту, в том числе и научному, едва ли можно говорить об одинаковой степени прагматической отмеченности разных текстов. Так, степень и характер воздействия, которое несет в себе научный текст и которое составляет сущность его прагматики, зависят от целого ряда факторов: жанра, соотношения информативности и оценочности в зависимости от характера текста (регистрация фактов, описание эксперимента, обоснование гипотез и положений, критика каких-либо концепций, полемика и т. п.), целей автора, его индивидуальной манеры изложения и пр.

[3] *Колшанский Г. В.* Прагматика языка.— В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе (вып. IX). Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980, вып. 151, с. 6.

Надо полагать, ведущей и первостепенной установкой научного текста, как и текстов других стилей, прежде всего относящихся к сфере профессионально-деловой коммуникации, является установка на четкое, недвусмысленное и непротиворечивое донесение до читателя смыслового содержания, в данном случае — научного содержания текста. Подобная установка, естественно, присуща любому хорошему тексту, но для всякого создающего научный текст предметом особой заботы является то, чтобы текст был понят в соответствии с авторским замыслом, чтобы ни одно положение не дало повода для разноречивых толкований, чтобы при закодировании и декодировании высказывание оставалось, насколько это вообще возможно, неизменным. Вариативность декодирования чужда научному изложению, и если она допускается, то созданный текст не может быть признан отвечающим требованиям научного стиля. Более или менее аналогичные требования предъявляются к текстам и некоторых других стилей, например, официально-документального и газетного. Но если в официальных документах (дипломатических или коммерческих) иногда одной из сторон делаются попытки оставить в тексте некоторые возможности двоякого толкования, а журналист, создавая газетный текст и стремясь, напротив, обеспечить безусловно однозначное его декодирование, по существу озабочен лишь конечным эффектом коммуникации, допуская при этом нередко противоречия, непоследовательности и эклектичность изложения, то для научного текста все это абсолютно неприемлемо: он должен быть ясен, четок и непротиворечив в целом и во всех своих частях, он не допускает каких-либо двусмысленностей. И если, например, в научной рецензии автор может себе позволить некоторый подтекст, содержащий оценочные импликации (ср. обычное для рецензии "Все эти критические замечания не умаляют..." и т. п.— "Конечно же, умаляют,— намекает автор,— но коль скоро отзыв в целом положительный, ими можно пренебречь"), этот подтекст совершенно прозрачен и двусмысленностью не чреват.

Мы неизменно слышим, что научный стиль характеризуется ясностью изложения, логичностью и последовательностью. Это несомненно так. Однако это не просто внешние характеристические черты стиля, за ними стоят обобщенные типичные прагматические установки многочисленных научных текстов, отвлечение от совокупности которых и дает представление о различительных признаках стиля. Научный текст в любом жанре, именно потому, что он научный, не может быть неоднозначным, нелогичным и непоследовательным: это противоречило бы форме научного мышления, функции научного стиля и наиболее типичным прагматическим установкам научных текстов. Осознанная установка на воспроизведение в научном тексте упомянутых качеств стиля материализуется на различных уровнях. На текстовом, например, это находит выражение в достаточно регулярном совпадении границ сверхфразового единства и абзаца [4], что отражает характер членения научной мысли и максимально способствует ее языковому оформлению и последующему адекватному декодированию. Что касается иных уровней, то здесь уместно упомянуть ясность терминологии и однозначность ее соотнесенности (по крайней мере в рамках данного текста) с соответствующими денотатами, четкость синтаксических построений, которые наиболее тесно связаны с прагматическими установками текста.

---

[4] См. напр.: *Мамаева Н. Л.* Абзац в функционально-стилистическом аспекте: (на материале английского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1984, с. 25.

1038207 ВОЛОГОДСКАЯ областная библиотека

Т. Гивон, например, считает, что прагматико-дискурсивные факторы играют решающую роль в объяснении синтаксических явлений естественного языка [5].

В пределах научного текста, думается, наиболее отчетливо реализуются принципы смыслового членения и выделения наиболее коммуникативно значимых отрезков высказывания (т. е. членения прагматического); последнее определяют как "механизм приоритетных стратегий" [6]. Действительно, приоритет (в плане, конечно, значимости, а не предшествования) тех или иных частей научного текста, тех или иных положений, как правило, со всей очевидностью воплощенный в тексте, отражает оценочные позиции автора в отношении значимости этих частей и положений и его убеждение в том, что *они (и оценки, и положения) должны быть в такой* же мере существенны и для читателя. Во всяком случае, строя текст так, а не иначе, автор научного произведения обнаруживает свое отношение к тексту и недвусмысленное намерение подчинить читателя ходу своих рассуждений, к чему, собственно, и сводится в конечном счете смысл воздействия на читателя в научном тексте. Такого рода прагматика в принципе свойственна всякому научному тексту. И соображения на тот счет, что бесстрастное, объективное изложение чистых научных фактов, характерное для определенного класса текстов, особенно в сфере точных наук, вовсе лишает такие тексты прагматического аспекта, едва ли можно признать оправданными. Иллюзия прагматической нейтральности таких текстов возникает лишь при сравнении их с текстами с обнаженной прагматикой, такими, например, как тексты стилей, относящихся к сфере массовой коммуникации.

Поскольку нормально всякий научный текст членится также и с тем расчетом, чтобы прежде всего обеспечить оптимальные условия для адекватного восприятия содержащихся в нем научных идей и научной информации, длительная практика написания научных работ, опыт и авторитет крупных ученых, а также регулирующая деятельность издательских органов послужили формированию определенных композиционных моделей научных текстов в различных жанрах научного стиля (статья, диссертация, рецензия и др.), следование которым, с одной стороны, стало непреложным требованием, а с другой, залогом того, что создаваемое речевое произведение получает безусловно научное звучание. Последнее обстоятельство, несомненно, учитывается создателями научных текстов,— опытными, по-видимому, автоматически, а начинающими вполне осознанно; всякий автор заботится и о том, чтобы его научное произведение было таковым не только по сути своей, но и отвечало бы требованиям научного стиля, конкретного жанра и сложившимся в научной среде традициям и соответствующим образом и воспринималось читателем. А *это также аспект прагматики.*

Английские научные статьи, например, публикуемые в специализированных научных журналах, отличающихся выраженной академичностью, таких, как (Quarterly) Journals of..., Proceedings of... различных специальностей, имеют довольно единообразную композиционную структуру: за названием

---

[5] *Givon T.* From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy.— In: Syntax and Semantics. N. Y., etc., 1979, vol. 12 Discourse and Syntax. См. *Бахнян К. В., Герасимов В. И., Ромашко С. А.* Философские проблемы языкознания на международных научных конгрессах и конференциях (1970—1979 гг.): Научно-аналитический обзор. М., 1981. АН СССР ИНИОН, с. 41.

[6] *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, № 4, с. 343.

статьи следует фамилия автора и инициалы, затем приводятся название научного учреждения, с которым он связан, и сведения о прохождении рукописи. Вслед за этим дается краткое (5—20 строк) резюме статьи (Summary). Все это сразу же настраивает читателя на деловой, серьезный лад и дает довольно полное представление о том, что собой представляет статья. Однако такая организация вводно-описательного аппарата статьи вызвана не только установкой на информативность и наиболее рациональную подачу материала, но и рассчитана на то, чтобы внушить читателю уверенность в надежности и объективности сообщаемых сведений. Основной текст статьи распадается на разделы, которые, как правило, нумеруются и, если необходимо, снабжаются заголовками; первый раздел всегда — Введение. Статья, как и всякое другое научное произведение, содержит ссылочный аппарат (References). Весь композиционный строй и состав статьи, таким образом, также отличается очевидной прагматической целенаправленностью.

Вот, например, как выглядит типовая композиция научной статьи в журнале "The Quarterly Journal of Mechanics and Applied Mathematics" (Vol. XXXV, Part 4, November, 1982. Oxford):

Simple Waves in Constrained Elastic Materials

by A. M. Whitworth
(School of Mathematics and Physics,
University of East Anglia, Norwich)
[Received 29 June 1981. Revise 14 Dec. 1981]

Summary (17 строк)

1. Introduction, (Sections) 2, 3, 4, and 5
Acknowledgements
References

Такие же композиционные построения (с незначительными вариациями) характерны и для других научных журналов, таких, например, как The Quarterly Journal of the Royal Astronomic Society (Oxford, London, etc.); "Proceedings of the Royal Society of London. A. Mathematical and physical sciences; The Quarterly Journal of Experimental Psychology" (London, New York, etc.). В последнем композиционная структура статей еще более канонизирована: во всех статьях журнала разделы озаглавлены Experiment I, Experiment II и т. д., а внутри этих разделов наблюдается унифицированная и строго соблюдаемая рубрикация (Method, Results, Discussion, а иногда еще и Material and design, Procedure, Subjects).

Менее жестко регламентированы композиционные требования к статьям в многоотраслевых научных журналах, публикующих материалы, относящиеся к самым различным областям науки, и в силу этого ориентированных уже не на узкий круг специалистов какой-то области, а на более широкие круги, что в принципе свойственно научно-популярной литературе, таких, например, как "Scientific American". Тексты таких статей могут разбиваться на разделы или не разбиваться, снабжаться подзаголовками или нет. Пожалуй, единственной общей композиционной чертой крупных проблемных статей в "Scientific American" является следующий за вполне научным названием статьи подзаголовок-резюме, оформляемый в традициях научно-популярной литературы. Ср. следующие заголовочные комплексы из журнала "Scientific American" (ноябрь 1976):

(1) Convection Currents in the Earth's Mantle

The steady motion of the plates that form the earth's crust is evidence for convection currents on a vast scale. Laboratory studies indicate that there should be smaller currents as well

(2) Repetitive Processes in Child Development

As an infant grows he acquires certain skills, loses them and then acquires them again. How does this phenomenon fit the concept that behavioral growth is roughly comparable to physical growth?

Подобного рода подзаголовки имеют своей целью прежде всего возможно более четко ориентировать читателя в содержащихся в журнале материалах. Однако они играют не последнюю роль и в привлечении внимания читателей, т. е., если пользоваться терминологией некоторых исследователей в области теории журналистики, выполняют рекламную функцию. Это особенно очевидно во втором примере, где вопросительная структура фиксирует внимание читателя: предполагается, что поставленный вопрос заинтересует читателя и в поисках ответа он обратится к тексту. Впрочем, некоторый интригующий момент, хотя не столь явный, присутствует и в первом примере (...there shoubd be smaller currents...), хотя вопрос не оформлен, он имплицирован: есть ли они на самом деле и что они собой представляют?

Собственно научные произведения, рассчитанные на сравнительно узкую аудиторию специалистов, в такой рекламе не нуждаются. Более того, некоторая размытость канонизированной формы научного изложения, свойственная научно-популярным произведениям и находящаяся в соответствии с прагматическими задачами этого рода научной литературы, неизбежно оказывается в противоречии с прагматическими принципами текстов собственно научных работ. В последних значительный объем прагматических заданий выполняется, как уже частично отмечалось, за счет таких факторов, как некоторая регламентация в отношении вербального и невербального оформления научного текста и вспомогательного научного аппарата, развернутая рубрикация, четкость формулировок, изящество доказательств (там, где они имеют место) и органичное соответствие хода изложения и рассуждений основной поставленной цели. Бесспорное воздействие на получателя научного текста, если исходить из специфики науки как продукта интеллектуальной деятельности, может, видимо, оказать то, что рационально, что обращено к разуму; если читатель-специалист, которому, собственно, и адресовано научное произведение, эту рациональность ощущает, он проникается доверием к тексту и к автору, а сформулированные в тексте положения вызывают у него уважение и готовность серьезно их рассматривать. Именно рациональное, рассудочное, в противоположность эмоциональному, скорее всего и воспринимается как подлинно научное; что, однако, совсем не означает, что эмоциональному нет места в научном изложении. Напротив, эмоциональность, как и — шире — экспрессивность ему не чужды, о чем свидетельствуют многочисленные языковые факты и отдельные лингвостилистические исследования, основанные на таких фактах[7]. Примечательно, что в статье С. Маркуса, озаглавленной "Пятьдесят две оппозиции научной и поэтической коммуникации", оппозиция "рациональное — эмоциональное", помещенная во главе списка под № 1, тут же

[7] Ср., напр.: *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи: Элементы эмоционально-субъективной оценки. М., Наука, 1972.

подвергается сомнению: "Оппозиция № 1, хотя ее отстаивает большинство авторов, попросту ошибочна. Существуют эмоции, которые не имеют никакого отношения к поэтической коммуникации" [8].

Впрочем, эмоциональные средства языка, когда они используются в научном изложении, менее всего нацелены на пробуждение каких-либо эмоций у читателя, они как бы рационализируются и выступают преимущественно в качестве эмфатических (по сравнению с интеллектуальными) средств оценки. Само распределение таких средств в научных текстах зависит от ряда факторов, таких в первую очередь, как жанр (диссертация, статья, монография), тип текста (описание, рассуждение, полемика), вид наук (точные, естественные, гуманитарные) и др. Если принять во внимание лишь эти три параметра, вероятность появления эмоциональных языковых средств возрастает в каждом из трех случаев по мере продвижения (в перечислительных рядах в скобках) слева направо.

Математические диссертации, например, не обнаруживают каких-либо эмоциональных характеристик. В целом такое положение вещей характерно и для диссертаций по другим научным дисциплинам. Это и понятно: ведь соискатель ученой степени прежде всего стремится доказать истинность своих положений и выводов, а также соответствие своей работы предъявляемым требованиям, продемонстрировать высокий научный уровень. Отсюда внутренняя установка на научность, естественная и истинная в своих лучших реализациях, когда автор ищет наиболее адекватную форму выражения для научного содержания в соответствии с нормами научного функционального стиля, и ложная и формальная, когда наукообразная форма берет верх над содержанием. Но в целом, надо признать, такое стремление к научности является одним из аспектов глобальной прагматической установки диссертационного текста — убедить в своей правоте, заставить поверить. Для автора диссертации, пожалуй, как ни для кого другого из пишущих на научные темы существенно, чтобы ему поверили, он постоянно вынужден думать о том, что Л. Апостел в своей работе о прагматике естественных языков называет "belief production" [9] (формирование у адресата доверия к сообщаемому). Тексты диссертаций, лишенные, как правило, внешних примет прагматики — средств выражения, обладающих большой потенциальной силой воздействия, в частности эмоционального, заключают в себе, однако, сильное прагматическое начало, реализуемое преимущественно в логико-смысловом и композиционно-синтаксическом планах. Многим диссертациям (в частности, на английском языке) присущи именно эти характеристики. Прагматическая направленность таких научных работ проявляется главным образом в четкости композиции и логике изложения, в рациональном распределении материала по главам и разделам, в целесообразности дальнейшей рубрикации и надежности научного аппарата, в строгости и неизбыточности языкового оформления. Это особенно свойственно работам в области точных и естественных наук.

Показательна в этом смысле, например, диссертация на соискание степени доктора фармакологии "4-Aminopyridine, Clinical Pharmaceutical,

---

[8] *Marcus S.* Fifty-two oppositions between scientific and poetic communication.— In: Pragmatic aspects of human communication/Ed. by *Cherry C.*, Dordrecht — Holland and Boston — USA, 1974, p. 87.

[9] *Apostel L.* Further remarks on the pragmatics of natural languages.— In: Pragmatics of Natural Languages. Dordrecht — Holland, 1971, p. 18.

Pharmacological and Toxicological Aspects" (State University Groningen, 1982). Структура работы как бы отражает саму логику исследования. Основная часть диссертации (насчитывающая, кстати, всего 21 страницу, эквивалентную машинописным) состоит из трех глав: 1. Введение, 2. Исследование, 3. Рассуждения и выводы. Помимо этого, диссертация содержит еще три неравновеликих дополнительных раздела: Ссылки, Резюме и Приложения и дополнения. В последнем разделе, едва ли не в десять раз превышающем объем основной части, представлены многочисленные конкретные исследовательские данные, таблицы, графики и др., описание способов приготовления и использования препарата. Нет необходимости судить о содержательных достоинствах этой диссертации. Что же касается ее прагматической направленности, то она достаточно отчетливо просматривается, в данном случае — в самой композиционной структуре, в способах организации научного аппарата, наконец, в характере языкового оформления, соответствующего в целом нормам английского научного стиля. Язык предельно нейтрален, субъективные оценки, а также какой-либо личностный план практически отсутствуют. Оценки, если и имеют место, то только по поводу объективных свойств самого препарата (One of the most important shortcomings of 4-aminopyridine...). Субъективно-личностный элемент обнаруживается лишь в предпосланном тексту диссертации разделе Acknowledgements, но и здесь автор как бы отчужден (The author is very grateful...; he wishes to thank his promotor; A special word of thanks is for his father...). Оценка обычно рассматривается как наиболее очевидное проявление прагматики, здесь же прагматическим целям служит намеренное исключение оценок из речевого обихода, что призвано, видимо, способствовать созданию эффекта объективности, а для научного произведения это сильный прагматический фактор.

Однако научным произведениям, как известно, в немалой степени свойственны и явные, очевидные формы воздействия, которые можно было бы назвать открытой прагматикой (в отличие от скрытой, о проявлениях которой речь шла выше) и которые находят свое вербальное воплощение главным образом в разнообразных оценочных средствах, более всего лексических и преимущественно экспрессивных — эмоциональных и образных, в выразительных средствах языка и стилистических приемах. Впрочем, на употребление таких прагматически маркированных средств, как уже отмечалось, накладываются определенные жанровые и иные ограничения.

Пожалуй, менее всего регламентированными среди других собственно научных произведений в отношении композиции, синтаксической структуры и используемой лексики, а также средств выражения субъективного отношения и оценки являются монографии (одного автора), где уже сам значительный объем текста предполагает возможность широкого варьирования форм текстового членения, где шире простор для утверждения авторского «я» и для развернутого выражения авторских оценок. Правда, здесь вступают в силу еще и другие ограничения — и прежде всего, ограничения, зависящие от вида науки. Едва ли есть необходимость доказывать, что труды по точным наукам отличаются наибольшей сдержанностью в этом отношении, а по гуманитарным — наибольшей свободой. Также, видимо, совершенно очевидно, что к этим объективно стилевым факторам, определяющим характер научного изложения, в частности степень выраженности его прагматического аспекта, примешивается фактор субъективный, индивидуальный

стиль ученого,— там, где стиль действительно индивидуален. Именно и более всего в крупномасштабных научных сочинениях и проявляется языковая индивидуальность ученого, и размах вариативности здесь достаточно широк даже в рамках одной науки.

Среди трудов по лингвистике работы, характеризующиеся высокой степенью формализации, как правило, меньше тяготеют к открытой прагматике, чем труды более широкого филологического плана. Первые, заимствуя некоторые методы точных наук, естественно, в немалой степени уподобляются вследствие этого трудам по этим наукам и в том, что касается собственно языкового оформления научных идей, достаточно строгого, экономного, в целом экспрессивно нейтрального или отмеченного весьма невысокой степенью экспрессивности. Последние, напротив, характеризуются более значительной полнотой словесного выражения и некоторой избыточностью, большей допустимой мерой экспрессивности и, оставаясь в общем в рамках научного изложения, иногда сближаются с такими, например, литературными формами, как эссе. Впрочем, все это справедливо лишь в общем, инвариантном плане. Конкретные же речевые произведения в своих характеристиках колеблются, как уже отмечалось, по целому ряду параметров, в том числе и прагматических, в значительных пределах.

В широко известной книге Джеффри Лича "Семантика" (*Leech G.* Semantics. L.: Penguin Books, 1977), например, сочетающей в себе элементы формализации и пространного словесного изложения, прагматический аспект достаточно очевиден, и не представляет труда указать разнообразные формы и средства воздействия на читателя, которыми пользуется автор. Прежде всего это тщательно разработанная структура, членение текста на главы и разделы, снабженные соответствующими названиями, завершение большинства глав заключением или резюме, обзор релевантной литературы, библиография, предметный указатель,— все эти привычные характеристики и атрибуты научного произведения впечатляют уже сами по себе. Научности произведения, в лучшем смысле слова, способствуют содержащиеся в работе формулы (достаточно доступные), таблицы и диаграммы,— все это не только несет научную информацию, но и помогает убедить читателя в достоверности и объективности сообщаемых сведений. В немалой степени убеждению читателя способствует и логика авторской аргументации (ср.: ...it may be wondered why... one might argue... All this is true, and yet a linguist may feel entitled to ignore the difference... because he is interested... ...rather than... But the important point is ... and this is surely justifiable...), не говоря уже о прямых оценочных суждениях, содержащихся в некоторых из этих аргументов. В целях воздействия на адресата автор прибегает и к некоторым внешним, формально-лингвистическим приемам. Так, обращают на себя внимание рассчитанные именно на привлечение внимания читателя аллитерированные названия более половины глав ("Meanings of Meaning", "Semantics and Society", "Is Semantics a Science?", "Components and Contrasts of Meaning", 'Semantics and Syntax" и др.) Такое воздействие носит, конечно, чисто внешний характер (но его намеренность несомненна); и если говорить о ступенях или стадиях воздействия, это воздействие низшей, начальной ступени: это еще не убеждение читателя (belief production), а лишь целенаправленная подготовка к нему. В противоположность этому, на высоких ступенях воздействия находятся непосредственные средства убеждения, в первую очередь средства оценки, а также экспрессивные средства языка, использование которых делает возможными фиксацию

внимания там, где это необходимо в целях оценки и убеждения, высвечивание определенных смысловых моментов в плане «приоритетных стратегий». Лич нередко прибегает и к использованию языковых средств оценки (как интеллектуальных, выражаемых денотативным значением слова, так и эмоциональных) для оформления оценочных суждений. Ср. напр., "...the *most influential* book on language to be published between the wars..." (p. 2); "...the solution of problems of meaning, thought and communication as a *potential cure-all for the ills* of modern society". (p. 2); «His conclusion, *not surprisingly,* sounded a pessimistic note, which turned out to be *the virtual death-knell* of semantics in the USA" (p. 3). Метафора death-knell в последнем примере имеет отчетливо оценочную — т. е. в конечном счете прагматическую — направленность. С другой стороны, как известно, метафора в научном сочинении может служить и иным целям — целям познавательным, целям раскрытия сущности явлений; ср.: «...a "dead metaphor" is one which has gone all the way towards complete assimilation as a separate definition of the word concerned ... On the other hand, there are many metaphors which are "moribund" rather than dead...» (p. 213). Ставшее термином словосочетание dead metaphor, само основанное на мертвой метафоре, влечет за собой по ассоциациям смежности метафору moribund, и таким образом образуется развернутая метафора; но суть ее не в живописно-образных возможностях развернутой метафоры и не в оживлении стертого образа в терминологическом словосочетании dead metaphor, а в эвристической силе метафоры moribund, предельно экономно и в то же время исчерпывающе раскрывающей сущность явления, которое здесь впервые получает номинацию и таким образом достаточно определенно вычленяется в ряду смежных явлений (genuine metaphor, dead metaphor и др.) Однако и такая «познавательная» образность не лишена нередко и значительной прагматической силы. Разнообразные образные построения, в том числе и развернутые, используются и для вспомогательных целей,— например, оживления научного изложения (также элемент прагматики). Ср. (описывая стереотипные формы выражения, в частности метафорические, Лич именует их packages, prepackaging): "The packages ... are like paper currency..." (p. 38), и тремя страницами ниже: "...the overexercise or exploitation of the prepackaging aspect of language can lead to a debasement of the linguistic currency ... to restore the currency to its full value, and to resist the natural tendency to devaluation" (p. 41). Или: "Because of the Babel of competing linguistic stimuli we stop our ears, like people standing in a market place where every stall-keeper is shouting at the top of his voice" (p. 42). И если в первом примере развернутый и весьма рассредоточенный в текстовом пространстве образ обнаруживает, кроме всего прочего, оценочные компоненты (debasement, devaluation), а также текстообразующие свойства (он объединяет два противопоставленных раздела "The Anti-Creative Tendency in Language: "Jargonisation" и "Creativity (2): The Semantic "Alertness" of Good Prose"), то во втором образность носит откровенно орнаментальный характер, хотя, конечно, внимательный читатель отметит стилистически значимые смысловые связи между Babel (ср. обычное a babel of voices) и shouting at the top of his voice.

Склонность к орнаментальной образности в научных сочинениях — явление нередкое, но в принципе индивидуальное, поскольку в чистом виде она, как правило, не является функционально мотивированной, она факультативна и чаще всего избыточна. И тем не менее ее не всегда

удается избежать даже специалистам. Весьма курьезным представляется, например, что при переиздании книги Уильяма Странка «Основы стиля» (*Strunk W., Jr., White E. B.* The Elements of Style. Second edition. N. Y.; 1972) его посмертный редактор и соавтор Уайт, который вслед за Странком провозглашает такие заповеди, как Omit needless words (избегай лишних слов), Do not overwrite (избегай пышного слога, украшательства), Use figures of speech sparingly (не злоупотребляй фигурами речи), сам впадает в этот грех и во Введении, написанном им, прибегает к таким, например, образам: "...amplification has reared its head in a few places in the text where I felt an assault could successfully be made on the bastions of brevity...", "...these rules and principles are in the form of sharp commands, Sergeant Strunk snapping orders to his platoon..."; "He had a number of likes and dislikes that were almost as whimsical as the choice of a necktie..."; "Will felt that the reader was in serious trouble most of the time, a man floundering in a swamp, and that it was the duty of anyone attempting to write English to drain this swamp quickly and get his man up on dry ground, or at least throw him a rope". (p. VIII, XI, XII). Принцип "Do not overwrite", да и другие упоминавшиеся принципы здесь явно нарушены. Автор, конечно, достигает немалой силы воздействия, но едва ли желаемого.

Нет возможности в сравнительно небольшой статье привести примеры описываемых явлений из многочисленных и разнообразных научных сочинений разных областей знания и разных авторов. Пожалуй, в этом нет и необходимости, поскольку степень насыщенности научных произведений средствами выражения оценочности и экспрессивности — ведущими проводниками прагматики — колеблется в достаточно широком диапазоне; и нет никакой уверенности в том, что научное произведение, посвященное, например, проблемам стилистики, будет непременно изобиловать стилистическими средствами воздействия, эмоциональными, образными и другими (ср. напр., "Стилистику" Тэрнера — *Turner G. W.* Stylistics. L.: Penguin Books, 1977), и что, напротив, трудам, например, по биологии, химии или физике такие средства вовсе чужды. Хорошо известно, что авторы работ в области этих естественных наук нередко такими средствами пользуются [10].

В целом же представляется уместным повторить, что степень эксплицитной выраженности прагматики научного текста действительно зависит от области научного знания, но также не в меньшей, а может быть, и в большей мере от таких параметров, как жанр, тип текста, его конкретная коммуникативная задача и, наконец, языковая индивидуальность автора (фактор переменный, но не считаться с ним вовсе было бы нецелесообразно) [11]. При этом прагматическое содержание научных текстов выражается как вербальными, так и невербальными средствами, и структурно-композиционные факторы, а также традиционные приемы оформления научных сочинений играют здесь не последнюю роль.

---

[10] См., напр., *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи; *Она же.* Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование. М.: Наука, 1978.

[11] Этот достаточно очевидный вывод подкрепляется обширными наблюдениями исследователей научного функционального стиля (даже если соответствующие явления и не рассматривались ими непосредственно в ракурсе и в терминах прагматики), описанными в многочисленных работах, в частности опубликованных в тематических сборниках АН СССР, посвященных языку науки, таких,

З. Я. ТУРАЕВА

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Изучение темпоральной структуры текстов различных функциональных стилей и их временной соотнесенности с внеязыковой действительностью раскрывает новые грани различий между текстами, принадлежащими к художественной литературе, научной прозе, деловым бумагам и т. д.

Под темпоральной структурой текста будем понимать сеть отношений, связывающую языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью. Для понимания вариативности времени, моделируемого в различных текстах, важно учитывать помимо темпоральной структуры их временную соотнесенность с внеязыковой действительностью. Различия в темпоральной структуре и временной соотнесенности с миром реалий затрагивают онтологический статус текста, особенности создаваемой в нем гносеологической ситуации и характер используемых языковых средств.

Любой текст как некий материальный объект существует в реальном времени и пространстве. Однако это внешний аспект по отношению к тексту как произведению речи и произведению искусства. Каждый текст представляет собой воплощение определенного духовного содержания. Оно реализуется в особом времени и пространстве. Именно здесь начинаются различия между художественными и нехудожественными текстами.

Идеальная сторона научного текста реализуется в концептуальном времени. Идеальная сторона художественного текста, мир образов, создаваемых в нем, реализуется в художественном времени. Концептуальное время есть отражение реального времени на уровне концептов, т. е. модельное отображение вне нас существующей реальности [1]. Художественное время не есть непосредственное отображение реального времени. Это образная модель действительности. Концептуальное время общезначимо и свободно от субъективного восприятия временем индивидуумом. Художественное время характеризуется переплетением свойств реального, перцептуального и индивидуального времени [2]. В научных текстах воплощается индивидуальный опыт и моделируется обобщенная ситуация. В художественных текстах сочетается отражение объективного мира (иерархическое, незеркальное, непрямое) и вымысел.

Различия между концептуальным временем, моделируемым в текстах научной прозы, и художественным временем заключаются и в точке отсчета, в иной временной соотнесенности с экстралингвистической действительностью. Определяющим в структуре временных отношений, передаваемых

например, как статьи Мальчевской Т. Н., Разинкиной Н. М. (В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: «Наука», 1976); Васильева Ю. А., Швецовой О. А. (В кн.: Стиль научной речи. М.: «Наука», 1978); Глушко М. М. (В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., «Наука». 1979); Славгородской Л. В., Терешкиной Р. К. (В кн.: Лингвостилистические особенности научного текста. М., «Наука, 1981); Троянской Е. С. (В кн.: Язык и стиль научного изложения: Лингвометодические исследования. М.: «Наука», 1983) и др.

[1] *Мостепаненко А. М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л.: Наука, 1969, с. 5 и сл.

[2] См. подробнее: *Тураева З. Я.* Категория времени: Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979, с. 14 и сл.

текстами научной прозы, является их ориентированность на грамматический момент речи, который представляет собой отражение в языке внеязыкового момента речи (за знаком стоит объективная реальность). Художественное время ориентировано на некую условную точку отсчета (векторный нуль) — за знаком нет конкретной реальности. Видо-временная система глагола в художественном тексте не имеет непосредственного отношения ни к одному из эмпирических временных планов.

Структура концептуального времени научных текстов представляет собой сочетание статики (описание неких всевременных истин, инвентаризация правил и законов) и динамики (описание эксперимента, объекта в действии). В каждом случае используется определенный репертуар языковых средств. При передаче всевременных истин преобладают формы настоящего постоянного, формы пассива (агенс действия может не упоминаться). При описании процесса используются разнообразные языковые средства — различные варианты форм настоящего и прошедшего, формы актива и др.

Структура художественного времени отличается многообразием и сложностью [3]. Соотнесенность идеального мира эстетической действительности с миром реалий может быть определена лишь на уровне текста. Это является убедительным доказательством того, что категория времени должна рассматриваться как категория текста (КТ), кардинальные особенности которой нельзя выявить на уровне предложения.

Различия в темпоральной структуре научных и художественных текстов определяют выбор языковых средств, их вариативность и иерархию. Обратимся к текстам научной прозы:

«В основе содержательно-подтекстовой информации (СПИ) лежит способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях, или, применительно к нашим задачам, к восприятию двух разных, но связанных между собой сообщений одновременно.

Такая способность особенно отчетливо проявляется при чтении художественных произведений, в которых, как неоднократно указывалось, содержательно-концептуальная информация лишь опосредованно выявляется в содержательно-фактуальной. Наука о языке уже выработала ряд приемов, таких, как метафора, метонимия, ирония, перифраз, сравнение и другие, с помощью которых происходит реализация указанной способности.

В значительной степени эта способность человеческого мышления предопределяет сущность эстетического восприятия художественного произведения, выраженного средствами языка. Сквозь языковую ткань в нем просвечивает основная мысль — содержательно-концептуальная информация, которая не только заглушает содержательно-фактуальную, но сосуществует с ней» (И. Г., с. 40).

В тексте, приведенном выше, употребляется абстрактное настоящее, тот его вариант, который А. В. Бондарко определяет как настоящее потенциальное — *лежит, проявляется, выявляется, предопределяет, просвечивает* и др. Именно эта наиболее нейтральная, немаркированная временная форма образует грамматическую доминанту текста и определяет его временную ориентацию. Действия, передаваемые формой абстрактного настоящего, характеризуются относительно неопределенной локализованностью во времени [4]. В данном контексте эта форма перемежается с формой прошедшего

[3] *Тураева З. Я.* Указ. соч., с. 43.

[4] *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971, с. 68.

времени несовершенного вида: *неоднократно указывалось* и формой прошедшего времени совершенного вида: *выработала.*

Движение видо-временных форм обеспечивает связность текста, логику изложения. В создании темпоральной структуры научного текста организующая роль принадлежит глаголу [5]. Ведущая роль глагола в иерархии языковых средств, передающих временные отношения, соответствует основным признакам стиля научной прозы — стереотипности языковых средств, логичности и эксплицитности изложения [6]. Как известно, ядром функционально-семантической категории (ФСК) темпоральности является микросистема видо-временных форм как наиболее специализированное средство выражения временных отношений в языке. Периферия представлена лексическими показателями времени, формами косвенных наклонений, сочетанием инфинитива с модальными глаголами. В иерархии языковых средств, используемых для выражения временных отношений в стиле научной прозы, мы не находим отклонений от языковой традиции.

Семантическая функция выражения темпоральных отношений объединяет в этом отрывке элементы различных уровней. Так, в лексическом значении глагола *предопределяет* есть элемент потенциальной отнесенности действия к будущему без точной локализации действия во времени. Таким образом, здесь наблюдается проекция в текст существующих в языковой системе средств выражения темпоральности — грамматических и лексических. Эти языковые единицы в тексте взаимодействуют с явлениями, в которых временное значение индуцируется контекстом. В результате взаимодействия явлений, относящихся к разным уровням языка, значимым оказывается сопоставление видо-временных форм со структурой предложений. Кратносоотносительное значение потенциально присутствует в обстоятельственных словах "при чтении художественных произведений" (обратим особое внимание на сигнал повторяемости действий — множественное число). Оно присутствует и в развернутом дополнении "ряд приемов, таких, как метафора, метонимия...", выполняющем ту же функцию.

Участие различных элементов в создании темпоральной структуры текста позволяет говорить о полевой структуре поля времени как онтологическом признаке текста. Она в основном повторяет структуру ФСК темпоральности. Рассмотрим еще один образец научной прозы:

Before we can analyse the different strata of a work of art we shall have to raise an extremely difficult epistemological question, that of the "mode of existence" or the "ontological situs" of a literary work of art (which for brevity's sake we shall call "a poem" in what follows). What is the "real" poem; where should we look for it, how does it exist?

To the question what and where is a poem or rather a literary work of art in general several traditional answers have been given which must be criticized and eliminated before we can attempt an answer of our own. One of the most common and oldest answers in the view that a poem is an "artefact", an object of the same nature as a piece of sculpture or a painting. (R. W., A. W., p. 32)

---

[5] *Рейман Е. А.* Организующая роль глагола в предложениях художественных и научных текстов: (на материале английского языка).— В кн.: Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М.: Наука, 1980, с. 17 и сл.

[6] *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы. М.: Наука, 1978, с. 14 и сл.

Основной каркас этого текста составляют рассуждения авторов об онтологическом статусе словесного произведения искусства. Грамматической доминантой является семантический вариант настоящего индефинитного (НИ), который мы определяем как НИ постоянное. Помимо этой формы в тексте встречаются формы настоящего перфектного и будущего индефинитного.

Формы времени находятся в полном соответствии с глубинным смыслом. Анализируемый фрагмент текста характеризуют предельная обобщенность, формулирование положений, носящих характер закономерности. Моделируется типичное, а не уникальное. Отсюда и употребление наиболее нейтральной, немаркированной формы. Она передает нелокализованность во времени, панхроничность, проявляющуюся в отсутствии ориентации на векторный нуль при включении его в общую протяженность действия. Вместе с тем анализируемый отрывок содержит элементы индивидуализации, которые неизбежно влекут за собой иное языковое оформление. Они отмечены свободой обращения и с видо-временными формами, использованием менее стереотипных языковых средств, меньшей безличностью.

Поле времени создается в основном видо-временными формами, которые, как наиболее специализированное и частотное средство, составляют ядро поля темпоральности. Вместе с тем реализации значения всевременности способствуют и другие элементы контекста: а) субъект неконечной временной данности, выраженный существительным в обобщенном значении — mode of existence, a literary work of art и другие абстрактные существительные, передающие обобщенный характер субъекта, доминируют в приведенном фрагменте текста; б) составное именное сказуемое как одно из средств выражения постоянного признака: What is the real poem? A poem is an "artefact"; в) лексические единицы, в семантической структуре которых потенциально присутствует признак всевременности в силу их абстрактного значения — epistemological question, ontological situs.

Сравнение словесного искусства с живописью и скульптурой также имплицирует вневременной характер описываемых явлений. Морфология искусств определяет графику, живопись, скульптуру как искусства пространственные, "выключенные" из потока времени. Они противопоставляются произведениям словесного искусства, бытие которых процессуально.

Полевой подход целесообразен, когда он определяется онтологическими свойствами изучаемого объекта. При изучении темпоральной структуры текстов научной прозы мы обнаружили взаимодействие единиц различных уровней, объединенных по функциональному и семантическому признаку. Это делает правомерным использование теории поля. Полевая структура категории времени в научной прозе повторяет структуру ФСК темпоральности.

Переходя к обсуждению художественного текста, уместно вспомнить высказывание Ф. Данеша и К. Гаузенбласа о том, что в построении текста помимо языковых средств участвуют и другие средства, называемые ими тектоническими. Этот термин охватывает разные способы и приемы использования языковых, параязыковых и тематических средств. Они не обладают всеобщностью грамматических средств, их использование зависит от частных условий коммуникации [7].

[7] *Данеш Ф., Гаузенблас К.* Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств.— В кн.: Единицы разных уровней языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969, с. 9.

ФСК, выделяемые традиционно в языке, относятся к языковому миру, интегрирующему логический и лингвистический мир. Категории художественного текста относятся к эстетическому миру идеальной действительности.

Категории, выделяемые в научных текстах, отличаются от категорий, выделяемых в художественных текстах, по номенклатуре и по характеру средств, участвующих в их формировании. Так, например, для научной прозы нехарактерна категория подтекста. Она обнаруживается лишь в художественных текстах. Средствами выражения категорий научного текста, так же как средствами выражения ФСК, являются грамматические и лексические средства. Средствами выражения категорий художественного текста, наряду с системой лексических и грамматических средств, могут быть стилистические приемы, реалии, композиция текста.

В отличие от ФСК (темпоральности, залоговости, персональности) категории художественного текста не обязательно используют морфологические категории в качестве ядра своей структуры. Зависимости здесь более сложные, гибкие, подвижные. Между категориями художественного текста и категориями научного текста полного изоморфизма нет.

Сравним ФСК темпоральности и категорию художественного времени. Основная антиномия между художественной и нехудожественной литературой, заключающаяся в противопоставлении неповторимости штампу, уникальности художественной формы консерватизму языковых средств, индивидуального системному, имплицитного эксплицитному [8] проецируется и на категории текста, в частности, на категорию художественного времени.

В повести Ч. Айтматова "И дольше века длится день" [9] используются два метода представления действительности — реалистический и фантастический. Переключение из одной временной и пространственной плоскости в другую, перенос действия с маленького полустанка в космическое пространство осуществляется не с помощью видо-временных форм (их репертуар ограничен), а с помощью композиции, графических средств (отбивки, разные типы шрифтов) и лексической системы.

Какова здесь иерархия средств выражения художественного времени? Какие из них следует отнести к ядру, какие к периферии? Известны следующие критерии выделения ядра: максимальная концентрация признаков, характеризующих функционально-семантическое поле, участие в наибольшем числе оппозиций, максимальная функциональная нагрузка, наибольшая специализированность данного средства для реализации определенной семантической функции, регулярность и частота употребления [10].

Для определения ядра категории художественного времени необходимо обратиться к качественным особенностям художественного времени, так как они помогут определить наиболее специализированные средства выражения этой категории.

Качественные свойства художественного времени, отличающие его от других пространственно-временных форм, были описаны нами ранее [11]. Назовем лишь некоторые из них: многомерность, обратимость, упорядочен-

[8] *Разинкина Н. М.* Указ. соч., с. 13 и сл.
[9] *Айтматов Ч.* И дольше века длится день.— Новый мир, 1981, № 11.
[10] *Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и аспектуальность в русском языке).— ВЯ, 1967, № 2, с. 23 и сл.
[11] *Тураева З. Я.* Указ. соч., с. 13—30.

ность и др. Они определяют качественное отличие художественного времени от концептуального, создаваемого в текстах научной прозы. Их своеобразие обусловливает и инвентарь средств, участвующих в создании темпоральной структуры художественного текста, их вариативность и иерархию. Обратимся к рассмотрению языковых средств, участвующих в формировании категории художественного времени, как КТ. Вернемся к повести Ч. Айтматова. Ядром здесь выступает лексическая система (языковые средства) и композиция произведения (экстралингвистические средства).

К ядру поля художественного времени следует отнести и заголовок. Он может быть раскрыт только в том случае, если читатель знает, что это аллюзивная цитата — строка из стихотворения Б. Пастернака "Единственные дни" [12].

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

. . . . . .

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятие.

Лишь рассмотренное в контексте всего стихотворения название приобретает подлинную значимость, раскрывает ту силу обобщения, которую вкладывал автор в свое творение. Сочетание индивидуализации и генерализации, неповторимости созданных образов и их бесконечной повторяемости раздвигает рамки художественного времени и играет определяющую роль.

Вариативность средств выражения художественного времени, их порождение текстом наблюдаем в рассказе М. Спарк "Портобелло Роуд"[13]. Рассказ характеризует сложная архитектоника, которая находит выражение и в структуре таких КТ, как художественное время и пространство, в их полифонии. Форма рассказа необычна. Повествование ведется от лица женщины, убитой пять лет назад другом детства. Столкновение двух планов — мистического и обыденного, ирреального и реального — основной каркас художественного времени. Видо-временные формы не играют главной роли в создании полифонии художественного времени. Напротив, их семантика вступает в противоречие с членением текста на два плана — ирреальное и реальное. План реального подается как давно прошедшее, а небытие как некое настоящее (в каждом из этих пластов выделяются различные временные наслоения). Такая подача ирреального приближает именно этот план к авторскому и читательскому времени, создавая условное «сейчас» героини.

Приведем несколько примеров из плана ирреального (сюжетное настоящее): I take my recreation on Saturday mornings. If it is a wet Saturday I wander up and down the substantial lanes of Woolworth's as I did when I was young and visible (M. S., p. 182). Наиболее частотной формой является форма НИ кратного: I hear the tinkling tills, I hear the jangle of loose change and tongues and children wanting to hold and have (Ibid., p. 183).

[12] *Пастернак Б. Л.* Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1977, с. 405.

[13] *M. Spark.* The Portobello Road.— In: The Public Image. Stories. M.: Progress Publishers, 1976.

Употребление наречия ago также подтверждает то, что точкой отсчета, условным настоящим является небытие: I did not see George again till just before my death, five years ago (Ibid., p. 192). Художественное время моделируется с помощью комплекса взаимодействующих средств различных уровней: композиции, лексической системы, разного рода повторов, стилистических приемов и пр.

Лексические средства можно подразделить на две группы: система темпоральной лексики, передающей временные отношения эксплицитно и регулярно в своем первичном кодовом значении, и лексические средства, лишь имплицитно сигнализирующие отнесенность к тому или иному временному плану. Эти лексические единицы приобретают темпоральное значение только в данном контексте. Так, на отнесенность к плану, где доминантой является мистическое начало, указывают такие слова-сигналы, как phantom, ghost. В передачу временных отношений включаются и средства выражения пространственной локализации: имена собственные, связанные с местами беззаботного детства — Highlands, мужания — Africa, London, убийства и встречи с убийцей — Portobello Road и др. Такие ключевые слова, как phantom, ghost, могут не только служить индикаторами отнесения повествования к одному из временных пластов, но и служить связующим звеном: As I wandered through that part of the house which was in use, ...I was not conscious that I, Needle, was taking up any space at all. I might have been a ghost (Ibid., p. 196).

Темпоральная часть лексической системы используется в качестве прямого наименования. Другая часть словаря, участвующая в передаче временной перспективы, представляет собой вторичную номинацию, тот ее способ, который, по нашему мнению, следует классифицировать как косвенную вторичную номинацию[14]. Это номинации, обусловленные контекстом (ср. с синтагматически обусловленными номинациями, о которых писал В. Г. Гак)[15]. Рассматриваемые нами случаи употребления лексики, номинации несвободные, зависимые. В лексическом значении перечисленных выше слов значение темпоральности не присутствует. Оно индуцируется данным контекстом. Однако информация, которая содержится в каждом из этих слов в системе, способствует появлению у них несобственной номинативной функции. Включаясь в передачу нового для них коммуникативного задания, они опосредованно выражают значение временной отнесенности. Назовем эту номинацию опосредованной, контекстуально связанной, контекстуально обусловленной вторичной номинацией [16].

Между прямым и опосредованным значением имени существует функциональная связь. Основное значение является своего рода опорным наименованием. Смысл и денотация при опосредованной номинации функционально связаны со смыслом другого имени. Признаки опосредованной номинации: 1) контекстуальная связанность; 2) имплицитность; 3) способность включать в основное значение семы из слабовероятностного импликационала; 4) опосредованность отнесения к сфере денотации.

---

[14] *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды.— В кн.: Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977, с. 131.

[15] *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972, с. 373.

[16] Ср. комбинаторно-лексическую связанность, о которой писал В. В. Виноградов («Основные типы лексических значений».— ВЯ, 1953, № 5, с. 16).

Морфологические средства — видо-временные формы, которые создают фон. Они подчинены композиции, основному замыслу, столкновению мистики и реальности, контактности и дистантности, разобщенности и неразобщенности с временем авторским и читательским, с "сейчас" и "тогда". Использование форм настоящего для описания небытия имплицирует нарочитое смещение временных пластов: небытие ближе, чем бытие, данное в реминисценциях.

Художественному времени принадлежит важная роль в организации художественного текста, в установлении связей между частями целого. Оно создает общность различных фокусов. С этой точки зрения интерес представляет анализ дистантного повтора:

We look lovely (на фотографии в детстве.— *З. Т.*) and it was a great day at the time but I would not care for it all over again (Ibid., p. 180). ...I don't think we were any of us so lovely as we look in it, each reflecting fearlessly in the face of George's camera the glory of the world, as if it would never pass (Ibid., p. 204).

Повтор осуществляет синтез двух временных пластов — периода юности и зрелости. В их объединении раскрывается разрушающая сила времени, которое обнажает жестокость и лицемерие, низкие помыслы, скрытые страсти. Совокупность атомарных смыслов создает смысловую завершенность, временное единство, объединяющее "сейчас" и "тогда". Глубинный смысл текста связан с понятием времени. Время не только изменило внешность изображенных на фотографии подростков. Оно обнажило тленность, преходящий характер юношеской чистоты и верности. Оно показало, что мир, в котором они жили тогда, был всего лишь миражем. Высокая степень имплицитности, малое число показателей, за которыми в системе закреплено значение времени, обусловливает возможности разного истолкования, разного восприятия художественного времени в зависимости от тезауруса читателя, от понимания импликаций, которые, однако, ограничены текстом. Выявление механизма создания художественного времени, степени его имплицитности и эксплицитности обнаруживает его соотнесенность с другими КТ — информативностью, подтекстом и др.

Выше говорилось о том, что правомерность использования теории поля при описании КТ и, в частности, категории художественного времени обусловливается участием в передаче временных отношений в тексте разноуровневых единиц, объединенных общностью семантических функций.

Однако перенесение понятия полевой структуры на КТ связано с целым рядом сложностей. Основная из них заключается в определении иерархии средств выражения, в определении ядра и периферии поля. Для отнесения того или иного средства к ядру или периферии необходимо выявить признаки членов этого противопоставления. Как говорилось выше, полного изоморфизма между ФСК и категориями художественного текста не существует.

Бесконечная вариативность художественного текста, уникальность формы, несущей эстетическую информацию, приводит к тому, что основным средством выражения той или иной категории, относящимся к ядру поля, не обязательно является наиболее частотное средство, как это имеет место в ФСК и категориях научного текста.

Из приведенных выше примеров было видно, что при формировании категории художественного времени доминантой, переключателем из одной временной плоскости в другую, как правило, являются не видо-временные

формы, а лексическая система, стилистические приемы, композиция и другие средства.

Исследование полевой структуры КТ должно идти по пути выявления функциональной нагрузки элементов в каждом конкретном тексте (художественный текст неповторим), должно учитывать их роль в формировании смысла текста, степень интеграции их текстом. При исследовании художественного времени требуется соотнесение качественных свойств художественного времени с языкобыми средствами выражения.

Названные выше свойства художественного времени — одномерность/многомерность времени, динамичность/статичность, разнонаправленность и другие не являются теми специфическими признаками, которые характеризуют видо-временные формы. Таким образом, оставаясь наиболее частотным и регулярным средством передачи временных отношений, они лишены ряда других признаков, которые характеризуют ядро ФСК и КТ, таких как концентрация специфических признаков, участие в максимальном числе оппозиций.

Анализ свидетельствует, что полевая структура, наблюдаемая в художественном тексте, далеко не во всех своих проявлениях соответствует модели, выявляемой в языковой системе и в текстах научной прозы. Стремление к системному описанию фактов объясняет попытку экстраполяции такого подхода на категории текста. Однако в силу особенностей художественного текста основная функциональная нагрузка здесь падает на средства отнюдь не обязательно частотные. Признак частотности оказывается нерелевантным для категорий художественного текста. Это одно из основных различий между структурой поля ФСК и категориями научной прозы, с одной стороны, и полевой структурой категорий художественного текста, с другой. Доминантой поля категорий художественного текста могут быть стилистические приемы как носители основной информации, как та материальная форма, в которой закодированы образы. Они способствуют множественной интерпретации, которая также есть признак произведения искусства. И, наконец, они способны передавать основные качественные свойства художественного времени.

Некоторые из сформулированных выше положений проиллюстрируем на примере стихотворения А. Вознесенского "Гойя".

Я — Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворог,
слетая на поле нагое.
Я — Горе.
Я — голос
Войны, городов головни
на снегу сорок первого года,
Я — голод,
Я горло
повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...
Я — Гойя!
О грозди
Возмездия! Взвил залпом на Запад
я пепел незванного гостя!
И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —
Как гвозди.
Я — Гойя [17].

[17] *Вознесенский А. А.* Ахиллесово сердце. М.: Худож. лит., 1966, с. 257.

Стихотворение говорит о таинственной связи времен, о сходстве множества человеческих судеб.

Особое осмысление исторического времени (в этом заключается основная мысль стихотворения) проецируется на средства выражения художественного времени. В полевую структуру категории времени вовлекаются почти все составляющие текста. Для установления их иерархии начнем с уровня слова, хотя необходимо отметить, что строгое разграничение различных уровней далеко не всегда возможно в силу пересечения в одной единице разных явлений. Ведущим в стихотворении является слово *Гойя*, которое в данном контексте из разряда индивидуализирующих, в терминологии А. А. Уфимцевой (имя собственное), переходит в разряд характеризующих (имя нарицательное). И в первичном, и во вторичном кодовом значении, порожденном текстом, имя выполняет дополнительную функцию: служит сигналом объединения разных временных планов. Оно становится именем собирательным, именем-символом, обозначающим совесть и честь художника во все времена. Вспомним строки из другого произведения этого же поэта: *Художник первороден, всегда трибун. В нем дух переворота, и вечно — бунт*![18] Таким образом, формирование художественного времени связано с актуализацией определенных образов, приобретающих значение символов в результате нахождения сходного в несходном, в результате реализации способности слова, формы, словосочетания вступать во взаимодействие с другими языковыми элементами, вызывать множество ассоциаций.

Художественное время моделируется на основе сопряжения денотативных, коннотативных и ассоциативных значений слова. Однако значение слова *Гойя* этим не исчерпывается. Оно конкретизируется, так как в нем заключена аллюзия. Автор отсылает нас к истории искусств, к истории вообще, исходя из пресуппозиции общего знания у поэта и читателя. Ассоциативный ряд тянется к офортам "Бедствия войны", созданным Гойя в начале прошлого века, в период вторжения наполеоновских войск в Испанию. Офорты вызывают в нашем сознании освободительную войну испанского народа против Наполеона. Перед нами встают в офортах Гойи голые холмы, пожары, горы трупов. Лаконичность поэтической манеры Вознесенского, сжатость и страстность устанавливают сходство с офортами [19].

Одновременно происходит разрушение временного ряда, соположение событий недалекого прошлого — война СССР с гитлеровской Германией и войны Испании против Наполеона. Обратимость времени, ретроспекции, разнонаправленность — вот те специфические качества художественного времени, в передаче которых участвует слово *Гойя*. Как мы видели, оно одновременно является аллюзией и компонентом повтора, т. е. входит в уровень СП. Повтор служит рефреном, соединяющим воедино разные смысловые и временные центры — ужасы прошедшей войны, ужасы испанской войны, ужасы всякой войны.

Слово *Гойя* занимает ведущее место в иерархии средств выражения художественного времени и может быть отнесено к ядру поля. Основанием для этого является на уровне содержания — передача качественных свойств художественного времени — обратимости, разнонаправленности; на уровне

---

[18] *Вознесенский А. А.* Мастера.— В кн.: Дубовый лист виолончельный. М.: Худож. лит., 1975, с. 561 и сл.

[19] Трактовка некоторых реалий предложена Атлас А. З.

выражения — конвергенция СП [20]. Конвергенция СП несет большую функциональную нагрузку. Эти особенности следует учитывать в поисках новых критериев вычленения ядра и периферии.

Далее вспомним, что одним из критериев отнесения того или иного явления к ядру или периферии поля считается степень его интегрированности текстом. Будем различать два типа интеграции — информационную и структурную [21]. Для художественного текста (термины предложены для научной прозы) целесообразнее использовать термин "смысловая". Смысловая интеграция обеспечивает содержательное единство текста. Структурная интеграция подчинена смысловой и обеспечивает существование текста как лингвистического целого. Проведенный выше анализ реализации как системных, так и контекстуально-обусловленных значений у слова *Гойя*, их взаимодействие, подкрепленное структурной организацией, свидетельствует о полной интегрированности этих явлений текстом.

Важную роль для осмысления времени, моделируемого в стихотворении, играет еще одна аллюзия: *О грозди Возмездия*! *Взвил залпом на Запад я пепел незванного гостя.* Эти строки отсылают нас к одному из эпизодов борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией начала XVII в. Спасаясь от гнева народного, самозванец Лжедмитрий пытался бежать и был убит. Труп его был предан сожжению. Пеплом зарядили пушку и выстрелили из нее в том направлении, откуда пришли враги [22].

Конкретный исторический факт воспринимается как символ возмездия, как символ победы над любым врагом, который посягнет на нашу землю. Эта аллюзия не столько реконструирует конкретный исторический факт, сколько превращается в символ, приобретает всевременность. Таким образом, она передает одно из свойств художественного времени, которое не есть время календарное.

На уровне выражения мы наблюдаем здесь стечение ряда стилистических приемов: помимо аллюзии, в строчки вплетена метафора — *грозди Возмездия*, полуотмеченная структура — *Взвил залпом... я пепел...* , паронимическая аттракция — повтор звукокомплексов *-зд*, *-зм*, *-зв*, настойчивая аллитерация звука *з*, графические средства (заглавные буквы). Все сказанное позволяет отнести и эту аллюзию к ядру поля. Добавим, что в этом пучке стилистических приемов наблюдается сочетание двух типов интеграции — смысловой и структурной. Под интеграцией будем понимать не только процесс, но и результат объединения компонентов, частей текста в единую сложную систему, в некое единство высшего ранга. Возникновение этого единства в поэтических текстах есть результат слияния информации, которая может быть «разлита в ряде образов, ассоциаций, смутных представлений, нераскрытых, а подчас едва намеченных связях явлений»[23].

К ядру поля художественного времени относятся и строки *Глазницы воронок мне выклевал ворог, слетая на поле нагое.* Они несут большую

---

[20] См. напр.: *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981, с. 62—63.

[21] *Чулкова В. С.* Проблема интеграции научного текста.— В кн.: Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М.: Наука, 1980, с. 40.

[22] *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII— XVIII в.: Вопросы истории, 1969, № 3, с. 136.

[23] *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981, с. 126.

функциональную нагрузку в силу конвергенции стилистических приемов, использованных здесь. Помимо метафоры *глазницы воронок*, которая не представляет особого интереса, заслуживает внимания употребление слова *ворог*, которое здесь как бы замещает ожидаемое *ворон* (ср. русский народный эпос — клюющий очи ворон). Слово *ворон* программирует и иной ряд ассоциаций, а следовательно, и иной временной ряд — фашистский самолет, прозванный в народе "ворон", "стервятник". Можно предположить, что в контексте реализуются одновременно как бы оба слова, вызывая образ изрытого бомбами поля (вторая мировая война) и картину смерти и разрушения (всякая война). Вместе с тем особый акцент падает на временной ряд, ассоциируемый с войнами, который издревле вел русский народ с завоевателями. Этому способствует устаревшее *ворог*.

И здесь мы руководствуемся теми же критериями при отнесении того или иного явления к ядру поля: передача основных свойств художественного времени (разрушение временного ряда, разомкнутость времени, обратимость), стечение в одной точке текста нескольких СП, обеспечивающих их большую функциональную нагрузку и интеграцию текстом.

Обратимся к синтаксической организации текста. Текст строится на синтаксическом параллелизме: *Я — Гойя! Я — Горе. Я — голос...* Значительный интерес представляет характер номинации в однотипных конструкциях. Вариативная предикатная номинация вводит образные, опосредованные номинации субъекта, участвующие в моделировании художественного времени. Они поддерживают идею произведения — о связи времен, об ответственности художника перед временем и связаны с такими качествами художественного времени, как разнонаправленность, обратимость, всевременность.

Природа номинации раскрывает ход мысли автора. Именно предикатная номинация есть творческий процесс раскрытия сути явления, различные ступеньки в познании его сущности. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «муки слова, находки, удачи и озарения" предстают перед нами именно в сфере предикатной номинации [24]. Именно здесь возникают различные нюансы значения, строится основная ткань стиха. У Вознесенского встречаем нетривиальные, самобытные номинации, связанные с метафоризацией, что вообще характерно для предикатной номинации.

Все сказанное о содержательной стороне предикатной номинации свидетельствует о той большой функциональной нагрузке, которую она несет в тексте. Ее также следует отнести к ядру поля категории художественного времени. Об этом свидетельствует сочетание таких приемов, как метафора, синтаксический параллелизм, паронимическая аттракция.

Сами по себе явления синтаксического параллелизма, паронимической аттракции, метафоризации и т. д. не являются регулярными показателями ядра категории художественного времени. Попутно следует отметить полифункциональность всех этих средств. Они не только участвуют в моделировании художественного времени, но и являются средствами выражения категорий информативности, подтекста и др., где они могут выступать как периферийные средства. В этом смысле показательно явление паронимической аттракции, связанное с повторением звукокомплексов *-оло, -ло, -ор, -ого, -го*.

---

[24] *Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст.— В кн.: Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977, с. 337.

В результате вторичного символизма возникает корреляция между звучанием и значением. Повторение звукокомплекса *-го*, и звука *г* связано с фонотемой — эхо войны, чувство тревоги, горечи. Эти ассоциации — временные, чувственные вызываются лишь опосредованно и можно говорить об ощущениях, которые они программируют, лишь как о вероятностном процессе. Так, строки *чье тело, как колокол, било над площадью голой* могут ассоциироваться в нашем сознании с гулом набатного колокола.

Руководствуясь сформулированными выше критериями, к ядру поля времени следует отнести и последние строки стихотворения. Подобно первым, они занимают сильную позицию. Конвергенция стилистических приемов — эпитет, образное сравнение, построенное с помощью метафоры,— уподобляют человеческую память вечным звездам, сияющим в небе, олицетворяющим биение памяти человеческой, памяти о войне.

В качестве дополнительных средств выразительности используется и графика — чередование восклицательных знаков (*Я — Гойя!*) и точки в финале (*Я — Гойя.*). Тождественные предложения не полностью равны друг другу. Точка менее эмоциональна, однако она подводит итог переосмыслению знака *Гойя*, обозначающего любого художника, осознавшего свою сопричастность всему происходящему на земле.

На периферии поля художественного времени оказываются видовременные формы (прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное) и деепричастные формы.

Все перечисленные средства участвуют в создании интегрированного единства текста. Несмотря на возможность их вычленения, они обеспечивают монолитность текста.

В статье была сделана попытка применения теории поля к анализу категорий текста. Основанием для этого послужили сущностные особенности категорий текста — они формируются с помощью разноуровневых элементов, объединенных функциональной и семантической общностью.

Категории научного текста по своей структуре близки к функционально-семантическим категориям, лежащим в основе теории поля. Категории художественного текста обнаруживают иную полевую структуру. Неповторимость художественного произведения, уникальность создаваемых в нем образов и несущей их материальной формы проецируются на структуру категорий текста. В их формирование втягиваются разнообразные средства, при этом устанавливается необычная иерархия этих средств. При определении ядра и периферии поля следует использовать иные критерии, чем при установлении иерархии средств категорий научного текста и функционально-семантических категорий. Так, для художественного текста оказываются недействительными критерии частности и регулярности употребления языковых средств. Ведущими оказываются другие критерии: функциональная нагрузка компонентов текста, степень их интеграции текстом, концентрация в них наиболее специфических признаков.

Принятые сокращения

И. Г. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

R. W., A. W. *Wellek R., Warren A.* Theory of literature, N. Y., 1978.

M. S. *Spark M.* The public image: Stories. M.: Progress Publishers, 1976.

О. Н. ГРИШИНА

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Термин "информация" используется в настоящее время чрезвычайно часто. Он употребляется в самых различных ситуациях общения и обладает широким диапазоном значений: от чисто математического до повседневно-бытового. Наиболее общим определением информации можно считать следующее: информация есть снятие неопределенности в каком-либо сообщении.

Различие значений термина в рамках данного определения поставило перед наукой проблему качественной дифференциации информации, т. е. выявления ее различных видов, типов и разновидностей. Актуальность такого исследования отмечали ведущие представители отечественной и зарубежной науки. Вот, например, что писал по этому поводу академик А. Н. Колмогоров, один из основоположников отечественной кибернетики: "Исключительное увлечение, господствующее сейчас, сводить все вопросы к подсчету количества информации должно смениться поисками путей более полной характеризации различных видов информации, ее качественного своеобразия"[1].

Бурно развивающаяся за последние десятилетия лингвистика текста также столкнулась с необходимостью исследования проблемы текстовой информации. Были созданы различные классификации информации в тексте. В частности, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предлагали различать в тексте информацию прагматическую, подтекстовую и затекстовую[2]; И. Р. Гальперин выделил такие виды информации, как содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую[3] и т. д.

Вполне очевидно, что кроме содержательной информации текст может передавать и другую информацию. Так, например, художественный текст, а в определенной степени и научный текст могут нести так называемую эстетическую информацию. Эта информация извлекается из самой формы организации языковых средств в тексте и сообщает читателю положительные или отрицательные эмоции. Она имеет как бы надтекстовый характер и непосредственно связана с тезаурусом читателя, с его аксиологическими представлениями и степенью подготовки к восприятию текста. Такая информация является скорее объектом эстетико-философского анализа, нежели анализа лингвистического. Текст также может нести информацию о самом авторе, о быте и языке той эпохи, в которой он создавался. Подобная информация является объектом исследования литературоведения и текстологии.

Что касается лингвистики, то здесь особый интерес вызывает та информация, которая имеет в тексте формальное, эксплицитное выражение. Это и есть та языковая основа, та данность текста, из которой извлекаются все

[1] *Филипьев Ю.* Информационные сигналы и проблема художественности.— В кн.: Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная М.: Наука, 1968, с. 245.

[2] *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1983, с. 160—165.

[3] *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981, с. 26—50.

остальные виды информации. Исходя из терминологии И. Р. Гальперина, будем называть ее фактуальной информацией, которую можно определить как снятие неопределенности знаний читателя о моделируемой в тексте картине действительности. В дальнейшем мы будем использовать термин "информация" именно в этом значении.

Характерной особенностью текстовой информации является ее качественная неоднородность. Качественная неоднородность текстовой информации лежит в основе контекстно-вариативного членения текста, т. е. позволяет выделять в нем различные речевые формы (контексты, функционально-смысловые типы речи), а именно, повествование (сообщение), описание, рассуждение, диалог (неавторскую речь)[4].

Перечисленные речевые формы выделялись еще в античных риториках[5], однако особенности их организации в тексте до сих пор еще недостаточно исследовались. В предлагаемой статье делается попытка показать некоторые из этих особенностей на материале анализа различных типов текста — научного и художественного. Выбор материала обусловлен тем, что качественная неоднородность текстовой информации имеет функционально-стилевую специфику. Иными словами, в различных функциональных стилях языка смысловое наполнение рассматриваемых речевых форм (типов информации) неодинаково, хотя их наличие и является общей текстообразующей закономерностью.

Это объясняется различием коммуникативно-прагматических установок, отличающих научные тексты от художественных. Научный текст является отражением рационально-логического процесса познания мира[6]. Он несет информацию о некотором фрагменте общей структуры объективно существующих научных знаний. Здесь основным критерием качественной дифференциации информации является ее объективная предикативность, т. е. та теоретическая ценность, которую может иметь данная информация в процессе научного познания мира. По этому принципу в научном тексте можно выделить информацию предикативного и релятивного, вспомогательного характера.

Что касается художественного текста, то он апеллирует, в первую очередь, к чувственно-эмоциональному мышлению читателя, передавая информацию о фрагменте вымышленной художественной действительности в ее субъективно-авторском преломлении. Художественный текст моделирует естественный процесс познания окружающей действительности, отражая средствами языка основные способы ее дифференциации. Поэтому важнейшим принципом, по которому различается информация в художественном тексте, является наличие или отсутствие в ней темпоральных признаков. Иными словами, информация в художественном тексте может иметь динамический, статический или вневременной характер, отражая различные стороны художественной действительности. Течение действия во времени

---

[4] См.: *Гальперин И. Р.* Членимость текста.— Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М.: 1968, вып. 125, с. 26—36; *Брандес М. П.* Стилистический анализ. М.: Высш. школа, 1971, с. 93—113; *Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974 и др.

[5] См.: *Зиновьева А. Ф.* Композиционно-синтаксические особенности повествовательной речи в художественно-прозаическом произведении. Канд. дис. М., 1973.

[6] См.: *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи. М.: 1972, с. 34—35.

и пространстве является необходимым условием "вживания" в мир художественного произведения, о котором писал М. М. Бахтин [7].

Рассмотрим поочередно качественные особенности информации и способы ее организации, характерные для научного и художественного текста.

В соответствии с вышеизложенным принципом в научном тексте можно выделить следующие типы информации: предикативное сообщение, описание и рассуждение.

Предикативное сообщение как тип информации заключает в себе те теоретические выводы, которые составляют суть научного исследования. Предикативные сообщения являются смысловыми центрами научного текста. Это та объективно новая информация, которая определяет теоретическую ценность текста.

Описание в научном тексте выполняет релятивную функцию. Это та необходимая основа, на которой строится теоретическая концепция автора текста. Оно включает в себя три основные разновидности: 1) вводно-ознакомительное описание, которое дает характеристику объекту анализа и подводит читателя к постановке задач исследования; 2) обзорное описание, связанное с перечислением различных точек зрения на объект исследования и 3) иллюстративное описание, т. е. те конкретные приметы, на основе которых автор строит свои рассуждения.

Рассуждение как тип информации отражает основную функцию научного текста — доказательство правомерности теоретических выводов и умозаключений. Рассуждение является как бы мостиком между описанием и предикативным сообщением. Оно включает в себя следующие разновидности: 1) теоретическое рассуждение, отражающее логический ход мысли автора и 2) методологическое рассуждение, т. е. те эксплицитные «скрепы» между отдельными этапами исследования, которые помогают читателю следить за логикой мысли автора [8].

Организация перечисленных типов информации в научном тексте имеет достаточно определенную закономерность. Это объясняется четкой логической структурой научных текстов, где последовательность переходов от релятивной информации к предикативным сообщениям является одним из важнейших критериев научной достоверности последних. Информация в научном тексте организуется вокруг его смысловых центров — предикативных сообщений, что дает основание выдвинуть в качестве ведущего принципа информационной структуры научного текста принцип семантической конденсации.

Явление семантической конденсации заключается в том, что предикативные сообщения как бы стягивают вокруг себя информацию релятивного характера — описание и рассуждение. Образующиеся в результате предикативно-релятивные комплексы [9] обеспечивают адекватность понимания научного текста читателем. Можно сказать, что в научном тексте любое сообщение релятивного характера тяготеет к тому или иному смысловому центру.

---

[7] См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979, с. 24.

[8] Подробнее о разновидностях информации в научном тексте см.: *Гришина О. Н.* Проблемы контекстно-вариативного членения текста в стиле языка художественной и научной прозы.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982, с. 52—69.

[9] О понятии предикативно-релятивный комплекс см.: *Баталова Т. М.* Соотношения предикативных и релятивных отрезков текста. Канд. дис. М.; 1977.

При этом форма его подчинения предикативному сообщению может быть различна.

Поскольку предикативное сообщение в научном тексте представляет собой логический вывод, сделанный на основе наблюдений и рассуждений автора, правомерно говорить об индуктивной и дедуктивной формах семантической конденсации. Индуктивная форма предполагает такую организацию информации в тексте, при которой автор, отталкиваясь от описательной информации, путем рассуждений приходит к обобщающему выводу — предикативному сообщению. Дедуктивная форма семантической конденсации представляет собой обратное явление: предикативное сообщение, сделанное автором, сопровождается в дальнейшем примерами (описательная информация) и рассуждениями, которые мотивируют предикативное сообщение.

Проиллюстрируем обе формы организации информации на конкретных примерах. Рассмотрим для начала особенности индуктивной формы организации информации на примере анализа главы из книги А. Клуисенар "Введение в литературную стилистику". Глава начинается с вводно-ознакомительного описания, которое вводит читателя в курс исследования: We can begin discussing some of the practical implications of looking closely at formal-semantic relations with this short poem by Arthur Wayley, translated from Chinese (ILS, c. 50). Далее следует иллюстративное описание, которое содержит конкретный материал для анализа:

Swiftly the years, beyond recall.
Solemn the stillness of this spring morning (там же).

Сразу же вслед за этим автор переходит к обзорному описанию, сообщая читателю имеющиеся точки зрения по поводу данного стихотворения: Critics have found these lines effective. William Empson's is perhaps the classical account, and it is of particular interest to us since it comes in "Seven Types of Ambiguity", one of the foundation-texts of modern close criticism. Donald Davie brings us nearer, when he says: "What are missing are the verbs, hence the syntax". Davie is pointing here to a crucial aspect of structure (там же, с. 51)[10].

Далее, отталкиваясь от перечисленных точек зрения, автор переходит к теоретическим рассуждениям: And although Empson's comments still apply, the original effect of the poem has evaporated. Why? We have to explain why rewriting a poem destroys much of its effect. After all, it does not seem that Davie would think so. His comments, like Empson's, fail to do the poem justice. The clue, possibly, is the assumption that the syntax is missing because the verbs are. On the contrary, what we have is a skilfull use of syntax to mine the meaning. The syntax is not missing, it is being used — to better effect than if the verbs that "should be there" had been there. The meaning is live beyond anything Empson's commentary accounts for or Davie's would allow (там же, с. 53).

Как видно из приведенного отрывка, автор использует специфические языковые средства, отличающие рассуждение от описания и предикативного сообщения. Эти языковые средства являются лингвистическими показателями данного типа информации и выражают субъективную авторскую модальность. К ним относятся: вопросительные предложения (Why?); слова и выражения, передающие отношение автора к сообщаемому (after all...,

[10] В целях экономии места примеры даются с сокращениями.

it does not seem that..., possibly, to a better effect). Данное рассуждение выступает в качестве антитезиса тому, что излагалось выше. Выражая свое несогласие с мнением критиков, автор использует ряд слов и выражений, содержащих негативную оценку (...fail to do, on the contrary, the syntax is not missing и т. д.). В конце своего рассуждения автор как бы вплотную подходит к выводу — предикативному сообщению (The meaning is live beyond anything Empson's commentary accounts for...). Однако последнее высказывание еще не обладает той степенью теоретического обобщения, которая отличает предикативное сообщение. Придаточное предложение в нем носит анафорический характер и указывает на тесную связь всего высказывания с предшествующим контекстом. Таким образом, это высказывание синсемантично в отличие от предикативного сообщения, которое обладает в тексте высокой степенью автосемантии.

Подлинно предикативное сообщение находим ниже, после анализа ряда других примеров: The choice of poetic form is always conditioned by more than the immediate subject. It is conditioned, also, by fundamental metaphysical biases and preoccupations in the writer and in his time. In this sense, the medium may be a larger part of the message (ibid., p. 68).

Данный отрезок текста практически не содержит эксплицитных средств выражения авторской модальности. Обстоятельство always в первом предложении указывает на высокую степень обобщения передаваемой информации и придает всему сообщению категорический характер. Высказывание воспринимается как некая непреложная истина, не зависимая от конкретного контекстного окружения.

Проведенный анализ демонстрирует, таким образом, нарастание смысловой значимости передаваемой в тексте информации. От конкретных примеров, через рассуждение автор индуктивно приходит к теоретическому обобщению, которое является смысловым центром всей главы, подчиняющим себе предшествующее изложение.

При дедуктивной форме семантической конденсации мы сталкиваемся с противоположным явлением. Здесь информация текста организуется по принципу перехода от общего к частному: от предикативного сообщения к описанию или рассуждению.

Возьмем для примера отрывок из статьи Н. Фридмана "Точка зрения в художественной прозе". Статья состоит из нескольких частей, одна из которых начинается с предикативного сообщения: Regarding the modes of transmission of story material, we have first to define concretely our major distinction: summary narrative (telling) vs. immediate scene (showing). The chief difference between narrative and scene is accordingly of the general-particular type: summary narrative is a generalized account; immediate scene emerges as soon as the specific, continuous, and successive details of time, place, action, character and dialogue begin to appear (PVF, c. 119).

Сразу же за этим следует обзорное описание: Ben Franklin, on his way as a lad to Philadelphia, came across a copy of "Pilgrim's Progress" in Dutch, and commented somewhat unhistorically: "Honest John was the first that I know of who mixed narrative and dialogue..." (там же). Далее автор переходит к теоретическому рассуждению, в котором он полемизирует с Франклином: While this is our distinction, I am not so sure that, for our purposes, dialogue is a crucial factor (там же).

Эта точка зрения тут же подкрепляется конкретным примером — иллю-

стративным описанием: Edward Overton, the narrator in Butler's "The Way of all Flesh" informs us in the opening chapter that "My father's face would always brighten, when old Pontifex's name was mentioned. 'I tell you, Edward', he would say to me, 'Old Pontifex was not only an able man, but he was one of the ablest men that I ever khew'. This was more than I as a young man was prepared to stand. 'My dear father', I answered. 'What did he do?'" (там же, с. 120).

Автор тут же комментирует данный пример, переходя к теоретическому рассуждению: It can hardly be said that the dialogue here constifutes a scene — other factors would seem to be required. Not dialogue alone, but concrete detail within a specific time place frame is the sine qua non of the scene (там же).

Далее вновь следует иллюстративное описание: Butler again would supply us with an example of pure summary narrative: "Old Pontifex had married in the year 1750..." (там же). Описание опять сменяется рассуждением, и так, на протяжении всей подглавы автор мотивирует анализом конкретных примеров то предикативное сообщение, которое было сделано вначале. При этом информация релятивного характера — описание и рассуждение — тяготеет к единому смысловому центру. Она как бы стягивается начальным сообщением, раскрывая и конкретизируя его, что позволяет говорить о дедуктивной форме семантической конденсации.

Оба способа организации информации в научном тексте имеют характер текстообразующей закономерности, они отражают специфику научного мышления, подчиняющегося законам логики.

В художественном тексте, как уже отмечалось выше, качественная дифференциация информации и формы ее организации отражают особенности естественного процесса познания действительности. Здесь тип информации представляет собой определенную модель отбора сведений о художественной действительности. Сведения с признаком динамичности составляют повествовательный тип информации, сведения с признаком статичности — описание; сведения вневременного, отвлеченно-абстрактного характера представляют собой рассуждение.

Повествовательная информация является основным средством передачи течения художественного времени при помощи последовательности действий и событий. Основным лингвистическим показателем данного типа информации является высокая частотность употребления глаголов действия и становления в функции сказуемых. Можно выделить две разновидности повествовательной информации: 1) сюжетно-динамическую, т. е. событийную основу текста и 2) изобразительно-динамическую, которая дробит события на детали, показывая происходящее как бы крупным планом.

Описание как тип информации моделирует остановку художественного времени или потерю его ощущения. Описание может также отражать постоянство каких-либо признаков объекта в ограниченный период времени. Оно объединяет в себе три основные разновидности. Это: 1) изобразительно-статическая информация, которая создает в сознании читателя конкретные чувственные образы; 2) оценочно-комментирующая информация, являющаяся эксплицитным средством выражения отношения автора и персонажей к происходящему и 3) вводно-ознакомительная информация, которая сообщает сведения, выходящие за рамки сюжетной линии произведения; сведе-

ния энциклопедического, общепознавательного характера; краткие биографические данные о героях произведения и т. д.

Рассуждение в художественном тексте передает информацию отвлеченного, абстрактно-философского характера, раскрывая мировоззрение автора и типизируя факты художественной действительности.

Кроме того, в художественном тексте можно выделить еще один тип информации — субъектно-репрезентирующую информацию, которая характеризует «чужую» речь, т. е. речь персонажей. Это информация о субъекте речи, которая извлекается из самой формы организации его речи и отражает социальные и психологические особенности персонажа. Информация о субъекте речи передается одновременно с информацией об объекте речи, которая обычно соответствует повествованию, описанию или рассуждению [11].

Перечисленные типы и разновидности информации находятся в художественном тексте в тесном взаимодействии, подчиняясь творческому замыслу автора, его индивидуальному стилю. Являясь произведением искусства, художественный текст, в отличие от научного, не обладает сколько-нибудь четкой закономерностью передачи информации.

Однако выделить наиболее общий, типологический принцип этой организации представляется возможным.

Обозначим этот принцип термином "ритмическая аранжировка". Под ритмической аранжировкой художественного текста, в широком смысле, понимается периодичность в чередовании различных типов информации. Эта периодичность обусловлена прагматической установкой на активизацию внимания читателя, с тем чтобы облегчить процесс восприятия поступающей информации. Переключение с одного типа информации на другой имеет в тексте определенную ритмичность. В этой связи уместно привести мнение С. М. Эйзенштейна. Он отмечал, что ритм в художественном произведении далеко не всегда осознается, но он должен обязательно ощущаться, тем самым организовывая наши эмоции. Иначе происходит потеря эмоционального напряжения; вместо него воцаряется хаос [12].

Каждому знакомо чувство утомления, притупления остроты восприятия при непрерывном потоке однотипной информации. Затянувшееся в тексте описание или рассуждение сопровождается накапливанием дефицита повествовательной информации, что требует возврата к повествованию, к динамике развития сюжета. С другой стороны, безостановочное развитие действия (повествовательная информация) также требует передышек: переключения изложения на статический или вневременной план. Такие передышки, связанные с передачей информации описательного типа или типа рассуждение, восстанавливают активность восприятия. Кроме того, они создают дополнительный эффект ожидания, т. е. стимулируют интерес читателя, вызывают в нем нетерпение узнать, что будет дальше.

Вполне очевидно, что ритмическая аранжировка информации в художественном тексте имеет свои жанровые особенности. Так, например, в остросюжетном приключенческом романе она резко отличается от ритми-

---

[11] Подробнее о типах и разновидностях информации в художественном тексте см.: *Гришина О. Н.* Соотношение повествования, описания и рассуждения в художественном тексте. Канд. дис. М.: 1983.

[12] См.: *Эйзенштейн С. М.* Четвертое измерение в кино.— В кн.: Избранные произведения. М.: Искусство, 1964, т. 2, с. 51.

ческой аранжировки в философском романе. Однако и в том, и в другом случае информация всегда ритмически организована.

Кроме чисто прагматической установки на активизацию внимания читателя, ритмическая аранжировка информации выполняет в тексте и другую функцию, а именно, способствует многогранному восприятию художественной действительности. Это достигается благодаря тому, что периодичность в чередовании различных типов информации как бы создает непрерывную проекцию одних типов информации на другие. За счет этого моделируемая в тексте картина мира приобретает многоплановость и всесторонний охват.

Приведем в качестве примера роман А. Силлитоу «Сырье». Ритмическая аранжировка информации в романе проявляется в периодическом появлении в тексте авторских рассуждений. Чтобы не занимать много места примерами, приведем номера страниц, на которых встречаются рассуждения: 11, 15, 22, 24, 27, 32, 33, 36, 42, 52, 55, 56, 57, 60, 69, 75, 82, 89, 94, 121, 128, 134 и т. д. Благодаря такому обилию рассуждений, периодически сменяющих в тексте повествование и описание, информация последних переосмысляется, приобретая философскую глубину. Это достигается за счет смыслового наложения одних типов информации на другие.

Покажем, как это происходит, на примере взаимодействия рассуждения и сменяющего его описания: Distance might put truth on a pedestal. Each incident concerning Burton has more than one version. In such a dilemma time might be more reliable in that it reveals everything, even that which was never there. And time also leaves everything behind. It has many uses. It cures a spiritual injury that the treacherous truth inflicted and drops such vital oil into the great machine of circumstances that nothing can be done without it (RM, c. 20).

Вслед за данным рассуждением появляется описательная информация: Burton was a tyrant. His daughters were illtreated because he expected them to follow the same pattern he had forced, on his wife, and he didn't know that times were changing. They fared badly because they rebelled, and they rebelled against Burton because the mother had not, and they saw where it had got her. By the time they reached twenty they had had enough of him, and they had enough of him in them not to put up with him a minute longer than they had to (там же, с. 21).

Под влиянием предшествующего рассуждения, описание взаимоотношений Бертона с дочерьми приобретает общечеловеческую значимость, ставя извечный вопрос: кто прав — отцы или дети? Время оправдывает и тех, и других, помогая вскрыть побудительные причины их поступков. С точки зрения своих дочерей, Бертон был тираном, однако он, руководствуясь собственными идеалами, был искренен в своей нетерпимости к ним. Дочери сами были такими же, как он: they had enough of him in them... Время впоследствии показало автору всю относительность существовавших ценностей и идеалов: Distance... put truth on a pedestal. Всю эту информацию читатель извлекает из сопоставления рассуждения и описания. Так на протяжении всего романа обобщенно-теоретическая информация, передаваемая в рассуждениях, проецируется на информацию повествовательного и описательного типов, сообщая последней философскую глубину.

Ритмическую аранжировку различных типов информации можно представить и в несколько ином плане: с точки зрения моделирования в художественном тексте естественного ритма человеческой жизни, которая харак-

еризуется периодическим чередованием движения и покоя, напряжения и асслабления; включенности в происходящее и отключения от него.

Для того чтобы точнее передать подобные ощущения, испытываемые ерсонажами художественного произведения, автор в отдельных местах екста использует чередование различных типов информации: переходит т повествования к описанию или рассуждению, а от них — вновь к повествоанию. Таким образом в тексте как бы моделируется естественная ритмиеская стопа человеческой жизни, которая строится на противопоставлении инамики и статики, активности и пассивности.

Приведем в пример отрезок текста, в котором повествовательный и писательный типы информации организуются подобным образом. Цитируемый ниже отрывок охватывает конец повествования о лыжной прогулке одного из героев: He took off his skis, leant them against the side of the hut in a row of others; and sat down in the fence-in-terrace, drinking in the warmth (WB, с. 84). За повествованием далее следует описание обстановки, в которой очутился герой произведения: Round him was peace: a young man waxing his skis with a little instrument like a blow-lamp, a girl munching an apple, a drowsy murmur of voices as his neighbours also took their ease: peace and a gathering of energy for the real test and crux of the day (там же).

Сразу вслед за этим автор вновь возвращается к прерванному повествованию: Presently he roused himself and entered the hut in search of something to drink (там же).

Подобный способ организации повествовательной и описательной информации моделирует временное погружение героя романа в состояние отдыха, тишины и покоя. Вкрапление описательной информации в повествование, переход от динамики к статике как бы заставляют самого читателя расслабиться на некоторое время, отвлечься от череды событий, обратить внимание на детали окружающей обстановки.

Таким образом ритмическая аранжировка информации, апеллируя к непосредственным ощущениям читателя, повышает реалистичность изображаемой картины действительности.

В художественном тексте можно наблюдать и другие особенности организации информации, носящие более частный характер. Обозначим их терминами "акцентуация" и "сюжетный скачок".

Под акцентуацией понимается такой способ организации информации в тексте, при котором описание или рассуждение как бы вклиниваются в повествование с целью привлечь внимание читателя к той или иной особенности моделируемой ситуации. При этом они выполняют роль своеобразного «стоп-кадра»: художественное время приостанавливается; возобновление повествования происходит с того самого момента, на котором оно было прервано. Такая особенность организации информации создает в тексте эффект «прожектора»: используя переход от одного типа информации к другому, автор как бы высвечивает те или иные объекты, свойства, ощущения, позволяющие читателю полнее вжиться в художественную действительность.

В качестве примера акцентуации приведем отрывок из романа С. Моэма "Театр", начав с повествования: She rang Michael up and made an appointment with him at the theatre. When she was shown into his office he greeted her with cordiality. He kissed her on both cheeks.

"Sit down and make yourself comfy» (Th, с. 132). Здесь повествование неожиданно прерывается, сменяясь описательной информацией: Dolly

de Vries was now a woman of sixty. She was very fat, and her face with its large nose, and heavy red lips, seemed larger than life. There was a slightly masculine touch in her black satin dress, but she wore a double string of pearls round her neck, a diamond brooch in her waist and another in her hat. Her short hair was dyed a rich copper. Her lips and her finger-nails were bright red. Her voice was loud and deep (там же). И далее автор возобновляет повествование с того места, где оно было прервано: "Michael, I'm upset about Julia", she said... (ibid., p. 133).

Описание, вклиниваясь в повествование, позволяет читателю внимательно "рассмотреть" героиню романа. Оно дается как бы в скобках, в виде авторской ремарки. Остановка художественного времени здесь условна: по сути дела она отражает одновременность зрительного восприятия происходящего действиям персонажей, их диалогу между собой. Этот способ организации информации продиктован линейным характером текста, в котором информация разного типа не может передаваться одновременно по двум каналам. Прибегая к приему акцентуации, автор придает изложению своеобразную стереоскопичность: информация, переданная в описании, накладывается в дальнейшем на диалог между персонажами и на сопровождающее его повествование.

Рассмотрим другой частный способ организации информации в тексте, обозначенный выше термином "сюжетный скачок".

Здесь переход от повествования к описанию выполняет функцию переноса действия во времени и пространстве. Покажем этот прием на примере из романа Г. Грина «Комедианты». Ниже приводится конец повествовательного контекста, в котором сообщается о намерении главного героя романа отправиться в Порт-о-Пренс: I sold the caravan, the stock and the reproductions for five hundred pounds and I flew to Kingston, where I looked around for business opportunities before taking a plane to Port-au-Prince (C, c. 66).

Далее, после отбивки, следует описательная информация: Port-au-Prince was a very different place a few years ago. It was, I suppose, just as corrupt; it was even dirtier; it contained as many beggars but at least they had some hope (там же).

Описание, появившееся на смену повествованию, является своего рода указанием на прибытие рассказчика в Порт-о-Пренс. Оно знаменует собой перенос действия романа во времени и пространстве. Как видно из примера, этот сюжетный скачок достигается за счет перехода от повествования к описанию.

Все перечисленные особенности организации информации являются типичными для художественного текста. Они обусловлены общей коммуникативной установкой на обеспечение адекватного декодирования читателем текстовой информации, на повышение реалистичности изображаемой картины мира во всем ее многообразии.

Принятые сокращения

C — Graham Greene. The Comedians. L.; Penguin Books, 1966
ILS — Anne Cluysenaar. Introduction to literary stylistics. L.; B. T. Batsford Limited, 1976
PVF — Norman Friedman. The point of view in fiction.— In: The theory of the novel. N. Y.; The Free Press, 1976
RM — Alan Sillitoe. Raw material. L.; Pan Books, 1974
Th — W. Somerset Maugham. Theatre. L.; Penguin Books, 1967
WB — Nicholas Monsarrat. The whipping boy. L.; Pan Books, 1969

В. А. КУХАРЕНКО

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ВВОДЯЩЕГО АБЗАЦА НАУЧНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В каждом тексте, независимо от его стилевой принадлежности, обнаруживаются действующие в диалектическом единстве силы центробежные и центростремительные, ибо нелинейность мысли, облекаемой в линейность речи, неизбежно ведет к содержательной и формальной гетерогенности текста. Так, в художественном произведении контактно располагаются разные типы изложения (авторская речь, диалог, несобственно-прямая речь, внутренний монолог) и разные композиционно-речевые формы (повествование, описание, рассуждение); изменяется, создавая полифонию, точка зрения и перспектива повествователя; свободно варьируется пространственно-временной и акциональный континуум; имеет место включение чужеродных завершенных и незавершенных текстов в виде вставных новелл и эпизодов, сентенций, отступлений, парантез и пр. Все это создает однозначно воспринимаемую разными реципиентами автосемантию отдельных фрагментов текста, что подтверждается воспроизводимостью последних в разного рода антологиях или сценических воплощениях, а также достаточно непротиворечивым их вычленением в исследовательских целях [1].

Действие центробежных и центростремительных сил с полной очевидностью проявляется и в тексте научном: включение цитат, подтверждающих позицию автора или опровергаемых им, ведет к полифонии научного текста. Сноски, иноязычные вкрапления, сентенции и парантезы, характерные для научного изложения, также относятся к центробежным силам, нарушающим линейность его архитектонического, композиционного и тематического развертывания. Не столь богатый разнообразием типов изложения и композиционно-речевых форм как художественный, научный текст тем не менее включает такие "контрастные категории" [2], как лексические и синтаксические элементы разговорной речи, диалог, интимизация повествования; здесь тоже имеет место переключение от описания к рассуждению, от локально-темпоральной конкретности отдельного наблюдаемого факта к вневременному и внепространственному умозаключению.

Сам факт синтактико-архитектонической и композиционно-содержательной членимости на относительно самостоятельные отрезки разной протяженности, онтологически присущий любому тексту в связи с особенностями мышления и физической организации человека, можно рассматривать как проявление центробежных сил.

Однако, несмотря на столь очевидно действующие средства разрыхления, целый текст выделяется как таковой вопреки им, благодаря активности сил центростремительных. Основное место среди них занимают единство темы (проблемы) и точки зрения автора. "Главная предикация текста".

---

[1] Наличие в тексте относительно самостоятельных в коммуникативном плане отрезков отличает его от всех предыдущих уровней речевой иерархии и служит одним из доказательств правомерности выделения «уровня текста».

[2] См.: *Разинкина Н. М.* Контрастные категории и их роль в лингвостилистическом изучении научной прозы.— В кн.: Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. М: Наука, 1972. *Она же.* Некоторые общие проблемы изучения функционально-речевого стиля.— В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976.

устанавливается пространственно-временной и акциональной рамкой темы [3], а также определенным авторской позицией углом зрения [4].

Именно единство темы и авторской позиции обеспечивают многоаспектную связность текста — логическую, семантическую, формально-грамматическую. Связность текста и бóльшая или меньшая автосемантия его отдельных отрезков состоят в обратно пропорциональной зависимости: внутритекстовая автосемантия по мере развертывания текста уменьшается, ибо фрагменты, архитектонически или композиционно выделяемые в качестве автосемантичных, в процессе формирования текста включаются в передачу его содержательно-фактуальной и/или содержательно-концептуальной информации [5], интегрируются в целое [6]. Целостность текста, неотъемлемая и обязательная его характеристика, не означает, таким образом, его гомогенности, но, наоборот, является результатом интеграции разнородных текстовых фрагментов, отличающихся разной степенью автосемантии в плане линейном и/или сквозном, проникающем.

Целостность текста самым непосредственным образом связана с его завершенностью, которая выступает в качестве главного конституирующего признака, отличающего текст от не-текста (предложения, СФЕ, текстового фрагмента), ибо завершенность означает закрытость текстовой системы, финальный характер состава и связей всех ее элементов. Последнее в свою очередь является результатом авторской интенции. "Для автора замкнутость, целостность текста всегда релевантна. Он так или иначе строит отдельные единицы текста с учетом его характера как целого" [7]. Иными словами, универсальная характеристика любого текста — его завершенность — всегда является авторски заданной, интенционной. По сути дела любой текст завершается там, где хочет автор, независимо от глубины раскрытия и степени исчерпанности темы (проблемы) [8].

Активность разнонаправленных сил текста и преимущественная роль сил центростремительных обнаруживается с особой очевидностью на входе

---

[3] *Chafe W.* Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics and Points of View.— In: Subject and Topic. N. Y. 1976, p. 41.

[4] Ср. широко цитируемое высказывание Л. Н. Толстого: «...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету» (*Толстой Л. Н.* Предисловие к соч. Гюи де Мопассана.— Поли. собр. соч., т. 30. М., 1951, с. 19.

[5] Подробно о типах информации и основных категориях текста, см.: *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

[6] Ср., например, радиальную композицию большинства произведений У. Фолкнера, Дж. Дос-Пассоса, Н. Мейлера, Ч. Айтматова, И. Грековой и многих других, где отдельные сюжетные линии выделяются в самостоятельные главы и развиваются независимо друг от друга до объединяющего их пересечения в завершающей части текста.

[7] *Кожевникова К.* Об аспектах связности в тексте как целом.— В кн.: Синтаксис текста. М.: Наука, 1979, с. 55.

[8] Целый текст теряет свою абсолютную завершенность только в пределах идиостиля, внутри которого существуют циклы статей, новелл, памфлетов, очерков, романные дилогии, трилогии, тетралогии, эпопеи, тематически и/или концептуально связанные друг с другом. Отношения включенности, существующие между содержательно-концептуальной информацией и авторской точкой зрения, проявляются, в частности, в том, что первая не исчерпывается (как содержательно-фактуальная информация) одним текстом, но обнаруживается в ряде произведений одного автора, способствуя спецификации индивидуального стиля, с одной стороны, и обеспечивая определенное единство текстов внутри идиостиля, с другой.

в текст, когда задаются основные (или по крайней мере существенные) его характеристики [9], а также на выходе из него, в значительной степени ответственном за реализацию категорий текстовой завершенности и целостности. Неслучайно поэтому начало и конец текста, занимающие в нем сильные позиции [10], представляют особый интерес как с точки зрения собственной значимости, так и в связи с их ролью в целом тексте.

Сказанное в полной мере относится к тексту как художественному, так и научному, каждый из которых, однако, отличается и собственными характеристиками.

Начальные и конечные абзацы разных типов текстов представляется целесообразным рассмотреть раздельно, с тем чтобы впоследствии сравнить полученные данные и выявить свойства универсально-текстовые (инвариантные), функционально-стилевые (общие для всех жанров одного стиля), жанровые (обусловленные принадлежностью к одному жанру) и индивидуально-стилистические (непосредственно зависящие от авторской индивидуальности).

В качестве начального этапа этой работы можно предложить исследование первых абзацев одножанровых научных текстов, а именно, филологических статей [11].

Объем первого абзаца научной филологической статьи чрезвычайно нестабилен. Длина абзаца варьируется от одного до двадцати предложений, или от шести до тысячи слов, т. е. первый абзац занимает от одной неполной строки до двух с половиной страниц текста [12]. Наблюдается и сильный разброс длин предложений, входящих в первый абзац. Вот как выглядят некоторые из них: [13]

19—46—41—37—30—33—80—61—5 (L. S.)

9—22—14—8—42—26—61—38—15—21—28—22 (S. L.)

41—52—42—25—26—18—35—164—156 (Th. W.)

При невозможности установить жесткие корреляции между объемом первого абзаца и длиной составляющих его предложений, с одной стороны, и выражаемым ими содержанием, с другой, необходимо отметить наличие

---

[9] О значении начальной позиции в речевых произведениях, рассчитанных на одновременное массовое восприятие, см.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982, с. 86. О прогнозирующей силе лексического состава стихотворных начал см., например: *Сафарова А. С.* Структурно-семантическая организация текстов стихотворных произведений разных жанров. Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 8—9.

[10] См.: *Арнольд И. В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста.— ИЯШ, 1978, № 4, с. 10—14.

[11] Материалом для исследования послужили 200 статей английских и американских литературоведов и лингвистов, опубликованные в последние три десятилетия в периодической печати и научных сборниках США и Англии. См. список цитируемых работ и соответствующих им сокращений в конце данной статьи.

[12] Тот факт, что абзацы наибольшей протяженности открывают критические статьи профессиональных писателей — Ф. Рота (983 слова) и Т. Вулфа (557 слов), не подтвердил возникшей при их обнаружении гипотезы о зависимости объема первого абзаца от профессиональной принадлежности и индивидуально-художественного стиля автора: статьи С. Беллоу, Дж. Оруэлла, Дж. Барта, Дж. Хоукса и др. писателей, известных сложностью своего синтаксиса, начинаются с абзацев малого или среднего объема (70—150 слов).

[13] Каждая строчка представляет отдельный абзац. Цифры показывают количество слов в предложениях, входящих в него.

по крайней мере двух закономерностей. Это прагматическая направленность коротких предложений и их дистрибуция.

Основная масса предложений, резко выделяющихся свой малой длиной, представляет собой контактоустанавливающие фразы, эксплицитно включающие читателя в движение авторской мысли: ... Let us try experiment (L. S.). ...Permit me to start with a personal reference (R. B.). ...Let us briefly investigate the implications of these terms (W. Fr.).

Подавляющее большинство пуантов, в которых предложения очень малой длины следуют за значительно бóльшими предложениями, приходится на завершение абзаца: ...41—5 (Th. S); ...37—5 (M. K); ...15—3 (H. M.).

Резкие перепады длин предложений обычно порождают аритмию абзаца. Однако первые абзацы рассматриваемых научных статей в основном синтаксически сбалансированы. Происходит это в первую очередь за счет чрезвычайно сильных контактных связей между предложениями, по сути дела снимающих различия между элементарными (clauses) и самостоятельными (sentences) предложениями. Почти две трети серединных предложений первого абзаца синсемантичны и начинаются с союзов, союзных слов, наречий, "выводных" слов [14], анафорических заместителей. Вот, например, начало статьи Лео Шпитцера об американской рекламе. Здесь всего девять предложений. Шесть из них связаны разнообразными видами указанных связей: 1. The philological method of "explication de texte"... 2. *But*, at all times, there existed... 3. At no time has *this* type... 4. An emphasis on the beautiful... 5. *And* the success of *such* attempts... 6. It is *also* true... 7. In *such* treatments, *however*, ... (L. S.).

Еще пример. Ф. Люкас начинает статью о стиле абзацем из пяти предложений: 1. When it was suggested to Walt Whitman... 2. *And he* might have been equally irritated... 3. *Yet* Whitman took the pains... 4. *But such* abuse of "style"... 5. *For the* word means merely... (F. L.). Как видно из примеров, контактные предложения жестко соединены разными типами лексико-грамматических связей.

Распространенность присоединительных связей, наблюдаемая в научной прозе, приводит к двум заключениям. Во-первых, она свидетельствует, что присоединение — это использование сочинительных и подчинительных связей в новом качестве, а именно — на уровне текста, и, во-вторых, подтверждает функциональное назначение присоединения — передавать во внешней речи процесс развития мысли, ибо последний, наряду с содержанием мысли, составляет сущность научного произведения. Можно предположить, что развернутость присоединительных связей в определенной мере компенсирует тенденцию научной прозы к сжатому выражению процесса мысли [15], который в свою очередь обусловлен выработкой интеллектуальных навыков, приводящих к "постепенному сокращению или свертыванию речевых операций (суждений) по типу логических энтимем" [16]. Уникальность

---

[14] Подробно о месте и оформлении вывода в научной речи см.: *Троянская Е. С.* К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей.— В кн.: Стиль научной речи. М: Наука, 1978, с. 54—55.

[15] О разнонаправленной реализации стремления выразить содержание мысли возможно полнее, а процесс мысли возможно короче см.: *Котюрова М. П.* О связи предложений и абзацев в научной речи.— В кн.: Лингвистические исследования научной речи. М.: Наука, 1979, с. 189.

[16] *Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1968, с. 59.

мышления каждого индивидуума естественно отражается и на внешнеречевом оформлении процесса движения мысли, применительно к нашему случаю — на членении текста на абзацы и на организации внутри- и межабзацных связей.

Условность выделения отдельных отрезков речи в предложения и даже абзацы [17] хорошо видна из идентичности союзных и анафорических средств связи внутри сложного предложения, между отдельными предложениями и между абзацами. Например, из девяти предложений очень длинного (557 слов) начального абзаца статьи Т. Вулфа последние четыре открываются союзами: 6. *And* suddenly I would realize... 7. *And* this utterly familiar... 8. *Or* again, it would be a bridge... 9. *Or* it would be a little wooden shed... (Th. W.). Повторением этого же союза, связывающего в первом абзаце предложения, открывается второй абзац, наглядно демонстрируя отсутствие принципиальных различий в соединении синтаксических единиц.разных уровней: *Or* again, it would be an American street...

Протяженность абзаца не обеспечивает его автосемантии [18], ибо он не оформляет относительно законченный этап содержания или процесса мысли. Следовательно, первый абзац сразу и жестко включается в последовательное развертывание текста, становясь неотъемлемым звеном его непосредственного содержания. Таким образом, присоединительные (союзные) и анафорические связи выступают в качестве мощной центростремительной силы, консолидирующей научный текст и способствующей реализации основной характеристики научной речи — логической последовательности [19].

В роли существенной центростремительной силы выступает и единство временного континуума первого абзаца. Около 80% всех финитных форм глаголов представлены здесь в презентных временах (72—73% — Present Indefinite, 6—7% — Present Perfect). Короткие абзацы, состоящие из одного-четырех предложений, обычно выдержаны в едином грамматическом времени, что укрепляет их связность и целостность.

Вообще между содержательным и временным аспектами первого абзаца наблюдается неоспоримая корреляция: конкретные факты излагаются с соответствующими локально-темпоральными параметрами, с Past Indefinite в качестве ведущего времени. Информация, тяготеющая к концептуальности, менее конкретная, носящая характер вневременной истины, оформляется в Present Indefinite. При этом Past Indefinite, в художественной прозе соответствующий "сюжетному настоящему" [20], здесь обозначает факты и события, предшествовавшие временному континууму статьи, всегда представленному в Present Indefinite. Если первый абзац содержит и рассуждения автора, и повествовательный материал, от которого они

---

[17] О произвольно авторском членении текста на абзацы см.: *Левковская Н. А.* В чем различие между СФЕ и абзацем.— НДВШ. Филол. науки, 1980, № 1.

[18] Аналогичной синсемантией отличается и самый длинный первый абзац из статьи Ф. Рота. Два его последних предложения начинаются с анафорических заместителей: At first about *this* point... и Shortly *thereafter*... Второй абзац открывается присоединением: *And* what is the moral...

[19] О логичности и последовательности как основных признаках научного стиля см. хорошо известные и широко цитируемые работы М. Н. Кожиной, Н. М. Разинкиной, Е. С. Троянской, М. М. Глушко, М. П. Кульгав.

[20] Подробно см.: *Тураева З. Я.* Категория времени: Время грамматическое и время художественное. М.: Высш. школа, 1979.

отталкиваются, внутри абзаца обязательно происходит смена грамматического времени. Иными словами, смена композиционно-речевой формы (от повествования к рассуждению или наоборот) в научной прозе имеет грамматический маркер в виде смены времен: The study of the vernacular of the jazz world is necessarily a study in sociology and psychology as well as in linguistics. For the people who created this peculiarly American idiom did so as a result of the peculiar conditions... (R. G.) В данном примере обобщение-рассуждение сменяется повествованием о конкретном событии. Это неизбежно влечет за собой переключение глагольного времени, что означает также переключение авторской перспективы. Умозаключения, выводы, рассуждения, т. е. содержание и процесс мысли — то, ради чего статья написана, что представляется автору истинным, практически всегда оформляется в Present Indefinite. Глагольное время, таким образом, становится сигналом истинности сообщаемого [21]. Факты и явления объективной действительности, от автора не зависящие, а также ремарка, вводящая чужое (цитируемое) мнение, оформляются прошедшим временем. Поэтому только при конкретной фактуальной информации первых абзацев имеются лексические временные маркеры — прямые (даты) и косвенные, опирающиеся на широкую пресуппозицию общего культурного контекста (At the death of Chaucer... at the Reformation...) или на узко-контекстуальную пресуппозицию (Last year... A few winters back... The other day...) [22].

Если для художественной прозы темпоральные уточнители сюжетного действия (in the morning, the next day, in a week и т. п.) обязательны, для научного сообщения время дня, года, день недели и т. д. значительно менее релевантны и если имеются, то связаны с процессом, а не с содержанием мысли, тяготеющей к истине, не ограниченной временными указателями.

Аналогичная ситуация наблюдается и в лексическом выражении пространственного континуума передаваемого содержания. Локализация событий, без которой невозможно создание художественного мира отраженной действительности, для научного сообщения не характерна; оно "надпространственно" в своей основе. Так же, как в случае с темпоральными указателями, пространственные лексемы изредка употребляются в фактуальной (событийной, повествовательной) части первого абзаца [23].

Разная представленность локально-темпоральных сигналов в повествовании и рассуждении, различие в глагольных временах, оформляющих эти типы изложения, сам факт наличия последних и порождаемая ими смена перспектив — все это выступает в роли сил центробежных, противостоящих стабильности пространственно-временного континуума и единству авторской организующей точки зрения. Однако и здесь главный конституирующий признак научной речи — логическая последовательность — обеспечивает содержательную связность разнородных фрагментов, определяя следование вывода за посылкой или иллюстративным объяснением, т. е. интегрируя

[21] Ср.: «Форма настоящего времени и дейктик настоящего времени служат языковыми сигналами определенной точки зрения, с которой ведется повествование» (*Тураева З. Я.* Опыт описания категорий текста.— В кн.: Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, вып. 3, с. 6).

[22] В не-повествовательной части научного сообщения — в рассуждении — обнаружен только один темпоральный лексический указатель — наречие now, закрепляющее «настоящее сюжетное» время научной статьи. Now, начинающее серединное предложение первого абзаца, часто отграничивает конкретный факт (повествование) от вывода (рассуждения).

в единое целое конкретный факт-импульс и порождаемый им поиск и обнаружение обобщающей научной истины.

Обобщающий характер научного изложения, заявленный уже в первом абзаце текста, ответствен не только за резкое сокращение средств выражения пространственно-временного континуума (по сравнению с текстом художественным), но и за значительно менее выраженную антропоцентричность научной речи в целом. Действительно, три содержательные универсалии художественного текста — человек, время, пространство — обязательны для его первого абзаца либо в виде полной триады, либо реже с пропуском одной из универсалий и последующим ее восстановлением. Для научного текста они вторичны и в первом абзаце представлены спорадически и неполно, лишь в случаях включения конкретного события в зачин статьи. Таким образом, разделение двух типов передаваемой первым абзацем информации — содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной — осуществляется и на грамматическом (глагольные времена), и на лексическом (пространственные, темпоральные, агентивные лексические указатели), и на композиционном (переключение типов изложения и повествовательных перспектив) уровнях текстовой структуры.

Композиционно-речевые различия в оформлении двух типов информации поддерживаются и реализацией текстовой субъективной модальности. Представляя точку зрения автора, модальность является проникающей текстовой категорией, наиболее полно выраженной в содержательно-концептуальной информации (которая в отличие от содержательно-фактуальной всегда модальна) и в связи с этим реализуемой не одномоментно, а через постепенное накопление таких сигналов авторской модальности, как эмоциональная и оценочная лексика, аффективный синтаксис, грамматическая, лексическая, композиционная заявленность автора [24].

Традиционной формой заявленности автора является система местоименных форм первого лица. В отличие от русской научной прозы, где наблюдается очевидная тенденция к замене личной манеры изложения на неличную и к элиминации средств выражения эмоциональности и экспрессивности [25], англоязычная филологическая литература отличается весьма высокой и устойчивой частотностью местоимений первого лица, вводимых уже в первом абзаце: три четверти всех зачинов имеют прономинальный характер. При этом единственное число используется несколько чаще

---

[23] В ряде случаев, правда, можно говорить о косвенном выражении пространства в научной речи. Например, определения типа American, British, Southern и под. можно считать неявными указателями пространственного континуума.

[24] Различие художественной и научной речи, онтологически обусловленное разными типами познания объективной действительности и проявляющееся на всех этапах и уровнях строения текстов, имеет место, в частности, и здесь: эффект достоверности и истинности того, что описывается художником, создается за счет разнообразных приемов личного отмежевания от того, что излагается (перепорученное повествование, внутренняя и несобственно-прямая речь персонажа, подчеркнутая рационализация оценок и пр.). В научном изложении, наоборот, автор открыто берет всю ответственность за истинность изложения на себя: сочувственно или критически цитирует чужую речь (т. е. оценивает чужую точку зрения) использует грамматические и лексические средства введения собственной позиции и т. п.

[25] Данные О. А. Лаптевой (см: *Лаптева О. А.* Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы.— В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968, с. 136, 141).

множественного [26], которое, помимо уже отмечавшейся полисемии [27], характеризуется в подавляющем числе употреблений альтерэгоцентричностью [28] — стремлением активно включить читателя и в содержание мысли, и в процесс ее движения. Последнее обстоятельство хорошо согласуется с прагматической функцией научного текста, заключающейся в воздействии на читателя с целью убедить его в истинности положений, выдвигаемых автором сочинения. Неслучайно то, что при рассмотрении значений личного и притяжательного местоимений во множественном числе, основным для современной научной прозы считают не "мы" авторской скромности, а "мы" диалогическое, вовлекающее читателя в совместное рассуждение, в "сомышление" [29]. Вот, например, как начинает свою статью В. Баретт: Suppose we approach the literary production in America... (W. B); Hence we arrive at... (J. R.); Here we might make a minimal statement... (R. McD.) — продолжают цепь своих рассуждений другие авторы, обеспечивая эксплицитное включение реципиента с первого абзаца.

Введение "получателя информации в лабораторию мышления отправителя" [30] с самого начала статьи осуществляется не только объединяющим авторским "мы", но и еще более явными формами приглашающего императива: Let us try the experiment... (W. F.); Let us briefly investigate... (L. S); Take this specimen... (D. M.) или риторического вопроса: Do we not see it? (L. T.); Why do we publicize...? (P. J.); Not very encouraging, what? (A. K).

Включенность гипотетического читателя, с разной степенью эксплицитности осуществляемая в начальном абзаце, закладывает основы той диалогичности, которая "в принципе свойственна научной речи вообще" [31], а также способствует реализации авторской модальности, ибо выделяет то, что субъективно отобрано автором для доказательства справедливости своей точки зрения.

Выполнению аналогичных прагматических задач подчинены и те элементы эмоциональности и экспрессивности, которые несомненно имеют место в современном научном филологическом тексте, ибо "без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины" [32]. Конечно, стилистические приемы, эмоционально и стилистически окрашенная лексика, эмфатический синтаксис, привычные в художественной

---

[26] Ср.: «...наименьшее количество работ, написанных в соавторстве, создается в области лингвистики, и именно этой отрасли науки свойственно более свободное употребление форм 1-го лица единственного числа» (*Ясницкий Ю. Г.* Об изменениях в соотношении различных способов выражения авторского «я» в русской научной речи.— В кн.: Проблемы функционирования языка в его разновидностях. Пермь, 1981, с. 65).

[27] См., например: *Глушко М. М.* Организация научного текста в свете системности его прагматических, семантических и синтаксических характеристик.— В кн.: Лингвистические исследования научной речи. М: Наука, 1979, с. 241.

[28] *Лобачев Б. З.* О категориях эго- и альтерэгоцентризма.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1981. М: Наука, 1983, с. 23—24.

[29] *Кожина М. Н.* Формы диалогичности в научных текстах XVIII в.: (сравнительно с современными).— В кн.: Проблемы функционирования языка в его разновидностях. Пермь, 1981, с. 27.

[30] *Троянская Е. С.* К общей концепции понимания функциональных стилей.— В кн.: Особенности стиля научного изложения. М: Наука, 1976, с. 42.

[31] *Кожина М. Н.* Указ. соч. с. 31.

[32] *Ленин В. И.* [Рец. на кн. Н. А. Рубакина «Среди книг», т. 2. М., 1913].— Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

речи, представлены в научной речи значительно скромнее и по составу и по частоте употребления. Есть и существенное функциональное различие в их использовании в разных стилях: если в художественном произведении они выполняют прежде всего функцию эстетическую, создают образность изображаемого мира, то в научном тексте их основное назначение — экспликация авторских положений, введение незнакомого через знакомое. При этом, однако, субъективный характер их создания и отбора, полностью зависящий от автора и сообщающий им силу модального текстового средства, идентичен для обоих стилей.

Наиболее характерными для начала научной статьи стилистическими приемами являются эпитет, метафора и сравнение, которые представлены одиночно или в конвергенции в абсолютном большинстве (более 80%) первых абзацев. Вот несколько примеров: There is an impression among some people that Bible translating is quite an easy task, but these persons have not reckoned with the troublesome thorns and thistles which beset translator at every turn (E. N.); Words are the tools for the job of saying what you want to say (B. E.).

В связи с тем, что стилистические приемы, слова эмоциональной и рациональной оценки открывают текст [33], они включаются в экспликацию авторской позиции [34], т. е. с самого начала участвуют в создании и укреплении авторской субъективной модальности. Здесь мы снова сталкиваемся с противоречивой природой использования СП, оценочных и стилистически окрашенных слов в научной речи. С одной стороны, обеспечивая проникающую категорию модальности, они способствуют интеграции всех отрезков текста в единое целое, с другой стороны, являясь "контрастными явлениями" научного стиля, нарушают его гомогенность.

Иными словами, явление, изначально стилю не свойственное (следовательно, направленное на центробежный эффект), попадая в новую систему, интегрируется ею и подавляется центростремительными силами, организующими целостность и связность текста, в данном случае через категорию модальности.

Как уже упоминалось выше, основной центростремительной силой любого текста является авторское "я", обозначаемое разными исследователями как точка зрения, перспектива, позиция, угол наблюдения, образ автора. Отличительная черта его реализации в научной речи заключается в намеренной заявленности, открыто представленной композиционными и речевыми средствами и направленной на доказательство истинности излагаемого. Из сказанного явствует важность своевременного включения читателя в процесс развертывания авторской мысли. Показ динамики ее движения представляет собой сущностную характеристику научного сочинения именно потому, что выносит во внешнюю речь этапы формирования его основного содержания. Участие читателя в поступательном развитии шаговых мыслительных операций осуществляется, помимо описанных выше формул приглашения, местоименного включения, явной и неявной

---

[33] О прочности семантических связей между оценочными словами и субъектом оценки. см: *Золотова Г. А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

[34] Ср.: «Как правило, оценочные конструкции появляются в начале или в конце абзаца, главы, целого произведения» (*Масленникова А. А.* Особенности функционирования оценочных конструкций в художественной и научной прозе.— В кн.: Анализ стилей зарубежной..., с. 47).

диалогизации, экспликацией авторских намерений, которая помещается в первый абзац и имеет весьма клишированный характер выражения: The purpose (theme, concern, focus) of this work (paper, essay, chapter, book) is...; I want to discuss...; My remarks are (will be) largely concerned with... Дистрибуция этих и подобных эксплицирующих фраз непосредственно зависит от содержания первого абзаца. Открывающийся изложением факта, абзац завершается прагматически направленным предложением, которое служит переходным мостиком ко второму абзацу. Здесь оно функционально равнозначно императивному завершению типа Let us... или Take this example (specimen, case, etc.) и, помимо разъяснения намерений, также выполняет роль межабзацной скрепы. Завершающая позиция эксплицирующей фразы наиболее характерна для первого абзаца. Серединная позиция, как правило, разделяет факт и обобщение. Инициальная вводит тему, она отличается разнообразием языкового оформления и обязательно содержит полный или частичный повтор заглавных слов.

На соотнесенности первого абзаца и заголовка научной статьи следует остановится особо. Слова, выносимые в заглавие художественного произведения, могут ни разу не повториться в тексте даже большого объема. Если же повторное использование имеет место, оно, как правило, не происходит в первом абзаце [35]. Научная статья, наоборот, характеризуется устойчивым признаком повторяемости заглавных слов в зачине, что непосредственно вытекает из таких характеристик научной речи, как открытая экспликация авторской интенции, стремление к возможно более ранней включенности читателя в движение мысли, обеспечение четкости и логичности изложения через разъяснение исходных позиций [36].

Характер повтора заглавных слов в первом абзаце зависит от развернутости заголовка и семантики его составляющих. Полный повтор развернутого заголовка встречается реже, чем повторение отдельных его частей в разных контекстах. Такая раздельная повторяемость приводит к значительной частотности корневого повтора, в котором повторяющаяся основа активно участвует в словообразовании. Например, в первом абзаце цитированной статьи Л. Шпитцера "American advertizing explained as popular art" имеют место: advertizing, advertisemen, advertize, употребленные 10 раз, art, artistic, употребленные 7 раз, и explained, explanation — 2 раза. Если принять во внимание и контекстуальный синонимический повтор artistic-aesthetic; popular-public-everyday; explanation — фр. explication, общее число словоупотреблений, повторяющих заглавные слова в первом абзаце, возрастает до 23.

Синонимический повтор, который разносторонне освещает понятие, вынесенное в заголовок, вообще чрезвычайно характерен для первого абзаца научной статьи. Так, диалектная речь жителей затерянной в горах деревушки называется backwoods grammar — Ozark dialect — hillmen's speech (W. R.), диалектные отклонения от нормы у американцев-южан обозначаются последовательно как regional variations — regional dif-

[35] Исключение составляют заглавия — имена собственные, которые иногда могут появляться и в первом абзаце.

[36] Повторяемость заголовка в первом абзаце крупных научных трудов наблюдается чрезвычайно редко, что может рассматриваться как один из жанроразличительных признаков при решении вопроса о внутристилевой дифференциации научной речи.

ferences — diversity of accent — glossary of Americanisms — Southernisms (A. M).

В подавляющем большинстве рассмотренных статей используется один — два, реже все три вида повтора заглавных слов. В обязательном порядке повторяются слова, для снятия полисемии которых структура заголовка оказалась недостаточной.

Повторяемость заглавных слов захватывает не только первый абзац, но распространяется на весь текст, приобретая функцию текстовой скрепы, свойственную тематическим словам вообще. То обстоятельство, что в научной прозе в разряд тематических попадают заглавные слова, объясняется ярко выраженным тематическим характером ее заголовка [37]. Если заглавие художественного произведения может нести и фактуальную, и концептуальную информацию, для научного текста последняя не характерна, хотя авторская модальность присутствует примерно в половине заголовков рассмотренных научных филологических статей. Она реализуется лексически — через использование оценочных слов, окказионализмов, тропов, стилистически окрашенной фразеологии, или синтаксически — через порядок слов, выбор конструкции, ее завершенность. Вот несколько заголовков из сборника статей о современной американской литературе: Dirty words? (B. de M.); The barbarian is at the gates (L. L.); The higher sentimentality (L. F.); Notes on the wild goose chase (J. H.); A true lie-minded man (W. G.) и т. п. Вопросительная конструкция первого, метафорический перифраз второго, ирония третьего и четвертого, оксиморон пятого — все это заявляет об авторской позиции модальности с первого знака текста — его заглавия.

Таким образом, открытая заявленность автора находит свое выражение с самого начала текста так же, как и экспликация авторской интенции, обеспечивающая включенность читателя в динамику движения и содержание мысли на начальном этапе развертывания текста.

Осуществление главной конституирующей характеристики научной речи — логической последовательности — немыслимо без точности и строгости изложения. Заявленность авторской точки зрения, точность и строгость смыкаются в явлении, присущем любому научному тексту,— определении его базовых понятий [38]. Первые абзацы, имеющие в своем составе рассуждения и/или проспективно направленные выводы, как правило, располагают и дефиницией одного, реже — двух понятий, составляющих тематическую основу статьи. В связи с ярко выраженной тематичностью заголовка, в дефиниции первых абзацев включаются прежде всего ведущие заглавные слова: American slang, as used in the title of this dictionary, is the body of words and expressions... (S. F.); The Happy Consciousness — the belief

---

[37] Ср.: «В научных трудах заглавия должны точно ориентировать на излагаемую тему; в прочих публикациях они выполняют функцию привлечения интереса, т. е. рекламную и информативную» (*Krahl K.* Kleines Wörterbuch den Stilkunde. Leipzig, 1975, S. 131). Тематичность научного заголовка проявляется, в частности, при озаглавливании извлечений из научных текстов, для чего используются слова и выражения из открывающих фрагменты абзацев. В этом смысле очень характерно объяснение редакторов, готовивших рукопись Н. И. Жинкина к печати: «В целях лучшего восприятия содержания редакторы сочли возможным сгруппировать эти разделы в три главы... При этом все названия разделов были взяты из текста оригинала» (см.: Предисловие к кн.: *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1983, с. 11).

[38] Неслучайно афоризмом стали слова Р. Декарта: «Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины заблуждений».

that the real is rational and that the system delivers the goods — reflects the new conformism... (H. M.).

В определенном смысле дефиницию можно рассматривать в одном ряду с упомянутой выше синонимичностью, характерной для комплекса "заголовок — первый абзац". Вообще внутритекстовую синонимию следует включить в более широкое явление повторной (вторичной) номинации [39], реализующей такое фундаментальное свойство связного текста как наличие в нем неоднократного упоминания элементов описываемой ситуации или их свойств [40]. Поскольку содержанием любого текста является система отношений определенного состава денотатов [41], их повторная номинация, внутритекстовая синонимия в том числе, становится неотъемлемым свойством каждого текста, и научного. Эксплицитный характер построения научного текста ведет к открытой заявленности повторного обозначения одних и тех же понятий при помощи клише: This (that) is to say ... Another way to put it ... Namely ... Which is ... и т. п., которые к тому же обеспечивают и объяснительный, включающий реципиента, характер построения абзаца.

Наличие общих и сходных свойств у дефиниции, внутритекстовой (внутриабзацной) синонимии и повторной номинации не является, однако, достаточным основанием для их отождествления. Дефиниция и иногда синонимия являются статичными элементами текста [42], направленными на экспликацию понятий, весьма автономными по отношению к включающему их фрагменту текста: дефиницию легко "вынуть" из целого текста. Повторная номинация и в ряде случаев внутритекстовая синонимия непосредственно участвуют в обозначении моментов движения текста, т. е. относятся к его динамическим элементам и направлены на более полную, разностороннюю репрезентацию обозначаемого.

Представленность трех сравниваемых явлений в первом абзаце непосредственно зависит от его содержания. Они обязательны при наличии в нем введения в тему или ее разработки. Только в исключительных случаях (не более 5% материала), когда начальный абзац отличается чрезвычайно малым объемом и сводится к изложению только отправного этапа — импульса для последующих рассуждений, составляющих содержание статьи, нет ни дефиниции, ни внутриабзацной синонимии, ни повторной номинации.

Следовательно, все композиционные и языковые характеристики первого абзаца, его спаянность с заголовком и последующим изложением, представленность в нем таких обязательных категорий текста, как связность и модальность, выполнение им информативной и контактоустанавливающей функции — все это непосредственно зависит от его смысловой структуры. Основное коммуникативное назначение первого абзаца — введение темы, обозначенной в заголовке, поэтому информация, заложенная в первом абзаце научной филологической статьи может рассматриваться как пояснительно-импульсная, раскрывающая истоки и причины выбора темы. В роли

---

[39] О повторной номинации на уровне предложения как важном факторе организации текста см: *Гак В. Г.* Повторная номинация на уровне текста.— В кн.: Синтаксис текста. М.: Наука, 1979, с. 91—103.

[40] *Богуславская О. Ю.* О семантике анафоры.— В кн.: Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982, с. 64.

[41] См.: *Фреге Г.* Смысл и денотат.— В кн.: Семиотика и информация. М., 1977, вып. 8.

[42] О статических и динамических элементах текста см. *Lyons L.* Semantics, Cambridge; University Press, 1977, v. II.

тематического (проблемного) импульса может выступать конкретное событие, иллюстрация к последующим рассуждениям. Сюда же следует отнести начало статьи с истории вопроса (где есть факты, имена, даты), в который автор предполагает внести ясность своим сочинением.

При импульсно-абстрактном начале тема вводится при помощи сентенции, максимы, обобщения. В связи с их абстрактно-отвлеченным, вневременным характером последующее изложение строится по аналогии или как следствие (одно из проявлений) универсального умозаключения. Например: It is the nature of drama to raise questions rather than to answer them (M. M.); War is a powerful excitant, perhaps the most rapidly effectual excitant of language (E. P.); The concept of culture is all-inclusive (B. K.).

В зависимости от типа тематического импульса содержание первого абзаца разворачивается от конкретного к абстрактному или наоборот. В обоих случаях абзац в большинстве своем отличается информативной гетерогенностью, включает и содержательно-фактуальную и содержательно-концептуальную информацию.

Таким образом, неоднородность состава начального абзаца научной филологической статьи проявляется и в смысловом содержании, и в композиционной, и в языковой структуре. Однако разрыхляющие его иноязычные и стилистически чужеродные элементы, цитации чужой речи, сноски и отсылки, сменяемость повествования и рассуждения, диалогизация, смена временного континуума и т. п. — все это подавляется и интегрируется в целостное единство мощными силами сцепления, которые представлены жесткой логической последовательностью организации процесса и содержания мысли, эксплицитной заявленностью проникающей авторской модальности и точки зрения, жесткими связями с предшествующим заголовком и последующим вторым абзацем, обеспечивая первому абзацу статус необходимого элемента единоцелостной системы завершенного текста.

Принятые сокращения

W. B. — *W. Barrett.* American fiction and American values.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970

R. B. — *R. Barthes.* Style and its image.— In: Literary style, a symposium. Oxford University Press, 1971.

B. E. — *B. Evans.* The power of words.— In: Language awareness. N. Y., 1982.

S. F. — *S. B. Flexner.* American slang: Preface to the Dictionary of American slang. N. Y., 1968.

W. Fr. — *W. Nelson Francis.* Social and educational varieties of English.— In: The world of words. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967.

R. G. — *R. S. Gold.* The vernacular of Jazz: Preface to a Jazz Lexicon. N. Y., 1964.

P. G. — *P. Goodman.* Underground writing.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.

S. H. — *S. Henry.* Advertizing as a philosophical system.— In: S. Henry Culture against man. N. Y., 1967.

A. K. — *A. Kazin.* The alone generation.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.

M. K. — *M. Klein.* Introduction.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.

B. K. — *B. Kottler, M. Light.* Language in culture.— In: Language in culture: Proceedings of North Carohna annual symposium. 1980.

S. L. — *S. Levin.* The conventions of poetry.— In: Literary style, a symposium. Oxford University Press. 1971.

L. L. — *L. Lipton.* The barbarian is at the gates.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.

F. L. — *F. L. Lucas.* What is style? — Holiday magazine, XXVII (March, 1960).
R. McD. — *R. J. McDavid Jr.* Social dialects.— In: Social dialects and language learning. Proceedings of the Bloomington, Indiana, conference. 1964.
M. M. — *M. Mahood.* Shakespeare's world of words.— In: Shakespeare's wordplay. L., 1957.
A. M. — *A. H. Marckwardt.* Regional variations.— In: American English. Oxford University Press, 1967.
H. M. — *H. Marcuse.* The closing of the universe of discourse.— In: One-dimensional man. Boston, 1964.
D. M. — *D. Mellinkoff.* Toward a more intelligible language of the law.— In: D. Mellinkoff. The Language of the law. Boston, 1968.
E. N. — *E. Nida.* Thorns and Thistles.— In: E. Nida. God's word in man's language. N. Y., 1962.
E. P. — *E. Partridge.* Thanks to the war...— In: Words at war: words at peace. L., 1948.
W. R. — *W. Randolph, G. P. Wilson.* Backwoods grammar.— In: Down in the Holler. University of Oklahoma press, 1972.
Ph. R. — *Ph. Roth.* Writing American fiction.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.
J. R. — *J. W. Russel.* Among the new words.— In: American Speech, 1965, 10.
Th. S. — *Th. Savory.* The character of the language of science.— In: The language of science. L., 1953.
L. S. — *L. Spitzer.* American advertizing explained as popular art.— In: L. Spitzer. Essays on English and American literature. Princeton University Press, 1978.
L. T. — *L. Trilling.* Art and fortune.— In: The American novel since world war II. Greenwich (Conn.), 1970.
Th. W. — *Th. Wolfe.* The language that I seek: The story of a Novel.— In: Atlantic Monthly, 1964, 8.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

А. В. СТЕЛЛИФЕРОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Изучение функциональных стилей занимает значительное место в современной лингвостилистике и не теряет свой актуальности. Перспективным направлением в исследовании функциональных стилей является рассмотрение их не только в плане дифференциации, но также и в плане взаимодействия и интеграции. Положение о взаимодействии стилей — и в более узком смысле жанров — основывается на признании проницаемости стилей. Многие исследователи считают стили проницаемыми, незамкнутыми системами [1]. При этом, как отмечает В. Л. Наер, речь идет не о механическом сведении в одном тексте разностилевых элементов, а о "заимствовании одним стилем в ходе развития стилевой системы языка какого-либо свойства или признака другого стиля, обычно для иных целей, фигурирующего уже как свойство или признак данного стиля; кроме того, в процессе языкового развития вырабатываются также какие-то принципы и нормы сосуществования, взаимодействия и проникновения стилей, которые реализуются в речевой практике регулярно, а не случайно" [2]. Вместе с тем степень взаимопроникновения стилей не идет настолько далеко, чтобы разрушить специфику какого-либо стиля, а действует в диалектическом единстве с процессом углубления дифференциации функциональных стилей [3].

Процесс взаимопроникновения охватывает в первую очередь те стили, которые обслуживают сферы деятельности, регулярно соприкасающиеся и взаимодействующие друг с другом. Особую активность при этом проявляют средства массовой коммуникации, имеющие всепроникающий характер, прежде всего пресса. В современной газете находят отражение разнообразные материалы — в частности, на научные, официально-деловые темы. Подобные проблемы превратились в современном мире из узкокасто-

---

[1] См., например: *Кумахова З. Ю., Кумахов М. А.* К проблеме классификации функциональных стилей в языках различных типов.— ВЯ 1978, № 1; *Наер В. Л.* Научная проблематика на страницах англоязычной газеты (К вопросу о межстилевых контактах).— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982; *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы: (Лингвостилистическое исследование). М.: Наука, 1978; *Шестова В. М.* Функционирование научного стиля в газете. Канд. дис. М., 1978.

[2] *Наер В. Л.* Указ. соч., с. 127. Аналогичная мысль высказывается в работе Н. М. Разинкиной (указ. соч., с. 7, 30, 144).

[3] См. подробнее об этом: *Кумахова З. Ю., Кумахов М. А.* Указ. соч.; *Наер В. Л.* К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка.— В кн.: Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.

вых в предмет заботы едва ли не всего цивилизованного человечества [4]. Материалы, отражающие деятельность человека в этих сферах, естественно, получили в газете очень широкое распространение.

Тексты различных функциональных стилей, попадая в газету, подвергаются определенным преобразованиям, во многом теряют свою стилевую принадлежность и в конечном счете вписываются в функциональный стиль газеты. Подобные явления находятся на стыке функциональных стилей и их изучение представляет большой интерес для лингвостилистики. Те изменения, которые происходят с иностилевыми материалами в газете, в частности, опровергают мнение о неоднородности, "разношерстности" газетных явлений, о том, что газетного стиля вообще не существует.

Газетный стиль, как известно, наиболее тесно соприкасается с публицистическим стилем и отдельными его жанрами. Так, значительное место в газете занимают парламентские отчеты. В период парламентской сессии им обычно отводится целая страница в соответствующей газетной рубрике. Если сравнить парламентское выступление, как устную разновидность публицистического стиля (ораторскую речь), с информационным газетным сообщением, в котором это выступление передается, то два данных текста [5] будут различаться по целому ряду параметров, особенно в структурно-смысловом плане.

Следует отметить, что текст парламентского отчета в газете или производный текст создается на основе текстов сразу нескольких парламентских выступлений или исходных текстов за счет значительного сокращения объема каждого из них; передаются лишь наиболее важные положения, основные моменты выступлений. При этом, естественно, передаются не все, а только некоторые выступления — в самом отборе выступлений проявляется газетная прагматика. Каждый такой сокращенный, сжатый текст представляет собой часть производного текста. Эта часть производного текста обычно состоит из нескольких сверхфразовых единств (СФЕ), и ее можно рассматривать как более крупную единицу текста — субтекст [6], фрагмент текста [7] или предикативно-релятивный комплекс [8].

Для целей настоящего исследования наиболее удачным представляется термин "предикативно-релятивный комплекс" (ПРК). ПРК выделяется на основании семантического критерия, тематической одноплановости его членов — СФЕ. ПРК является единством "логического, коммуникативного, прагматического и эмоционально-оценочного аспектов, которые реализуются в определенной семантической и структурной языковой форме" [9].

В зависимости от объема информации и от функции в выполнении общего коммуникативного задания члены этого комплекса делятся на предикативные (ведущие, определяющие) и релятивные (второстепенные, подчиненные); предикативный член представляет собой концептуальное ядро

---

[4] *Наер В. Л.* Научная проблематика..., с. 129.

[5] В статье используются следующие термины: «текст парламентского выступления» и «текст газетного парламентского отчета» и соответственно: «исходный текст» и «производный текст».

[6] В понимании А. А. Вейзе (*Вейзе А. А.* Реферирование текста. Минск, 1978, с. 23—24).

[7] Термин Г. Я. Солганика (*Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика. М., 1973).

[8] Термин Т. М. Баталовой (*Баталова Т. М.* Соотношения предикативных и релятивных отрезков текста. Канд. дис. М., 1977).

[9] Там же, с. 19.

ПРК, релятивный член факультативен по отношению к предикативному. На основе семантического контраста элементов на синтагматической оси выделяются два структурных типа ПРК — одночленный, состоящий только из предикативного члена при нулевом релятивном, и многочленный, состоящий из совокупности предикативных и релятивных членов. Для художественного произведения, например, характерна многочленная структура. "Исключение релятивных элементов из текста, полное сжатие информации превратило бы художественное произведение в протокольную запись" [10]. Это, видимо, относится и к публицистическому стилю. Текст же парламентского отчета в газете характеризуется высокой степенью сжатости, направлен на сообщение только наиболее существенной информации и, хотя его можно лишь условно назвать протокольной записью, для него в большей степени будут характерны одночленные ПРК.

Присутствие релятивных элементов в газетном тексте и их количество определяются его прагматической установкой, при этом, чем более сжатым является текст, тем меньше в нем будет релятивных элементов и тем прочнее они будут связаны с главным, предикативным членом. Соответственно из ПРК исходного текста в производном тексте в первую очередь передается предикативный элемент, предикативное СФЕ, и в зависимости от прагматической установки газетного текста более или менее подробно — релятивные элементы. Как правило, исходный текст соответствует одному предикативно-релятивному комплексу производного текста.

Таким образом, производный текст получает свое содержание на основе содержаний нескольких исходных текстов. Используя термины "содержание" и "смысл" в понимании И. Р. Гальперина [11], можно сказать, что содержание исходного текста не повторяется в производном тексте, т. е. не повторяется полностью, а передается лишь частично, или передается содержание частей исходного текста, которые состоят из одного или нескольких СФЕ. Каждое СФЕ имеет определенный смысл. Для повторения содержания требовалось бы полное, буквальное повторение сказанного, т. е. всего исходного текста. Повторение смысла, с другой стороны, не предполагает дословного воспроизведения той части исходного текста, в которой он заключен, что иногда приводит к некоторому отходу от оригинала в производном тексте и проявляется, например, в перифразах, уточнениях, конкретизации, в нейтрализации лексики, в изменении порядка слов, синтаксических трансформациях.

Газетная специфика производного текста хорошо прослеживается в особенностях объемно-прагматического и контекстно-вариативного членения [12], связанных в числе других факторов с прагматической установкой данного типа текста, а именно — информировать читателей, а также предложить свою оценку, чаще всего выраженную имплицитно. Прагматическая установка исходного текста — убедить аудиторию, заставить ее принять определенную точку зрения. Обычно это выступления политиков, экономистов, юристов, специалистов в различных областях и ориентированы они

[10] Там же, с. 59.

[11] Содержание — совокупность смыслов, членимо и обычно неповторимо; смысл — нечленим и может повторяться (*Гальперин И. Р.* Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах.— НДВШ. Филол. науки, 1982, № 5).

[12] Термины И. Р. Гальперина (*Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981).

на хорошо подготовленную, высокообразованную аудиторию, носят пространный, развернутый, всесторонний характер. Для соответствующего текста парламентского отчета в газете такой всеобъемлющий подход не характерен: газетный текст избегает чрезмерной детализации, в нем опускаются многие подробности, иначе понимание читающей аудитории могло бы быть затруднено; кроме того, это связано также и с ограниченностью места в газете.

Текст парламентского отчета в газете отличается стабильной композицией. Выделяются следующие части: заголовок, вводный абзац, собственно изложение, заключительная, итоговая фраза типа: The bill was read a second time; the amendment was withdrawn; the debate was concluded.

Заголовок ярко выражает газетную прагматику и в отличие от соответствующего названия вопроса в парламенте, выполняющего лишь функцию номинации и синтаксически строящегося по схеме: N + N или A + N, всегда более конкретен, кратко обобщает суть дебатов, несет в себе оценку, синтаксически более развернут, обычно имеет глагольную группу и часто представляет собой эллиптическое предложение. Газетный заголовок обычно отражает позицию газеты по данной проблеме.

Сравним официальное название одного из вопросов — Finance bill — с соответствующими заголовками из трех разных газет: 1) Retrospective clause in finance bill defended (T, July 20, 1978); 2) Tory peer attacks retrospective clause in finance bill (FT, July 20, 1978); 3) "Objectionable remedy" for tax avoidance (DT, July 20, 1978). Как видно из примеров, каждый газетный заголовок более подробен и дает более конкретную информацию, чем официальное название. Третий заголовок наиболее конкретный: в нем идет речь об уклонении от уплаты налогов (tax avoidance); в первых двух — об одном из положений законопроекта (retrospective clause), которое направлено против лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Официальное название вопроса дано в самом общем виде — Finance Bill. Второй заголовок синтаксически более развернут, чем другие. Каждый заголовок несет оценку — первые два косвенную, имплицитную: в первом случае глагол defended подчеркивает идею поддержки и, возможно, выражает одобрение газеты; во втором — глагол attacked подчеркивает несогласие и, возможно, означает отрицательное отношение газеты; в третьем примере оценка выражена эксплицитно при помощи цитирования слов одного из выступавших — objectionable remedy — газета явно солидаризируется с этим мнением.

Каждый заголовок направлен на текст газетного парламентского отчета в целом и не может быть полностью раскрыт частью этого текста или текстом одного парламентского выступления, даже если оно приведено полностью, т. е. завершенным по отношению к заголовку выступает весь газетный текст. Что же касается парламентских выступлений, на основе которых создается газетный текст, то все они вместе и каждое в отдельности "покрывают" официальное название вопроса; следовательно, текст каждого выступления является завершенным по отношению к официальному названию вопроса в парламенте. Газетный заголовок обеспечивает проспекцию в газетном тексте в значительно большей степени, чем официальное название вопроса в текстах парламентских выступлений. Средством обеспечения проспекции в газетном тексте является, например, указание на наличие различных мнений. Так, в первом заголовке глагол defended,

выражая идею поддержки, предполагает, что кто-то выступил против, что имели место острые дебаты.

Вводный абзац текста парламентского отчета в газете также выполняет проспективную функцию и носит суммирующий и оценочный характер. Он состоит из двух частей: в первой обычно приводится высказывание одного из выступавших относительно обсуждаемой проблемы, которое, по мнению газеты, наиболее показательно, типично, содержит ту же оценку, что и заголовок; во второй указывается стадия обсуждения законопроекта, партийная принадлежность и официальное положение оратора, т. е. дается информация, которая может быть неизвестна читателю газеты, но которая известна присутствующим в парламенте и является весьма существенной. Такой абзац типичен для парламентских отчетов, публикуемых в газете "The Times", например: There was a rumour current that the government intended to dismember the Arts Council of Great Britain, Lord Elton (C) [13], for the Opposition, said when the committee stage of the Wales Bill was resumed (T, June 22, 1978).

В других случаях вводный абзац может носить более обобщенный характер и довольно ярко выражать оценку; высказывания выступавших тогда обычно не приводятся, например: The *controversial* bill setting up a Scottish Assembly ended in *a stormy ping-pong passage* in the Lords yesterday. It now awaits Royal Assent (FT, July 28, 1978). Controversial и a stormy ping-pong passage являются оценочными элементами и передают отрицательное и во втором случае, возможно, даже пренебрежительное отношение газеты. Первая оценка выражена логическими средствами, вторая — образными средствами. Обычно читателю достаточно ознакомиться с заголовком и вводным абзацем, чтобы составить представление о характере дебатов, итоге рассмотрения законопроекта и позиции газеты по данной проблеме.

Средний объем абзаца в газете составляет два—три предложения. "Членение в газетных текстах,— отмечает И. Р. Гальперин,— подчиняется в основном прагматической установке и ограничению места, но слишком сжатая форма может подчас даже нарушить логический и прагматический аспекты членения" [14]. Сжатая форма изложения в исследуемом типе газетного текста, по-видимому, является нормой. В следующем примере абзац состоит из предложений-выводов, взятых из разных мест исходного текста; каждое из этих предложений по сути является сверхфразовым единством; они содержат положения, непосредственно друг из друга не следующие, слабо связанные логически и в пределах одного абзаца как бы сталкивающиеся одно с другим: The principle of retrospection concerned every person who played any part in any legislative process. It was repulsive that a sovereign Parliament should make conduct a crime which when perpetrated was no crime (T, July 20, 1978). В исходном тексте каждое из этих положений подробно развивается, обосновывается, неоднократно повторяется на всем протяжении выступления. В производном тексте даются только тезисы, ключевые предложения, отличающиеся высокой степенью автосемантии и часто равные СФЕ. Заметна тенденция к объединению двух или даже нескольких СФЕ-предложений в одном абзаце.

Для текста парламентского отчета в газете характерно употребление

[13] C — Conservative.

[14] *Гальперин И. Р.* Текст как объект..., с. 55.

экзистенциональных предложений с конструкцией there is/there are, что позволяет связать такое предложение с предыдущим без дополнительных средств связи, а с другой стороны, освободиться от показателей связи с предшествующим контекстом выступления, если он не передается в производном тексте. Кроме того, эта конструкция дает возможность поддерживать неличный характер изложения, вводит косвенную и несобственно-прямую речь, например: Lord Elton said *there was* genuine anxiety within the Home Civil Service about the possibility of a language test before appointment to the service of the assembly (T, June 22, 1978). Ср. с началом соответствующей фразы исходного текста: I had put this Amendment down as a probing Amendment in order, first of all, to elicit the views which several of my noble friends have most hopefully advanced, *which reflect views I have heard of a genuine anxiety within the Home Civil Service...* (PD, 1159).

Сжатие исходного текста проявляется в двух взаимодействующих тенденциях. Одна тенденция — к свертыванию нескольких — двух—трех — предложений в одно сложное, т. е. утяжеление синтаксической конструкции, типичное для информационных газетных сообщений. Такие предложения обычно предназначены только для прочтения, а не для произнесения вслух. Например: We are still a great industrial nation. A great proportion of the wealth which we create comes from manufacture. In this activity, the engineer plays a very important part (PD, 817) — Britain was still a great industrial nation, he said, and a higher proportion of the wealth created came from manufacturing industry in which engineering played an important part (T, June 20, 1978). Другая тенденция к упрощению, облегчению синтаксической конструкции: официальные, книжные обороты заменяются на нейтральные, например: 1) In the absence of *absolute certainty as to* what the situation is, it is very difficult to move (PD, 813) — In the absence of *being certain* what the situation is... (T, June 20, 1978); 2) ...participate in all *the* decisions *that are taken in regard to* the UK (PD, 1152) — ...take part in all decisions *regarding* the UK (T, June 22, 1978).

Итак, из совокупности выступлений в парламенте по одному какому-то вопросу выделяются ключевые моменты, которые затем объединяются в новый текст — текст парламентского отчета в газете. Новые связующие элементы обычно не создаются. Наиболее типичный способ связи — следование логике исходного текста и использование средств связи исходного текста — там, где это возможно. С другой стороны, опущение целых фрагментов исходных текстов требует в определенных случаях введения компенсирующих элементов, в основном на лексическом уровне выполняющих функции уточнения, конкретизации, разъяснения, например: the professions (PD, 570) — the *medical* profession (T, June 16, 1978); remuneration (PD, 573) — *the* remuneration *of health service staff* (T, June 16, 1978); a *local* authority (PD, 813) — a *housing* authority (T, June 20, 1978); the Department (PD, 813) — the Department *of the Environment* (T, June 20, 1978); the Assembly (PD, 961) — the *Scottish* Assembly (T, June 21, 1978); the procedure (PD, 1021) — the *election* procedure (T, June 21, 1978).

Если следование логике исходного текста не представляется возможным, применяются перестановки: предложение или часть предложения из одной части исходного текста связывается в производном тексте с предложением или частью предложения из другого места — чаще в сложноподчиненное

предложение или они просто следуют друг за другом как самостоятельные предложения без формальных средств связи. Некоторые средства связи, характерные для ораторской речи, вообще никогда не встречаются в парламентских отчетах в газете, например, вводные слова и вопросно-ответная форма. Основное средство связи в газетном тексте — повторы и использование личных местоимений [15]. Связь между абзацами достигается в основном путем концентрации указателей связи в начале абзаца; эта форма нейтральна в экпрессивном отношении, не подчеркивает, не акцентирует саму связь [16], например:

At the moment the Welsh Council had complete autonomy. They had everything they could want. They had a representatlve to sit on the council at the centre in London and to take part in all decisions regarding the UK. *The right to take part in decisions at the centre was important* and anything less than that would have a bad effect on the way the arts are administered (T, June 22, 1978).

В начале второго абзаца производного текста по сравнению с исходным текстом изменено логическое ударение: слово right выносится на первое место. Ср. в исходном тексте: It is essential that they have *the right* to sit at the centre... (PD, 1152).

Иногда в производном тексте наблюдается значительный отход от исходного текста, что можно было бы условно назвать интерпретацией текста (части текста, предложения), например: The second reason was *the extraordinary misconception that science had won the day* (PD, 819)— There had tended to be *an over—reliance on science* (T, June 20, 1978). В данном случае "интерпретация" предложения способствует нейтрализации модальности высказывания и связана с заменой образного, метафорического выражения на нейтральное. В исходном предложении проявляется индивидуальность оратора, трансформированное предложение безлично. Эти два предложения хорошо иллюстрируют прагматическую направленность двух типов текста: первого — на воздействие, второго — в основном на информирование. "Интерпретация" более продолжительных отрезков текста обычно используется также с целью суммирования и сжатия изложения.

Структурно-смысловые характеристики текстов парламентских отчетов в газете проявляются и в особенностях контекстно-вариативного членения. С точки зрения контекстно-вариативного членения в данном типе текстов можно выделить авторскую речь, чужую речь и несобственно-прямую речь. Однако следует сразу же отметить, что несобственно-прямая речь используется исключительно для передачи чужой речи наряду с косвенной и прямой речью. Авторская речь употребляется очень ограниченно и также в основном подчинена функции передачи чужой речи, хотя, кроме этого, обычно связана с выражением оценки.

Речь автора встречается во вводном абзаце, обычно во второй части, во вводящих фразах и выполняет суммирующую роль и роль связи, например: Lord Kirkill... *resisting the amendment*, said the main protection in this case was the power of... (T, June 21, 1978). Фраза resisting the amendment подытоживает идею выступления, выражает отношение выступавшего к

[15] Ср.: *Муравьева Н. В.* Лингвистическое выражение связности газетной речи. Канд. дис. М., 1980, с. 70.

[16] Ср.: *Маров В. Н.* Композиционно-стилистическая и нормативно-оценочная характеристика абзаца в газете. Канд. дис. М., 1972, с. 36.

поправке к законопроекту; при этом наиболее важная информация выносится на первое место, что способствует привлечению внимания читателя. Речь автора лишена индивидуальности, придает изложению характер сдержанности и объективности. Как отмечает Г. Я. Солганик, в информационных жанрах эстетичны, выразительны слова, обороты, не несущие никакой другой нагрузки, кроме коммуникативной; хроника воспринимается "не как результат индивидуальной речи, а как продукт социально-группового использования языка" [17].

Объективный, сбалансированный характер изложения в рассматриваемом типе текста связан также и с использованием определенных глаголов, вводящих косвенную и прямую речь. Среди них самым употребительным, несомненно, является глагол to say, который по семантической классификации Н. Энквиста [18] относится к нейтральным глаголам. Сюда же, видимо, относится и глагол to declare, встречающийся, однако гораздо реже. Для передачи вопросов обычно используется глагол to ask, принадлежащий к группе глаголов, относящихся к ситуации диалога, но тоже по сути нейтральный. К этой же группе, по-видимому, принадлежит и глагол to add. Вместе с тем абсолютно нехарактерным является, например, употребление глаголов to allege, to claim, несущих скрытую отрицательную оценку. Следует отметить, что косвенная речь требует обязательного употребления вводных глаголов, прямая же речь может употребляться и без них, например: Lord Shinwell (Lab) — There is nothing fundamentally wrong with segregation (T, June 20, 1978); Lord Wells-Pestell — It is for the courts to decide whether any action is lawful or not (T, June 20, 1978). В этих примерах прямая речь вводится графически — при помощи "тире".

В текстах парламентских отчетов в газете прямая речь употребляется значительно реже, чем косвенная и несобственно-прямая речь. В целом тексте может быть два—три предложения с прямой речью, а может не быть ни одного. Правда, изредка втречаются тексты, где преимущественно используется прямая речь. Прямая речь не употребляется для передачи вопросительных и восклицательных предложений и риторических вопросов — они либо вообще не воспроизводятся, либо преобразуются в утвердительные предложения в косвенной или несобственно-прямой речи, например: *Why should* the Department *not issue* guidance to local authorities...? (PD, 813) — The Department of the Environment *should issue* guidance to local authorities... (T, June 20, 1978). Примечательно, что использование прямой речи еще не гарантирует дословной передачи сказанного и подчиняется всем принципам трансформации исходного текста.

Прямая речь подготавливается предшествующим контекстом, в котором чаще всего используется косвенная речь, но встречается и несобственно-прямая речь. Прямая речь резко выделяется на фоне этих видов речи и обычно употребляется для выражения наиболее важной мысли. Прямая речь особенно тесно связана с косвенной речью. Косвенная речь вводит прямую; движение от первой ко второй происходит в рамках части текста, представляющей тематическое единство, например ПРК, чем достигается

---

[17] *Солганик Г. Я.* Стиль хроникальной информации.— В кн.: Стилистика газетных жанров. М., 1981, с. 30.

[18] *Энквист. Н.* Некоторые показатели, помогающие устранять неоднозначность соотнесенности местоимений в косвенной речи.— В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.

логичность изложения. Переход от прямой речи к косвенной свидетельствует о начале новой темы.

Косвенная речь вводит также и несобственно-прямую речь, но не наоборот. Переходы от первой ко второй происходят очень плавно, оба вида речи как бы вплетаются друг в друга, создается впечатление цельности и достоверности. Взаимодействие косвенной и несобственно-прямой речи обеспечивает прочную связь в тексте; такая форма связи нейтральна и имплицитна, что характерно для языка газеты.

Несобственно-прямая речь в текстах парламентских отчетов в газете встречается чаще косвенной, видимо, потому, что не требует вводящей фразы и подчиняющего союза. Если передавать длинные отрезки текста при помощи косвенной речи, это может привести к искусственности и тяжеловесности изложения [19]. Использование несобственно-прямой речи такого впечатления не создает и позволяет "приблизить" изложение к оригиналу. В следующем примере из парламентского отчета, опубликованного в газете "The Times", представлены все три вида речи:

Lord O'Hagan (C), for the Opposition, said they should consider the sheepmeat proposals in the context of what was happening to CAP in general and what was happening to proposals for various commodities (1). The CAP had worked since 1958 without sheepmeat regime and they might ask themselves why it was necessary now (2).

It might be due to the resistance of the French market to imports, and in particular arrangements between the French and the Irish Republic which had prevented a genuine common market in sheepmeat existing (3).

I am sounding a note of caution (he said) because I think we have to examine very carefully what this proposal is committing us to (4).

Farmers could stand to gain if their exports were increased but it was difficult to estimate what increased price the consumer might have to pay (5). No step could be taken that would increase prices to the consumer without a great deal of thought (6).

They must see problems of New Zealand producers tackled in Brussels with sympathy (7) (T, July 17, 1978).

Первое предложение единственное, где употреблена косвенная речь; оно выполняет вводную функцию. Второе предложение сразу переключается на несобственно-прямую речь и тесно связано с предыдущим; оно могло бы быть воспринято как продолжение первого предложения — введенного фразой Lord O'Hagan... said. Несобственно-прямая речь продолжается в следующем абзаце и несколько неожиданно прерывается, уступая место прямой речи в начале третьего абзаца. Прямая речь вводится фразой he said, заключенной в скобки, после главного предложения и создает перебой в изложении. Внимание сразу привлекается к мысли, выраженной в этом абзаце. Отсутствие кавычек, типичное для газеты "The Times", возможно, создает эффект большей достоверности. В первом предложении четвертого абзаца снова несобственно-прямая речь, которая формально никак не вводится и продолжается до начала изложения нового выступления. Различные способы передачи чужой речи оживляют и разнообразят изложение. Употребление прямой речи в отдельном абзаце придает высказыванию определенную эмфазу и имплицитно создает оценку.

---

[19] Подробнее об этом см.: *Калугина Е. И.* Несобственно-прямая речь в современном английском языке.— ИЯШ, 1950, № 5.

Различные виды речи могут объединяться в пределах одного предложения, например, элементы несобственно-прямой речи на фоне косвенной речи: Lord Lloyd said this kind of amendment, *to put in bluntly*, was an insult to the people of Wales (T, June 22, 1978). Фраза to put it bluntly является принадлежностью прямой или несобственно-прямой речи, предложение же в целом построено по правилам косвенной речи. В следующем примере в предложении с несобственно-прямой речью встречается вкрапление прямой речи, выделяемой кавычками: It was repulsive to make a matter a crime which was no crime when it took place. To use such an "*arbitrary and authoritarian method*" was setting a dangerous precedent (FT, July 20, 1978).

Формы контекстно-вариативного членения в производном тексте способствуют передаче модальности исходного текста. С другой стороны, они участвуют в создании собственной модальности производного текста, которая наиболее непосредственно выражается в речи автора. Использование прямой речи позволяет сделать акцент на каком-либо положении выступления.

Исходная модальность, как и исходный текст в целом, подвергается трансформации, и это связано с определенными потерями. Здесь действуют две тенденции, одна из которых заключается в нейтрализации модальности, в снижении категоричности высказывания. Усилительные слова, модальные слова и выражения, такие как surely, quite, very, of course, perfectly и т. д., не воспроизводятся. Обычно предложения, в которых они встречаются, передаются в косвенной речи, иногда в несобственно-прямой и очень редко в прямой речи. Эмфатические конструкции, официальные, книжные, образные, эмоциональные слова и выражения заменяются на соответствующие нейтральные; личные конструкции при этом часто преобразуются в безличные, что связано также и с правилами употребления косвенной и несобственно-прямой речи. Например: 1) bringing in *new talent* (PD, 821) — supplying more *innovative engineers* (T, June 20, 1978); 2) *their products* (of engineering institutions) (PD, 817) — *graduates* (T, June 20, 1978); 3) That is where responsibility should *reside* (PD, 571) — ...It should *stay* there (T, June 16, 1978); 4) *Surely to Heaven we do not want* to adopt standards in Wales which are any different (PD, 570) — *It was undesirable* to have different standards... (T, June 16, 1978).

Другая тенденция действует в противоположном направлении и заключается в усилении категоричности высказывания. Для текста парламентского выступления характерны различного рода уточнения, оговорки, ограничители, связанные не в последнюю очередь с ориентацией на аудиторию, которая может возразить, оспорить какое-то утверждение выступающего, со стремлением последнего не звучать слишком категорично, самонадеянно. Текстам парламентских отчетов в газете такие особенности не свойственны: Например: 1) *not satisfactory* (PD, 1186) — *wrong* (T, June 22, 1978); 2) It *must be* wrong (PD, 1187) — It *was* wrong (T, June 22, 1978); 3) We *have very little indication of* the government's views (PD, 1021) — They *did not know* the government's view (T, June 21, 1978). Третий пример несет в себе также элементы "интерпретации". Обе тенденции, действуя одновременно, приводят к определенному "выравниванию" модальности исходного текста.

Таким образом, структурно-смысловые характеристики информационных

газетных текстов, основанных на выступлениях в Парламенте, особенности их контекстно-вариативного и объемно-прагматического членения и связанные с этим некоторые другие их черты свидетельствуют о том, что тексты парламентских выступлений, попадая в газету, трансформируются в соответствии с нормами газетного стиля — в первую очередь под влиянием основной функции данного стиля и жанра — информировать читателя.

Принятые сокращения

T — The Times.
DT — The Daily Telegraph.
FT — Financial Times.
PD — The Parliamentary Debates (Hansard). House of Lords, L., 1978, vol. 393.

Н. А. АЛЕКСАНДРОВА

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБАХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКОВ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

В настоящее время наметился устойчивый интерес к исследованию особенностей языка научных дискуссий. С точки зрения теории речевой деятельности научную дискуссию можно определить как разновидность речевой коммуникации, осуществляющей определенное социальное взаимодействие. В лингвистической прагматике социальное взаимодействие определяется как активность коммуникантов, направленная на регуляцию и координацию их совместной деятельности [1]. В научной дискуссии такой деятельностью является коллективное научное творчество, которое предполагает не только обмен информацией, но и борьбу взглядов и идей.

Научная дискуссия следует, как правило, за докладом или серией докладов и представляет собой обсуждение изложенных в них данных или положений, уточнение услышанной и получение дополнительной информации. Однако дискуссия в полном смысле этого слова возникает тогда, когда происходит столкновение мнений и дается оценочная интерпретация фактов. В этом случае появляется необходимость выразить и аргументировать свою точку зрения, чтобы убедить оппонентов в ее истинности. Именно такого рода дискуссии позволяют исследовать способы и языковые средства осуществления "воздействия на участников дискуссии".

Еще Аристотель дал классификацию различных видов диспутов, исходя из цели, которую преследуют стороны, участвующие в обсуждении того или иного вопроса [2]. В настоящее время философы, соглашаясь в том, что дискуссия — это столкновение противоположных мнений, определяют ее как особую форму научного сотрудничества [3]. Интересно отметить, что в классификациях научных дискуссий наряду с конфронтационным и информационным выделяют императивный тип дискуссии [4]. Стремление по-

[1] Теоретические проблемы речевого общения. М., 1977, с. 38.
[2] *Соколов А. Н.* Проблемы научной дискуссии. Логико-гносеологический анализ. Л., 1980, с. 8.
[3] Там же, с. 9.
[4] *Соколов А. Н.* Типология научных дискуссий.— ВФ, 1978, № 3, с. 110—113.

будить собеседников принять определенную точку зрения определяет целенаправленность реплик и их языковое выражение.

Вопросы языкового воздействия изучаются различными дисциплинами, смежными с лингвистикой [5] (прагмалингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой, теорией речевых актов). С точки зрения коммуникативной лингвистики, которая во главу угла ставит высказывание [6], дискуссия является разновидностью речевой ситуации, состоящей из высказываний-реплик. Именно они явятся объектом данного анализа. Конкретное языковое наполнение высказываний зависит от целого ряда прагматических факторов, среди которых в первую очередь можно выделить коммуникативный контекст, интенции говорящего, речевую ситуацию. По терминологии Н. М. Разинкиной [7] коммуникативный контекст — это коммуникация, которая может быть прямой, непрямой, односторонней, двусторонней, с обратной связью или без нее. Мы определяем научную дискуссию как коммуникацию прямую, многостороннюю, с обратной связью. Эти моменты, определяющие научную дискуссию, являются неизменными. Что касается интенций участников дискуссии и речевой ситуации, то это характеристики переменные. Тем не менее они существенны, поскольку от них зависит конкретное воплощение высказывания как формы речевого поведения. Высказывания функционируют как определенные речевые действия или поступки [8] в виде утверждения, обещания, вопроса, просьбы, побуждения и т. д. и оказывают определенное воздействие на участников дискуссии.

В данной статье рассматриваются способы такого воздействия с помощью целого диапазона речевых действий — от выражения прямого побуждения до эмоционально-оценочных высказываний, имплицитно влияющих на мнение собеседников. Следует отметить, что воздействие может оказываться и убеждением, т. е. таким способом изложения мысли, при котором доказывается ее резонность. Задаче убедить собеседника подчинена сама логика развертывания мысли или доказательства. Л. В. Славгородская [9] указывает на следующие внеязыковые способы убеждения: логичность, последовательность, аргументированность, мотивированность, правильное прогнозирование реакции собеседника. Однако прагматический эффект высказывания достигается не только перечисленными способами, но и правильным выбором языковых средств и речевых приемов.

Рассмотрим некоторые высказывания во время научных дискуссий с точки зрения их функциональной целенаправленности и наиболее характерные языковые средства, используемые в них для осуществления воздействия на мнение собеседников.

Наиболее явно выраженным средством воздействия является волеизъявление. Некоторые авторы предлагают подразделять волеизъявления на

---

[5] См.: *Клаус Г.* Сила слова. М., 1967; *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; *Hertzler J. O.* A sociology of language. N. Y., 1965; *Searle J. R.* Speech Acts. Cambridge, 1970.

[6] См. *Колшанский Г. В.* Проблемы коммуникативной лингвистики.— ВЯ, 1976, № 9, с. 51—62.

[7] *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование. М., 1978, с. 15.

[8] См.: *Нугаев В. Г.* Аспекты теории речевого воздействия.— Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980, Вып. 151, с. 92—104.

[9] *Славгородская Л. В.* Синтаксис устной научной полемики в немецком языке.— В кн.: Чтение. Перевод. Устная речь. Л., 1977, с. 12.

выражения побуждения и желания [10]. Мы также будем рассматривать и оптативные, и побудительные высказывания как способы выражения волеизъявления.

В научной дискуссии побуждение может выражаться эксплицитно и имплицитно. Эксплицитно выраженное побуждение может иметь как императивное, так и неимперативное оформление. Примером первого могут служить высказывания, используемые в ходе рассуждения, с формой повелительного наклонения — Suppose... и оптативной конструкцией — Let us suppose...

В высказываниях, имеющих неимперативное оформление, побудительность выражается лексическим способом. В зависимости от лексических значений предикатов могут передаваться разные оттенки побудительности. Так, в следующих примерах глагол call upon придает высказыванию значение призыва, а сочетание to raise a protest протеста: I *call upon* those who are interested in this problem to take up the making of the models in the field of the biosynthesis of organic phosphorus compound... (BRM, p. 654); I should like to raise a protest against reference to virus particles as molecules (BRM, p. 372).

В последнем высказывании оптативная конструкция I should like не столько выражает желательность, сколько используется в качестве некоего "поведенческого кода", принятого в ситуации научной дискуссии. Соблюдение этого "кода" позволяет говорящему произнести свое высказывание, которое должно быть понято слушателями именно как протест.

Имплицитным побуждением может стать вопрос, определяемый как "апелляция к слушателю с целью вызвать его реакцию" [11]. Вопрос можно также определить как "высказывание, которое побуждает собеседника к ответу" [12], причем в вопросах могут передаваться разные оттенки побудительных значений. Так, вопрос Would Dr Spirin comment on that? (BRM, p. 140) является просьбой. Следующий вопрос Is it not possible to explain the higher amount of the 40 S subunit in sell sap by a preferential detachment of this subunit from membrane bound ribosomes? (BRM, p. 567) можно рассматривать как высказывание, в котором предлагается определенным образом объяснить наблюдаемое явление, т. е. это предложение, высказанное в некатегоричной форме. Представляется справедливой мысль о том, что в семантике вопросительного предложения потенциально присутствует сема побуждения [13].

Интенсивность побуждения охватывает широкую гамму оттенков от требования до мольбы через стадии приказания, просьбы, пожелания, совета и зависит от выбора определенных синтаксических и/или лексических средств. Это можно увидеть на примере высказываний, в которых используются модальные глаголы, являющиеся лексико-грамматическим средством выражения модальности. Так, Е. А. Зверева отмечает, что глагол should чаще используется "для выражения необходимости каких-то действий людей (ученых) по отношению к исследуемым вопросам или материа-

---

[10] *Распопова Т. И.* Оптативные предложения. Автореф. канд. дис. Л., 1982, с. 7.
[11] *Косарева В. А.* Вопросительно-отрицательные предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1982, с. 9.
[12] *Жинкин Н. И.* Вопрос и вопросительное предложение.— ВЯ, 1955, № 3, с. 30.
[13] *Косарева В. А.* Указ. соч., с. 14.

лам" [14]. Высказывание The latter result *should be interpreted* with caution (BRM, p. 219) является достаточно категорично выраженной рекомендацией. В высказывании It seems to me that we *should take measures* so that the richness of knowledge which has been assembled in this room may be accessible to wide circles of scientists (BRM, p. 655) значение необходимости совершения действия передается с помощью глагола should и эмоционально аргументируется. В целом высказывание можно рассматривать как призыв.

Глагол ought, по определению Е. А. Зверевой, отражает "бóльшую степень настойчивости со стороны говорящего" [15]. Так, высказывание I suggest that we *ought to give* deeper *consideration* to the question (BRM, p. 653) является призывом. Значительно менее побудительно высказывание I suggest that the consideration of the nature of proteins *could be continued* (BRM, p. 655). Это скорее пожелание. Высказывание *Might* one not suppose that they (alpha-like symptoms H. A.) arose at the same time? (BRM, p. 369) является некатегорично выраженным призывом (ср. Suppose...) Смягчению интенсивности побуждения здесь служат глагол might, отрицание и вопросительная форма высказывания.

Рассмотренные примеры иллюстрируют диапазон значений понуждения в научных дискуссиях — от настоятельного призыва совершить действие до выражения простого пожелания (призыв—просьба—приглашение—рекомендация—пожелание). При этом в различных высказываниях можно найти как стремление смягчить побуждение, так и выразить его более категорично.

Смягчению побуждения способствуют характерные для английского языка способы снятия категоричности высказывания. К ним относятся такие морфолого-синтаксические и лексические средства, как It is not without interest to note, I think, I believe, rather, probably, etc [16].

С другой стороны, используются различные языковые средства, делающие высказывание более категоричным или выразительным, что свидетельствует о желании говорящего решительно повлиять на мнение слушающих. К ним можно отнести использование превосходной степени прилагательных, эмфазу, риторический вопрос. Например: There is not *the slightest reason* to suppose... *Only by this method* I think we can prove the identity of proteins (BRM, p. 72); I believe that *it is* the chemistry of coarcertives *which* will lead us closer to a solution of the phenomenon of life (BRM, p. 491).

Интересно отметить, что хотя стремление снять категоричность высказывания, с одной стороны, и стремление сделать высказывание более выразительным, с другой, являются, казалось бы, противоположными по целенаправленности, однако и те, и другие служат целям более убедительной презентации материала и, следовательно, входят в один арсенал способов воздействия на участников научной дискуссии.

---

[14] *Зверева Е. А.* Об объективном и субъективном употреблении модальных глаголов.— В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979, с. 84.
[15] Там же, с. 87.
[16] *Щукарева Н. С.* Способы выражения некатегоричности высказывания в английском языке (на материале научной дискуссии).— В кн.: Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М., 1980, с. 198—206.

Особым способом оказания имплицитного воздействия на мнение собеседников является оценочная интерпретация факта, как рационально-оценочная, так и эмоционально-оценочная [17]. В следующих примерах побудительность высказывания передается сочетанием синтаксической конструкции It would be... и оценочного слова с положительным значением: I also think *it would be useful* to have studies done of reinforcements other than food that would not utilize vocalization itself (RVD, p. 29); *It would be a good thing* if further investigations could be carried out using these substances (BRM, p. 652). Существует мнение, что явная оценка обычно содержит в себе неявное требование [18]. В данных примерах оценочные высказывания содержат имплицитно выраженное пожелание. Следующие оценочные высказывания являются предсказаниями: Experiments of this kind *may provide information* in the protein architecture of ribosomes (BRM, p. 68); ...a study of such dependence *might bring a new view* into mechanism of the activity of the anomalous polyribonucleotides (BRM, p. 538).

Степень интенсивности оценки в высказываниях может варьировать в пределах от резко выраженной — *There is no doubt* that the RNA of these particles in fact is 16 and 23 S ribosomal RNA... (BRM, p. 219) до смягченной — *It would be helpful,* perhaps, to determine the quality of proteins... (BRM, p. 219).

От оценочных высказываний следует отличать выражения, называемые в теории речевых актов индикаторами. Это формулы социально-речевых традиций (мы уже отмечали использование выражения I should like как определенной формы речевого поведения, принятой в ситуации научной дискуссии), сигналы включения в разговор, обращение внимания на передаваемую информацию, например: it is most likely, it is clear that. Однако индикаторы положительных и отрицательных реакций, сомнения, удивления и т. п., то есть эмоционально-реактивная информация, несомненно, способствуют реализации прагматической цели — воздействовать на мнение слушающих.

В тесной связи с понятием оценки находится понятие эмоциональности. Это не только выражение чувств говорящего, но и воздействие на чувства слушателей [19]. В следующем высказывании выбор слова beg оказался следствием эмоционального накала дискуссии: *I must beg* all those who are interested in the problem of the origin of life to use filterable forms as being the most satisfactory models... (BRM, p. 459).

Эмоционально и эксплицитно выраженное побуждение находит соответствующий отклик у участников дискуссии, как, например, в следующем высказывании: I think that having heard the truly passionate appeal of the biologists the biochemist *should raise his* humble *voice* (BRM, p. 653).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что воздействие на участников научной дискуссии осуществляется посредством волеизъявления (т. е. выражения побуждения или пожелания) и выражения оценки. Диапазон волеизъявления варьирует от резкого протеста до не-

---

[17] *Разинкина Н. М.* Развитие языка..., с. 34—35, 112—113.

[18] *Алексеев А. Н., Владыкин В. В., Дудченко В. С.* Некоторые проблемы контент-анализа массовой информации.— В кн.: Семиотика средств массовой информации. Изд-во МГУ, 1973, ч. 1, с. 168.

[19] *Савченко А. Н.* Речь и образное мышление.— ВЯ, 1980, № 2, с. 28.

категорического пожелания. Воздействие может быть прямым и имплицитным. Прямое воздействие осуществляется с помощью повелительной конструкции или предиката, выражающего побуждение или пожелание своим лексическим значением. Имплицитное воздействие выражается в форме вопроса, в высказываниях, содержащих модальные глаголы, в оценочных и эмоционально выраженных высказываниях.

Рассмотренные особенности научных дискуссий приводят к выводу о том, что этот вид научного общения представляет собой интересный объект для исследования, который имеет определенный теоретический и практический интерес, поскольку может найти выход в преподавание английского языка, в частности в обучение научной дискуссии.

Принятые сокращения

BRM — Biochemistry of Ribosomes and Messenger-RNA. B., 1968.
RVB — Research in verbal Behavior and some Neurophysiological Implication, N. Y. L., 1967.

И. Ю. ТАРАСОВА

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ В ТЕКСТАХ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
(на материале немецкого языка)

Основным требованием программы кандидатского экзамена по иностранному языку является овладение учащимися навыками чтения оригинальной иноязычной научной литературы. Успешное выполнение этой задачи предполагает усвоение учащимися лингвостилистических особенностей научной речи. Для более наглядного представления этих особенностей в учебном процессе, в частности на начальном этапе обучения, можно использовать тексты, сочетающие в себе лексико-грамматические структуры, свойственные научному стилю речи, и иностилевые элементы, преимущественно общелитературный язык. Один из возможных вариантов таких текстов представляют собой научные биографии.

Использование в учебном процессе биографических текстов позволяет не только продемонстрировать особенности функционирования языковых единиц при передаче различного содержания, но и дает богатый материал для обсуждения, т. е. выработки навыков устной речи. Кроме того, следует отметить еще одно немаловажное для учебного процесса качество научных биографий, а именно — их воспитательную ценность. Без усвоения опыта великих ученых, без знания истории науки не может в полной мере сформироваться личность молодого ученого, а "главной задачей научной биографии является раскрытие "пересечений" индивидуальной биографии с биографией самой науки" [1].

Неотъемлемой предпосылкой эффективной подачи учебного материала на занятиях является его изученность с лингвистических позиций. В связи

[1] *Родный Н. И.* Ученый и наука.— В кн.: Ученые о науке и ее развитии. М., 1971, с. 13.

с этим можно сказать, что, несмотря на то, что научная биография интенсивно используется в учебном процессе, ее лингвостилистические особенности как жанра научной литературы исследованы еще недостаточно. Между тем этот жанр литературы уже стал предметом исследования науковедов и философов. В их работах не только рассматриваются вопросы общекультурной ценности биографических произведений, но и проводится анализ их содержания, выявление предмета и целей биографического исследования и т. п. Все это важно и интересно и для лингвистов. Так, например, в указанной работе Н. И. Родного отмечается многоплановость биографии, переплетение в ней различных временных планов [2]. Э. Ю. Соловьев выделяет о б ъ е к т биографии, которым является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти, и п р е д м е т биографического исследования — социальную и культурную ситуацию, «только по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение особой смысло-временной целостности» [3]. Из этих и других работ [4] со всей очевидностью следует, что научная биография представляет собой не просто изложение событий жизни человека и его деятельности, но и обязательно содержит анализ внешних и внутренних факторов, оказавших влияние на становление и развитие личности ученого, а также оценку его деятельности. Таким образом, научная биография предстает как сложное произведение, построенное из разнообразных по содержанию компонентов, что естественно должно найти отражение и в ее языковом оформлении.

Очевидно, что лингвистический анализ биографических текстов целесообразно проводить, исходя из различных планов содержания этих текстов. При этом можно выделить два основных плана: и з л о ж е н и е и а н а л и з. Сопоставление этих планов позволяет говорить о разнообразии используемых в биографических текстах лингвистических структур, так как их языковое оформление связано с различными функционально-смысловыми типами речи. И з л о ж е н и е событий и фактов жизни ученого в хронологической последовательности определяет преобладание в текстах повествования как типа речи, в целом не характерного для научного стиля, а а н а л и з (социально-культурных ситуаций, научной деятельности и т. п.) обусловливает репрезентацию описания и рассуждения, а иногда и элементов полемики, типичных для научной речи. Необходимо отметить, что в текстах научных биографий изложение и анализ обычно очень тесно переплетены между собой, поскольку жизненные коллизии человека излагаются одновременно с анализом их причин и следствий. В языковом отношении это означает, что в повествование, проходящее через весь биографический текст, «вкраплены» рассуждение и описание. И лишь в некоторых частях биографий они представлены как бы в «чистом виде». Такими частями, например, являются обычно начало и конец биографических очерков, представляющие оценку творчества ученого, а также части, посвященные описанию научных концепций, экспериментов и т. п. Следовательно, можно сказать, что одной из особенностей биографических текстов является с о ч е т а н и е различных функционально-смысловых типов речи, а значит,

---

[2] Там же, с. 13.

[3] *Соловьев Э. Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования.— ВФ, 1981, № 9, с. 138.

[4] См., например: *Головаха Е. И., Крепик А. А.* Жизненный путь личности.— ВФ, 1982, № 8, с. 149.

и характерных для них лингвистических признаков, которые подробно исследуются в работах Е. С. Троянской [5].

При сопоставлении содержательных планов биографии — изложения и анализа — обращает на себя внимание также различная временная соотнесенность отдельных частей биографии, что, естественно, находит отражение в использовании различных временных форм глаголов. В текстах научных биографий встречаются, по нашим наблюдениям, пять временных форм: презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект и футурум I. Как известно, использование той или иной временной формы не связано однозначно с одной из трех временных ступеней — настоящим, прошедшим или будущим. Большинство временных форм глаголов многозначны: в речи реализуются не только их парадигматические значения, но и варианты значений [6]. Анализ употребления именно многозначных временных форм в текстах научных биографий является предметом данной работы. Из названных временных форм глаголов не будут рассмотрены: 1) футурум I, так как в исследованных текстах эта форма встречается очень редко; 2) плюсквамперфект, так как эта временная форма не многозначна.

К однозначным временным формам часто относят также претерит. Но некоторые авторы отмечают определенные стилистически обусловленные варианты значения этой формы [7]. В научной биографии претерит представляет собой собственно форму повествования и является основной временной формой этих текстов.

Большее разнообразие вариантов использования имеет презенс. В научных биографиях эта форма функционирует в различных значениях. Из собственно временных (или, как говорит Г. А. Золотова [8], «сюжетных») вариантов презенса можно выделить исторический презенс. Появление его в тексте часто связано (как это имеет место в художественной литературе) с достижением стилистического эффекта — включение читателя в круг событий. Например: In einem der Hörsäle des Eidgenössischen Polytechnikums in Zürich *drängen sich* in- und ausländische Studenten, um die temperamentvolle und mitreißende Vorlesung Professor Zeuners zu hören. Es *ist* das Jahr 1860. Der Vortragende *ist* trotz seiner Jugend, er *steht* im 32. Lebensjahr, einer der bedeutendsten Hochschullehrer des Polytechnikums ... (DF, 232). Но гораздо чаще мы наблюдаем использование исторического презенса, на которое указывается в книге В. Шнайдера: исторический презенс создает впечатление, что в тексте излагается только фактический материал [9].

Кроме исторического в биографиях представлен вневременной (атемпоральный) презенс. Функционирование этого варианта связано с изложением научных реалий, сохранивших свою справедливость до наших дней. Например: Der physikalische Sinn dieser Größe *liegt* darin, daß sie für den thermodynamischen Gleichgewichtszustand eines abgeschlossenen Systems ihren maximalen Wert *annimmt*. Diese Behauptung *hat* aber nur einen Sinn, wenn die Entropie auch für Nichtgleichgewichtszustände *definiert*

---

[5] *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982, с. 55.
[6] *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1971, S. 321.
[7] Grundzüge einer deutschen Grammatik. B., 1981, S. 513.
[8] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 334.
[9] *Schneider W.* Stilistische deutsche Grammatik. Basel, 1959, S. 227.

ist (DF, 355). Этот вариант употребления презенса может доминировать в отдельных частях биографий, но чаще он тесно переплетается с претеритом, т. е. с повествовательным элементом. Например: Er *entwickelte* den sog. Erdinduktor — ein heute noch wichtiges Gerät, bei welchem die Induktion des erdmagnetischen Feldes in einer drehbaren Spule *ausgenutzt wird,* um insbesondere zu bestimmen, um welchen Winkel die Feldlinien des magnetischen Erdfeldes gegen die Horizontale *geneigt sind;* Weber *formulierte* eine erste Fassung des Induktionsgesetzes und *entwickelte* Ideen über dynamoelektrische Maschinen (WuF, 1980, № 3, 113).

Наконец, каждая научная биография содержит характеристику деятельности ученого с позиций современной науки. В таких высказываниях также часто используются глаголы в презенс, что позволяет говорить об использовании в биографических текстах актуального презенса (презенса настоящего). Например: Die Entwicklung der modernen Kältetechnik, die theoretische und praktische Erforschung und Anwendung tiefer und tiefsten Temperaturen *sind* engstens mit dem Namen Carl von Linde *verbunden.* Er *ist* ihr Begründer (DF, 283); Was Bosch interessant *macht, ist* weniger seine Rolle als Erfinder, sondern vielmehr seine Bedeutung als Techniker, der ein gesellschaftliches Bedürfnis *erkennt* und nahezu vollständig *befriedigt* (DF, 368). В последнем примере мы имеем сочетание актуального и исторического презенса.

Более сложным представляется выделение вариантов употребления перфекта. Как отмечается некоторыми лингвистами, претерит и перфект чередуются в тексте иногда без достаточной семантической мотивации [10]. Для биографических текстов можно говорить о следующих случаях употребления перфекта: 1) использование перфекта для согласования с презенсом, например: Am. 31. März 1831 wendet sich Galois, der noch immer nichts vom Schicksal seines Manuskriptes *gehört hat,* an den Präsidenten der Akademie (WA, 395); 2) наличие перфекта со значением, аналогичным отмеченному В. Шнайдером, когда перфект несет оценочное значение, не способствуя развитию повествования [11], например: Im Jahre 1867 promovierte er in Berlin mit einer Arbeit über Zahlentheorie. Bei der Verteidigung seiner Promotion stellte er eine These auf, die für sein ganzes späteres wissenschaftliches Forschen richtungsweisend *geworden ist* (WA, 452); 3) для выражения соотнесенности с настоящим; например: Dieser Teil des Nerstschen Lebenswerks *hat* also die menschliche Produktion in entscheidender Weise *beeinflußt* (DF, 376). Два последних варианта употребления, по нашему мнению, имеют определенное сходство и могут иногда совпадать (как в последнем примере), что, по-видимому, является достаточно характерным для биографических текстов.

Итак, анализ использования временных форм в тексте дает сложную картину их взаимодействия, стилистических функций, выполняемых ими. Эта картина не поддается однозначному истолкованию на основе вариантов значений временных форм, выделяемых обычно в грамматиках. На необходимость изучения распределения и сочетания временных форм в тексте в соответствии с ситуацией общения и установкой говорящего обратил

[10] Grundzüge einer deutschen Grammatik, S. 514.
[11] *Schneider W.* Op. cit., S. 218.

внимание Х. Вайнрих [12]. Выделяя две различные речевые плоскости (обсуждение и рассказ), он сперва анализирует соответствующие им временные формы — презенс и претерит, а затем исследует их взаимодействие в текстах [13]. Такой анализ показал, что чередование претеритальных и презентных форм может выражать как исключительно временную последовательность, так и вызываться наличием особых речевых ситуаций, которые, например в художественной прозе, являются причинами отступления от претеритального повествования (ср. рассказ от первого лица) [14]. Для биографических текстов, справедливо, как представляется, суждение Х. Вайнриха, высказанное им относительно исторических текстов. Метод исторической науки он характеризует как „рамочный рассказ", в котором повествование (Erzählung) „уложено" (eingebettet) в обсуждение [15].

Попытаемся, используя положения Вайнриха и Бринкмана, проанализировать сочетание временных форм в биографическом тексте на примере одного абзаца: Emmy Noether *hat* die Algebra des 20. Jahrhunderts durchgreifend *neugestaltet*. Diese Leistung *reiht* sie *ein* unter die bedeutendsten Mathematiker des 20. Jahrhunderts überhaupt. Allen, die noch das Glück persönlicher Begegnung mit ihr hatten, ist sie in unvergeßlicher Erinnerung als Mensch voller Herzensgüte, Selbstlosigkeit... Als sie mitten aus voller mathematischer Produktivität heraus ... *verstarb, herrschte* unter ihren zahlreichen Freunden... tiefe Bestürzung und Trauer (WA, 504). Этот абзац представляет собой начало биографии. Он начинается оценкой значения достижений ученого, уже свершенных, имеющих непосредственное значение для настоящего. Сказуемое в этом предложении стоит в перфекте. Характеристика этих достижений с современных позиций дается в следующем предложении в презенсе, сочетающемся с претеритом в придаточном предложении, который переводит читателя от обсуждения (термин Вайнриха) к рассказу о жизни ученого (ср. выделенные нами содержательные планы биографии — „анализ" и „изложение" — с „обсуждением" и „рассказом" Вайнриха). Аналогичный зачин можно наблюдать и в художественной прозе. Ср., например, начало одного рассказа З. Ленца: Auch er *ist* hier *hängengeblieben,* auch Bunsen, mein Bootsmannsmaat aus dem Krieg: festes Wangenfleisch, sauber zugeknöpft und mit einem Blick, dem nichts verborgen *bleibt* — so *fand* ich ihn unten in den Grünanlagen, so *stand* er und *beobachtete* die Modenschau im Freien (L, 34). (Дальнейшее повествование осуществляется также в претерите.) Такой зачин существенно отличается от традиционного начала повествования. (Например, обычное начало сказок: Es war einmal...; частое начало биографий: N wurde (war)... geboren.)

В приведенных отрывках биографического и художественного текстов одинаково и чередование используемых временных форм (перфект — презенс — претерит). Несомненное сходство, на наш взгляд, прослеживается также и в том, что оба текста начинаются с определенной характеристики автором третьего лица, о котором в дальнейшем ведется повествование.

Хотя на основании изложенного выше можно проследить определенную корреляцию между функционально-смысловыми типами речи и использованием некоторых временных форм, однако нельзя однозначно связывать какой-либо тип изложения с определенной временной формой глаголов.

[12] *Weinrich H.* Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964, S. 44.
[13] Ebenda, S. 81.
[14] *Brinkmann H.* Op. cit., S. 350.
[15] *Weinrich H.* Op. cit., S. 85.

Описание жизненных коллизий человека, характеристика социально-исторической обстановки и анализ влияния этой обстановки на жизненный путь личности составляют единое целое и могут лежать в одной временной плоскости. Например: Cauchy *wurde* in Paris am 21. August 1789 *geboren*, also inmitten revolutionärer Geschehnisse, wenige Wochen nach dem Sturm auf die Bastille. Die Revolutionsjahre, in denen er seine früheste Kindheit *verlebte, bestimmten* nicht nur seine Umwelt, sondern sein ganzes Leben (WA, 334). Подробные рассуждения вплетены в ткань повествования о прошлом, они соотносятся только с ним и не имеют связи с настоящим. Точно так же как человек, оценивая время своей жизни, согласно причинно-целевой концепции психологического времени, исходит из характера детерминации одних жизненных событий другими [16], так и автор биографии должен отразить в своем исследовании обусловленность тех или иных событий в жизни человека различными факторами.

В дополнение к сказанному необходимо отметить еще одну функцию некоторых временных форм, а именно — текстообразующую. В частности, можно выделить использование форм презенса и перфекта для введения прямой и косвенной речи. Например: Sie *schreibt*:... (WA, 434); In einem Brief an Dedekind vom 15. März 1880 *hat* er das Theorem folgendermaßen *ausgesprochen*:... (WA, 434). Для данного варианта использования временных форм можно говорить об определенной группе глаголов. Нередко эти глаголы сочетаются с местоимением wir (объединяющим автора и читателей). Например: Daß ihm diese Erweiterung nicht leichtgefallen ist, *lesen wir* an einer anderen Stelle... (WA, 459). Подобные вводные (или связующие) фразы могут также как бы возвращать читателя из прошлого в настоящее, к непреходящим научным фактам. Например: Bereits 1915 mit 19 Jahren *leistete* der Student Alexandrow seinen ersten wissenschaftlichen Beitrag zur Entwicklung der Mengenlehre... Zum besseren Verständnis *müssen wir* etwas weiter *ausholen:* Die Menge N der natürlichen Zahlen und jede mit N gleichmächtige Menge ...*heißt* abzählbar unendlich... (WuF, 1981, № 5, 193). (Далее до конца абзаца идет изложение теоремы в презенсе). Одновременно можно сказать, что выделенная фраза вводит иной функционально-смысловой тип речи.

Проведенный анализ употребления временных форм глаголов в текстах научных биографий является лишь одним из элементов лингвистического исследования этих текстов. На его примере мы попытались показать функционирование в тексте многозначных языковых единиц, в частности, путем сопоставления различных функционально-смысловых типов речи. Нам представляется, что сравнительный анализ основных типов изложения, используемых в биографических текстах, может быть плодотворным как для исследования других языковых явлений в этих текстах, так и для их успешного использования в учебных целях.

Принятые сокращения

WA — *Wußing H., Arnold W.* Biographien bedeutender Mathematiker. B., 1978.
DF — Deutsche Forscher aus sechs Jahrhunderten. Leipzig, 1966.
L — *Lenz S.* Der Anfang von etwas. Leipzig, 1981.
WuF — Wissenschaft und Fortschritt.

[16] *Головаха Е. И., Крепин А. А.* Указ. соч., с. 150.

А. В. ШАДРИН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

(на примере телевизионных интервью и бесед-дискуссий)

Одной из важных задач обучения в группах совершенствования навыков устной речи является развитие навыков понимания на слух речи интеллектуального характера, а также обучение говорению в определенных сферах общения с носителями языка. В этой связи особую актуальность приобретает выбор средств обучения и источников для исследования лингвистических особенностей речи соответствующих сфер устной коммуникации. Одним из таких источников являются аутентичные (оригинальные) телепередачи, т. е. неучебные (с точки зрения создателей) телевизионные передачи, подготовленные в стране изучаемого языка его носителями.

В целях исследования диалогической речи наибольший интерес представляет анализ языковых и структурно-композиционных особенностей таких аутентичных телепередач, в которых звучит живая, рождающаяся на глазах у телезрителей устная речь. Это прежде всего разнообразные телевизионные интервью и беседы-дискуссии, анализу ряда лингвистических особенностей которых и посвящена данная статья. В качестве материала для исследования послужили видеофонозаписи телевизионных интервью и бесед-дискуссий, записанных на телестудиях ГДР и ФРГ в 1977—1980 гг. (общий объем проанализированных телефрагментов исчисляется 5,5 часами непрерывного звучания, что составляет в графическом коде 175 страниц машинописного текста, в звуковом — более 3000 метров ферромагнитной ленты при скорости движения ленты 9,5 см/сек.). Кроме того, были проанализированы отрывки из оригинальных теле- и радиоинтервью (74 страницы машинописного текста), напечатанные в приложении к кн.: *Berens F.-J.* Analyse des Sprachverhaltens im Redekonstellationstyp "Interview" (München, 1975), а также расшифровки 11 фрагментов передач телевидения ГДР (116 страниц машинописного текста), любезно предоставленные нам профессором Г. Вацелем (Иена, университет им. Ф. Шиллера).

1. Лексические средства. Анализ лексических средств телевизионной речи позволяет констатировать, что они весьма разнообразны и относятся к основному лексикону современных носителей языка. Как справедливо отмечается в лингвистической литературе, язык массовой коммуникации благодаря тому, что его используют не только в письменных сферах общения, но и во все больших масштабах в устных сферах, утрачивает характер обособленного подъязыка и вливается в общенародный литературный язык, "вобравший в себя, наряду с лингвистическими элементами, образующими основу данного литературного языка, и наиболее употребительные элементы всех подъязыков" [1]. Действительно, если обратиться, например, к многочисленным научно-популярным, учебным, спортивным и другим телепередачам, документальным фильмам на самые разнообразные темы, то легко убедиться, что с экранов телевизоров звучит лексика,

[1] Теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981, с. 199.

закрепленная за самыми различными сферами общественной жизни, причем нередко используются термины, в том числе и узко специальные, но становящиеся общеупотребительными благодаря их неоднократному повторению и толкованию в телепередачах, рассчитанных на миллионы зрителей. Как справедливо утверждает Е. В. Розен, под воздействием телевидения и других средств массовой коммуникации происходит увеличение лексического запаса носителей языка, особенно тех, кто по тем или иным причинам владеет небольшим словарем [2].

Телевизионные коммуникаторы нередко используют в своей речи неологизмы, которые затем становятся широко употребительными среди носителей языка. Как показало исследование Л. В. Поляковой, новые слова в телевизионной речи представляют собой наиболее живую, постоянно развивающуюся часть лексики [3], причем телевидение служит не только каналом распространения неологизмов, но и источником создания многих из них, так как журналисты довольно часто прибегают к словотворчеству, особенно в таких ситуациях, когда необходимо оперативно и в то же время нешаблонно рассказать телезрителям о том или ином событии, представить и охарактеризовать нечто новое и не имеющее еще устоявшегося наименования. Нередко неологизмы попадают и в заголовки передач, например "Tele-Koch", "Tele-Tip", "Notenkarussell", "Schlager-Expreß" и др.

Многие неологизмы, как известно, являются заимствованиями из других языков, в первую очередь английского. Некоторые из таких заимствований становятся весьма популярными и общеупотребительными (например: Team, Job, Hobby, know-how, Fan, Dressman, Show, fit, Trend и др.). Англо-американизмы включаются и в названия телепередач с тем, чтобы привлечь внимание зрителей модным словом иноязычного происхождения, заинтересовать их. Характерно, что в передачах западногерманского телевидения англо-американизмы встречаются чаще, чем в телепередачах ГДР, что отражает специфику проникновения данных заимствований в язык двух немецких государств.

Наблюдения показывают, что оригинальные телепередачи являются весьма надежным источником, позволяющим установить степень фактической распространенности того или иного заимствования, так как то иностранное слово, которое незнакомо большинству слушателей, вряд ли будет часто звучать с экранов телевизоров, поскольку создатели передач стремятся к полному пониманию телезрителями передаваемой информации. Этим объясняется и еще одна особенность телевизионной речи — явно меньшее по сравнению с прессой употребление цифр, аббревиатур и других слов, затрудняющих понимание речи на слух, причем многие из них (особенно цифры) для облегчения их восприятия часто даются дополнительно в графическом изображении.

Общение с носителями языка существенно затрудняется в том случае, если учащиеся плохо знают реалии, т. е. предметы, понятия, явления, характерные для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающиеся у других народов [4]. Как справедливо отмечают

---

[2] *Розен Е. В.* Лексика немецкого языка сегодня. М.: Высш. школа, 1976.

[3] *Полякова Л. В.* О некоторых подходах к вопросу номинации в современном немецком языке: (на материале подъязыка радио и телевидения в ГДР).— В кн.: Вопросы романо-германского языкознания: Семантика и синтаксис. Саратов, 1981, с. 147.

[4] Краткая лит. энциклопедия. М., 1971, т. 6, с. 227.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, "непонимание между русскими и иностранцами нередко обусловлено не языковым барьером, а ...фоновым расхождением" [5]. Оригинальные телевизионные передачи знакомят учащихся с большим количеством реалий стран немецкого языка, причем благодаря зрительному ряду многие реалии предъявляются весьма наглядно, хорошо запоминаются, например: die S-Bahn, die Richtkrone, das Fachwerkhaus и др. Тем не менее нельзя не указать и на то, что аутентичные телепередачи не всегда полно раскрывают ту или иную реалию, так как они рассчитаны на достаточно высокий уровень фоновых знаний носителей языка, хорошо знакомых с большинством из данных явлений и понятий, поэтому до и/или после показа оригинальных телепередач в учебной аудитории необходимо проводить дополнительную работу над теми реалиями, которые наиболее типичны для стран немецкого языка и необходимы учащимся для общения с носителями языка.

В интервью, дискуссиях и других передачах диалогического характера больше, чем в других телевизионных программах, представлена разговорная лексика. Однако это не означает, что она составляет основной лексический пласт таких передач. Даже тексты обиходно-бытовой речи, т. е. речи, наиболее насыщенной разговорными элементами, содержат, по свидетельству В. Д. Девкина, как правило, не более 8—10% разговорной лексики [6], а в телевизионных передачах таких слов явно меньше, и лексическую основу любого телевизионного текста составляют слова с нейтральной стилистической окраской, без которых не обходится ни одна сфера языковой коммуникации. И тем не менее разговорные элементы придают особый колорит телепередачам указанных жанров, и здесь трудно не привести одно весьма образное сравнение: "Стакан чаю — это вода, слегка окрашенная чаем, но это не стакан воды, а именно стакан чаю. Так и высокий (или разговорный) текст: большинство его единиц — неокрашенные, нейтральные, окраску придают немногие высокие (или в другом случае — разговорные) слова" [7]. Именно такие немногочисленные сниженные в стилистическом отношении лексические единицы и придают интервью, дискуссиям, другим телепередачам, где преобладает диалог, разговорный характер. Для примера приведем отрывки из аутентичных телепередач: — Ich hab' den Hauptschulabschluß und habe mich als Schlosser beworben, das *klappte* nicht, und dann bei der Bundesbahn, das *klappte* auch nicht (...); — (...) Wird das nicht das ganze *ausgebadet auf dem Rücken* der Privatpatienten? Werden die in Zukunft nicht noch mehr *gemolken,* wenn man das Bild der Kuh nimmt, als sie bisher *gemolken* wurden?

Как видно из приведенных отрывков, в них достаточно много слов, находящихся на стилистической шкале ниже нейтрального уровня (например: klappen, etw. auf j-s Rücken ausbaden), что характерно для разговорной речи, причем количество и состав таких лексических единиц во многом зависит от темы интервью (дискуссии, беседы), индивидуальной речевой манеры собеседников, степени официальности разговора и других факторов. В то же время анализ документальных телевизионных диалогов как образцов литературно-разговорной речи показывает, что в них по сравнению

[5] *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Рус. язык. 1976, с. 29.
[6] *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979, с. 154.
[7] Современный русский язык. М.: Высш. школа, 1981, с. 16.

с бытовыми диалогами намного меньше диалектизмов, жаргонизмов, просторечных и грубых слов. Однако, как и в любой разговорной речи, в неподготовленных устных выступлениях участников телевизионных передач наблюдается большое количество разнообразных заполнителей хезитационных пауз, т. е. пауз, возникающих в то время, когда говорящий ищет подходящее слово для выражения своей мысли, припоминает ту или иную информацию, пытается перестроить синтаксическую конструкцию фразы, начатой им, и т. д. В немецком языке хезитационные паузы заполняются звуками типа äh, hm, mm, а также повторами артикля, различными модальными, вводными и другими "словами-прослойками" (типа: so; nicht?; eigentlich; sozusagen; sagen wir; möchte ich sagen; wenn Sie wollen; na, wie soll ich mal sagen; was weiß ich и др.). Например: Ich bin natürlich *nicht, nicht, sagen wir mal,* überzufrieden, *die die* Grünen haben uns etwas weggenommen (...); Aber wir sind, *wenn Sie so wollen,* nicht durchgedrungen, das sagt, wie gesagt, nichts für eine Bundestagswahl aus, *es ist doch so, daß* (...) Несмотря на то, что данные слова и выражения, строго говоря, не украшают речь образованного человека, они тем не менее постоянно встречаются в речи любого носителя языка (в том числе и телевизионных журналистов, комментаторов), заполняя невольно возникающие в речевом потоке паузы. Особая роль в этом плане принадлежит частицам. Недостаточное использование учащимися данных языковых средств делает их устную речь излишне академичной, сухой, неестественной.

Частицы и большинство других слов-заполнителей пауз относятся к так называемой межтематической лексике, они встречаются в большей или меньшей степени во всех сферах устной коммуникации, независимо от темы разговора. К данному разряду слов частично примыкает и еще одна большая группа лексико-грамматических средств, а именно устные клише, т. е. различного рода разговорные формулы, готовые речевые образцы, типичные зачины и концовки устных высказываний и т. д. Единого термина для обозначения данных языковых единиц нет, в немецкой лингвистической и методической литературе их часто называют Sprechformeln, diaiogtypische Teiläußerungen, sprachliche Fertigteile, Eingangs- und Schlußsignale и т. д. Частотность использования в диалогической речи данного лексико-грамматического материала весьма высока. Так, в результате одного из исследований было выявлено, что «упаковочная» лексика бесед-дискуссий составляла порой более 25% всего лексического состава, зафиксированного в проанализированных дискуссиях [8].

Особую роль в диалогическом общении играют так называемые контактные сигналы (Sprecher- und Hörersignale) [9], т. е. сигналы поддержания постоянного контакта с собеседником/собеседниками. Помимо

[8] *Schwarz I.* Zu inhaltlichen und strukturellen Merkmalen wissenschaftlicher Diskussionsgespräche im studienbegleitenden Deutschunterricht für Ausländer.— Deutsch als Fremdsprache, 1978, Nr. 4, S. 217—224. Список рекуррентных разговорных формул телеинтервью и бесед-дискуссий см.: *Шадрин А. В.* Развитие иноязычной диалогической речи с помощью оригинальных телепередач. Канд. дис. М., 1982.

[9] *Rath R.* Kommunikationspraxis. Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch. Göttingen, 1979; *Schwitalla J.* Dialogsteuerung. Vorschläge zur Untersuchung.— In: Berens F.-J. u.a. Projekt Dialogstrukturen. München, 1976, S. 73—104.

жестовых и мимических движений существуют специальные слова и выражения, с помощью которых говорящий проверяет, слушают ли его, согласны ли с ним, правильно ли его понимают и т. д. Слушающий же с помощью контактных слов сигнализирует о том, согласен ли он или не согласен с говорящим, имеет ли намерение слушать дальше или нет, и т. д. Наиболее частотными вербальными средствами поддержания контакта являются: со стороны говорящего: Ja? Nicht? Nicht wahr? Gut? Stimmt doch (?) Oder nicht? Wissen Sie... Sie wissen ja bestimmt... Da geben Sie mir doch recht. Wie Sie schon sagten,... Verstehen Sie? Einverstanden? Können Sie sich das vorstellen? So war's doch! Haben Sie es auch einmal erlebt?; со стороны слушающего: Ja. Jawohl. Mhm. Ach so. Ach was. Meinen Sie? Stimmt? Sicher. Genau. In Ordnung. So ist es. Ich weiß. Ach ja. Na ja. Ja gut. Eben. Natürlich. Natürlich nicht. Oh, nein. Ach wo! Ich weiß nicht. Das glaube ich schon. Das ist interessant. Wie denn sonst? Kommt nicht in Frage.

Как правило, в начале каждой реплики (особенно ответной) звучат сигналы вступления в коммуникацию типа ja, naja, ja nun, tja, (ja)also, причем ja в таких случаях употребляется довольно часто не с целью выражения согласия с мнением собеседника, а только лишь как сигнал начала своего высказывания. Например: Reporter: Aber lassen Sie mich einmal ganz anders fragen. Was hätten Sie, was hätte die Bundesregierung getan, im vorigen Jahr getan, wenn Sie damit gerechnet hätte, daß diese Affäre ein solches Ende nehmen würde? Herr P.: *Ja,* selbstverständlich hätten wir unsere Leute zurückgezogen, aber das ist doch eine reichlich theoretische Frage.

Следует подчеркнуть также, что контактные слова служат не только сигналами участия в беседе, но и выполняют функцию управления разговором как со стороны говорящего; так и со стороны слушающего.

2. Фонетические средства. При анализе функционирования фонетических средств в речи участников телевизионных передач неизбежно возникают проблемы фоностилистики. Известно, что существует несколько классификаций стилей произношения. Так, например, С. М. Гайдучик выделяет пять фонетических стилей современного немецкого языка: 1) торжественный стиль, характерный для официально-торжественной обстановки; 2) научно-деловой стиль, употребительный в ситуациях научного общения; 3) официально-деловой стиль, характерный для сферы официального делового общения; 4) бытовой стиль, типичный для ситуаций бытового общения и коммуникации в сфере трудовой деятельности, если это общение не носит строго официального или, напротив, фамильярного характера; 5) непринужденный стиль, характерный для ситуаций непринужденного общения в интимной обстановке [10].

Следовательно, С. М. Гайдучик, как и другие специалисты в этой области, специально не выделяет единый фонетический стиль радио- и/или телекоммуникации. Действительно, в передачах разнообразных телевизионных жанров представлены образцы многих приведенных выше фонетических стилей, так как на видеомагнитную ленту записывается не только речь специально обученных дикторов, но и выступления в различных жизненных ситуациях людей, очень часто весьма нечетко представляющих себе нормы

[10] *Гайдучик С. М.* Фоностилистическая дифференциация устной речи (на материале современного немецкого языка).— В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1979, вып. 1, с. 20—22.

(в том числе и произносительные) кодифицированной речи. Более того, телевизионные журналисты, стремясь создать для приглашенных в телестудию собеседников непринужденную обстановку и наладить неофициальный, дружеский контакт с телезрителями, используют для этого разнообразные средства разговорной речи (в первую очередь, конечно, средства ее литературного варианта). В то же время было бы неверно преуменьшать роль и место кодифицированного языка на телевидении. Необходимо отметить и то, что именно произношение дикторов (а их речь доминирует во многих телевизионных программах) является для носителей языка орфоэпическим эталоном, восприятие которого теперь доступно ежедневно каждому телезрителю. Характерно, что немецкие фонетисты, признавая значение театра в формировании произносительной нормы немецкого языка, в последнее время стали рассматривать как основу современной кодифицированной нормы произношение дикторов радио и телевидения [11], что свидетельствует, с одной стороны, о возросшей роли средств массовой коммуникации в формировании и распространении кодифицированных норм литературного языка, а с другой — об изменениях в представлении фонетистов об орфоэпическом эталоне, еще совсем недавно считавших единственно правильным идеальное сценическое произношение. Не случайно в немецкой лингвистической литературе традиционное понятие "Bühnendeutsch" сейчас вытесняется понятием "allgemeine deutsche Hochlautung", причем указывается, что новые орфоэпические нормы имеют определенный "диапазон колебания" (eine gewisse Schwankungsbreite) [12], что связано с разнообразием речевых ситуаций, форм и целей высказываний, а также влиянием других факторов.

В телепередачах разговорного жанра весьма часто звучит речь неполного типа произношения. Доказательством этого служит хотя бы тот факт, что при "расшифровке" (письменной фиксации) телепередач разговорного жанра даже носители языка, несмотря на очень хорошую слышимость, не всегда могут разобрать то или иное слово или даже целую фразу, что типично для прослушивания речи с неполным стилем произношения, т. е. разговорной речи, где многие фонетические свойства слова "так или иначе скрадываются" [13]. Следует, однако, подчеркнуть, что в телевизионных дискуссиях, интервью, беседах звучит не любая разговорная речь, а преимущественно литературно-разговорный вариант ее, т. е. такая разговорная речь, которая наиболее приближена к кодифицированному языку, но в то же время отличается от него по ряду признаков, сближающих ее с другими видами разговорной речи. Перечислим некоторые из этих признаков [14].

Прежде всего в литературно-разговорной речи широко, хотя и в меньшей степени, чем, например, в обиходно-бытовой, представлены разнообразные виды фонетической редукции, т. е. пропуски отдельных звуков в артиклях, приставках, окончаниях, суффиксах. Обычно это происходит при ускорении темпа речи, волнении говорящего, снижении им контроля за фонетическим оформлением своих высказываний. Для иллюстрации

---

[11] Подробнее историю вопроса см.: *Уроева Р. М., Якайтис И. М.* О немецком стандартном произношении: (Сравнительная характеристика последних словарей произношения ГДР и ФРГ).— ИЯШ, 1981, № 6, с. 85—87.

[12] Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1974, S. 11.

[13] *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1957, с. 21.

[14] В данном разделе рассматриваются только артикуляционные особенности литературно-разговорной речи.

приведем отрывок из высказывания участника одного из телевизионных интервью: — Nein, ich *glaub'* das überhaupt nicht. Sie können doch nicht eine Wahl, bei der es *nich* um die Bildung einer Regierung geht, (...) vergleichen mit *'ner* Bundestagswahl.

В быстрой речи и при небрежном произношении часто имеет место полная ассимиляция звуков, например: *wiham* (wir haben), *ham se* (haben Sie), *lem* (leben), *daon* (dauern) и т. п.

При анализе фонетических особенностей речи носителей языка — участников телепередач следует отметить также наличие диалектальных отклонений в произношении многих из них. Если в речи профессиональных дикторов орфоэпические диалектизмы не допускаются, то многие рядовые носители языка практически не в состоянии избежать диалектально окрашенного произношения даже в официальных ситуациях общения [15]. Если же телевизионные журналисты специально создают для участников телепередач атмосферу неофициальности и непринужденности, то произношение рядовых носителей языка, приглашенных в телестудию, приобретает дополнительные, еще более ярко выраженные диалектальные оттенки, что, несомненно, затрудняет понимание такой речи.

3. Синтаксические средства. Анализ синтаксических особенностей телевизионных диалогов подтверждает вывод о том, что именно синтаксис является тем языковым уровнем, на котором наиболее ярко проявляются отличия устной (и в первую очередь диалогической) речи от письменной. В то же время сравнение бытовых диалогов и бесед на общественно-политические темы (в нашем случае телевизионных интервью и бесед-дискуссий) показывает, что между ними существуют определенные отличия в синтаксисе, опровергающие мнение, будто диалог во всех сферах общения имеет совершенно одинаковые синтаксические особенности. Так, например, анализ телевизионных дискуссий и интервью опровергает распространенное мнение о том, что в диалогах предложения значительно короче, чем в устных и тем более письменных монологах. В них широко используются достаточно большие фразы, длина которых значительно превышает среднюю длину немецкого предложения, которая составляет в устной речи, по подсчетам немецких лингвистов, 5—10 слов [16]. Однако, несмотря на большую длину цельных предложений [17], восприятие их не вызывает особой трудности благодаря четкому интонационному членению фраз и в связи с небольшим объемом элементарных предложений (что является существенным отличием

---

[15] Ср. в этой связи, например, авторитетное замечание Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс: «Der Österreicher verwendet im allgemeinen mehr umgangssprachliche und dialektale Einschübe in der normalsprachlichen Rede als der Deutsche; allerdings kommen in einzelnen territorialen Gebieten der beiden deutschen Staaten, z. B. in Sachsen oder in Bayern, selbst in guter literarischer Ausdrucksweise landschaftliche Eigenheiten stark zum Durchbruch» (*Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. M., 1975, S. 42).

[16] *Leska Ch.* Vergleichende Untersuchungen zur Syntax gesprochener und geschriebener deutscher Gegenwartssprache. Halle, 1965, S. 427—464; *Wackernagel-Jolles B.* Untersuchungen zur gesprochenen Sprache. Göttingen, 1971.

[17] Цельным предложением принято обозначать любое предложение (простое, сложносочиненное, сложноподчиненное и т. д.), играющее роль самостоятельного высказывания и представляющее собой в графическом варианте отрезок текста от точки до точки. Подробнее см.: *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М.: Высш. школа, 1973; *Он же.* Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973.

от письменных текстов) [18]. Говорящий, как правило, избегает развернутых определений, причастных оборотов и других конструкций, увеличивающих глубину элементарного предложения и усложняющих тем самым работу не только слушателя, но и самого говорящего, так как объем оперативной памяти человека, как правило, не превышает известного «магического» числа Дж. Миллера (7±2 единицы) [19]. В то же время использование говорящим средств гипотаксической и паратаксической связи позволяет ему строить достаточно обозримые и поэтому относительно несложные для восприятия на слух цельные предложения, причем умелое применение данных средств (в первую очередь гипотаксических) способствует более логичному, компактному и точному выражению мыслей, что весьма важно в рассматриваемой сфере общения [20]. Восприятие большого количества следующих друг за другом придаточных предложений существенно облегчается, если говорящий умело пользуется интонационными средствами логического выделения основной информации, изменениями силы голоса, варьирует темп речи.

Для того чтобы избежать нагромождения придаточных предложений, носители языка часто опускают в устной речи союз daß после глаголов meinen, glauben, denken, finden, sagen и подобных им, а в следующих за этими глаголами предложениях сохраняют прямой порядок слов. Например: — Ich glaube zunächst, Herr Kohl hat recht, wenn er sagt, *es ist keine Testwahl für die Bundestagswahl*; — Ich fürchte, *beides ist richtig* (...)

Опущение союза daß в таких ситуациях не затрудняет, а наоборот облегчает восприятие речи, поскольку слушающему не приходится долго ожидать поступления смыслового глагола, содержащего, как правило, существенную для понимания мысли собеседника информацию.

В проанализированном материале отмечены и другие случаи нарушения порядка слов придаточного предложения. Например:— Es gibt natürlich immer wieder Konflikte, die eigentlich... *die sich erklären aus gegensätzlichen Standpunkten, Grundsatzfragen.*

Примеры такого рода отражают общую для всех сфер устной (и частично письменной) коммуникации тенденцию, отмечаемую всеми исследователями современного немецкого языка [21],— тенденцию к выносу за пределы рамочной конструкции тех членов предложения, которые существенно увеличивают глубину фразы и, оставаясь в пределах рамки, требуют дополнительных усилий как говорящего, так и слушающего, объем оперативной памяти которых, как уже отмечалось, весьма ограничен. Об этом свидетельствуют и следующие примеры:— (...) und der jeweilige Text ist

---

[18] Вслед за В. Г. Адмони, под элементарным предложением мы понимаем простое предложение, употребленное самостоятельно или в составе сложных предложений (*Адмони В. Г.* Пути развития..., с. 15).

[19] *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965.

[20] *Ященко Л. А.* Синтактико-стилистическая характеристика немецкой диалогической речи (бытовой, судебной, научной). Канд. дис. М., 1966, с. 160—161.

[21] Подробно см., например: *Eggers H.* Zur Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart.— Studium generale, 1962, H. 1; *Munsa F.* Umklammerung und deutscher Sprachstil.— Muttersprache, 1972, H. 1; *Weiß A.* Syntax spontaner Gespräche. Düsseldorf, 1975.

paraphiert worden *von einem Angestellten der Botschaft auf unserer Seite und einem Angestellten des Außenministeriums auf der anderen Seite;* — Wir wollen die Türen weiter öffnen *für die moderne Kunst, wie man so sagt, für die Gegenwartskunst* (...)

Как показывают подсчеты Райнера Рата, так называемое нарушение рамочной конструкции происходит в устной сфере коммуникации примерно в каждом четвертом немецком предложении [22], причем одной из причин данного явления, по мнению автора, является также стремление говорящего логически выделить тот или иной член предложения, что не всегда возможно при сохранении обычного порядка слов. Однако нельзя забывать при этом, что рамочная конструкция продолжает занимать ведущее положение в немецком предложении [23], поэтому не следует поощрять слишком частое использование учащимися этого средства «разрыхления» синтаксиса без учета реальных условий общения. В то же время на занятиях необходимо демонстрировать допустимые в устной речи варианты выноса за рамку членов предложения. Наглядной иллюстрацией при этом должны служить образцы устных выступлений носителей языка, в частности участников телевизионных интервью, бесед, дискуссий.

Как и в любой диалогической речи, в телевизионных передачах «разговорного жанра» встречаются неполные (эллиптические) предложения, однако здесь их количество неизмеримо меньше, чем в обиходно-бытовом диалоге, где они являются одним из определяющих синтаксических элементов. В беседах интеллектуального характера неполные предложения появляются наиболее часто в эмоционально заостренные моменты разговора, когда происходит быстрая смена реплик собеседников, например: Frau O.: (...) Und wenn Sie jetzt den Frauen dieses Erziehungsgeld geben..., Frau N.: *Und Männern auch*; Frau O.: *Frauen und Männern, sehr richtig.* Aber wir sind uns einig, daß (...).

Эллиптические предложения выступают не только в качестве краткой реплики-реакции на слова собеседника, они встречаются и внутри реплик, когда говорящего никто не прерывает. Например: — Es ist doch kein Zweifel, daß der engagiertere, politisch aufbegehrtere, politisch entschlossenere Teil der Bevölkerung zur Wahl gegangen ist. *Die anderen aus guten Gründen nicht,* hat ja jeder das Recht, sich so oder so zu verhalten (...).

И все же в немецкой диалогической речи неполносоставные конструкции не столь частотны, как в русской, и двусоставность высказывания сохраняется в немецком языке более последовательно [24]. В то же время неумение учащихся пользоваться эллиптическими конструкциями там, где они на месте, ведет к излишней сухости и неестественности их диалогической речи. Так, например, наблюдения показывают, что учащиеся редко употребляют клишированные эллипсы, весьма типичные для диалогической речи, в том числе и интеллектуальных бесед: Ist gut; Ist in Ordnung;

---

[22] *Rath R.* Kommunikationspraxis. Göttingen, 1979, S. 164.

[23] *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973; *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981; *Weiß* A. Syntax spontaner Gespräche. Düsseldorf, 1975.

[24] *Девкин В. Д.* Диалог: немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высш. школа, 1981; *Глаголев Н. В.* Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи. Канд. дис. М., 1967; *Rath R.* Kommunikationspraxis. Göttingen, 1979.

Möglich; Sehr schön; Stimmt; Momentl; Kann sein; Hier ein paar Zitaten; Und nun eine Frage; Eine Frage an Sie alle; Noch ein Wort zu...; Das... zu... (напр.: Das vielleicht zum Schluß dieses Themenkomplexes) и т. д.

Наличие эллиптических конструкций в диалогической речи интеллектуального характера отражает общую для устной речи тенденцию к экономии. Однако, как справедливо замечает Б. Вакернагель-Йоллес [25], данная тенденция заключается в экономии не только языковых средств, но и усилий говорящего, которому даже иногда бывает легче употребить в своей речи дополнительные, часто избыточные элементы, чем, например, мучительно искать в памяти то или иное забытое в данный момент слово и заставлять партнера по общению ждать поступления информации. Все это приводит к так называемой языковой избыточности, в частности повторам. Например: — Das ist eine Geschichte, die man heute abend *schon schon* ablesen kann.

Весьма часто говорящий не просто повторяет тот или иной структурный элемент, но и вносит поправки, видоизменяет фразу, уточняет высказанную мысль. Например:— (...) Und es handelt sich nicht *um besondere Reizthemen, um besonders schwierige Themen* (...); — Aber, ich glaube, die Arbeit der vergangenen Jahre beweist, daß *...das alles scheint mir schon ein Beweis zu sein,* daß es sinnvoll ist, dafür zu arbeiten (...).

При этом говорящий нередко использует определенные штампы, сигнализирующие о его желании по-другому сформулировать мысль, например: oder sagen wir...; daß heißt...; ich drück(e) mich noch vorsichtiger aus...; ich muß besser sagen...; um es mal ganz simpel auszudrücken... и т. д.

В связи с нехваткой у говорящего времени для построения идеальной с точки зрения кодифицированного литературного языка фразы, а также в связи с другими экстралингвистическими факторами спонтанная устная речь (и диалогическая в первую очередь) носит сегментированный характер, сегменты как бы нанизываются один на другой, говорящий на ходу перестраивается, формулирует заново свою мысль, причем речевые «фальстарты» служат, по утверждению западногерманского исследователя Р. Рата, не помехой, а даже опорой для собеседника, так как они находятся в непосредственной смысловой связи с последующими сегментами и отражают весь процесс рождения мысли, помогают понять расстановку говорящим акцентов, что весьма важно для слушающего [26].

Часто обрыв фразы происходит не по воле говорящего, а потому, что собеседник начинает свою реплику, не дослушав фразу партнера до конца и предвосхищая дальнейший ход его мысли. Например: Herr Brandt: Es ist der Teil, der nicht hingegangen ist, und nicht deswegen hingegangen, weil sie darauf standen. *Also ich...;* Reporter: Ja, Herr Brandt, darf ich mal fragen, warum sind denn die anderen nicht hingegangen?

Подводя итог краткому обзору синтаксических средств, используемых в телевизионных интервью, дискуссиях, беседах, приведем весьма ценные для нас выводы В. Д. Девкина, который пишет, что при всей своей "ломанности", неправильности с точки зрения норм кодифицированного письменного языка, синтаксис устной спонтанной речи не сводится только к нарушению рамочной

[25] *Wackernagel-Jolles B.* Untersuchungen..., S. 254.
[26] *Rath R.* Kommunikationspraxis.

конструкции, обрывам, неполной структуре фраз, сегментному построению высказываний и т. д., хотя именно эти явления и отличают друг от друга синтаксис устной и письменной речи. Существование данных синтаксических явлений возможно только при опоре на "нормальную двучленность суждения, на логичность изложения мысли, как ассоциативная дополнительная параллель к рациональному, четкому, эксплицитному" [27].

4. Структурно-композиционные средства. В плане развития диалогической речи интеллектуального характера особый интерес представляют помимо языковых также структурно-композиционные особенности отдельных типов диалогических текстов, характерных для данной сферы общения, в частности, интервью и бесед-дискуссий. Как отмечает Г. В. Колшанский, "современная методика, учитывающая представление о языке на нынешнем этапе языкознания, должна состоять из научно обоснованных рекомендаций по обучению иностранному языку в рамках текстовой коммуникации" [28], а для этого необходимо знать по крайней мере главные структурно-композиционные особенности соответствующих текстов.

В настоящее время возникла новая отрасль языкознания — лингвистика текста, одной из задач которой является изучение типологии текстов не только письменной, но и устной коммуникации, что представляет несомненный интерес для методики, в том числе и методики развития навыков и умений восприятия и порождения диалогических текстов в различных сферах социально-ориентированного и межличностного общения. Под типом текста (Textsorte) принято понимать "класс определенных письменных и устных видов текста (жанров текста), обладающих одинаковой функциональной и ситуативной спецификой, и если не одинаковой, то по крайней мере сходной языковой спецификой" [29].

Телевизионное интервью как тип текста относится к диалогам-расспросам, т. е. таким диалогам, которые характеризуются большей расспрашивающей активностью одного из партнеров по общению. К этой группе диалогических текстов исследователи причисляют помимо телевизионных также радиоинтервью, интервью в печати, бытовой, производственный расспрос, официально-служебный допрос, дознание, следствие, экзамен и другие аналогичные тексты, имеющие, конечно, помимо общих черт и некоторые специфические особенности [30].

Существует достаточно много классификаций телевизионных интервью. В плане раскрытия структурно-композиционных особенностей данного типа текста особый интерес представляет классификация радио- и телеинтервью, предложенная А. Ф. Архиповым, который делит интервью на три группы:

---

[27] *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь, с. 148.

[28] *Колшанский Г. В.* Лингво-методические аспекты интенсификации и обучения иностранным языкам.— В кн.: Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М., 1979, вып. 5, с. 8.

[29] *Ризель Э. Г.* К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц.— ИЯШ, 1975, № 6, с. 13.

[30] Подробнее см.: *Архипов А. Ф.* Синтаксические особенности речевого жанра радиоинтервью: (На материале радиовещания ГДР). Канд. дис. М., 1975; *Berens F.-J.* Analyse des Sprachverhaltens...; *Ecker H.-P., Landwehr J., Settkorn W., Walther J.* Textform Interview. Darstellung und Analyse eines Kommunikationsmodells. Düsseldorf, 1977.

1) интервью динамичного вопросно-ответного типа, 2) интервью комплексно-тематического типа и 3) интервью-обсуждение [31].

Для интервью первого типа характерны лаконичные реплики-стимулы репортера и, как правило, краткие (часто эллиптического характера) реакции интервьюируемого. Например: Reporter: Wie alt bist du? Fräulein K.: Sechzehn. Reporter: Wie verdienst du dein Geld? Fräulein K.: Sehr traurig, aber ja ... Gaststätte. (...)

Интервью данного типа в структурном и языковом плане имеют много общего с диалогами-расспросами бытового характера. В частности, в отличие от других типов интервью, которые мы рассмотрим ниже, реплики динамичных вопросно-ответных интервью более тесно связаны друг с другом не только в смысловом плане (что имеет место и в других типах интервью), но также и в структурно-грамматическом и интонационном планах, образуя так называемые диалогические единства, т. е. сложные коммуникативные единицы, представляющие собой сочетание смежных реплик, связанных по смыслу и структуре [32].

В интервью второго, комплексно-тематического типа, тележурналист, как правило, программирует более развернутые реплики собеседника, побуждая его к подробным ответам на свои вопросы. На особенностях развернутых реплик мы остановимся немного ниже, здесь же отметим, что в телевизионных интервью третьего типа (интервью-обсуждениях) оценочно-аргументирующий характер носят реплики не только интервьюируемого, но и самого репортера, который также высказывает свое мнение по обсуждаемым вопросам, сообщает телезрителям и собеседнику (нередко в весьма развернутой форме) дополнительную информацию, которой не располагает интервьюируемый. В этом состоит главное отличие данного типа интервью от предыдущего.

Телевизионные беседы-дискуссии относятся к группе так называемых групповых диалогов — дискуссий, диспутов, споров, бесед «за круглым столом» и т. д., т. е. таких диалогов, в которых участвует больше двух собеседников. Многие исследователи рассматривают упомянутые типы текстов как разновидность диалогов [33], другие исследователи — как особую речевую форму — полилог, имеющую ряд специфических черт, не позволяющих отождествлять ее ни с диалогом, ни с монологом [34].

Как известно, уровень подготовленности и характер проведения бесед-дискуссий могут быть различными. Обычно дискуссии делят на две большие группы: 1) дискуссии, которым предшествует длительная подготовка, заключающаяся, в частности, в написании текстов выступлений, и 2) дискуссии-споры, участники которых заранее не пишут свои выступления и обмениваются спонтанными высказываниями, порождаемыми непосредственно в

---

[31] *Архипов А. Ф.* Указ. соч.

[32] *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

[33] См., напр.: *Девкин В. Д.* Диалог...; *Ruoff A.* Grundlagen und Methoden der Untersuchung gesprochener Sprache. Tübingen, 1973.

[34] *Анусас П. П.* Фонетические характеристики односторонней и многосторонней устной речи. Автореф. канд. дис. Минск, 1979; Rede — Gespräch — Diskussion/ /Hrsg. von W. Schmidt und E. Stock. Leipzig, 1979.

ходе обмена мнениями [35]. Именно ко второй группе дискуссий преимущественно относятся получающие все большее распространение телевизионные дискуссии и беседы «за круглым столом».

Из всего комплекса вопросов, связанных со структурой данных типов текста, остановимся на особенностях развернутых реплик монологического характера, которые имеют многие сходные черты с монологами в «чистом виде». Так, например, реплики рассуждающего характера, как правило, открываются логическим введением, предвосхищающим дальнейший ход мысли, затем следует главная часть высказывания, где раскрывается выдвигаемый тезис, приводятся доказательства и т. д., а заканчивается реплика выводом, обобщением, суммированием сказанного [36]. И все же, несмотря на внешнее сходство данных сверхфразовых единств с такими, например, монологами, как доклад, лекция, рассказ, они имеют и весьма специфические черты. Например, развернутые реплики (или, по терминологии Л. П. Якубинского, «диалогические монологи» [37]) в любой момент могут быть прерваны репликой собеседника, но если даже этого не происходит, говорящий тем не менее постоянно следит за реакцией партнера по общению, его жестами, мимикой. Большую роль здесь играют и описанные выше контактные сигналы диалогического общения, с помощью которых слушающий сигнализирует о своем согласии/несогласии с мнением говорящего, желании/нежелании продолжать его слушать и т. д. Еще одной специфической чертой диалогических монологов является то, что они неразрывно связаны с предыдущими и последующими репликами партнера, и если предъявить постороннему человеку диалогический монолог без обрамляющих реплик и сопровождающих контактных сигналов, то многое в данном микромонологе покажется ему непонятным. Таким образом, развернутые реплики, какой бы длины они ни достигали, являются неразрывной составной частью диалога, они образуют со смежными репликами единства, скрепленные не только смысловой, но и нередко интонационной и структурно-грамматической связью.

* * *

Лингвистический анализ аутентичных передач телестудий ГДР и ФРГ позволяет сделать вывод о том, что оригинальная телевизионная речь отражает современное состояние немецкого литературного языка, в том числе и функционирование фонетических, лексических, синтаксических, а также структурно-композиционных средств в современной диалогической речи интеллектуального характера. Учет лингвистических особенностей аутентичных телевизионных интервью и бесед-дискуссий должен обеспечить не только овладение учащимися языковыми средствами, типичными для данных ситуаций диалогического общения, но и стилистически правильное использование ими всех тех средств, которые характерны вообще для устной сферы общения носителей языка, но не используются в письменной коммуникации.

---

[35] *Ященко Л. А.* Указ. соч.
[36] Там же, с. 158.
[37] *Якубинский Л. П.* О диалогической речи.— В кн.: Русская речь. Пг., 1923.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Е. А. РЕЙМАН

О "ДЕСЕМАНТИЗОВАННЫХ" ЭЛЕМЕНТАХ ЯЗЫКА
(английское местоимение it и наречие there)

Существует давняя традиция считать десемантизованными многие элементы языка в тех случаях, когда они выполняют структурные функции организации предложения (или текста), не являясь при этом единицами номинации. Наличие таких десемантизованных слов и оборотов речи отмечается в разных языках [1]. Десемантизованными считают глаголы в некоторых видах устойчивых словосочетаний. Например, русские глаголы *иметь, давать, делать* в устойчивых словосочетаниях типа: *давать возможность, иметь беседу, делать выбор* и пр. [2]. Фактически лишенными значения объявляет Дж. Сейджер английские глаголы assure, be, effect, have, give, obtain, perform и др., используемые в номинативных предложениях. Выступая против его точки зрения, С. В. Викулова отмечает, что эти глаголы не только служат формальным средством предикации, но и сообщают о наличии конкретных отношений между предметами и явлениями объективной действительности [3].

Вообще, широкое использование термина "десемантизованный" вызывает возражение. Ведь именно семантизация характерна для языковых знаков. "Каждый сегмент каждого нормального высказывания имеет значение на всех уровнях — на фонологическом, морфологическом или синтаксическом",— подчеркивает Г. В. Колшанский [4]. Д. Болинджер убедительно показывает, что лишенными значения обычно считают те слова, у которых оно настолько общее, что трудно поддается формулировке. Кроме того, это общее значение часто соотнесено не с семантической структурой предложения, а с семантической структурой текста, его включающего. Поэтому наличие и характер значения таких широкозначных элементов можно определить лишь при анализе текста [5].

Н. В. Варгина и Т. В. Воронцова пишут: "Десемантизованные слова не имеют отношения к содержательной стороне высказывания и служат

---

[1] См., например: *Вилкова Л. В.* Структурно-семантическая характеристика синтаксических конструкций с оборотом il y a...qui/que.— Сб научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980, вып. 167.

[2] *Чернявская Л., Бузулукова А.* Об изучении устойчивых глагольно-именных словосочетаний в группах филологов-русистов.— В кн.: Studia Rossica Posnaniensia. Poznan, 1980.

[3] *Викулова С. В.* Эволюция простого предложения в английском научном стиле XIX—XX в. Канд. дисс., М., 1982, с. 16.

[4] *Колшанский Г. В.* Логика и структура языка. М., 1965, с. 68.

[5] *Bolinger D.* Meaning and form. L., 1977, с. 66—123.

7 Зак. 118

целям его структурной организации"[6]. В английском языке эти авторы отмечают наряду с местоименным наречием there, наличие чисто строевого there, не имеющего никакого статуса в семантической структуре предложения[7]. Высказанное мнение обосновывается, во-первых, тем, что в бытийных предложениях, имеющих в своем составе there, нередко упоминается и место действия. Авторы считают это доказательством потери наречием there своего значения. Во-вторых, в ряде случае слово there "нельзя трактовать как 'здесь', 'в этом месте'", и это тоже, по мнению авторов, является свидетельством неполнозначности there[8]. Особенно явным показателем десемантизации there считают случаи его употребления с глаголом come, типа: He liked the summers better. There came slowbodied women from the hot rich South...[9]

Приводимые доводы в подтверждение факта десемантизации нельзя считать достаточно вескими. Упоминание места действия не препятствует повторному (обобщенному) указанию на него. Свидетельством неполнозначности there не может быть невозможность его трактовки через какие-либо элементы русского языка, поскольку, как известно, эквивалентность элементов разных языков вещь очень относительная.

Факт наличия значения у слова there в составе бытийных предложений признает И. Ю. Ступина. Контекстом бытийных предложений она считает весь мир. В этих предложениях обязательны темпоральные и локальные характеристики. В русских фразах типа *существуют духи* локативная характеристика выражена имплицитно. В английских предложениях аналогичного содержания — there are ghosts она выражена эксплицитно словом there[10].

Несколько иной вариант трактовки этого вопроса дает Дж. Лайонз, который считает there поверхностным локативным заместителем глубинной локативной характеристики in the universe[11]. И в том и в другом варианте авторских мнений общим является факт признания семантической наполненности слова there в составе тех бытийных предложений, в которых большинство других авторов усматривают десемантизацию этого наречия.

В самом деле, наречие there принадлежит к числу тех слов, которые не называют объект, а лишь указывают на него, отсылают к нему. Объектом в данном случае является некое пространство в очень общем смысле этого слова — часть реальной действительности. В силу обобщенности значения наречие there соотнесено или с конкретным пространством,

---

[6] *Варгина Н. В., Воронцова Т. В.* Десемантизованные слова как единицы плана выражения.— В кн.: Взаимодействие структур в системе: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, 1980, вып. 4, с. 75.

[7] Того же мнения придерживаются и многие другие авторы: *Сазонова Н. М.* Структурное there в английском языке.— В кн.: Иностранная филология. Изд-во Львов. ун-та, 1966, вып. 6; *Крупенина Н. П.* Предложения, возглавляемые лексикодесемантизованным there в современном английском языке. Канд. дис., М., 1958 и пр.

[8] *Варгина Н. В., Воронцова Т. В.* Десемантизованные слова..., с. 79.

[9] Там же, с. 80.

[10] *Ступина И. Ю.* Опыт анализа коммуникативной организации смыслового содержания экзистенциональных и интродуктивных высказываний.— В кн.: Взаимодействие структур в системе: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, 1980, вып. 4.

[11] *Lyons J.* A note on possessive, existential and locative sentences.— In: Foundations of language, 1971, vol. 3, N 1.

с некой территорией, неким объемом в тех случаях, когда оно выступает в функции обстоятельства места (и считается обладающим лексическим значением), или с пространством в обобщенном смысле — от речевых отрезков высказывания до воспринимаемого мира действительности (в этом случае наречие there считают лишенным значения). Однако следует сказать, что в обоих упомянутых вариантах слово there не теряет своего лексического значения и не является семантически опустошенным, десемантизованным. Наречия *здесь* и *там*, так же как и английские наречия here и there, различаются тем, что первое очерчивает некую область, включающую говорящего и/или момент речи, а второе — область, исключающую говорящего и/или момент речи. Конкретные случаи такого употребления иллюстрируются примерами: I shall stay *here/there* all summer. *There's (here's/* where you're wrong. Please go on; don't stop *there* (at that, at what you've said before) / *here* (at this, at what you're saying) [12].

Расширение границ той области, на которую указывает, с которой соотносит высказывание наречие, делает ее менее определенной или даже весьма неопределенной, но значение слова there сохраняется, оно остается тем же, т. е. не утрачивается. (Имеются в виду экзистенциальные предложения с "вводящим" there типа there's no remedy for his sorrow). Границы области, с которой соотнесено наречие, неопределенны (реальная действительность в целом или какие-то ее участки), но говорящий противопоставляет себя этой области, смотрит на нее со стороны, объективируясь от частной обсуждаемой ситуации. Ср. предложение Here is somebody in the house, сказанное в условиях, когда необходимо найти кого-то для оказания содействия в предпринятом деле (включение в ситуацию беседы), и There is somebody in the room — сказанное при конспиративном разговоре, исключающем возможность присутствия посторонних во избежание подслушивания.

Тот же смысл сохраняет слово there и в восклицаниях типа: There now, которые при спорах, обсуждении вопросов, показывают, что восклицающий, прерывая говорящего, отсылает его к одному из предшествующих во времени моментов, к содержанию предшествующей аргументации. В восклицаниях типа There, there, you haven't really hurt yourself! содержится тот же смысл отграниченности от данного ситуационного момента: 'Все уже прошло, все уже хорошо, успокойтесь!'

В силу семантического элемента отграниченности в значении there, с одной стороны, и обобщенности, неопределенности пределов подразумеваемой экзистенциальной области — с другой, there получает некую степень уточнения от других слов в предложении, с которыми оно семантически соотнесено. Ср.: Come in here и Go out there. Такой соотнесенности не наблюдалось бы при семантической опустошенности слова there. Неопределенность и обобщенность делают возможными и такие контрастные случаи локального уточнения, как There are too many flowers here: I can hardly breathe. Разные уровни обобщенности значения у слова there в разных речевых структурах могут вызывать вопрос о его грамматическом статусе, но едва ли дают основание констатировать десемантизацию.

К числу десемантизованных обычно причисляют и английское место-

[12] Аналогичного взгляда относительно семантики наречия there придерживается Д. Болинджер (*Bolinger D.* Fire in a wooden stove: On being aware in language.— In: The state of the language/Ed. by C. L. Michaels and Ch. Ricks, 1980, p. 379—388.

имение it в некоторых синтаксических функциях. И. П. Иванова, например, говорит, что it имеет "чисто грамматические структурные функции, когда оно замещает позицию подлежащего в бессубъектных предложениях: It is raining, It is warm today, а также "предваряет инфинитивные обороты или подчиненные предикативные единицы, неспособные занимать позицию подлежащего при дополнении в силу свой структурной громоздкости" [13]. В утверждении И. П. Ивановой следует разграничить две стороны: 1) вопрос о том, почему те или иные инфинитивные и предикативные структуры не употребительны в некоторых синтаксических функциях (это не относится к теме данной статьи); 2) вопрос о том, лишено ли местоимение it в указанных случаях своего лексического значения. И. П. Иванова упоминает также особые функции, выполняемые местоимением it, когда оно, вместо указания на предмет анафорически обозначает ситуацию. Представляется, что эта функция не является особой. Значением местоимения it является указание на объект. Ситуация тоже может быть объектом. Этот объект (ситуация) часто выражается в повествовании эксплицитно, что имеет место в примере И. П. Ивановой: He must be the only person on this earth who regards you as an irresponsible schoolboy. It gives me great pleasure.

Ситуация, показателем которой является и к которой отсылает местоимение it, может быть имплицитной, не выраженной в тексте. В той же грамматике сказано, что местоимения указывают на любые предметы, не называя их. Можно сказать поэтому, что в предложениях типа it is raining объектом, к которому отсылает местоимение it, является эксплицитно не выраженная ситуация погоды, ей предицируется признак "дождливая". Случай, когда местоимение предваряет инфинитивные обороты, не отличается от рассматриваемых. Ср. пример It was something like a blow to prestige, then, when the dance seemed to hang fire [14]. Достаточно, разделив это предложение на два, поменять местами части: The dance seemed to hang fire. It was something like a blow to prestige, и у нас получится эксплицитно выраженная ситуация и отсылающее к ней анафорическое it, которое в "Теоретической грамматике" рассматривается как сохраняющее свое лексическое значение.

Интересно сопоставить исследование вопроса о значении английского местоимения it с тем, что пишет в своем подробном разборе Е. В. Падучева о русском местоимении *это* с аналогичным значением и с аналогичной судьбой в лингвистических исследованиях. *Это* "употребляется в русском языке в разных конструкциях и даже в функции разных частей речи, но таким образом, что его функция в одних конструкциях как бы отбрасывает тень на другие, так что в результате слово имеет не только уникальный набор синтаксических функций, не повторяемый больше ни в каком другом слове, но и некоторые уникальные функции, не выполняемые никаким другим словом". *Это* — местоимение. Местоимение либо имеет антецедент (при анафорическом употреблении), либо обозначает само по себе какой-то внеязыковой объект или ситуацию (при дейктическом употреблении). В своем употреблении оно является отдельным членом предложения [15].

Подобно русскому местоимению *это*, о котором пишет Е. В. Падучева,

---

[13] *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 42.

[14] Там же, с. 42.

[15] *Падучева Е. В.* Значение и синтаксические функции слова *это*.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982, с. 76.

английское местоимение it либо отсылает к антецеденту, либо указывает на какой-то внеязыковой объект (в частности, ситуацию), который и является носителем того признака, о котором сообщает сказуемое предложения с подлежащим — местоимением it. Предикативный признак процесса или состояния одним и тем же глаголом может передаваться как проявление каких-либо процессов или состояний, обусловленных активным деятелем или независимых от активного деятеля (безличное значение). Ср.: It rained, It snowed — безличные предложения, характеризующие состояние погоды и *They rained* gifts upon the heroes. *Presents snowed in* on my birthday [16], где активный деятель либо выражен эксплицитно, либо имплицируется, но и в том и в другом случае существует. Употребление глаголов rain и snow с подлежащими, иными, чем местоимение it, не связано с изменением варианта значения этих глаголов, поскольку возможны предложения типа It has rained itself out, где имеется в виду гроза, ее прекращение, а также типа Tears rained down his cheeks [17].

Д. Болинджер утверждает (и доказывает это на материале убедительных примеров), что местоимение it употребленное в качестве анафоры по отношению к данной эксплицитно описанной ситуации, и it в так называемых безличных предложениях имеет значение, и при том одно и то же. Приводится фрагмент телефонного разговора о погоде: "How's it down there?"— "It's fairly calm. How's it up there?"— "It's practically ripping the trees out" [18]. Запрос о состоянии погоды и ее характеристика в ответе в первом случае отличается от второго тем, что во втором случае погодные условия активно способствуют созданию весьма неблагоприятной обстановки (ripping the trees out). Здесь невозможно классифицировать местоимение it как лишенный лексического значения, десемантизованный формальный элемент с чисто структурными функциями. Но уже из этого следует, что в предшествующей характеристике состояния погоды (It's fairly calm) местоимение it сохраняет свое лексическое значение. Д. Болинджер констатирует семантическую эквивалентность вышеупомянутых структур структурам с инфинитивами и герундиальными предикативными оборотами в смысле наличия у местоимения it лексического значения. В подтверждение приводится пример: "How is it in your room?"— "It's hard to study" или "It's hard studying there" [19]. Убедительным доказательством является бессмысленность (при формальной допустимости) ответов "To study is hard" или "Studying is hard". Таким образом вариант предложения с подлежащим it (предваряющим it) не есть следствие стремления избегать громоздких структур, а обусловлен смысловыми различиями, порождаемыми как разными позициями одного и того же элемента (в данном случае вербалий), так и семантикой местоимения it.

Говоря о большой обобщенности значения it, Д. Болинджер видит подтверждение тому, в частности, в возможной замене в ряде случаев местоимения it существительным thing (также очень общего значения), когда речь идет о характеристике некоего положения вещей: They're making

[16] *Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H.* The advanced learner's dictionary of current English. L., 1958, p. 1028—1215.
[17] Ibid, c. 1028.
[18] *Bolinger D.* Ambient 'it' is meaningful too.— In: Journal of Linguistics, 1973, vol. 9, p. 262. См. также: *Gannon P., Czerniewska P.* Using linguistics. L., 1980, p. 18.
[19] *Bolinger D.* Ambient 'it'..., p. 266.

it unpleasant for him. При этом указывается, что обобщение достигает в местоимении еще большего предела [20].

Относительно местоимений третьего лица в целом Русская грамматика констатирует, что они указывают "на предмет или лицо, либо известные в речевой ситуации, либо тут же называемые" [21]. Определение, "известные в речевой ситуации", свидетельствует о некой неопределенности и обобщенности значения у местоимений третьего лица. Сказанное относится и к соответствующим английским личным местоимениям. Так, местоимение he, например, обозначает не только лицо мужского пола или животное. Ему присуща очень значительная степень обобщения. Ср.: He who raises the sword by the sword shall he perish (здесь местоимение he эквивалентно русскому местоимению всякий). Лицо здесь представлено как некая неопределенная совокупность признаков, среди которых существен один, упоминаемый.

Особенно высока степень обобщенности значения у местоимения it. Им обозначается любая совокупность признаков, независимо от того, составляет ли эта совокупность предмет, факт, ситуацию или элемент ситуации. У Л. Н. Финогиной находим следующее определение: "коммуникативным содержанием местоимения ... является соотнесение и, тем самым, указание на ту или иную, не специфизируемую лексически, субстанцию" [22].

Очень существенно для понимания семантики местоимения it то, что обозначаемая им совокупность признаков количественно и качественно не лимитирована. Отсюда и известная неопределенность присущего ему обобщения: He found an old tennis ball. It wasn't much. But it was better than nothing (M., 20). Здесь с помощью местоимения it характеризуется не только найденный предмет (теннисный мячик), но и сам факт находки предмета. It соотносит выраженную характеристику и с тем, и с другим. Такая неопределенная широта обобщения делает возможной соотнесенность it в составе высказывания как с предыдущей частью сообщения, так и с последующей: He ran the mower speedily up and down the lawn, not being too careful at the corners. It was only that he was anxious to get back and toss a ball around with Jules Ivar (M., 20).

Местоимение it выполняет здесь как анафорическую, так и катафорическую функцию [23]. Оно замещает группу слов not being too careful at the corners, а придаточная часть предложения, в состав которого непосредственно входит местоимение it, поясняет причину явления, обозначаемого антецедентом местоимения. Иформационная схема выглядит следующим

---

[20] Там же; с. 268.
Выдвигая тезис о том, что it не может не иметь смысла, Л. Н. Финогина выделяет восемь морфолого-синтаксических моделей, в которых используется it, и доказывает его значимость существованием в каждом случае вариантов структур с номинативными единицами (в позиции, которую занимает it) в лексически однородных предложениях. Все параллели почерпнуты из художественной литературы. См.: *Финогина Л. Н.* Функционирование и статус лексемы it в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1982.

[21] Русская грамматика. М., 1982, т. 1, с. 531.

[22] *Финогина Л. Н.* Функционирование и статус лексемы it..., с. 21.

[23] Единство анафорической и катафорической связи наблюдается и у других коррелирующих слов в английском языке. См. об этом: *Барабаш Е. В.* К вопросу о категориях текста (анафорические и катафорические связи) в английском языке.— Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980, вып. 161, с. 20.

образом: it (not being too careful at the corners) was only that he was anxious to get back. С другой стороны, местоимение it обобщенно предваряет разъясняющую информацию. С точки зрения катафорической связи, информационная схема такова: not being too careful at the corners was only it: he was anxious to get back.

Местоимение it может репрезентировать не только часть высказывания, но и все высказывание в полной форме его выражения, будь то одно предложение или более. "My mother says she isn't even going to bother to write me any letters. I'm going to have to keep her informed, she said". It sounded as if Jules was more pleased that not at this (M., 36).

Однако чаще местоимение it является не обобщенным знаком сложных синтаксических структур, а обобщает содержащуюся в них информацию: The thought of Mishmash going along with Miss Patch to Europe didn't seem at all strange to Pete. It was the sort of trip Mishmash would have enjoyed (M., 2—3).

Существенно, что, как показывают, в частности, данные примеры, предикативная часть предложений с местоимением it имеет характеризующий смысл. В ней выделяется (или оценивается) некий признак субстанции, репрезентируемой it.

Если местоимение репрезентирует ситуацию, она может обозначаться по какому-либо ведущему (для данной информации) признаку, названному в предикативной части предложения, включающего it: "You saw him with an old man", he said wearily. Wanda shook her head. "It was a young man" (M., 95). Этот пример хорошо иллюстрирует функциональные особенности местоимения it, раскрывающие его семантическую сущность: 1) Оно не обязательно замещает какое-либо слово или синтаксическую структуру, а весьма часто в обобщенной форме представляет выраженное языковыми средствами содержание (в данном случае — встречу на улице). 2) С помощью местоимения it осуществляется характеристика или идентификация (как в данном случае) этого обобщенного содержания или его элемента. 3) Вводимая местоимением it информация идентификации объекта (или уточнения временных, пространственных и прочих условий его бытия) может заключать в себе элемент противопоставленности предыдущей части сообщения, что придает ей экспрессивный характер.

Функционирование местоимения it является примером диалектического взаимодействия в процессе речи явлений обобщения и конкретизации. В силу своей семантики it обобщенно представляет разнообразное содержание (или часть содержания) высказываний, создавая возможность дальнейшей конкретизации в процессе развертывания сообщения. Местоимение it не является опустошенным ни в так называемых эмфатических предложениях, ни в тех случаях, когда оно предваряет инфинитивные обороты или подчиненные предикативные структуры. Представление о семантической опустошенности it обычно возникает вследствие оторванности начинающегося с него предложения от предшествующей части сообщения, с содержанием которого оно соотнесено. Обобщающая семантика it становится очевидной, если начать анализ с предшествующей части сообщения и опустить уточняющую (изъяснительную) структуру, например инфинитивную: 'You didn't see a black dog running around here, did you?"— he asked. She looked at him with a severe expression. "It's against the law..." (M., 78). Совершенно ясно, что характеристика противозаконности относится к ситуа-

ции собаки, бегающей по улице без хозяина. Эта ситуация выражена в вопросе (с некоторой долей имплицитности), и ее показателем является it. Далее ситуация получает эксплицитное уточнение: "It's against the law to let a dog run around without a leash".

Большую группу предложений со структурной схемой it is (was) ... that (who) ... считают обычно средством эмфатического выделения элемента сообщения. В грамматике Р. Кверка и др. они рассматриваются как расщепленные варианты (cleft sentences) простого предложения, средство рематизации любого его члена, кроме сказуемого [24]. Утверждается семантическая опустошенность рамочных элементов, существующих только для выделения того, что заключается в рамку. Однако это утверждение опять-таки справедливо только для предложения, изъятого из потока речи.

Подвергнем анализу высказывание: "When Mishmash is through with the housecleaning — *if it's Mishmash who's doing the housecleaning*", she added darkly — "what's he going to do next". (M., 50). Без искусственной изоляции выделенная часть высказывания не выглядит расщепленным вариантом начального придаточного предложения. В общем контексте она служит для выражения сомнительности сделанного утверждения. Местоимение it обобщенно представляет ситуацию предтекста, в предикативной части назван вероятностный источник этой ситуации, и ему приписывается некий идентифицирующий признак. Экспрессивность может создаваться за счет того, что в сообщении выбирается один из возможных вариантов констатируемой ситуации. Но это еще не говорит о наличии или отсутствии какого-либо значения у местоимения it.

До сих пор все высказываемые положения подтверждались примерами из художественной литературы. В текстах других стилей речи, в частности в научном тексте, наблюдаются те же факты. Исследователи научного функционального стиля постоянно подчеркивают его избирательность в отношении языковых структур [25]. Выделяя семантические поля и входящие в них основные лексические группы, характеризующие лексический уровень научного текста, среди других Е. С. Троянская упоминает поле и лексическую группу оценки, действительно весьма существенные для научного функционального стиля [26]. Их значительная роль в научных текстах объясняется качеством субъективной оценочности изложения в котором выражается позиция автора относительно излагаемых им фактов [27]. Эта содержательная особенность научного текста отражается и в широком использовании такой грамматической структуры, как предложение с предваряющим it. Поскольку автору текста важно в первую очередь сообщить слушателю (или читателю) свою оценку излагаемых фактов, он и начинает высказывание именно с этого, а затем уже следует непосредственное изложение фактов, заслуживающих данной оценки: *It must be emphasized,* however, that the function of theory and hypothesis in this advance has not been merely to explain what is already known (Prutton, 2). *It can be truthfully said* that we still do not understand well our commonest liquid, water (Ibid., 77). Once the nature of the unit lattice

[24] *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik G.* A university grammar of English. M., 1982, p. 361.

[25] См., например: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982, с. 9.

[26] Там же, с. 75.

[27] Там же, с. 75.

is established, *it is a simple matter* to calculate the length of the edge of the unit cube ... (Ibid., 133).

Общеизвестно, что предложения подобного рода чрезвычайно характерны для научного текста, притом не только английского. В английском языке местоимение it в этих случаях не теряет связи с предшествующим ему текстом, как это видно, например, в следующей последовательности предложений: The implication involved in this principle of the continuity of the gaseous and liquid states is highly important. It suggests that if we have an equation of state which is satisfactory in the region of high pressures and low temperatures, that equation should be applicable also to the conditions prevailing at the critical point and to the liquid itself (Ibid., 81). Ясно, что местоимение it анафорически обобщает содержание предшествующего ему предложения. В то же время оно выполняет и роль катафоры в отношении последующей части сообщения, начинающейся союзом that, поскольку в этой части раскрывается скрытый смысл предшествующего. Одно вытекает из другого. Обобщая содержание первой части, местоимение it тем самым является обобщенным показателем и второй. Об этом свидетельствует и глагол suggest. Аналогичное положение дел можно наблюдать и с другими глаголами, например, point out или conclude: It may be concluded from this explanation that, in the area to the left of the dome-shaped area and below the line bE, only liquid carbon dioxide will exist (Ibid., 80). Здесь сильнее выражена катафорическая сущность it, подчеркнутая формой страдательного залога глагола conclude. Однако предложно-именная группа from this explanation указывает и на наличие анафорической связи it с предшествующим контекстом. Элиминируя эту группу и подставив глагол suggest вместо be concluded, мы усилим анафорический элемент в связующей функции местоимения it.

Обобщающая семантика местоимения it становится отчетливой в контексте соответствующей глагольной и приглагольной лексики: However, a liquid can be made to boil at any temperature between its freezing point and the critical temperature by merely raising or lowering the external pressure on the liquid. Therefore, it may be stated in general that the boiling point of a liquid is the temperature at which the vapor pressure of a liquid becomes equal to the external pressure acting upon the surface of the liquid (Ibid., 96). Глагольная часть предложения с подлежащим it ясно показывает, что его послетекст является обобщением предтекста. Таким образом, местоимение it анафорически обобщает в себе положение дел, констатируемое в предшествующем предложении и одновременно является катафорой по отношению к предложению, вводимому союзом that.

В научном тексте обычно заметнее обобщенная отнесенность местоимения it к последующему контексту. Анафорическая связь с предшествующим текстом не так очевидна на первый взгляд. Однако ее можно обнаружить при внимательном анализе содержания и в структурах типа It is ... that/who (which)..., также весьма распространенных в научных текстах. Так, в предложении Forces of attraction and of repulsion both exist between the nucleus and each electron, and it is the balance between these forces which keeps the electron in its normal orbit (Sinclair, 9) местоимение it в качестве катафоры является обобщенной репрезентацией утверждения о том, что равновесие сил удерживает электрон на его орбите. Одновременно оно анафорически связано с предшествующим текстом, где сообщается о

существовании двух противоположно направленных сил: притяжения и отталкивания. Еще более показательным в смысле анафорической связи местоимения it с предшествующим текстом является следующий пример: Whenever possible, facts and their correlations, as well as their explanations, are expressed in mathematical terms. It is this precision of language more than any other single factor which differentiates the physical sciences of physics and chemistry from the more purely descriptive sciences of biology or medicine (Prutton, 1—2). Обобщенно представленное местоимением it содержание первого предложения получает во втором точное характеризующее определение (precision of language) и дальнейшую конкретизацию отмечаемого качества точности (подобная точность признается свойством определенной группы наук). В цитируемом ниже отрывке текста ясна катафорическая роль местоимения: ... the characteristic of the absorbing substance is not the light it transmits but rather the light the absorbs. Consequently it is by studying the latter that information about the absorbing substance can be obtained (Prutton, 756). Здесь местоимение репрезентирует общее содержание придаточного предложения. В то же время существует все-таки и анафорическая связь, поскольку в первом предложении говорится о характерной особенности вещества-поглотителя. Эта характерная особенность (it) и становится доступной нашему пониманию в результате изучения упомянутого факта.

Таким образом видно, что и в научных текстах местоимение во всех грамматических структурах сохраняет значение. В противном случае оно не могло бы выполнять ни функцию анафоры, ни функцию катафоры, поскольку данные связи — содержательные. Высокая степень обобщения, которой характеризуется значение этого местоимения делает удобным его использование в грамматических структурах, рассмотренных выше.

В частности, именно для научных текстов важно не только дать информацию о фактах, но и выразить позицию автора сообщения относительно непосредственно излагаемого. Отсюда эта часть содержания целого выделяется в самостоятельную структуру (it is claer, possible, important и пр.; it should (will) be noticed, emphasized и т. п.). Аналогично этому и использование местоимения it в построении it is ... that, превращающем в фокус информации ту ее часть, которая заключена в указанную структурную рамку.

Из всего сказанного выше следует, что нет достаточных оснований говорить о десемантизации слов только потому, что они выполняют функции, которые можно было бы назвать служебными. Явление семантической опустошенности наблюдается у некоторых слов. Но тогда и употребление становится настолько расширительным, что теряется смысл, возникают слова-паразиты. О практическом бытовании в русской речи одного из таких слов рассказывает, например, О. А. Лаптева [28].

Принятые сокращения

M — *Cone M.* Mishmash and the Sauerkraut mistery. N., Y., 1979.
Prutton — *Prutton C. F.* and *Maron S. H.* Fundamental principles of physical chemistry. N., Y., 1944.
Sinclair — *Reddinhough J. A., Sinclair I. R.* Beginner's guide to transistors. L., 1978.

[28] *Лаптева О. А. Типа или вроде?* — ВЯ, 1983, № 1, с. 51.

С. Т. БОЛТУНОВА

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОСТЫМИ ПЕРВООБРАЗНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Причинность — одна из категорий материалистической диалектики. Основное содержание марксистско-ленинской интерпретации причинности заключается в раскрытии объективности, универсальности причинно-следственной связи и ее взаимодействия с другими формами связи.

Причинно-следственные отношения характеризуются целым рядом черт, онтологически отличающих их от других типов отношений. Существенными признаками каузальной связи являются необходимый характер связи между причиной и следствием, генетический характер этой связи, ее асимметричность. Необходимый характер связи между причиной и следствием проявляется в том, что следствие не просто появляется вслед за причиной, не просто сопутствует ей, а связано с ней внутренней неразрывной связью. Причина существует постольку, поскольку есть ее действие, и наоборот. Связь причины и следствия носит генетический характер, что выражается в качественном соответствии между причиной и следствием: структура следствия в определенной мере воспроизводит структуру причины. Каузальная связь представляет собой отношение асимметричное, так как причина и следствие представляют собой не две равноправные сущности, а такие две величины, одна из которых определяет другую, односторонне зависит от другой.

Таким образом, на онтологическом уровне связь причины и следствия можно представить как совокупность трех названных признаков, объединяющих их в единую каузальную корреляцию [1].

В реальной действительности связь причины и следствия оказывается очень сложной, предполагающей наличие ряда различных отношений (целевых, условных, временных и др.), без которых связь не реализуется и от которых она может быть отвлечена только в абстракции [2].

Как отмечают исследователи, причинная связь, действующая в объективной действительности, может быть прямая, основная, более сильная, и косвенная, второстепенная, более слабая [3]. Соответственным образом строится и языковое выражение этих диалектических свойств объектов. Наряду с прямой, основной причинностью, причинная семантика может выступать в совокупности с другими отношениями — пространственными, временными, целевыми, объектными, условными и др.

В современном английском языке причинно-следственные отношения могут выражаться как сложными, так и простыми предложениями, в которых имеются те или иные инфинитивные, причастные, герундиальные или предложные обороты. Своеобразием простых и сложных предложений,

---

[1] *Комаров А. П.* О лингвистическом статусе каузальной связи. Алма-Ата, 1970, с. 17—19.

[2] *Кребер Г. А.* Категория условия и соотношение ее с категорией причины.— НДВШ. Филос. науки, 1961, № 3, с. 106—116.

[3] *Голкова В. Я., Стомпелева Г. Т.* Некоторые проявления причинно-следственных отношений в свете ленинской теории отражения.— Учен. зап. Ярослав. технол. ин-та, 1971, т. 33, с. 52—62.

выражающих причинно-следственные отношения, является их семантическая сложность, проявляющаяся в том, что в них находит выражение по меньшей мере две каузально связанные ситуации — каузирующая ситуация причины и каузируемая ситуация следствия, поскольку каузальная связь обязательно предполагает два события — событие причины и событие следствия, связанные отношением каузации. Кроме определяющей константы каузации, каузальная ситуация содержит еще четыре константы: субъект каузирующей ситуации причины, каузирующий признак, субъект каузируемой ситуации следствия и каузируемый признак [4].

Характерной особенностью экспликации причинно-следственных отношений в предложном словосочетании является отсутствие изоморфизма семантических и синтаксических средств выражения причинного коррелята каузальной макроситуации. С точки зрения синтаксической семантики и событие причины, и событие следствия характеризуются как предикатные выражения [5], однако на поверхностно-синтаксическом уровне в компоненте словосочетания, выражающем причину, имеет место свернутое предикатное выражение, обозначение ситуации причины номинализованным предикатом, т. е. именем пропозитивной семантики [6], тогда как следственный компонент словосочетания представляет собой развернутую предикативную конструкцию.

В современном английском языке причинно-следственные отношения выражаются как простыми первообразными предлогами, например: at, by, for, from, in, of, out of, through, with, так и большим разнообразием отыменных и отглагольных составных предлогов и предложных эквивалентов типа because of, by reason of, on account of, in consequence of, owing to, due to, thanks to, as a result of, as the effect of и др., которые позволяют провести четкую смысловую и стилистическую дифференциацию при выражении причинно-следственных отношений.

Характерной особенностью упомянутых отыменных и отглагольных составных предлогов является то, что они выражают основную, прямую причинность, не осложненную другими типами отношений, тогда как для простых предлогов часто характерен синкретизм значений — причинное значение осложняется каким-либо другим значением.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть специфику выражения причинно-следственных отношений простыми предлогами by, for, from, through, with в научном функциональном стиле современного английского языка, причем предлоги анализируются только в составе глагольно-именных словосочетаний. Материалом для анализа послужили английские научные тексты по математике, физике, химии, биологии, океанографии. Исследовано 4000 страниц текста и в результате сплошной выборки выявлено 1210 случаев употребления простых первообразных предлогов в причинном значении, которые распределяются следующим образом: предлог by — 764 примера, предлог with — 251, предлог through — 90, предлог from — 82, предлог for — 23.

---

[4] *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных кострукций.— В кн.: Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969, с. 6—7.

[5] *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, с. 39—40.

[6] *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976, с. 73—74.

Значение простых первообразных предлогов рассматривается здесь как сочетание парадигматического инварианта [7] с лексико-семантическим вариантом, проявляющимся в определенных условиях контекста (синтагматическое значение).

Для идентификации причинно-следственных отношений в исследуемых синтаксических конструкциях используется трансформационная парадигма причинно-следственных отношений, разработанная В. И. Кирсановым, а также учитываются некоторые положения о закономерностях организации семантической структуры предложных конструкций, выдвинутые А. А. Хадеевой-Быковой [8]. Как уже отмечалось, существенными признаками каузальной связи являются необходимый характер связи между причиной и следствием, генетический характер этой связи, ее асимметричность. В используемой трансформационной парадигме этим онтологическим признакам каузальной связи придан статус пресуппозиций и на их основе выводятся дифференциальные признаки предикатных коррелятов каузальной импликации. Так, предикатное выражение причины характеризуется как обусловливающее, предшествующее, порождающее, а предикатное выражение следствия квалифицируется как событие обусловленное, последующее, порожденное.

Для обнаружения этих дифференциальных признаков предикатов каузальной связи строится диагностирующая трансформационная парадигма, состоящая из двух стадий: стадии пропозиционального развертывания с целью обнаружить скрытый предикат и выявить обязательную обусловленность и временную последовательность предикатов каузальной корреляции (операторы — if, first ... then) и стадии эксплицитного маркирования компонентов каузальной корреляции (операторы — because of, so that). Например, предложение ... the newly hatched larva *is infected by eating the shell* (Wig. 406) подвергается следующим трансформациям: а) трансформация обязательной обусловленности; оператор — союз if: ...the newly hatched larva would not by infected if it did not eat the shell; б) трансформация темпоральной последовательности; оператор — first ... then; first the newly hatched larva eats the shell, then it is infected; в) трансформация генетичности; операторы — союзы because, so that: the newly hatched larva is infected because it eats the shell; the newly hatched larva eats the shell, so that it is infected.

Так как исследуемые предлоги являются полифункциональными и имеется много диффузных, синкретичных случаев, данная парадигма использовалась нами для идентификации причинно-следственных отношений в анализируемых синтаксических конструкциях. Положительная реакция конструкции на эти трансформации давала нам основание констатировать у предлога причинное значение. Подобному тесту на причинность был подвергнут весь собранный материал. В дальнейшем изложении, чтобы избежать громоздкости рассуждений, для доказательства наличия причинно-следственной связи в рассматриваемых предложных конструкциях будет приводиться лишь конечная трансформация генетичности, так как положи-

---

[7] *Рейман Е. А.* Английские предлоги: Значение и функции. Л.: Наука, 1982, с. 15.

[8] *Кирсанов В. И.* Средства выражения следственных отношений в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1980, с. 8—9; *Хадеева-Быкова А. А.* Ценность предложных групп как объекта лингвистического исследования.— В кн.: Предложные обстоятельства в современном английском языке. Ярославль, 1971.

тельная реакция конструкции на эту трансформацию предполагает и возможность двух предшествующих трансформаций.

Рассмотрим особенности выражения причинно-следственных отношений каждым из исследованных предлогов.

Предлог by. Инвариантное парадигматическое значение предлога by — выражение отношения функциональной связи, которое характеризуется тем, что члены этого отношения имеют общее значение результата (глагольный член словосочетания) и фактора, который создает результат, обеспечивает его осуществление или способствует его возникновению, проявлению (именной член словосочетания) [9].

В зависимости от конкретных синтагматических условий этот действующий фактор может проявляться как агенс, средство, способ, причина. В исследованном материале представлены как случаи, в которых предлог by выражает прямую неосложненную причинно-следственную связь, так и случаи синкретичного значения, когда причинное значение совмещается со значением способа.

Прямая неосложненная причинность имеет место в тех случаях, когда главный компонент словосочетания выражен: а) глаголом-связкой + причастие II со значением состояния, например: ...the egg *is prevented* from bursting only *by the formation* over the yolk *of a cuttcular plug* (Princ., 8); б) глаголами со значением состояния или процесса, например: *By some radiationless rearrangement* the system *passes* from B to C, where it is in a triplet state (Kit., 318); в) глаголами-характеристиками [10] типа occur, arise, result, например: Association *occurs by recognition* of an identical pattern by like cells (Dow., 498). Именной член словосочетания во всех этих случаях обозначает объективное явление, процесс, событие, которое выступает как каузирующий фактор и вызывает определенное следствие.

Наличие причинно-следственной связи в предложениях указанных типов подтверждается их положительной реакцией на трансформацию генетичности, состоящую, как уже отмечалось, из процедуры развертывания причинного члена словосочетания в эксплицитную предикативную конструкцию с целью выявления скрытого предиката и процедуры маркирования, т. е. введения в предложение союза-оператора because, эксплицитно выражающего каузальную связь. Например:

а) By the thirteenth day after pollination, the embryo *becomes* somewhat *flattened by enlargement of its tip* along the posterior side of the suspensorial region to from the scutellum (Rag., 43). Ср. с трансформацией генетичности: By the thirteenth day after pollination, the embryo becomes somewhat flattened *because its tip enlarges along the posterior side of the suspensorial region to form the scutellum.*

б) ... at lower relative humidities the tick *loses* water *by evaporation* (Arth., 226). Ср. с трансформацией генетичности: ...at lower relative humidities the tick loses water *because it (water) evaporates.*

в) Infection of man might well *result by squashing of the ticks* during their removal from stock (Arth., 306). Ср. с трансформацией генетичности:

---

[9] *Рейман Е. А.* Указ. соч., с. 53—55.

[10] См.: *Шокуров В. Н.* Употребление некоторых глаголов-характеристик со значением возникновения (события) в английской научной литературе.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982, с. 211—212.

Infection of man might well result *because the ticks are squashed* during their removal from stock.

Наличие причинно-следственной связи в предложениях рассматриваемых типов подтверждается также и синтагматическими условиями употребления предлога by. Так, в предложении The reaction of activated enzyme-substrate complex *proceeds* to the formation of products *by acid-base catalysis, by strain* in the interatomic bonds of the substrate, *by other electronic effects,* or *because of the hydrophobic environment* at the active site (Dow., 178) первые три однородных члена оформляются предлогом by, тогда как четвертый однородный член вводится предлогом because of, что можно рассматривать как косвенное доказательство того, что и первые три однородных члена обозначают причину.

Синкретизация значения причины и способа наблюдается в тех случаях, когда именной член обозначает действие, сознательно предпринятое субъектом-лицом для осуществления данного результата, причем способ достижения этого результата является в то же время и причиной его возникновения. Глагольный член словосочетания может в таких случаях иметь: а) форму действительного залога, например: Gauss *overcame* this difficulty, in his theory of surfaces *by introducing curvilinear co-ordinates...* (Einst., 61); б) форму страдательного залога, например: The duration of the cardiac action potential *has been shortened* dramatically *by infusion of K-rich solutions* through the coronary artery (Kern., 83); Хотя при глаголах в форме страдательного залога субъект-лицо, осуществляющий определенное действие, не назван, понятно из контекста, что это исследователь, экспериментатор.

Синкретизация значения причины и способа в предложениях указанного типа подтверждается соответствующими трансформациями. Так, оба предложения допускают трансформацию генетичности. Именной член с предлогом by в обоих предложениях допускает также интерпретацию при помощи предлога by means of, эксплицитно выражающего отношение способа. Для иллюстрации приведем трансформации первого из этих предложений. Gauss overcame this difficulty, in his theory of surfaces, *because he introduced curvilinear coordinates.* Gauss overcame this difficulty in his theory of surfaces *by means of introducing curvilinear co-ordinates.*

Недифференцированное значение причины и способа наблюдается также и в тех случаях, когда в качестве субъекта при глагольном члене выступают так называемые «потенционные» существительные, т. е. существительные, которые обладают потенцией «выполнять» определенные действия [11]. В научном стиле, например, при описании различных объективно протекающих процессов многие физические, химические или биологические объекты (atoms, solvents, cells, bacteria, organisms etc.) наделяются признаком активного действия, осуществляемого тем или иным способом. В таких случаях способ осуществления этого действия-процесса является в то же время и его причиной. Например: 1) *By continually transferring heat* to the environment, living organisms *are able to keep* their entropy content at a low level for long periods of time (Dow., 52); 2) Many organic solvents decrease protein solubility *by lowering the capacity of water to solubilize the charged groups* on the protein (Dow., 105); 3) If the bed-bug Cimex has been

[11] *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975, с. 128—129.

desiccated, it *restores* its normal body composition *by retaining more water than usual* at its next meal (Wig., 357). Приведенные выше предложения положительно реагируют на трансформацию генетичности. Рассмотрим эти трансформации.

Трансформация предложения (1): Living organisms are able to keep their entropy content at a low level for long periods of time *because they continually transfer heat to the environment.*

Трансформация предложения (2): Many organic solvents decrease protein solubility *because they lower the capacity of water* to solubilize the charged groups on the protein.

Трансформация предложения (3): If the bed-bug Cimex has been dessiccated, it restores its normal body composition *because it retains more water than usual at its next meal.*

Именной член с предлогом by в этих предложениях допускает также интерпретацию при помощи предлога by means of, выражающего отношение способа. Таким образом, функционируя в каузальных конструкциях, предлог by выражает как собственно причинно-следственную связь, так и причинно-следственную связь, осложненную отношением способа.

Предлог with является средством выражения ассоциативной связи [12]. В конкретных синтагматических условиях этот парадигматический инвариант реализуется в виде связи комитативной, темпоральной, инструментальной, условной, причинной.

В исследованном материале представлены отдельные случаи, когда предлог with выражает основную, неосложненную каузальную связь: ...being one of the animals which has no anus exit for its food, it *bursts with over-repletion* and dies from actual nourishment (Arth., 2); ...and protoplasm is of the type known as an emulsoid colloidal solution in which the suspended particles *are swollen with water* (Hym., 1). Но случаи подобного рода довольно редки.

В большинстве случаев наблюдается синкретизм значений: обусловленность + одновременность + причинность. Причинность в таких случаях выступает как второстепенная, неосновная связь. В словосочетаниях такого типа широко представлены глаголы со значением изменения, возникновения, исчезновения: increase, decrease, vary, change, vanish, weaken, appear, disappear, reduce, fall, result, occur, take place. Подлежащее при таких глаголах обычно выражено существительным, обозначающим какое-либо физическое, химическое или биологическое явление, претерпевающее определенные изменения под влиянием фактора, обозначенного предложно-именным оборотом. Именной член может: а) следовать за глагольным членом словосочетания, например: 1) ...the rate of enzyme synthesis *increases with the concentration of inducer* (Dow., 303); 2) ...sea water under natural conditions always *expands with increasing temperatures* (Princ., 43); 3) ...the wind-driven circulation gradually *vanishes with increasing depth* (Princ., 232); б) предшествовать глагольному члену словосочетания, например: 4) *With the onset of the first meiotic metaphase,* the nuclear membrane *disappears* and a bipolar spindle *forms* (Dow 222); 5) *With increasing salinity* the temperature of the density maximum of sea water *decreases* (Princ., 43).

[12] *Рейман Е. А.* Указ. соч., с. 41—42.

Для смысловой структуры приведенных выше предложений характерен синкретизм значений одновременности, обусловленности, причинности, что подтверждается соответствующими трансформациями: именной член с предлогом with допускает трансформацию во временное, условное и причинное придаточное предложение.

Трансформация предложения (1): the rate of enzyme synthesis increases *when (if, because) the concentration of inducer increases.*

Трансформация предложения (2): sea water under natural conditions always expands *when (if, because) temperature increases.*

Трансформация предложения (3): the wind-driven circulation gradually vanishes *when (if, because) depth increases.*

Трансформация предложения (4): *When (if, because) the first meiotic metaphase sets in* the nuclear membrane disappears...

Трансформация предложения (5): *When (if, because) salinity increases* the temperature of the density maximum of sea water decreases.

Кроме глаголов со значением изменения, возникновения, исчезновения в словосочетаниях с предлогом with обнаружены также глаголы, обозначающие определенные физические, химические или биологические процессы, становление которых вызвано определенными факторами, например: 1) *With very rapid freezing* salts and brine *may* even *accumulate* at the surface of fast ice (Princ., 83); 2) *With more illumination,* the vesicles *line up* and then *fuse* to form a few thylakoids (Dow., 37); 3) On the other hand, *with the ingestion of blood* the gut contents and the body wall *becomes* rapidly *distended* to a remarkable degree (Arth., 1968).

Предложно-именные сочетания в этих предложениях также допускают интерпретацию через придаточные предложения времени, условия, причины, что можно подтвердить соответствующими трансформациями:

Трансформация предложения (1): *When (if, because) very rapid freezing takes place* salts and brine may even accumulate at the surface of fast ice.

Трансформация предложения (2): *When (if, because) there is more illumination,* the vesicles line up and then fuse to form a thylakoids.

Трансформация предложения (3): On the other hand, *when (if, because) blood is ingested* the gut contents and the body wall becomes rapidly distended to a remarkable degree.

В качестве подтверждения наличия причинно-следственной связи в предложениях рассмотренных типов можно привести также то обстоятельство, что в аналогичных контекстуальных условиях отмечено как употребление предлога with, так и предлогов because of, owing to, due to, т. е. предлогов, эксплицитно выражающих причинно-следственные отношения. Сравним следующие пары примеров: 1) The coefficient of thermal conductivity *increases* slightly *with increasing temperature and pressure* (Princ., 53); ср.: ...the velocity of sound *increases due to the increase of the pressure (*Princ., 50—51); 2) The output frequency of impulses from the sensory receptor *varies with the magnitude of the generator potential* (Dow., 519); ср.: ...this term *varies* in amplitude *owing to the variation with time of D.* (Princ., 303); 3) In general, the solutions *change* markedly *with changes in depth* (Princ., 320); ср.: Moreover, the rate of rotation *changes* from time to time *because of changes in the distribution* of the mass of the atmosphere over the surface of the earth (Princ., 298).

Различие между структурами с предлогом with и соответственно с

предлогами due to, owing to, because of заключается в способе осмысления ситуации. В предложениях с предлогом with причинно-следственное отношение выражено в совокупности с отношением одновременности, обусловленности и мыслится как неосновное, косвенное, сопутствующее, тогда как в предложениях с предлогами due to, owing to, because of это отношение представлено как основное, прямое, доминирующее.

В этой связи интересно отметить случаи, когда в предложении для характеристики одного и того же предиката употребляется и предлог with и составной причинный предлог, при этом за предлогом with сохраняется функция выражения недифференцированного отношения обусловленности, указания на общий фактор, вызывающий те или иные изменения, тогда как составной предлог указывает на дальнейшую конкретизацию этого фактора, эксплицитно представляя его как каузирующее явление: *With the wind blowing in the y-direction,* a slope, B, of the sea surface perpendicular to the coast *will* gradually *build up as a result of the water transport* in the upper layer of frictional influence (Princ., 207); The horizontal compound *varies with time,* at each point on the earth's surface in a complex way *owing to the motions of the* sun and the moon (Princ., 301); The divergence *increases with decreasing latitude as a result of the divergence of meridians* (Princ., 214); *With the formation of ice,* vertical convection under the ice sheet *will start* again *as a consequence of the density increase* with increasing salinity (Princ., 44).

Наряду с предложениями, описывающими объективно происходящие процессы, в исследованном материале представлены также высказывания, характеризующие положение дел в определенной области исследования, вызванное действием некоторых факторов. Для предложений этого типа характерен синкретизм значений одновременности и причинности: именной член, вводимый предлогом with допускает здесь трансформацию во временное и причинное придаточное предложение. Например: But *with the theory of relativity,* this problem *has entered upon a new stage.* (Eins., 99); Ср. трансформацию этого предложения: But *when (because) the theory of relativity appeared,* this problem entered upon a new stage.

With the knowledge that certain tick species were naturally infected it *was expedient* to search for sources of the disease in wild hosts. (Arth., 371). Ср. трансформацию этого предложения: *When (because) it became known* that certain tick species were naturally infected it was expedient to search for sources of the disease in wild hosts.

With the arrival of echo sounding apparatus the number of accurate depth measurements *increased* rapidly (Princ., 17). Ср. трансформацию этого предложения: *When (because) echo sounding apparatus appeared* the number of accurate depth measurements increased rapidly.

Подводя итог анализу предлога with можно отметить, что специфика выражения причинно-следственных отношений предлогом with заключается в том, что он в большинстве случаев выражает причинность в синкретизме с отношениями обусловленности, одновременности.

Предлог through. При рассмотрении значения предлога through на парадигматическом уровне в качестве его инвариантного значения выделяется «отношение трансгрессии», при этом отмечается, что в глагольных словосочетаниях с отношением трансгресии сообщается о развитии разнообразных процессов через какие-либо промежуточные этапы или стадии —

промежуточным этапом может служить некое состояние, среда, территория, предмет и пр [13].

Как показал анализ синтагматических условий употребления предлога through в языке научной литературы, в зависимости от характера промежуточного этапа в развитии процесса это отношение может конкретизироваться как пространственное, временное, инструментальное, причинное.

В причинно-следственных конструкциях глагольный член называет развитие, возникновение, становление какого-либо процесса или признака, а именной — объективно происходящее действие, состояние, событие или явление, вызвавшее это изменение. Например:

The variety of cell types in the fully developed organisms *arises through progressive differentiation from the cells of the embryo* (Dow., 7). Ср. с трансформацией генетичности: The variety of cell types in the fully developed organisms arises *because progressive differentiation from the cells of the embryo is going on.*

Water *is lost* by insects chiefly *through evaporation* (Wig., 355). Ср. с трансформацией генетичности: Water is lost by insects *because it (water) evaporates.*

It has been suggested that nitrogen fixing organisms became well established when the atmosphere changed to an oxidizing one as the supply of combined nitrogen *was depleted through the process of denitrification* (Dow., 397). Ср. с трансформацией генетичности: It has been suggested that nitrogen fixing organisms became well established when the atmosphere changed to an oxidizing one as the supply of combined nitrogen was depleted *because the process of denitrification took place.*

The gorged tick *bursts* after some days *through satiety.* (Arth., 2). Ср. с трансформацией генетичности: The gorged tick bursts after some days *because it is satiated.*

Если именной член обозначает действие, сознательно предпринятое субъектом для получения определенного результата, то наблюдается синкретизация значения причины и способа. Например: ...the coercive force diminishes as the precipitate or impurity content decreases and also as internal strains *are removed through annealing (slow cooling)* (Kit., 178—179). Ср. с трансформацией генетичности: the coercive force diminishes as the precipitate or impurity content decreases and also as internal strains are removed *because annealing (slow cooling) has been carried out.* Именной член словосочетания допускает здесь интерпретацию и через предлог by means of. Ср.: ...internal strains are removed *by means of annealing (slow cooling).* Хотя в приведенном выше предложении субъект-лицо не назван, он очевиден из контекста: это исследователь, выполняющий определенные условия эксперимента для того, чтобы вызвать желаемый эффект. В таких случаях можно считать, что способ действия является в то же время и причиной, вызвавшей данное явление.

Итак, в каузальных конструкциях у предлога through может актуализироваться как собственно причинное значение, так и причинное значение, осложненное значением способа.

Предлог from. Инвариантное парадигматическое значение предлога from определяется как делимитативное отношение исхода, причем исход

[13] *Рейман Е. А.* Указ. соч., с. 144—146.

понимается как начальная фаза развития положения вещей [14]. В зависимости от различных вариантов исхода, называемого именной частью глагольного словосочетания, предлог from может обозначать отношения пространственные, временные, объектные, причинные.

В исследованном материале представлены лишь единичные случаи обозначения предлогом from чистой, неосложненной причинности, в основном при глаголе die. Например: ...a child *had died 3* days previously *from an illness* reminiscent of typhus (Arth., 362). A few insects can withstand complete freezing; but they *die from some unknown cause* when the temperature is lowered still further (Wig., 42).

В большинстве случаев в каузальных конструкциях с предлогом from причинное значение выступает в синкретизме со значением источника. Недифференцированное значение «причина + источник» актуализируется в словосочетаниях, в функции главных членов которых выступают arise, come, come about, emerge, result, обозначающие возникновение какого-либо процесса или состояния. Именной член, обозначающий каузирующий фактор, в этих случаях всегда следует за глагольным членом словосочетания. Например:

The electronic contribution *arises from the displacement of electrons* in an atom relative to the nucleus (Kit., 96). Ср. с трансформацией генетичности: The electronic contribution arises *because electrons in an atom relative to the nucleus are displaced.*

...the increase of potential energy on excitation *comes about from the reduction of the number of bonds* among the unexcited pairs (Quant., 169). Ср. с трансформацией генетичности: the increase of potential energy on excitation comes about *because the number of bonds amon the unexcited pairs in reduced.*

...infection of poultry is alleged *to result from the bite of the tick...* (Arth., 301). Ср. с трансформацией генетичности: infection of poultry is alleged to result *because the tick bites the poultry.*

При предикатах со значением суждения, знания, умозаключения: arrive at conclusions, believe, calculate, conclude, draw conclusions, know, understand, seem likely, be apparent, be evident, determine, glean, suggest у предлога from актуализируется значение основания, которое, как отмечается в литературе, семантически близко к значению причины [15]. Именной член, вводимый предлогом from, в таких словосочетаниях обозначает то, что является отправной точкой, основанием для вынесения определенного суждения или умозаключения. В конструкциях этого типа номинативный член с предлогом from может: а) предшествовать глагольному члену, например: *From the shape of the lines they conclude* that... (Kit., 330); *From these observations* it *seemed likely* that... (Kern., 77); *From their data* it *is apparent* that... (Arth., 278); б) следовать за глагольным членом, например: This fact *is evident from the extremely high rate of oxygen consumption...* (Kern., 91); It *can be concluded from studies of this type* that... (Dow., 296); Insight into the more detailed mechanism *can be gleaned from the following observations* (Dow., 383).

Подводя итог проведенному анализу, можно подчеркнуть, что предлог from крайне редко употребляется в собственно причинном значении.

[14] *Рейман Е. А.* Указ. соч., с. 80.
[15] Русская грамматика, т. 2. М.: Наука, 1980, с. 48—49.

В большинстве случаев он имеет синкретичное значение причина + источник или значение основания, семантически близкое к причинному.

Предлог for. Инвариантным парадигматическим значением предлога for является выражение отношения целесообразности, понимаемом не только как факт человеческой деятельности, но и как объективный факт природы, как общая направленность процессов и их обусловленность конечными результатами, предстающими в качестве целей [16].

В исследованном нами материале представлены как случаи, когда причинное значение совмещается с общим значением целесообразности, так и случаи обозначения основной неосложненной причинности. Совмещение причинного значения с целевым можно обнаружить в следующих двух предложениях: The mean value *is used* as always *for its mathematical convenience* (Stat., 4). Ср. с трансформацией генетичности: The mean value is used as always *because it is mathematically convenient.*— We *pursue* the one dimensional treatment more *for its simplicity* than *for its accuracy* (Thomp., 21) Ср. с трансформацией генетичности: We pursue the one dimensional treatment *because it is simple rather than because it is accurate.*

Значение основной неосложненной причины отмечено в следующих случаях употребления:

а) если номинативный член словосочетания выражен существительными reason, lack, причем существительное reason лишь указывает на наличие причины, содержание же причины раскрывается из более широкого предшествующего или последующего контекста, например: The concepts of classical mechanics afford no way of expressing this. *For this reason* Mach's attempt at a solution *failed* for the time being (Einst., 56); *For the reasons given* it *seems* that... (Einst., 130); *For a number of technical reasons,* most studies of the uptake of simple sugars *have utilized* the human erytrocyte (Dow., 418); Mutants of the first class are able to accumulate and concentrate lactose within the cell but *are unable to metabolize* it *for lack of galactosidase* (Dow., 295);

б) если глагольный член словосочетания выражен предикатами со значением оценки, осуждения, одобрения, выражения благодарности, например: There is, however, one class of statistics, which *is of theoretical interest for possessing the remarkable property...* (Stat., 15). Ср. с трансформацией генетичности: ...which is of theoretical importance *because it possesses the remarkable property.* Ornithodoros savignyi *notorious for the viciousness of its bite on man* is an habitual parasite of camels (Arth., 242). Ср. с трансформацией генетичности: Ornithodoros savignyi is notorious *because its bite on man is vicious.* Biochemical genetics was put on a firm footing by the studies of B. and T. (1941) *for which* they *were awarded* a Nobel prize (Dow., 230). Ср. с трансформацией генетичности: B. and T. were awarded a Nobel prize *because they had made studies which put biochemical genetics on a firm footing.*— To all these I *am* deeply *indebted for their kind assistance and cooperation...* (Arth., XVI). Ср. с трансформацией генетичности: To all these I am deeply indebted *because they assisted me and cooperated with me.*

Таким образом, в каузальных конструкциях у предлога for может актуализироваться как собственно причинное значение, так и причинное значение, осложненное целевым.

---

[16] *Рейман Е. А.* Указ. соч., с. 87.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) предлоги by, with, through, from, for в научном функциональном стиле выражают как прямую, основную причинность, так и причинность, осложненную другими видами отношений, причем каждый предлог характеризуется специфичными для него синкретичными недифференцированными значениями;

2) причинное значение каждого предлога обладает своей спецификой еще и потому, что на причинное значение каждого предлога накладывает свой отпечаток его инвариантное парадигматическое значение, представляя собой своеобразную «внутреннюю форму» значения причины.

Принятые сокращения

Arth. — *Arthur D. R.* Ticks and Disease. Oxford, 1962.
Dow. — *Dowben R. M.* Cell biology. N. Y., 1971.
Einst. — *Einstein A.* The meaning of relativity. Princeton, New Jercy, 1945.
Hym. — *Hyman L. H.* The invertebrates: Protozoa through ctenophora. N. Y.; London, 1940.
Kern. — *Kernan R. P.* Cell K. L., 1965.
Kit. — *Kittel Ch.* Introduction to solid state physics. N. Y., 1953.
Princ. — Principles of physical oceanography. Prentice-Hall, 1966.
Quant. — *Kittel Ch.* Quantum Theory of Solids. New York, 1964.
Rag. — *Raghavan V.* Experimental embriogenesis in vascular plants. L., 1976.
Spec. — Electronics of spectropists. L., 1960.
Stat. — The advanced theory of statistics/Ed. by M. G. Kendall and A. Stuart. L., 1967.
Thomp. — *Thompson P. A.* Comressible-fluid dynamics. N. Y., 1972.
Wig. — *Wiggtesworth V. B.* The principles of insect physiology. L., 1947.

О. А. ЛАПТЕВА

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДИСКРЕТНОСТЬ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Анализ естественного устного монологического текста позволил выделить в нем те особенности, которые можно характеризовать как снижение степени семантической [1] и синтаксической дискретности, возникающей в условиях посегментной реализации речевого потока. В нашей статье «Синтаксическая дискретность устного монологического текста» [2] были рассмотрены те особенности строения устного речевого потока, которые характеризуют в первую очередь *синтаксис сегмента*. Здесь мы остановимся на свойствах, определяющих дискретность *синтаксиса высказывания*. Эти свойства обязаны своим возникновением также условиям посегментной реализации устного монологического текста. Данное описание явится завершением нашей трилогии, посвященной характеристике дискретности устного монологического

[1] См.: *Лаптева О. А.* Дискретность в устном монологическом тексте.— В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. М.: 1982.
[2] В кн.: Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: Виноградовские чтения XII—XIII. М., 1984.

текста в целом и являющейся исследовательским ответом на дискуссионную статью Е. А. Земской и Е. Н. Ширяева [3].

Разделение синтаксиса сегмента и синтаксиса высказывания не является абсолютным. Скорее это различия не в самом явлении, а в аспекте его рассмотрения. Так, если поставить целью изучение механизма формирования и организации так называемых разговорных типизированных предикативных построений, то окажется, что его следует искать в области синтаксиса сегмента, если же взглянуть на них с точки зрения их синтаксической схемы, их моделирования, то они, конечно, составляют предмет синтаксиса высказывания.

В двух предыдущих статьях мы показали, что наблюдается ослабление высказывания как основной единицы текста на фоне сегментации текста. Это ослабление проявляется в первую очередь как ослабление его дискретных свойств и соответственно усиление диффузных. Воздействие сегментации на синтаксис высказывания касается в основном трех его параметров: синтаксической схемы высказывания, степени его отдельности и размещения информативно значимых членов высказывания в рамках синтаксической схемы. Все три параметра влияют на степень синтаксической дискретности высказывания: первый касается степени его формальной завершенности, второй — это и есть синтаксическая дискретность в собственном смысле слова, третий характеризует степень точности структурирования коммуникативной основы высказывания.

Синтаксическая схема высказывания в условиях сегментации

Общелитературная и книжно-письменная схема организации высказывания далеко не всегда выдерживаются в условиях сегментации устной монологической речи в том виде, который привычен нам по письменному тексту и который представлен в грамматических описаниях русского языка. Следует ли относительно этого явления устанавливать несоблюдение норм общелитературного и книжно-письменного синтаксиса или правильнее говорить об особом синтаксисе устной речи? Выбор той или другой позиции зависит от аспекта рассмотрения. Можно исходить из наличия в языке тесной корреляции между устным и письменным текстом одного содержания. Более того, можно постулировать первичность письменного текста для определенных тематических циклов сообщений, например научных. В этом случае говорящий ориентируется на обычные для письменного текста синтаксические модели высказывания, а фактор устности оказывает свое воздействие на их привычный облик. Это одна из возможных точек зрения. Другая же побуждает исходить из внутренних, имманентных свойств устного текста как феномена с особой организацией, не зависящего от субъективного отношения говорящего к языку. Тогда при толковании природы того или иного явления устной речи следует оставаться в его пределах и не прибегать к сравнительно-сопоставительному истолкованию как ведущему методу исследования.

Синтаксис сегмента рассматривался нами в нашей предшествующей статье именно так. Синтаксис же высказывания целесообразно рассмот-

[3] *Земская Е. А., Ширяев Е. Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — ВЯ, 1980, № 2.

реть прежде всего в первом аспекте, поскольку для устной монологической речи научного содержания, материалы которой легли в основу этого исследования [4], слишком сильны ассоциации с общелитературным и книжно-письменным синтаксисом, не позволяющие игнорировать сравнительный аспект [5].

Сегментное устройство затрагивает самые разные стороны организации синтаксической схемы высказывания. Так, в высказывании: А / что касается „Электроники" / „Электроника" делается / ну „Саратов" в Саратове / по месту / вот / а что касается „Электроники" / то в общем / то же самое это Калининград и они в общем тоже / трудятся и хотят оснастить эту машину рядом внешних устройств / / (6) при видимом соблюдении рамок схемы *что касается... то* наблюдается вклинивание в нее вставочной конструкции и затем поясняющих ее слов (*ну „Саратов" в Саратове / по месту / вот*), которые возникают в речи по принципу нанизывания ассоциативных представлений. В письменной речи вклинивание вставочной конструкции происходит по определенным законам, которые в нашем примере не выдерживаются: в ней возможно дальнейшее развертывание ассоциаций в виде отдельных слов, предусматривается обязательное возвращение к начатой схеме. В нашем же примере снова повторяется начало высказывания. Далее осуществлению начатой схемы препятствует уже не вставочная конструкция, а экспансия именительного (*это Калининград*), после которого следует совсем не предопределяемое схемой продолжение, вводимое через сочинительный союз. Такое существенное отклонение от избранной синтаксической структуры сопровождается несоответствием ее и реально воплощенного в высказывании смысла (данной схемой не предусматривалась информация о том, что в Калининграде хотят оснастить машину рядом внешних устройств, а она оказалась главной в высказывании). Осуществление синтаксической схемы затруднено и наличием большого количества экспрессивно-разговорных лексических средств и актуализаторов (*а, ну, вот, а, в общем, то же самое, это, в общем*), и реализацией принципа ситуативной номинации (*они*). Перед нами вполне разговорное высказывание, адекватность его восприятия ничем не осложняется. Избранная письменно-литературная синтаксическая схема выступает лишь как внешний оформитель, органически не связанный ни со смысловой структурой, ни со значительной долей употребленной лексики.

Конечно, степень несоблюдения внешнего устройства высказывания бывает различной. Мы проанализировали отдельно взятый пример, чтобы проиллюстрировать факт отдельности и неповторимости каждой речевой реализации структурной схемы в реальном речевом потоке. Теперь же попытаемся сделать наблюдения над типовыми возможностями отхода от синтаксического каркаса высказывания.

---

[4] Используются расшифровки записей фонотеки по теме «Устная научная речь» Ин-та русского языка им. А. С. Пушкина. Записи произведены в Москве под руководством автора этой статьи в 1975—1982 г.

[5] Эти ассоциации не покинули даже такого убежденного сторонника идеи замкнутости синтаксической системы разговорной речи, как Е. Н. Ширяев, причем свое исследование он осуществил на материале совсем другого тематического цикла — обиходно-бытового, прямо не соотносимом с книжно-письменным, но лишь с общелитературным. См.: ч. III — Синтаксис в кн.: *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: 1981.

Как и в проанализированном примере, задаваемая структурной схемой предложения (соотношение придаточного определенного типа и главного, соотношение основной части предложения и деепричастного оборота и под.) семантика высказывания не находится в каком-либо соответствии с реальным его смыслом:

Кстати / / *если* у вас есть возможность / найти / том // э / Большой советской энциклопедии второго / ⌊нет простите не второго⌋ [убыстр.] / первого / издания // ⌊которое начало выходить в конце двадцатых годов⌋ [убыстр.] / и вы возьмете там том бихевиоризм / ⌊*то* эта статья бихевиоризм / то есть статью бихевиоризм ⌋ / [убыстр.]⌊ / *то* статья бихевиоризм / в этом первом издании / как раз и написана / Уотсоном / / (8)[6];

Здесь сегодня / *когда* / рассматривали вопросы состáвов наших / э научных / учреждений / *то* мы видим / э / вывески все однозначные / „Конструкторско-технологические институты" / „Конструкторско-технологические СКБ" / К сожалению везде превалирует первая часть „конструкторско" / и очень отстает технологическая / (3);

Поэтому / *рассмáтривая* сегодня вопросы / как / лучше / решить вопрос о технологии / как решить понимаете как говорится те или иные / вопросы технологии и / и вот те по програ́мме которые я / вот значит прочитал / ⌊и те вот те вопросы которые мы должны рассматривать⌋ [убыстр.] / *мы считаем* / что мы́ сегодня решаем / оди́н из главных вопросов / ка́к понимаете стране дать / бóльше двигателей малой мощности / тō / к чему призывают нас / директивы двадцать пятого съезда / и наша партия / / (5).

В условиях сегментации весьма распространено употребление незавершенной синтаксической структуры закрытого характера. В этом случае произносится первая часть конструкции (вводимая союзом — первой частью двухместного союзного соединения с коррелятом, глаголом с валентностью сильного прямого управления, подлежащим или являющаяся первой частью противительной конструкции и под.), требующая по условиям своей структуры продолжения и завершения. Однако этого не происходит, отсутствующее завершение уступает место более насущным по смыслу сегментам, ср.:

Решается ряд други́х вопросов / но к сожале́нию товарищи / *настолько* сегодня вопросы наши многообразны / и вот *настолько* сегодня уровень техники от вас требует совершенно другого класса / чем мы сегодня имеем / (3);

Как-то мы / все / экономисты / так приняли / что / экономический рост / это показатель эффективности / развития / / [...] Но / в общем /

---

[6] Условные обозначéния: / — членение речевого потока посредством паузы, мелодического тона или их сочетания; / / — членение речевого потока посредством паузы повышенной длительности или посредством такой же паузы и мелодического тона (эти знаки в примерах подчеркиваются, когда они требуют комментирования); прописная буква после знака членения — граница высказываний, устанавливаемая на слух в случае отчетливости интонационного сигнала (мелодического, акцентного, временно́го) конца — начала; усиление фонетических характеристик слова обозначается разрядкой, место неконечного интонационного центра — знаком ′. Курсивом обозначаются комментируемые автором статьи части высказывания. Уголками обозначается часть высказывания, произнесение которой требует особых помет (эти пометы даются в квадратных скобках).

э / мне кажется / что этот постулат / э *требует* / / ⌊я не хочу сказать что / он прав / значит ⌋ [скрг.] правильный или неправильный // не хочу отвергать заранее или / утверждать что-то / / в этом / вопросе / / (1);

Мне представляется / очень важным / *чтобы* / вот / м / в связи с этими / положениями / которые / были выдвинуты / на двадцать пятом съезде / / (2);

И меня удивило что / *человек тридцать* взрослых людей / работающих э в самых различных областях / э̄ / кубинской экономики / промышленности и так далее / С п р а ш и в а е м / вопрос тако́й был поставлен / Для чего вам нужен русский язык? / (4).

Непроизнесение второй, обязательной по правилам построения конструкции, части высказывания часто происходит из-за того, что в речи благодаря ассоциативному течению мысли говорящего возникает вклинивающаяся конструкция, и начинается она сразу после первой части. Так происходит не только с неопытными, но и с опытными ораторами. Последние, однако, обычно не забывают вернуться к началу предыдущей конструкции и повторить его снова, чтобы на этот раз завершить конструкцию. Согласно нормам письменной речи повтор начала высказывания после вставочной конструкции не разрешается. В устной же речи завершение высказывания после вклинивания другой конструкции или не происходит вовсе, или, если происходит, то после повторения его начала, ср.:

Между прочим / *бихевиористы* / началось ⌊это все в девятьсот в начале девятисотого ⌋ [скрг.] / девятисотых годов / но в основном / основные работы бихевиористов / появлялись в двадца́тых годах / *Между прочим* / *бихевиористы* / считали одним из основоположников / ⌊так сказать ⌋ [скрг.] и з п р е д т е ч / бихевиоризма / нашего Ивана Петровича Павлова // (8).

Повтор начала может быть и не дословным, а только смысловым, ср.: *Хотя с а м* / *между прочим* / *Иван Петрович Павлов* / *неоднократно* / *высказывался* / / *в том духе* / ⌊я щас не по́мню точно цитат конечно ⌋ [убыстр.] / но̄ // *смысл его высказывания* / *сводится к т о м у* / ⌊Что̄ все-таки ⌋ [замедл.] / / це́лостность психики / определяется / такими вещами / которые мы́ непосредственно / в своих рефлекторных / исследованиях нащупать не можем / а это только так сказать материальная б а з а / этой психической / организации человека (8).

Любопытна возможность видимого формального возврата к незавершенному члену:

Потому что редакция / *может* не всегда / так сказать / ну как / всегда́ говорят честь мундира есть честь мундира / *может* не всегда есть желание / выходить с этими проблемами / может быть на более широкий аспект / (4). Возврат здесь мнимый: второе *может* носит характер вводного слова.

Кроме незавершенности схемы синтаксической конструкции в ней часто наблюдаются разного рода н е т о ч н о с т и. Они сродни явлению незавершенности схемы; разница в том, что сама общая схема в этих случаях завершается, а незавершенная часть оказывается внутри нее, ср.:

Но в общем / *тенденция* / за последние / пятнадцать лет / примерно / ⌊намного как-то ⌋ [тише] / ⌊все время ⌋ [скрг.] / *в одном направлении* // (1);

Сегодня у нас / как пра́вило понимаете / значит / *вручную разлив* мета́лла понимаете / и так далее / (3). В данном случае предикативная основа предложения не выражается словесно полностью, хотя и завершается путем

употребления приглагольных членов. Незавершенной, как и в случае с незавершением схемы конструкции, может оказаться ее часть, организованная по принципу *t* / *k*, ср.:

Я имею в виду / *то* направление психологии / ⌊вернее это нéсколько направлений⌋ [убыстр.] / но они объединяются обычно / под о б щ и м назва́нием / ⌊бихевиоризм⌋ [замедл.] // (8);

Причем эта возможность / э / наиболее ⌊так сказать⌋ [скрг.] / ⌊велика для *таких* слоистых и нитевидных структур⌋ [убыстр.] // Ну именно такие слоистые и нитевидные структуры / чаще всего / встречаются в биологии// (7).

Незавершенность может возникнуть в связи с самопоправкой, ср.:

Для того чтобы / э̄ действительно *добиться тех* / обеспечить те́ задания / которые / мы / с вами / наме́тили под руководством министерства / (3);

Вы знаете / какую большую роль // проводит / журнал Русский язык за рубежом / Но̄ / н о / есть одно но *которое мне бы хотелось* / ⌊на которое бы обратить⌋ [скрг.] ваше внимание // (4);

Я хотел бы / подчеркнуть д р у г о е / *что* / э / *направленность* / саму направленность / этого поиска // (1);

Это чересчур ⌊мелкая так сказать⌋ [ускор.] / дискуссия / но это повседневное / явление нашей жизни // И так сказать / отстаивая / свой приоритет / э̄ автор изобретения / э̄ / в то же время / так сказать не / э̄ / отражает свою концепцию / *в той или* / *то* / того или иного / э̄ / технического н а п р а в л е н и я // (9).

Она возникает и при организации однородных членов, ср.:

Э̄ / это можно прочитать / в работах бихевиористов / К с т а т и / вот это два крупнейших / бихевиориста / ⌊так сказать⌋ [скрг.] пе́рвого поколения / Т о р н д а й к // который знаменит еще и тем /что он / создал / частотный словарь английского языка́ аранжированный //й... *второй* / *знаменитый психолог-бихевиорист это У о т с о н* / (8);

Э̄ это экономисты д е л а ю т / приравнивая там / допустим / час свободного времени / к получасу работы / у металлистов / *получают* ⌊так сказать⌋ [скрг.] какое-то исчисление / э̄ / часа/ в копейках // (9);

Эта деятельность / главным образом // направлена / *или осуществляется* / по̄ следующим аспектам / Мы занимаемся / ... (4).

Неточности организации могут касаться самых разных звеньев воплощения схемы, ср.:

Я / на этом / заканчиваю / хочу / значит / Сформулировать / *что* / *я по̄нимаю* / главные моменты / вот э̄ / указанные здесь / (2);

Можно привести / *такую цифру* / что Соединенные Штаты Америки / сегодня выпускают электрических машин малой мощности / порядка / сто пятидесяти миллионов в год / (3);

И *чем старше* они становятся это уходит (телепередача «Контрольная для взрослых»);

Ну в этом отношении / интересную / позицию / высказал Морисо / он *сказал так* / что мы должны начать // с предположения о т о м / что где-то существуют такие же общества как м ы / и оценить / ну // законы с той же физикой / *оценить* зак / возможности связи с ними // (7);

Имея в виду / что направление сегодня / в во вопро́се как говорится / получения э̄ максимальной эффективности идет по пути / реконструкции /

по пути перевооружения / *видимо здесь и вытекают* самые серьезные задачи / вот для участников нашего семинара / сегодняшнего / *дл*э̄ / *вопроса* / значит / для наших ведущих технических / подразделений институтов / это вопрос перевооружения / и вопрос реконструкции / (3);

Поэтому [нрзбрч.] ⌊так сказать⌋ [скрг.] *сформулировав* / эти т р и / э̄ / целевые задачи / может быть я / не все / их / перебрал / *мне хотелось* ⌊как-то⌋ [тише] ⌊так сказать⌋ [скрг.] несколько упорядочить / возможные / разговоры / и / ⌊историко-научного труда⌋ [тише, нрзбрч.] // (9).

Неточность схемы может возникнуть за счет явления экспансии именительного падежа, ср.:

Процедура и ф о р м ы в ы б о р к и / способны / видоизменяться / в зависимости от н а з н а ч е н и я выборки / избирательных видов информации / обслуживания индивидуальных абонентов / э̄ / индивидуальных и ре-ретроспективных опросов специфические *операции* по анализу массива / р е г л а м е н т н о е *обслуживание* / э̄ / сопряжённых систем / в интегрированной системе обработки информации / будь то САПР или [нрзбрч.] система управления / / то есть до-довольно б о л ь ш а я номенклатура услуг // (5).

Возможность свободного распространения обязательного состава структурной схемы открытого строения используется в устной монологической речи практически неограниченно. Дополнять ее может любой сегмент, произносимый по принципу добавления в конце высказывания, причем в отличие от письменной речи такой сегмент может не иметь с предикативным высказыванием тесной смысловой связи, ср.:

Эффективность производства / остается / по моему / мнению / обобщающим понятием / к а ч е с т в а // *в деятельности* / гм // (2).

Наиболее ярко и резко свободное обращение говорящего с избираемой им структурной схемой обнаруживается в явлении с л о м а с х е м ы, при котором начатая схема, без признаков отказа от нее, без самопоправки в ходе высказывания заменяется другой, и таким образом высказывание как бы склеивается из двух частей, принадлежащих разным структурным схемам, ср.:

Ну / ... ⌊физика / не запрещáет редкие события⌋ [ускор.] / *Известны например / в качестве примера Гинзбург приводил* / э / космологическую модель Хойла // (7);

Значит / есть / к а к делать / есть чтó делать / но к сожалéнию товарищи / нужно на сегодня признать / чтó и / в в о п р о с е / *технологии / вот мы говорим что технология* это г л а в н о е / но к сожалению / это главное сегодня у нас оказалось / назовем / в сáмом зачаточном состоянии / (3);

А „Саратов-три" это пи-де-пи-одиннадцать // А *у них в общем / они программно совместимые* // (6);

Мы в этом с вами / м-мне кажется / не совсем у д а ч н о й / (9);

Скиннер / это человек который придумал / программированное обучение... *Скиннер ... та концепция которая представлена в его книге / это концепция* // тяготеющая к ранним работам Т о р н д а й к а / Уотсона / и других / (8);

Если дети / не привыкнут сейчас / *все-таки* в начальной школе было легче значительно / А сейчас им приходится много работать / им необходимо напряженно думать / (на родительском собрании).

Очень любопытны случаи двойного слома, ср.:

И характерно между прочим / чтō ... скажем / проблема // такая // как проблема мотивов допустим // *которая не нуждается / для решения которой / вообще-то / ее можно решать / и бéз обращения* // к понятию допустим лúчность или сознáние / Проблема мотивов поведения / мотивов деятельности / она разрабатывалась очень сúльно / у американцев / (8);

Й / директивы / в директивах записано / что машины малой мощности / в десятой / и последующей пятилетке / *должны найтú* ⌞как говорится⌟ [скрг.] / *количество их должно быть выпущено столько* / чтобы полностью / удовлетворить нужды советского народа // (3).

Товарищи // Я в качестве / ⌞как бы так сказать⌟ [замедл.] / практика / а не / ⌞специалиста по науковедению⌟ [ускор.] / хотел бы / остановиться на / некоторых / особенностях / э̄ / научной дискуссии / в технических науках // дело в том / чтō / э̄ / сейчас / *большой / контингент ученых / и может быть / даже большинство их* / ну если / так сказать / не вдаваться / в / э̄ / термин / кто такой ученый / а просто судить / говорить / об ученых / как о людях / которым присвоено ученое звание / или имеет быть / присвоено в дальнейшем / Так вот / если говорить о / таких людях / то / значительный контингент их / работает в области / техники // между тем / м̄ й̄ / носят / ⌞соответственно звания⌟ [замедл.] / э̄ / кандидатов и докторов технических наук // (9).

Таким образом, при воплощении структурной схемы предложения, особенно сложного или усложненного, наблюдаются типовые способы отхода от нее при устном сегментировании речи. Это противоречие схемы и смысла, незавершенность схемы, нечеткость ее реализации, наконец, резкое изменение в реализации схемы (замена ее другой). Эти способы показывают разную степень свободы отхода от структурной схемы при ее речевом воплощении: наивысшая степень представлена последним способом (слом синтаксической структуры), низшая — первым (схема употреблена лишь как внешняя форма вне присущей ей семантики). Вольное обращение с избираемой говорящим общелитературной или книжно-письменной синтаксической схемой свидетельствует о неорганичности ее для организации устного монологического речевого потока в устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка, о противоречии схемы и устной формы воплощения. Структурная схема в гораздо меньшей степени, чем речевой сегмент, отвечает психолингвистическим особенностям порождения и восприятия монологической устной речи. Конечно, в этих условиях при широком распространении названных способов, которые являются формой приспособления структурных схем к неорганической для них реализации, степень отдельности, дискретности высказывания снижается.

Не случайно широкое распространение выявленных способов в устной монологической речи именно научной, а не бытовой тематики (хотя кардинальных расхождений в выявленных закономерностях в этих двух типах речи, видимо, не существует): опора на книжно-письменные образцы, вторичные для устной речи, свойственна прежде всего речи данного тематического цикла. Научный стиль в его исконном письменном воплощении — центр сгущения книжно-письменных средств литературного языка.

Явления синтаксиса начала и конца высказывания

Снижение степени дискретности синтаксических единиц может проявляться не только в строевой организации высказывания, но и непосредственно при стыке высказываний в речевом потоке. Граница между отдельными высказываниями в устной монологической речи может быть более или менее отчетливой с градацией степени отчетливости от максимальной (в эксперименте не наблюдается в опознавании границы расхождений между информантами) до полного слияния, совпадения границы высказывания с границей сегмента. Таким образом, одно высказывание может переходить в другое через пограничный сегмент без какого-либо четкого рубежа. При отсутствии выраженной границы одно высказывание как бы незаметно переходит в другое через общий для них сегмент. Собственно говоря, в этом механизме нет особого отличия от того способа слома синтаксической структуры (ее схемы), который был описан выше. Пограничный, общий сегмент (сегменты) является универсальной и удобной в структурном отношении базой для возникновения родственных, но все же различных явлений — формирования собственно устно-разговорных конструкций наложения, явлений слома структурной схемы, явлений стыковки конца/начала высказываний в речевом потоке.

Это, естественно, не проходит бесследно для синтаксиса. В первую очередь названное явление затрагивает всю систему общелитературного деления предложений на простые и сложные. Специальные исследования показали, что четко отграничить простое предложение от сложного в устном монологическом потоке непросто. С точки зрения устно-разговорной синтаксической системы вопрос о разграничении этих предложений в условиях монологического речевого потока становится неактуальным, он как бы снимается. И при порождении, и при восприятии такого потока оказывается неважным способ соединения предложений как самостоятельных или как частей сложной синтаксической единицы (прежде всего сложносочиненного предложения), если специальные формальные показатели сложности отсутствуют. Семантика "сложности" в таких условиях просто не выражается, ее место занимает актуальный, «сиюминутный» смысл произносимого в данный момент сегмента. Эта семантика достаточно аморфна, не регламентирована и в целом произвольна. Нечто подобное существует в одном, по существу чисто графическом, способе разграничения простого и сложносочиненного предложения в письменной речи: часто знаки точки и точки с запятой употребляются произвольно и легко заменяют друг друга. На письме это становится возможным из-за опоры на соответствующее явление звучащей речи, в которой эти два знака даже самым специализированным интонационным анализом различить не удается.

Идеальным, стопроцентно распознаваемым сигналом границы между высказываниями в устном монологическом тексте является комплекс показателей мелодики и темпа — интонация конца в сочетании с паузой повышенной длительности. В наших текстах такие случаи не редкость, однако функциональная нагруженность названных показателей неоднозначна, это способствует возникновению у них функционального смещения. Не имея возможности оценивать здесь мелодические показатели конца/начала (эта тема требует специального исследования), отметим, что временная протяженность паузы связана с ее положением в конце или середине высказывания, но не однозначно и не жестко. Вследствие этого возникает немалое число

случаев употребления длительной паузы в середине высказывания и краткой в его конце, т. е. паузы как бы меняются ведущими функциями. Конечно, это в значительной степени связано с индивидуальной манерой говорения, но типовые случаи налицо.

Положение осложняется тем, что показатель длительности паузы выступает совместно с иными показателями конца/начала высказывания во всей их совокупности или в сочетании с некоторыми из них (интонационная завершенность, усиленное произнесение начала, семантико-синтаксические показатели), в результате чего граница может устанавливаться на слух с достаточной степенью определенности (около 70%). Граница с такими фонетическими показателями в устном монологическом тексте может находиться не только в синтаксическом конце высказывания, но и в его середине. Проследим за представленностью границ в следующих примерах:

Направление / важное / достаточно сказать что / сегодня / производится / малых электрических машин / по данным 1975 года / на сумму более ста миллионов рублей / в восьмидесятые годы / уже / так сказать [нрзбрч.] эта цифра возрастает до более двухсот миллионов рублей / производством малых электрических машин / у нас занято двадцать // восемь установок // ведущим является / Союзэлектроагрегат // в производстве занято / так по предварительным подсчетам / порядка / сорока тысяч человек / Поэтому вы представляете / насколько / эта / одна из ведущих подотраслей / нашей промышленности / является важной / с точки зрения увеличения темпов / роста продукции / темпов роста производительности труда / Поэтому вопросы которые мы будем сегодня рассматривать // вопросы являются актуальнейшими / для определения техни́ческой политики / в области технологии производства электрических машин (3);

Во-вторых // Мне кажется / что / вот // ⌊такая ⌋ [замедл.] / комплексная формулировка / и другие моменты / в докладе / они // призывают / наших экономистов / к крити́ческому исследованию / нашей практики // А / не / ⌊так сказать⌋ [скрг.] / просто угождение / не-некоторым товарищам из / высоко / высоких органов // Крити́ческому рассмотрению / практики // й / собственно / эти органы и Госплан / и другие органы / будут им благодарны / если будут очень / серьезные / и обоснованные / рекомендации / э м / по / части системы управления / и устранения тех недостатков / и в системе / материа́льного стимулирования / и в системе планирования / в показателях / и так далее // которые / безусловно / имелись / и имеются сейчас / в очень / значительном / ⌊количестве⌋ [тише] // (2);

Нужно / формулировать наши / теоретические выводы / таки́м образом // чтобы они / были / э / четко / м / так сказать / уже / с самого начала / при / формулировке / они включали в себя / ⌊возможность⌋ [замедл.] / их проверки фактами // ⌊Причем⌋ [скрг.] / не только / да́нным ученым / но специалистами / в области эмпирии // ⌊то есть⌋ [скрг.] / можно // организовать / с / с / ⌊так сказать⌋ [скрг.] / разделение труда / между теоретиками / и людьми / работающими в области / эмпирии / в области / ⌊статистики⌋ [замедл.] / которые / м / ⌊опира́ясь на⌋ [замедл.] / правильно / ⌊сформулированные теоретические положения ⌋ [замедл.] / когда / м / правильно сформулированные / э / требования / проверки / ⌊того или иного / теоретического положе-

ния / могли сказать ⊥ [ускор.] // ⊥Да / вот это положение / подтверждáется фактами _⊥ [тише] // Вот это положение / не / подтверждается фактами // (2).

Прокомментируем подчеркнутые сигналы членения. В первом примере при соединении сегментов обращает на себя внимание довольно обычное функциональное неразграничéнне малой и большой паузы: они употребляются не только в соответствии со своей исходной функцией — малая пауза на границе сегментов, большая — на границе высказываний, но и функционально нерасчлененно, благодаря чему большая пауза оказывается на границе сегментов, а малая — на границе высказываний (не забудем, что эти паузы сопровождаются тоном). При этом малая пауза между высказываниями (их границы в данном случае устанавливаются на основании синтаксического и семантического критериев) может сопровождаться интонацией завершенности (см. прописную букву в наших рашифровках) и может ею не сопровождаться (см. отсутствие прописной буквы). Во втором примере особенно часты случаи большой паузы, сопровождаемой интонацией завершенности (прописная буква) или не сопровождаемой ею (отсутствие прописной буквы) не на стыке высказываний. В третьем примере отмечены подобные же случаи.

Сгруппируем материал по типовым способам функционирования пограничного сигнала в случае его выраженности. Отступление от нормы произносительного представления письменного текста может состоять в том, что пограничный сигнал оказывается в середине высказывания, ср.:

Всем ли вы довольны / Довольны ли вы тем / что там печáтается _/ Подбором материала / расположением материала / характером самого материала / довóльны ли вы этим / или нет / (4);

В 1975 прошлом / году / было / проведено / семьдесят пять / курсов / и семинаров русского языка / для слушателей _/ Из социалистических / развивающихся / и капиталистических стран _/ С общим контингентом / свыше десяти / тысяч / человек // организацией / и проведением этих курсов / занимаются / Министерство высшего образования / Министерство / просвещения / Союз / советских обществ / э̄ дружбы / Интурист / Бюро / международного / молодежного туризма // Спутник // (4). Помимо рассматриваемого явления, в этом примере отмечены также случаи обратного порядка — отсутствие пограничного сигнала на границе высказываний, а также наличие большой паузы в середине высказывания.

Пограничный сигнал в середине высказывания может вводить вставочную конструкцию, ср.:

Это преподаватели / инострáнных языков / и преподаватели русского языка / которые никогда не работали / с иностранной аудиторией / В течение десяти месяцев / они у нас проходят здесь / очень интенсивный курс _/ Довольно успешно кстати говоря / и после окончания / получают сертификат / ну документ / о том что они прошли специальную подготовку / (4);

Цель номер один // э _/ Видимо / она уже ⊥достаточно⊥ [ускор.] сформулировалась сегодня // ⊥состоит⊥ [ускор.] в том / что // история дискуссий / есть / история / движения мысли / э̄ / как часть культуры / потому что / в научных публикациях / история / творческой лаборатории / не раскрывáется всегда // э̄ _/ И кроме того / э̄ / через / дискуссии / через споры / мы можем / получить / истинное движение мысли // (9).

Любопытно, что продолжение основной конструкции после вставочной вводится здесь без пограничного сигнала или с сигналом, в котором представлены не все компоненты, что само по себе свидетельствует о необязательности противопоставления конца / начала.

Антиподами наличию сигнала в середине высказывания служат случаи его отсутствия в синтаксическом конце высказывания, ср.:

Здесь вот и возникает / проблема / ⌞спора⌟ [замедл.] / э̄ / спора / э̄ / основанного / на выработке / единой / э̄ / стратегии решения вопроса вот для этой чисто сегодняшней / задачи / видимо / ⌞история научных дискуссий⌟ [ускор.] представляет наибольший / ⌞так сказать⌟ [скрг.] / актуальный интерес // (9);

Мы знаем / о том / что экономисты / исчисляют / и/ определяют в рублях / допустим / стоимость болéзни человека / или стоимость / смерти / э̄ / при этом / парадоксально получается / для производства / э̄ / смерть при травматизме / дешевле / стоит чем допустим / тяжелая травма // (9);

Правда уже предполагалось / что внутри́ человека / есть / очень сложная // э̄ организация / психофизиологическая / ну из людей из бихевиористов / второго ⌞так сказать⌟ [скрг.] поколения / из бихевиористов / не обихевиористов / я вам назову / такие́ фамилии как / / [пишет] (8);

Мы посчитали товарищи что сегодня / э̄ сегодня / гла́вная проблема / в машинах малой мощности если говорить уже откровенно / это даже не конструкция / Конструкции у нас есть / очень много / конструкции есть хорошие / к сожалению / сегодня сложилось такое положение / когда у нас конструкции лежат на полках / они морально стареют / не находя понимаете своего как говорится естественного развития / своего выхода / (3);

А поскольку / техника многообразна / то́ таких / технических политик / может быть много / и / участники дискуссий / собственно говоря / э̄ / и не могут надеяться / что / жизнь и время / так сказать / полностью / разрешат когда-то / их противоречия / они / ориентируются / на / более / такую / э̄ / сложную / и может быть / более / э̄ / сиюминутную обстановку // ну / в частности / нельзя / так сказать / э̀ / не / отметить / особенности такого рода / дискуссий как / тук ку / какую например ведет / автор / какого-либо изобретения / при / э̄ борьбе / за выдачу авторского свидетельства // (9);

В э́той связи / вместе остается эдектротехнология / вот недавно обследовали девять заводов / э которые наиболее массово выпускают машины малой мощности / мы / ⌞созда́ли такие понимаете типа [нрзбрч.] перевооружения что нужно сделать в пятилетке для того чтобы / резко поднять технологический уровень / именно за счет перевооружения / за счет создания понимаете новых технологических комплексов⌟ [убыстр.] (3).

Смещение функции обозначения синтаксического конца высказывания, неполнота, неоднозначность закрепленности за ней каких-либо специально маркированных средств находит поддержку в аналогичном явлении — в отсутствии прямой соотносительности произносительной единицы—сегмента — и части высказывания, синтаксическая граница которой также не имеет, таким образом, специального средства для своего выражения. Об этом

было сказано в нашей предшествующей статье, посвященной синтаксису сегмента.

Особая категория случаев — выражение разных типов синтаксических отношений при сочинении и подчинении в сложном предложении. Кодифицированное литературное произношение предусматривает разные типы интонационных конструкций для их выражения наряду с собственно строевыми средствами. Однако подобно тому, как интонационная конструкция I (по Е. А. Брызгуновой) в кодифицированном (дикторском) типе озвучивания текста закреплена за концом повествовательного предложения, а в естественном устном монологическом тексте она такой закрепленности не обнаруживает (т. е. в такой позиции может быть представлен другой тип интонационной конструкции, а интонационная конструкция I может относиться, например, и к вопросительному предложению), в нем нет специализированных интонационных средств выражения синтаксических отношений и внутри сложного предложения. Это же касается выражения перечислительных отношений.

Мы обратим здесь внимание на возможность выражения разных типов отношений сигналом конца/начала высказывания. Этот сигнал может выступать как во всем объеме своих признаков (мелодика, темп, акцент, большая пауза), так и в редуцированном объеме (те же компоненты с малой паузой). Таким образом, происходит функциональное смещение в употреблении этого сигнала, которое ранее мы наблюдали на примере организации высказывания с точки зрения употребления в нем этого сигнала в конечной или неконечной позиции. Наличие разных типов функциональных смещений в целом усиливает это явление, ослабляет синтаксическую членимость текста и поддерживает рост его дискретности.

Сигнал конца/начала при пояснении:

То есть / понимают люди и отвечают / Но есть одно но / которое нас / все время беспокоит / Полное / отсутствие / учебных пособий // (4).

При перечислении:

Дальше / должны быть предусмотрены средства выпуска разнообразных указателей / по содержимому / фонду (ИК—I) / ⊥Средства выпуска⊥ [ускор.] вторичных информационных изданий опять-таки по содержимому фонду // (5);

По́ целям / обучения / среди курсов и семинаров / выделяются / э четыре / основных / направления / Это / повышение / квалификации / преподавателей русского языка / зарубежных школ / и / вузов // Затем / частичное обучение студентов / филологов/ на продвинутом этапе // Далее / обучение слушателей / нефилологических специальностей // И / наконец / обучение абитуриентов / принимаемых / на / полный / курс... (4).

При выражении изъяснительных отношений:

В связи с этим / хотелось бы / поставить такой / такой вопрос // А является ли / показатель / экономического / роста / ⊥действительно⊥ [скрг.] показателем / эффективности / раз / развития / экономики // (1) (отметим в конце употребление ИК—I при выражении вопроса).

Здесь следует вопрос / э̄ // А зачем / нам / заниматься / э̄ / ⊥ так сказать⊥ [скрг.] изучением / дискуссий / Какая цель / всего / этого // (9).

Мы рассмотрели характер пограничного сигнала конца/начала выска-

зывания, его место в высказывании и его функции. Из анализа видно, что степень представленности сигнала различна. Возникает вопрос: какая степень выраженности совокупности признаков пограничного сигнала достаточна, чтобы считать его сигналом конца/начала высказывания? Видимо, точный ответ на этот вопрос с указанием количества и качества признаков невозможен, целесообразнее обратить внимание на волновой, недискретный характер самого этого явления. «Подходя к предложению со стороны связной речи,— пишет А. М. Мухин,— исследователь может прийти к выводу о невозможности определения предложения вообще» [7].

Основа этого волнового, недискретного характера явления границы высказываний на уровне строевом опирается на посегментное строение высказывания, рассмотренное нами в предшествующих статьях. Оба взаимосвязанных явления, рассматриваемые в этой статье (характер воплощения синтаксической схемы и степень отдельности высказывания), в своей совокупности ослабляют выраженность разграниченности высказываний в потоке речи. При посегментной организации высказывания стремление сегментов к строевой самостоятельности ведет к ослаблению их конструктивной связи друг с другом в составе высказывания, ср.:

Говоря о семантическом регистре / слово которое еще не вошло в терминологический обиход / возможно оно никогда и не войдет в терминологический обиход / однако семантический регистр выделим по ряду признаков // (10);

Я вот как депутат Моссовета / у меня мой район очень сложный (телевыступление актрисы В. Васильевой). Речь артистов и поэтов обычно показывает яркую сегментацию такого рода — назовем здесь хотя бы выступления по телевидению Б. Окуджавы.

Таким строением речи достигается повышенная степень возможности открытости высказывания. Добавляемые в ходе речи сегменты могут продолжать его как высказывание открытой структуры, что наблюдается и в письменной речи, где именно на этой базе при наличии знака конца высказывания (точки) возникает явление парцелляции, а при отсутствии такого знака происходит продолжение того же высказывания. В устной речи в такой позиции также может быть употреблен сигнал конца/начала, ср.:

Надо определить / какую цель мы ставим для всего включенного обучения // По каждому этапу обучения (на ученом совете); Это большой подарок конструкторам / получить с орбиты станцию // Из условий невесомости (выступление телекомментатора).

После парцеллята высказывание может быть продолжено по какому-либо типу структурной схемы, чего не бывает в письменной речи, ср.:

Очень многие пишут в „Юность" шко́льники // в основном / и вот мы на этот вопрос отвечаем / (телепередача «Вокруг смеха»).

Если пограничный сигнал представлен не всеми своими составляющими, то различить сложносочиненное предложение и соединение простых невозможно, ср.:

Пусть ее послушает моя дочь / и я конечно / буду рада / вновь встретиться с песней моей молодости (радиопередача «Встреча с песней»); Вот

[7] *Мухин А. М.* Предложения в языке и речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 2. Горький, 1976, с. 53.

ребята после парада / а сейчас начнется игра (телепередача «Время», выступление спортивного комментатора Н. Озерова); Системы имеют у нас // ну / в зависимости от / м е с т а / й э̄ тематики три—четыре / уровня в своей структуре / и насчитывают / большое число крупных / центров научно-технической информации / всесоюзных / отраслевых / территориальных / республиканских / й̄ это позволяет н а м / вместе / с плановостью нашего хозяйства / рассчитывать н а т о / что... (5).

Таковы некоторые структурные последствия усиления диффузности и ослабления дискретности сигнала конца/начала высказывания. В устном монологическом потоке речи происходит совмещение, наложение друг на друга неполной выраженности суперсегментного, семантического и строевого членения текста, что в целом ведет к усилению его открытости, его неструктурированного характера.

Рассмотрение характера размещения в высказывании информативно значимых членов и соответственно степени точности структурирования его коммуникативной основы должно стать предметом особого исследования. Отчасти это выполнено Т. М. Николаевой, показавшей, каким образом акцентное выделение в устном монологическом высказывании научной тематики взаимодействует с его смысловой основой [8].

Использованные источники

1,2. Заседания в Доме ученых на тему «Главные задачи экономической науки».
3. Лекция на ВДНХ на тему «Электрические микромашины малой мощности».
4. Совещание руководителей курсов обучения русскому языку.
5. Доклад на симпозиуме «Проблемы автоматизированной обработки НТИ» на тему «Состояние и перспективы развития систем автоматизированной обработки НТИ в СССР».
6. Лекция в Институте повышения квалификации информационных работников на тему «Основы ЭВМ».
7. Доклад на тему «Проблемы связи с внеземными цивилизациями».
8. Лекция по психологии.
9. Выступления на заседании «круглого стола» «Ученый в споре» на тему «Логика и психология научных дискуссий».
10. Доклад на Виноградовских чтениях.

[8] *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.

М. Ю. ФЕДОСЮК

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ И СОЮЗНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НАУЧНОЙ РЕЧИ

Одним из важных этапов при обучении иностранных учащихся восприятию и продуцированию письменных научных текстов на русском языке является их ознакомление со средствами, которые могут использоваться как показатели смысловых отношений между отдельными предложениями или более крупными компонентами текстов. В существующих учебниках в качестве таких показателей чаще всего рассматриваются различные наречия, наречные выражения и вводные слова (*поэтому, таким образом, разумеется* и т. п.) и значительно реже — обычные сочинительные союзы [1]. Между тем сочинительные союзы как средство связи самостоятельных компонентов текста, безусловно, требуют специального рассмотрения, поскольку закономерности употребления сочинительных союзов на сверхфразовом уровне далеко не всегда совпадают с правилами их использования на уровне сложного предложения. Рассмотрению этих закономерностей и посвящена настоящая статья.

В первом разделе предпринята попытка установить синтаксический статус сочетаний из нескольких высказываний, отделенных друг от друга точками и в то же время соединенных с помощью сочинительных союзов, и показано, что в рамках письменной научной речи каждое из таких высказываний, очевидно, является отдельным предложением. В последующих разделах предпринято сопоставление союзных сочетаний самостоятельных предложений и сложносочиненных предложений. При этом второй раздел посвящен союзным сочетаниям самостоятельных предложений и их соотношению со сложносочиненными предложениями, третий раздел — разновидностям сложносочиненных предложений, которые не имеют соответствий на сверхфразовом уровне, и, наконец, четвертый раздел — некоторым структурным факторам, которые способны усложнить описанную картину. Анализ проводился на материале лингвистических текстов.

1. При определении синтаксического статуса сочетаний из нескольких высказываний, самостоятельных в пунктуационном (а следовательно, и интонационном) оформлении и соединенных между собой с помощью сочинительных союзов, мнения исследователей расходятся. Одни лингвисты утверждают, что в этом случае мы всегда имеем дело с несколькими отдельными предложениями и сочинительные союзы функционируют как одно из средств выражения межфразовой связи [2], другие исследователи интерпретируют все

---

[1] Ср.: *Барыкина А. Н., Бурмистрова В. П., Добровольская В. В.* Пособие по развитию навыков письменной речи. М., 1978; *Лобанова Н. А., Слесарева И. П.* Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: Систематизирующий курс (четвертый — пятый годы обучения). М., 1980.

[2] *Гиндин С. И.* Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации.— В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971, вып. 14; *Бородаченко С. А.* Межфразовые связи в различных стилях письменного языка.— В кн.: Математическая лингвистика. Киев, 1973, вып. 1; *Котюрова М. П.* О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи.— В кн.: Язык и стиль научной литературы: Теоретические и прикладные проблемы. М., 1977.

подобные случаи как «речевую презентацию предложения в виде нескольких коммуникативно самостоятельных сегментов [3], т. е. как явление парцелляции единого сложносочиненного предложения [4], и, наконец, третьи предпринимают попытки разграничивать среди таких построений союзные сочетания из нескольких самостоятельных предложений и случаи парцелляции единого сложносочиненного предложения [5].

По нашему мнению, безусловного предпочтения заслуживает третья из перечисленных выше точек зрения, поскольку она в отличие от двух первых позволяет учитывать объективно существующие различия в эмоционально-экспрессивной и стилистической окрашенности, которые могут наблюдаться у рассматриваемых построений.

Сопоставим в связи со сказанным следующие три примера:

(1) *Таким образом, мнения лингвистов о том, что́ в данном языке похоже, а что — нет, не могут приниматься в расчет при оценке фонетического сходства. Необходимость же уточнения самого этого феномена диктуется в первую очередь тем, что реальная звуковая картина, представленная в речи, оказывается слишком вариативной, чтобы предположить, что носители языка способны не замечать этой вариативности и однообразно интерпретировать разнообразные звуковые стимулы;* (2) *При таком понимании термин «статус» может быть включен в понятийный ряд, связанный со стратификационной вариативностью языка. А термин «роль» — в ряд, связанный с вариативностью ситуативной;* (3) *Предположение, что в этих районах освоение литературного языка в большей степени идет через книгу, чем в других, само по себе кажется маловероятным. И, кроме того, оно ни разу не подтверждалось на другом материале.*

Нетрудно заметить, что лишь первый из приведенных примеров выглядит в рамках письменной научной речи естественно. В двух других научное содержание оказывается в явном противоречии с синтаксическим оформлением: точка, стоящая перед сочинительными союзами, и соответственно интонация, которой такая пунктуация требует, придает предикативным единицам, следующим после союзов, оттенок дополнительности, добавочности, в какой-то мере — неожиданности, характерный для неподготовленной устной речи или для экспрессивно окрашенной письменной речи. И действительно, если первый из приведенных примеров реально встретился в научном тексте (ТЯ, 45), то два других (стилистически маркированных) отрывка представляют собой искусственные построения, которые были получены из текстов (СЛИ, 38) и (СЛИ, 115) путем расчленения точкой сложносочиненных предложений.

Хотя наличие у парцеллированных конструкций стилистической маркированности и констатируется многими исследователями, указанный признак

---

[3] *Ванников Ю. В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979, с. 58.

[4] См. также: Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968 (гл. «Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции», автор Е. А. Иванчикова); *Авласевич М. А.* О парцелляции в современном русском литературном языке (на материале публицистики и художественных текстов).— Весник Беларус. дзаржаўнага універсітэта, сер. 4, 1973, № 1; *Формановская Н. И.* Стилистика сложного предложения. М., 1978.

[5] См.: *Рогова К. А.* Синтаксические особенности публицистической речи. Л., 1975; *Сковородников А. П.* О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение»: (на материале русского литературного языка).— ВЯ, 1978, № 1.

нередко не включается в дефиниции данного явления [6]. Непринятие во внимание этого признака при изучении парцелляции второстепенных членов предложения или, например, придаточных предложений вполне допустимо, поскольку интонационное отделение названных компонентов, по-видимому, всегда вызывает у них появление оттенка разговорности или экспрессивности. Однако при исследовании парцелляции сложносочиненных и тем более бессоюзных сложных предложений стилистическая маркированность, безусловно, является решающим признаком, позволяющим отграничивать парцеллированные сложные предложения от сочетаний из нескольких самостоятельных предложений. В подобных случаях игнорирование рассматриваемого признака может привести к выводу, что едва ли не любое неначальное предложение текста представляет собой парцеллированную часть предшествующего сложного предложения, а это вряд ли целесообразно.

Хотелось бы предложить и еще одно необходимое, по нашему мнению, уточнение понятия "парцелляция". Процитированное выше определение, интерпретирующее парцелляцию как речевую презентацию единого предложения в виде нескольких коммуникативно самостоятельных сегментов, как будто бы дает основания предположить, что предложение при парцелляции может быть расчленено в любом месте. Между тем многочисленные наблюдения показывают, что это не так. Парцеллируемое предложение обычно расчленяется таким образом, что первый из образовавшихся в результате этого сегментов может быть воспринят как самостоятельное и вполне законченное в грамматическом отношении предложение и лишь второй сегмент обладает явной грамматической несамостоятельностью, что придает ему характер своеобразной грамматической "пристройки" к первому сегменту.

Не упоминая при определении парцелляции эту указанную выше особенность, едва ли не все исследователи констатируют, однако, ее наличие. "...Очевидно, что условия для парцелляции,— пишет, например, Е. А. Иванчикова,— благоприятнее там, где имеет место сочинительная связь; при подчинительной же связи — там, где связь членов синтаксического ряда является факультативной, необязательной, и, наоборот, парцелляция невозможна в случаях "сильной", обязательной связи, когда какой-либо член ряда требует своего распространения другим членом в определенной форме" [7].

Следует отметить далее, что наличие грамматической "пристройки" — парцеллята может по-разному воздействовать на содержание предшествующей базовой части. В одних случаях (при парцелляции структурно необязательных компонентов предложения) парцеллят не оказывает никакого влияния на это содержание, зато в других случаях настоятельно требует от адресата речи некоторого переосмысления содержания уже воспринятой базовой части. Этот второй случай можно проиллюстрировать, в частности, примером Ю. В. Ванникова: *В углу рваное по сварному шву сопло и какие-то ржавые железяки. Лежат с Нового года* (Я. Голованов. "Кузнецы грома") [8]. По нашему мнению, данный и подобные ему примеры дают основания не для двух альтернативных интерпретаций (парцелляция

[6] Исключение составляют работы: Русский язык и советское общество...; *Авласевич М. А.* Указ. соч.

[7] Русский язык и советское общество.., с. 282.

[8] *Ванников Ю. В.* Указ. соч., с. 238.

звена "подлежащее — сказуемое" или два самостоятельных предложения — номинативное и неполное двусоставное), о которых пишет Ю. В. Ванников, а только для одной. На первом этапе адресату речи передается самостоятельное номинативное предложение, однако затем к этому предложению "пристраивается" группа сказуемого, что заставляет переосмыслить уже воспринятое высказывание и рассматривать его как базовую часть парцеллированного двусоставного предложения.

Таким образом, важнейшими признаками парцелляции как речевой презентации единой конструктивно-синтаксической единицы (предложения) в виде нескольких коммуникативно-синтаксических единиц (высказываний) являются, по нашему мнению, во-первых, свойственная этому явлению разговорная или экспрессивная окрашенность [9], а во-вторых, наличие в составе второго высказывания (парцеллята) показателей, свидетельствующих о его грамматической зависимости от предшествующего высказывания, а также (хотя и не во всех случаях) необходимость переосмысления содержания первого высказывания после того, как будет воспринято второе.

Сказанное дает следующие основания для разграничения союзных сочетаний из нескольких самостоятельных предложений и парцеллированных сложносочиненных предложений. Если для первых характерно отсутствие какой-либо стилистической маркированности, то признаком вторых является имеющаяся у них экспрессивная или разговорная окрашенность. Письменным научным текстам (в отличие, например, от научно-популярных) указанные виды окрашенности несвойственны, что и позволяет интерпретировать все встречающиеся в научной речи сочетания из нескольких отдельных высказываний как союзные сочетания самостоятельных предложений.

2. Как показали наблюдения, смысловые отношения, возникающие между членами союзного сочетания самостоятельных предложений, оказываются аналогичными отношениям, которые могут наблюдаться между частями сложносочиненного предложения с тем же союзом. Сказанное, однако, не означает, что среди функционирующих в письменной научной речи союзных сочетаний самостоятельных предложений можно найти аналоги всем типам сложносочиненных предложений. Если отсутствуют особые усложняющие описываемую картину синтаксические факторы (на которых мы подробно остановимся в четвертом разделе данной статьи), то можно назвать только две разновидности союзных сочетаний самостоятельных предложений, соотносимых со сложносочиненными предложениями. Это, во-первых, сочетания самостоятельных предложений с союзом *же*, который выражает сопоставительные отношения, и, во-вторых, сочетания предло-

[9] Случаи экспрессивной и разговорной окрашенности рассматриваемого явления, вероятно, целесообразно разграничивать терминологически. В этом отношении представляет интерес работа Л. С. Суровенковой, в которой различаются два явления: парцелляция как результат «разрыва» речевой цепи, порождаемого речевой экспрессией, и присоединение как «восполнение» речевой цепи, заключающееся «в том, что после завершения высказывания к нему добавляются различные смысловые элементы, дополняющие и развивающие его содержание» (*Суровенкова Л. С.* Присоединение и парцелляция в современном французском языке. Автореф. канд. дис. М., 1982, с. 2). Такое разграничение, на наш взгляд, имеет больше оснований, чем противопоставление парцелляции и присоединения лишь на основании параметров «письменность»/«устность» (ср.: *Сиротинина О. Б., Кузьмичева И. С., Сирченко Л. И., Токарева Л. Т., Травкина Н. И.* Некоторые синтаксические особенности разговорной речи.— В кн.: Русская разговорная речь. Саратов, 1970).

жений с союзом *но*, выражающим отношения противопоставления [10] (заметим при этом, что речь здесь идет только о таких сочетаниях предложений с союзом *но*, в которых названный союз не имеет при себе лексических конкретизаторов типа слов *все-таки, тем не менее, в то же время* и т. п.). Например:

При этом синтаксические явления первого рода предстают как типизированные структуры, отличающиеся четкостью синтаксической организации, высокой частотностью, совместной встречаемостью в речи. Синтаксические ***же*** *явления второго рода образуют городские, профессиональные, социально-возрастные, наконец, семейные стереотипы, появляющиеся в речи в узких определенных ситуативных условиях и за их пределы не выходящие* (СиН, 36); *Конечно, в этом случае мы имеем дело с профессиональной установкой на прием сообщения и с обученными людьми, т. е. с запланированным квалифицированным аудированием.* ***Но*** *это только значит, что речь идет о наиболее эффективных методах аудирования, к которым человек прибегает, когда поступающая информация для него жизненно необходима* (СВРС, 119).

Нетрудно убедиться, что во всех примерах данного типа точка, разделяющая рассматриваемые предложения, может быть свободно заменена запятой, в результате чего союзное сочетание из двух самостоятельных предложений трансформируется в единое сложносочиненное предложение. Таким образом, любой пишущий получает в этих случаях возможность свободного выбора между двумя способами оформления содержания: посредством союзного сочетания самостоятельных предложений или при помощи сложносочиненного предложения. Результаты этого выбора зависят главным образом от коммуникативных намерений пишущего. Оформление содержания при помощи союзного сочетания самостоятельных предложений способствует большему выделению каждого из сообщений, а использование структуры сложносочиненного предложения объединяет оба сообщения в некий целостный коммуникативный блок.

3. Возможность свободного выбора между структурами сложносочиненного предложения и союзного сочетания самостоятельных предложений, характерная для только что рассмотренных случаев, имеется в письменной научной речи далеко не всегда. Как показали наблюдения, для всех функционирующих в научных текстах предложений, за исключением упомянутых в предыдущем разделе, сверхфразовые аналоги нехарактерны. Если попытаться заменить предложения этих типов сочетаниями из двух отдельных высказываний, то полученные построения приобретут явную стилистическую маркированность и будут восприниматься не как сочетания самостоятельных предложений, а как нетипичные для письменной научной речи парцеллированные сложносочиненные предложения.

[10] Аналогичным образом ведут себя и сочетания самостоятельных предложений со словом *однако*. Вместе с тем в исследованиях последнего времени, и в частности в разделе «Сложносочиненные предложения» «Русской грамматики», на терминологию которой мы здесь и далее опираемся, слово *однако* исключено из числа союзов и отнесено к категории лексических конкретизаторов, или, иначе, аналогов союзов (см.: *Ширяев Е. Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе.— НДВШ, Филолог. науки, 1980, № 2; Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980). Что же касается аналогов союзов, то почти все они, в отличие от собственно союзов, свободно употребляются на сверхфразовом уровне и в настоящей статье не рассматриваются.

В зависимости от структурных или семантических причин, препятствующих трансформациям сложносочиненных предложений в союзные сочетания самостоятельных предложений, все предложения можно объединить в следующие три группы:

1) Сложносочиненные предложения, в которых вторая часть содержит эллипсис одного из главных членов. В эту группу входят, во-первых, сложносочиненные предложения с любыми союзами, которые соединяют несколько сказуемых, относящихся к одному и тому же подлежащему,и, во-вторых, предложения с союзом *а*, в которых выражаются сопоставительные отношения и при этом во второй части опущено сказуемое или (при составном сказуемом) его часть. Например:

Опознание слова как определенной последовательности фонем очень часто не соответствует реальным фонетическим свойствам звуковой последовательности ***и*** *может быть охарактеризовано как сложная процедура, в результате которой информация о слове может быть извлечена из целого высказывания, но представлена в виде последовательности фонем* (ТЯ, 46); *Этот фактор играет весьма важную роль при оценке относительной трудности простого материала,* ***но*** *обладает гораздо меньшей мощностью при оценке трудности сложного материала* (СВРС, 130); *Начальной границей блока является представление признака читателю,* ***а*** *конечной — завершение характеристики признака* (СВРС, 73).

Понятно, что при условии раздельного пунктуационного оформления частей подобных предложений вторая часть будет восприниматься как конструктивно неполная, т. е. соответственно не как самостоятельное предложение, а как парцеллированная часть предшествующего сложносочиненного предложения.

2) Сложносочиненные предложения, в которых значение сочинительного союза продублировано какими-либо лексическими средствами. В эту группу входят сложносочиненные предложения нескольких типов, и прежде всего предложения с союзом *но* и лексическими конкретизаторами при нем. Например:

Материал, на который опирался В. М. Жирмунский, не подвергался дифференцированному анализу с целью выявления стратификационной и ситуативной вариативности, ***но вместе с тем*** *есть некоторые основания полагать, что между "примарными" и "секундарными" признаками диалектных систем, с одной стороны, и стратификационными переменными, с другой, существует прямая связь* (СЛИ, 40—41); *Он* [лингвострановедческий словарь], *собственно, представляет собой продолжение, расширение толкового словаря,* ***но все же*** *— поскольку жанр толкового словаря в лексикографии вполне сложился — следует предпочесть новый термин* (СЛИ, 95).

Невозможность трансформации рассматриваемых предложений в союзные сочетания самостоятельных предложений обусловлена, по нашему мнению, тем, что лексические конкретизаторы полностью принимают на себя роль выразителей смысловых отношений между предикативными единицами, в результате чего сочинительный союз, не добавляя никакой новой информации к значению конкретизаторов, начинает играть роль лишь показателя грамматической связи. При отдельном же пунктуационном оформлении второй части подобных предложений союзы будут восприниматься не как показатели смысловых отношений, а как свидетельство граммати-

ческой несамостоятельности данных частей, что характерно именно для парцеллированных сложносочиненных предложений.

По аналогичной причине, очевидно, невозможны на сверхфразовом уровне и аналоги сложносочиненных предложений с союзами *и* и *а*, которые выражают присоединительные отношения. Например:

*Лексема и понятие как элементы слова онтологически (т. е. в сознании человека) относительно самостоятельны, **и эта самостоятельность** особенно ясно обнаруживает себя как раз в усвоении слова* (СЛИ, 88); *В связанном употреблении падежная форма не выявляет своего синтаксического значения вне сочетания с данным глаголом* (...), ***и это** обеспечивает устойчивость употребления падежной формы* (СиН, 178); *Сравнительно с согласными реальная сочетаемость гласных сильнее отклоняется от теоретической, что снижает их информационную нагрузку и ограничивает смыслоразличительные возможности, **а это** в свою очередь, видимо, служит предпосылкой для широкого использования вокалических характеристик на суперсегментном уровне* (ТЯ, 114).

Наличие в начале второй части предложений слова или словосочетания, которое недвусмысленно соотносит ее содержание с содержанием первой части, очевидно, настолько четко выражает характер отношений между частями, что сочинительный союз здесь, как и в предыдущем случае, сохраняет за собой лишь функцию выразителя грамматических отношений. Поэтому при раздельном пунктуационном оформлении вторая часть таких предложений будет иметь оттенок грамматической несамостоятельности, характерный для парцеллированных частей сложносочиненного предложения.

3) Сложносочиненные предложения, в которых значение первой части частично обусловлено значением второй части. В эту группу входят предложения, первая часть которых не просто обозначает некоторое событие, но и выполняет определенную смысловую функцию по отношению ко второй части. Остановимся прежде всего на предложениях с союзом *и*, в которых выражаются причинно-следственные отношения между частями. Например:

*С другой стороны, нередко понятийный перенос недопустим, **и** студент-иностранец должен заново усвоить себе как план выражения слова, так и план содержания* (...) (СЛИ, 88); *Безличные предложения содержат указания на определенность процесса во времени, на определенный момент, **и** возможные временны́е распространители в таких предложениях называют не отрезок времени, а определенную точку на временно́й* оси (...) (СиН, 63).

Первая часть в этих предложениях называет причину тех событий, о которых говорится во второй части. Если же оформить эту последовательность в виде двух отдельных высказываний, то значение причинности первой части будет восприниматься адресатом речи не сразу, а лишь после ознакомления с содержанием второго высказывания. Таким образом, восприятие второго высказывания повлечет за собой необходимость частичного переосмысления содержания предшествующего высказывания, что, как уже говорилось, является типичным признаком парцеллированных предложений.

Аналогичным образом обстоит дело и со сложносочиненными предложениями с союзом *а*, выражающим сопоставительные отношения. Например:

*Так, например, для выявления различий, обусловленных возрастом говорящих, было выделено пять возрастных групп, **а** для выявления различий,*

определяемых социальным статусом, совокупность информантов была разбита на три группы (...) (СЛИ, 33); *Начало вопроса проговаривается в более быстром темпе, а конец несколько растягивается по сравнению с повествованием* (ТЯ, 162).

Значение сопоставления в подобных предложениях проявляется благодаря тому, что тема и рема второй части находятся в ассоциативных отношениях соответственно с темой и ремой первой части и одновременно противопоставлены им [11]. При едином пунктуационном оформлении значение попарного сопоставления тем и рем первой и второй части начинает восприниматься адресатом еще при чтении первой части предложения. Одним из доказательств сказанного может служить, например, тот факт, что устное произнесение сложносочиненных сопоставительных предложений требует обязательного интонационного выделения одного из сопоставляемых компонентов (темы или ремы) уже в составе первой части предложения [12]. Между тем при раздельном пунктуационном оформлении двух предикативных единиц факт сопоставления будет осознан адресатом речи лишь при восприятии второго высказывания. Таким образом, и в этом случае мы также сталкиваемся с эффектом, характерным не для союзных сочетаний самостоятельных предложений, а для парцеллированного предложения, а именно с необходимостью частичного переосмысления содержания первого высказывания после того, как будет воспринято второе.

4. В заключение остановимся на факторах, способных резко изменить описанную картину. Дело в том, что охарактеризованные в предыдущем разделе причины, препятствующие трансформациям определенных типов сложносочиненных предложений в союзные сочетания самостоятельных предложений, могут быть нейтрализованы характером элементов текста, соединяемых с помощью сочинительных союзов. По нашим наблюдениям, для выражения отношений между самостоятельными частями текста могут использоваться при определенных условиях не только сочинительные союзы *же* и *но*, но и другие союзы. Условия употребления этих союзов таковы:

1) Соединенные с помощью сочинительного союза предложения расположены дистантно (в приводимых ниже примерах фрагменты текста, отделяющие друг от друга члены союзных сочетаний самостоятельных предложений текста, выделены прямым шрифтом). Например:

Однако неверно называть разговорными формами семи- и восьмипадежные парадигмы того пласта русских слов, которые являются действительно необходимыми для основной массы говорящих и пишущих по-русски. Они литературны и для письменного, и для разговорного языка, и тенденция принизить престиж, например, локативного и партитивного падежа (...) не может быть оправдана. ***И тем более недопустимо использование в разговорном языке упрощенных парадигм склонения, если они проверены на "общерусскую значимость" в письменных (...) произведениях*** (СЛИ, 77); *Поэтому проверять наличие или отсутствие зависимости между распределением вариантов и географической характеристикой родителей информанта мы должны на примере территориальной группы, дающей наибольшее отклонение от средней частотности.* Такой группой, как мы видели, являются лица

[11] См.: *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*.— НТИ, сер. 2, 1974, № 10.
[12] *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1978.

из севернорусских городов. ***И*** *именно в этом случае совпадение территориальной характеристики информанта и его родителей дает сильное повышение частотности варианта с непроизносимым согласным по сравнению со случаем несовпадения территориальных характеристик* (СЛИ, 127);

2) Сочинительный союз соединяет предложение с предшествующим фрагментом текста, состоящим из нескольких предложений. Например: *Так, среди собственно текстовых значений предложения особое место занимает обобщение, являющееся одним из способов отражения познания фактов окружающей действительности. Синтаксические структуры как простого, так и сложного предложения, обеспечивающие этот способ познания реального мира, весьма разнообразны. Еще большим разнообразием отличается лексическое наполнение этих структур.* ***И*** *тем не менее в системе простого и тем более сложного предложения можно указать на случаи достаточно очевидной стабильной координации синтаксиса и морфологии, а отчасти и лексики при реализации идеи обобщения* (ТЯ, 133).

3) Первое предложение — сложное, и при объединении его со вторым сочинительный союз может образовать ложную связь не со всем предшествующим предложением, а лишь с последней из его частей (в приводимых ниже примерах части сложных предложений, с которыми может образоваться ложная синтаксическая связь, выделены прямым шрифтом). Например: *Таким образом, и в устно-разговорной разновидности литературного языка, как и в общелитературном языке в целом, возникают стилистические градации типа "высокий — нейтральный — сниженный"*, причем в паре "высокий — сниженный" количественно преобладают элементы сниженной окраски. *И в этом отношении, как и в рассмотренных выше, устно-разговорная разновидность предстает как весьма неоднородное образование* (СиН, 30);

Обычно это наблюдается в тех обществах, где сильна власть традиции и обычаев, где многие виды человеческого общения облечены в форму ритуала. *А ритуал, как известно, характеризуется чрезвычайно устойчивыми правилами поведения и речи* (СЛИ, 48).

К сказанному необходимо добавить, что помимо перечисленных конструктивных факторов снятию ограничений на построение союзных сочетаний самостоятельных предложений может способствовать и большая синтаксическая усложненность соединяемых предикативных единиц. Так, в первом из приводимых ниже примеров отношения между предложениями аналогичны отношениям внутри сложносочиненных сопоставительных предложений с союзом *а*, а во втором примере — отношениям в сложносочиненных причинно-следственных предложениях с союзом *и*. Вместе с тем в данных примерах модели сложносочиненных предложений вопреки отмеченной выше закономерности не использованы. В примере (1) это, очевидно, связано с синтаксической громоздкостью первой из соединяемых частей, а в примере (2) — с синтаксической сложностью второй части. Ср.:

(1) *В двуязычном обществе в одних ситуациях, при использовании его членами одних ролей, используется преимущественно один язык, при проигрывании других ролей и в иных ситуациях — преимущественно другой язык (именно таково, например, соотношение официально принятого, государственного языка и местных языков и диалектов во многих странах Африки и Юго-Восточной Азии).* ***А*** *в одноязычном обществе для "обслуживания" тех же самых ситуаций и реализации тех же самых ролей исполь-*

зуются разные подсистемы одного языка (СЛИ, 69); (2) *Одновременно с утверждением последовательного характера включения уровней восприятия большинство исследователей считает процесс восприятия иерархической системой с восхождением от нижнего сенсорного элементарного к высшему понятийному целостному уровню. И хотя можно считать общепринятым, что высший уровень с самого начала контролирует весь перцептивный процесс, направление от элемента к целому отчетливо прослеживается в схемах восприятия Ч. Осгуда (...) и многих других исследователей* (СВРС, 15).

* * *

Все сказанное выше позволяет прийти к следующим методическим рекомендациям по изучению русских сочинительных союзов как средства связи на сверхфразовом уровне.

Поскольку при употреблении на сверхфразовом уровне сочинительные союзы не выражают таких значений, которые не были бы свойственны им на уровне сложного предложения, восприятие значений этих союзов при чтении не требует выработки у учащихся каких-либо навыков, отличных от навыков восприятия сочинительных союзов в сложносочиненном предложении.

В то же время, как было показано выше, далеко не все случаи употребления сочинительных союзов в сложносочиненном предложении имеют соответствия на сверхфразовом уровне. Поэтому при обучении иностранцев продуцированию письменных научных текстов необходима специальная работа по выработке умения использовать эти союзы для выражения смысловых отношений между самостоятельными предложениями текста.

На первом этапе достаточно ознакомить учащихся с правилами употребления на сверхфразовом уровне сочинительных союзов *же* и *но* (напомним, что последний в этом случае не должен сочетаться с лексическими конкретизаторами). Употребляя названные союзы, а также иные показатели отношений между предложениями, обычно рассматриваемые в учебниках, учащиеся получат возможность достаточно квалифицированно выражать межфразовые связи. После этого можно переходить к изучению закономерностей употребления на сверхфразовом уровне других союзов.

Принятые сокращения

СВРС — Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
СиН — Синтаксис и норма. М., 1974.
СЛИ — Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
ТЯ — Теория языка, методы его исследования и преподавания.— К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы. Л., 1981.

С. З. ЛАСТОВКА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПЕРИФРАЗЫ ALLER + INF. В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В данной работе понимание термина 'перифраза' не отличается от того, которое вытекает из рассуждений В. Г. Гака в его "Теоретической грамматике французского языка" [1]: глагольной перифразой называется сочетание "личная форма глагола + инфинитив", которое в результате переосмысления превратилось в конструкцию грамматического типа, представляющую собой единый член предложения. В связи с указанным пониманием перифраз, которые делятся на модальные, модально-видовые, фазисные, видовые, выражающие длительность, временную последовательность, залоговые отношения, следует отметить, что автор придерживается точки зрения, наиболее точно сформулированной В. М. Жирмунским [2] и состоящей в том, что конструкции, в которых перечисленные смысловые оттенки выражены лексически, являются не перифразами, а свободными сочетаниями, так как момент грамматизации в них отсутствует. К таким свободным сочетаниям относятся, например, faillir + inf., manquer de + inf., commencer de/par + inf. и т. п. В научном тексте, в частности, весьма распространены сочетания глаголов, имеющих каузативный оттенок значения, с инфинитивом: 1) Toute exigence de dire ce qu'est l'objet, de penser en mots sans parler (...) *entraîne* l'hémisphère gauche *à assumer* la commande de la réponse (R 76, 77, 242); 2) L'activité des organismes anaérobies *contribue* certes *à modifier* la composition de la matière organique (R 77, 77, 327); 3) Ceci *a conduit à compliquer* très notablement la classification des éléments chimiques (LdB 19); 4) L'étude de processus inflamatoires chroniques nous *pousse à nous pencher* sur les mouvements des macrophages (R 85, 78, 33).

Глаголы entraîner à, contribuer à, conduire à, pousser à всегда сохраняют свое словарное значение независимо от того, с инфинитивом какого глагола они сочетаются. Например, contribuer: à comprendre, à interpréter, à réaliser, à mettre en lumière; pousser: à reconsidérer, à adopter, à changer, à remettre en question и т. д.

В отличие от приведенных выше свободных сочетаний у глаголов в личной форме, входящих в состав перифраз, собственное лексическое значение в той или иной степени ослаблено, и употребление перифразы

---

[1] *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. М., 1979, с. 238—239.

[2] *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях.— В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. Вопрос о разграничении перифраз и независимых сочетаний обсуждается во многих работах: *Сухотин В. П.* Проблема словосочетания в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 127—182. *Ярцева В. Н.* Пути развития словосочетания.— Учен. зап. ЛГУ. Л., 1952. № 156, вып. XV; *Фокин Б. С.* Грамматизация и грамматическая абстракция некоторых глаголов в сочетании с инфинитивом (на материале французского языка).— В кн.: Процессы развития языка. М., 1959, с. 66—78. *Реферовская Е. А., Васильева А. К.* Теоретическая грамматика современного французского языка. М.; Л., 1964, ч. 1; *Степанова А. Н.* Преморфологические единицы французского языка. Минск, 1975 и др.

обусловлено необходимостью актуализации в тексте того грамматического значения (или оттенка значения), которое развилось на базе свободного сочетания. В большинстве случаев свободные сочетания и глагольные перифразы с участием одного и того же глагола в личной форме параллельно сосуществуют в текстах, и их статус и функции могут быть распознаны по преимуществу только на основании контекста, а иногда и конситуации [3].

Наиболее наглядный пример для рассмотрения проблем, общих для перифрастических глагольных форм, употребительных во французских научных текстах, является конструкция aller + inf [4]. Эта конструкция, будучи предельно грамматизованной и имея статус аналитического будущего времени, встречается также в составе свободных сочетаний, в которых глагол aller имеет обычное словарное значение, обозначая движение. Рассмотрим следующие примеры: 5) Fresnel passe par Paris, il reprend contacts avec des milieux scientifiques, se lie d'amitié avec Arago et *va s'enfermer* dans province en emportant avec lui livres et renseignements lui permettant de se mettre au courant des récents progrès de la physique (LdB, 256); 6) Tout est donc pour le mieux. Chaque spéclaliste *va continuer* de son côté à essayer d'améliorer les résultats, et ceux qui n'y croient pas *vont se lancer* dans des calculs énormes pour trouver un contrexemple (R 76, 77, 296); 7) Nous *allons,* dans ce paragraphe, *étudier* le relentissement des ions dans la matiére (RAY 48).

Взятые вне предложений сочетания va s'enfermer, va continuer, vont se lancer, allons étudier прежде всего ассоциируются с Fut. im. Анализ каждого из них в составе предложения показывает, что в первом отрывке aller в составе свободного сочетания полностью сохраняет одно из своих словарных значений, синонимичное se rendre à; во втором действительно имеет место Fut. im (крайняя степень грамматизации aller, сопровождающаяся предельным ослаблением его лексического значения); третий отрывок демонстрирует наличие характерного для данной структуры оттенка интенциальности, преднамеренности: nous allons étudier — мы намереваемся исследовать.

Данное исследование функциональной значимости aller + inf. проведено на материале текстов ста статей по естественно-научной тематике и трех монографий. Их тексты, по классификации Т. Н. Мальчевской [5], можно отнести а) к разновидности (2) — полный описательно-повествовательный, узкоспециальный текст (статьи из журналов Journal de Chimie Physique, Revue de Physique, Verres et Réfractaires, Annales d'hydrobiologie, сборника статей Action des rayonnements de grade énergie sur les solides. Paris, 1956, а также монографии *J. J. Clair.* Introduction à l'optique intégrée,

---

[3] См.: *Улиссова Н. И.* Видовые и временные конструкции с глаголом aller во французском языке. АКД, Л., 1953; *Скворцова О. Н.* Глагольные перифразы в современном французском языке (к вопросу об аналитических глагольных сочетаниях).— Учен. зап. МГПИИЯ им. Тореза, 1959, т. XI; *Штейнберг Н. М.* Сложные глагольные конструкции во французском языке (глаголы aller, venir, être с инф). АКД, Л., 1957. *Henrichsen A. J.* Les periphrases verbales du français modeɾne.— Revue romane, Numéro spécial. 1, 1967, p. 45—46.

[4] В данной статье конструкция aller+inf. рассматривается только в контексте настоящего времени.

[5] *Мальчевская Т. Н.* Научный текст как объект исследования при разработке стилистических проблем теории речевой коммуникации.— В кн.: Чтение, перевод, устная речь. М., 1977, с. 10.

Paris, 1977 и M. Françon. Granularité laser. Paris, 1978); б) разновидность (4) — повествовательно-описательный текст по широкой специальности (статьи из журналов Verres et Réfractaires, La Recherche, Revue de Physique, монографии J. Flahaut. Les éléments des terres rares, Paris, 1969 и J. Fourket. Physique électronique à l'usage des ingénieurs, Paris, 1962).

Необходимо прежде всего выделить случаи наиболее характерного для научного текста употребления перифразы aller + inf. в выражениях, обозначающих авторскую презентацию содержания, когда подлежащим является, как правило, личное местоимение nous или неопределенно-личное on: nous allons: faire un développement limité, considérer deux sources lumineuses, utiliser les valeurs déterminées, étudier l'influence, admettre cette hypothèse comme base, porter notre attention sur, etc.; on va: utiliser ici deux techniques, examiner des complexes à l'état solide, rechercher maintenant, descuter dans ce qui suit, etc.

Гораздо реже встречаются выражения презентации с подлежащим, выраженным именем существительным: 8) Ces deux équations *vont* nous *permettre* moyennant l'hypothèse $k_1 = 3.10^9\ M^{-1}\ S$ de calculer les probabilités (Ch Ph 80, 6, 504); 9) Comme les résultats expérimentaux *vont* le *montrer*, les valeurs K (...) ne restent pas identiques (Ch Ph 80, 6, 522).

Нельзя с уверенностью сказать, что в вышеприведенных случаях конструкции aller + inf. свойственно категориальное значение непосредственного будущего, т. е. будущего, расположенного на временной оси ближе к настоящему, чем просто будущее — Fut. simple, так как наряду с aller + inf. в той же конситуации используется как Fut. simple, так и Présent. Например: dans ce qui suit nous exposons — nous exposerons — nous allons exposer; nous admettons comme hypothèse de travail — nous admetterons — nous allons admettre etc.

В этой связи есть основание полагать, что категориальное значение времени в глагольных сочетаниях указанного типа ослаблено, и выбор между Présent, Futur im. и Futur simple является актом скорее стилистического, чем грамматического оформления текста [6]. Возможно, что на выбор именно Fut. im. влияет свойственный этой временной форме оттенок преднамеренности, интенции, свойственный, по-видимому, 1-му лицу не только единственного числа, как это отмечает Н. М. Штейнберг [7], но и множественного (подобно русскому неопределенно-личному 'мы намереваемся' в научных текстах), а также форме 3-го лица глагола при неопределенно-личном местоимении on. Этот оттенок значения несомненно присутствует в следующих примерах: 10) Nous *allons noter* que cette étude des perturbation peut renseigner sur les modes de mouvement des nucléons d'un noyau, au moins en surface (R 70, 76, 723); 11) Compte tenu de l'importance de la barrière de fission (...) nous *allons examiner* plus en détail ces méthodes avec leurs conséquences (R 136, 82, 925).

Категориальное значение перечисленные временные формы приобретают лишь тогда, когда в тексте имеется указание на определенную временную

---

[6] См.: *Сергеева Е. Н.* Функционально-семантические особенности будущего времени в современной английской научной речи.— В кн.: Функциональный стиль научной прозы. М., 1980, с. 89: «Если отвлечься от композиционно-стилистического эффекта, можно сказать, что настоящее и будущее в научном изложении в силу реальной однозначности принципиально взаимозаменимы».

[7] *Штейнберг Н. М.* Грамматика французского языка. М.; Л., 1966, ч. I. с. 185.

последовательность подачи материала: 12) Nous *avons exposé* ailleurs l'analyse détaillée des spectres (...) Nous en *rappelons* d'abord les conclusions (...) Nous *discuterons* les régions du spectre concernant aux absorbtions (Ch. Ph 10, 79, 904).

Исключениями представляются случаи, когда в текстах рассматриваемого типа Fut. simple и Fut. im. используются для дифференциации более близкого (иммедиатного) и более отдаленного будущего [8]: 13) Nous *allons admettre* cette hypothèse comme base de travail et, après en avoir développé les conséquences, nous *montrerons* qu'elle rend compte des observations expérimentales (Ch Ph 82, 6, 513); 14) Nous n'*insisterons* ici sur ces potentiels qui relévent de l'électrochimie classique, et nous *allons porter* notre attention sur les potentiels transitoires pseudostables (Ch Ph 82, 6, 512).

Если в отрывке (13) инфинитивный оборот позволяет точно определить временную соотнесенность действий, обозначенных формами Fut. im. и Fut. simple, то об отрывке (14) этого сказать нельзя. Можно считать, что здесь употребление Fut. simple вызвано тем, что речь идет обо всем дальнейшем научном описании, тогда как Fut. im. относится только к непосредственно следующей за этой формой информации. Однако эти рассуждения оказываются в известной мере произвольными, так как они не подтверждены ни конситуативно, ни контекстно. Возможна и иная интерпретация этого отрывка, о которой речь пойдет несколько ниже.

Напомним в этой связи, что категориально Fut. simple обозначает будущее действие вне связи его с настоящим (т. е. не как следствие определенных действий в настоящем), в то время как Fut. im. обозначает будущее, "находящееся в орбите настоящего", "составляет мост, переброшенный от настоящего к будущему" [9]. Таким образом, отрывок (14) дает основания рассматривать одновременное употребление Fut. im. и Fut. simple как случай контекстного варьирования, когда оппозиция обеих форм будущего нейтрализуется [10]. Форма Fut. im. выбрана здесь не в силу присущего ей категориально значения, а благодаря желанию автора придать большую информационную значимость действию, находящемуся в одной временной плоскости с Fut. simple, путем линейного удлинения группы одного из двух однородных сказуемых.

Как это видно из приведенных выше и нижеследующих примеров, варьирование Fut. simple и Fut. im., зафиксированное грамматиками как нормативное для разговорной речи [11], распространено также и в текстах научного содержания: 15) Cette même onde choc (...) *ne va-t-elle pas créer* une source de bruit infrarouge considérable? Ici encore, les analyses préliminaires *montreront* qu'il n'en est rien (R 38, 73, 885); 16) Toutes ces nouvelles questions se trouvent alors posées. De surcroît, quels *vont être* les effets d'interactions aussi brutales? De nouveaux fragments *vont-ils-être produits*? Quelles nouvelles espèces *apparaîtront*? (R 70, 76, 722).

---

[8] См.: Grammaire Larousse du français contemporain. Paris, 1981, p. 350 — Система глагола включает только два времени для передачи будущего: Futur simple и Futur antérieur.

[9] *Imbs P.* L'emploi de temps verbaux en français moderne. Paris, 1960 (цит. по.: Grammaire Larousse, p. 352).

[10] *Гак В. Г.* Указ. соч., с. 216.

[11] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, с. 237; Grammaire Larouse, с. 252.

В примере (15) действия, обозначенные Fut. im. и Fut. simple, трудно расположить последовательно на одной общей временной оси, можно отметить, только, что Fut. im. здесь имеет несомненно оттенок модального значения предположительности. Пример (16) вообще не дает оснований для помещения будущих действий в различные временные плоскости, несмотря на употребление двух разных форм будущего.

Употребление Fut. im. имеет место также в итоговой части научного изложения. Здесь функциональная значимость этой конструкции имеет, как правило, несомненную соотнесенность с "истинным" будущим, имеющим точку отсчета в сегодняшнем дне. Иногда "иммедиатный" характер будущего, как в примерах (17) и (18), подтвержден контекстно: 17) Nous nous sommes divertis en construisant ce chateau de cartes que des recherches futures *vont* peut-être *balayer très rapidement* (R 77, 80, 629); 18) L'outil moléculaire qui a été forgé *va permettre maintenant* de mettre un peu d'ordre dans le nouveau secteur de pointe de la discipline: l'immunologie cellulaire (R 29, 72, 1089); 19) Les premiers résultats obtenus (...) confirment les caractéristiques extraordinaires de ces sources dans le domaine des rayons X. Elles *vont permettre* d'étudier des phénomènes cinétiques en métallurgie (R 77, 77, 319).

Однако жесткой закономерности в выборе между Fut. im. и Fut. simple, с учетом их категориальной противопоставленности, нет, как это можно видеть на следующих примерах, где замена имеющихся форм простого будущего на Fut. im. вполне возможна и не нарушает ни норм грамматики, ни смысла высказывания: 20) Il est très vraisemblable que les sites de plein air ont été nombreux dans le Bassin parisien (...). Leur découverte *permettra* de combler les vides encore inexpliquées (...) (R 47, 74, 691, 21); Le matériel végétal obtenu (...) *ne permettra pas* d'èvaluer avant cinq ans l'importance de la vigueur des hybrides F 1 (R 82, 136, 1015, 22); Ces solutions nouvelles *conduiront* peut-être l'agriculture et l'industrie alimentaire de demain à sortir du cercle vicieux (...) (R 47, 74, 796).

В текстах, представляющих собой собственно научное описание, возможно использование перифразы aller+inf. для обозначения ближайшего будущего с оттенком инициальности (инхоативности) [12]. 23) Prenons deux échantillons à une température T_m (...) Chacun de ces échantillons *va évoluer et tendre* vers son état d'équilibre (VR, 2, 82, 294. 24); C'est selon cette voie que l'etude de la fonction et du mode d'action de antigènes *va progresser* le plus rapidement dans les années à venir (R 140, 83, 86); 25) Suivons l'évolution du coefficient molaire lorsqu'on augmente la concentration du complexe formé. Sa valuer, d'abord minorée, *va croître et tendre* vers sa valuer correcte (Ch Ph 6, 80, 574); 26) Un fait souvent méconnu est à la base des difficultés rencontrées: un liquide au point de fusion possède déjà une structure proche du cristal qu'il *va former* au refroidissement (VR, 2, 82, 313).

Следует отметить, что при подлежащем, выраженном именем существительным или замещающим его местоимением 3-го лица, в собственно научных описаниях часто употребляется Fut. im. непредельных (имперфек-

[12] *Сходт Х. Г.* считает, что «может быть, стоит заменить термин «ближайшее» (immédiat или prochain) на «инхоативное», т. к. именно начинательный характер нового будущего отличает его от простого будущего» (*Сходт Х. Г.* Аналитические конструкции в системе глагола французского языка.— ВЯ, 1979, № 3, с. 122).

тивных) глаголов (см. примеры 6—8, 23—25). Разница между Fut. im. и Fut. simple аналогична разнице между русскими формами 'разовьется' и 'будет/начнет/станет развиваться'. Это нужно иметь в виду при переводе, поскольку, как отмечал А. Н. Гвоздев, русское сложное будущее время "указывает на совершение действия в будущем, на длительность, течение без указания на предел, завершение" [13].

Все сказанное выше не исчерпывает функционального многообразия рассматриваемой конструкции. Рассмотрим следующее описание: 27) A l'avant-derniere ligne du tableau 3 on peut observer que, bien que $N_t < N_1$, on peut calculer la production brute; (...) On peut constater qu'il existe une relation entre la température de l'eau et le temps de génération des bactéries. En dessous de 10° C. les temps de génération sont trés longs, les méthodes de mésures employées ne sont pas assez fines pour les préciser. Une augmentation de température, par contre, *va favoriser* la multiplication des bactéries et le temps de génération va diminuer. On observe également qu'un équilibre semble s'établir entre la production et la consommation par les prédateurs. On peut remarquer que la consommation et le stock de bactéries semblent varier parallélement. Au moment où la consommation *va être* plus forte, le stock de bactéries dans l'eau s'est accru. Un phénomène de régulation doit exister (A Hyd 2, 73, 177). Эксплицитно иммедиатность здесь отсутствует: связь с настоящим, категориально присущая Fut. im., весьма проблематична, поскольку содержание отрывка, на основании представленной в тексте таблицы (A l'avant-dernière ligne du tableau 3...), составляет некоторую модель не зависящей от момента действия закономерной связи одного явления с другим. Такое употребление перифразы aller + inf. в связи с конситуацией, где дается описание процессов и явлений, которые не происходят ни в момент речи, ни в реальном будущем, но должны проявляться, существовать согласно логике рассуждений исследователя или его опытным данным, имеет место также и в отрывках (28) и (29). Один из них представляет собой описание модели атмосферных процессов, другой — попытку прогноза со ссылкой на текстовой график дальнейшего усложнения структуры используемого стекла: 28) D'après la figure 2, c'est précisement aux latitudes tempérées où s'opére cette décomposition de la cellule de Hadley que les transports d'énergie dans la stratosphère sont les plus importants. Dans ces régions *vont* donc *se rencontrer* les masses d'air chaud provenant du sud et les masses d'air froid venant du nord; dans cette zone frontale, on *va* donc *trouver* de fortes différences de naissance à des vents d'ouest dont la violence *va augmenter* avec l'altitude, comme le montre la figure 5, et dont le maximum est atteint vers 10 km d'altitude dans la troposphère supérieure (...). C'est précisement dans cette zone de rencontre des grands fronts que *vont prendre naissance et se développer* les perturbations dites frontales (R 64, 64, 108); 29) Il semble probable que les verres à base de tellurures, dont les indices de réfraction sont plus grands encore (...) *vont continuer* le progrés dans la même direction (...) La formation des verres complexes *va* encore *étendre* la population du plan (n, v) vers les valeurs des n élevées. En même temps les points représentatifs *vont s'étaler* dans un domaine plan, au lieu de rester groupés le long d'une courbe. Ainsi, les résultats disponsibles, bien qu'ils soient encore peu nombreux, permettent de

[13] *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. М., 1973, ч I. с. 343.

prédire d'avance la direction générale dans laquelle l'apparation des verres complexes *permettra* d'élargir le domaine (n. v.) (VR 2, 82, 340). Такое употребление перифразы aller + inf. представляется вполне адекватным употреблению будущего в русских научных текстах при сходной конситуации: "Проведем теперь мысленный эксперимент (...) Фазовые точки могут оказаться в самых различных участках фазового пространства (...) Микросостояние системы А *будет* также *меняться* со временем сложным и запутанным образом, и мы вправе предположить, что при $T \infty$ взаимодействие "*забросит*" фазовую точку в любой участок фазового пространства. Иными словами, за достаточно большое время Т система А *побывает* во всех возможных микросостояниях" (С., 10). Т. е. 'будет меняться' — va varier, 'забросит' — va projeter, 'побывает' — va se trouver.

Цитированные отрывки, как французский, так и русский, объединяет одна и та же модальная отнесенность действия к сфере потенциально возможного вне связи с моментом действия в настоящем, прошлом или будущем. Это обстоятельство очевидно в отрывке (28) об атмосферных явлениях и особенно явственно присутствует в тексте (29) о стекле, где модальность задана выражением Il semble probable. Интересно отметить, что вне конситуации собственно научного анализа в примере (29) "вневременное" Fut. im. сменяется Fut. simple для обозначения "истинного" будущего. В отрывке (27) о водных бактериях личная форма модальных глаголов сложных сказуемых несомненно придает модальную окраску изложению; on peut observer, on peut calculer, un équilibre semble s'établir, la consommation et le stock semblent varier. Наконец, заключающее данный отрывок предложение, являясь полностью рематичным, имеет кульминацией инфинитив, вводимый глаголом devoir, который подкрепляет своей семантикой предположение о закономерном характере описанного процесса. Заметим, что в русском отрывке модальное значение предположительности (или потенциальности) выражено модальным глаголом 'мочь' в составе глагольного сказуемого, а также предложением 'мы вправе предположить'.

Отметим, что в той же конситуации, в которой выше было зафиксировано употребление Fut. im. в научных текстах так же часто употребляется Fut. simple: 30) Dans ce tableau, l'évolution de la population catlonique au cours des réductions succesives apparaît nettement (...) Comme il y a huit de ces cavités par maille, certains d'entre elles *seront* forcement *occupées* par deux cations (...) En revanche, dans l'échantillon III où il n'y a pas plus de sept cations (...) par maille chacune d'elles n'en *comportera* probablement qu'un seul (Ch Ph 82, 6, 492).

Модальная окрашенность будущего времени отмечается многими лингвистами. О выражении им предположения в русском, английском и немецком языках пишут, в частности, Е. А. Зверева, Л. Р. Зиндер и Т. Н. Строева [14]. Модальное значение Fut. simple, со ссылкой на Дамурета и Пишона, отмечает В. Г. Гак [15]. В грамматике Лярусса специальный параграф посвящен Fut. modal [16] (на примерах из художественных текстов и разговорной речи). Как видно из приведенных нами примеров, Fut. im. наряду с Fut. simple, может использоваться в научных текстах для выражения потен-

[14] *Зверева Е. А.* Научная речь и модальность. Л., 1983, с. 99—108. *Зиндер Л. Р., Строева Т. Н.* Современный немецкий язык. М., 1957.
[15] *Гак В. Г.* Указ. соч., с. 214.
[16] Grammaire Larousse, с. 352.

циального действия. Относительно текстов анализируемого нами типа нельзя с уверенностью утверждать, что Fut. im. в отличие от Fut. simple чаще обозначает более определенное, неизбежное действие, как это пишет в общем плане В. Г. Гак [17]. На основании проведенного анализа языкового материала можно отметить скорее, что при подлежащем, выраженном личными местоимениями 1-го лица единственного и множественного числа, а также неопределенно-личным on, действие, обозначаемое Fut. im. (как, впрочем, и Fut. simple), имеет определенный характер, в то время как при изложении собственно исследовательского материала, при подлежащем, выраженном именем существительным, оба будущих времени могут иметь модальный оттенок неопределенности. Таким образом, можно видеть, что в научном описании нейтрализация категориальных различий между двумя формами французского будущего времени при использовании их в качестве контекстных вариантов, в том числе и с модальным значением, выглядит нормой [18].

Можно сказать также, что в собственно научном описании и Fut. im., и Fut. simple могут обозначать, как это пишет Г. А. Золотова относительно русских времен, вневременное, обобщенное действие, которое становится выражением свойства, качества предмета или явления [19]. В некоторых случаях категориальное значение будущего в обеих временных формах замещается значением "следования по отношению к точке отсчета" [20].

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что инфинитив в составе перифразы с Fut. im. является информативно более значимым (весомым) элементом благодаря перенесению его в ритмически сильную, подударную позицию, естественную для рематизированных элементов высказывания во французском языке с его прогрессивным строем [21]. Г. А. Золотова считает, что инфинитив сам по себе способствует "сгущению, конденсированию предикативности; свойство инфинитива — более емкое, концентрированное обозначение ситуации" [22]. Вводящие инфинитив глаголы, принимая на себя функции выражения логической связи с подлежащим, удлиняют группу сказуемого, делают ее ритмически более значимой и становятся контекстными индикаторами рематизации сказуемого [23]. По-видимому, предпочтительное употребление Fut. im. в рассмотренных примерах (28, 29, 30) вызвано не столько его категориальной иммедиатностью, сколько необходимостью подчеркнуть, выделить в общем потоке научного повествования информацию, которую несет глагольное сказуемое, т. е. конструкция aller + inf. используется как средство контекстной рематизации сказуе-

---

[17] *Гак В. Г.* Указ. соч., с. 214.

[18] В Грамматике Ларусса говорится: "Une forme comme "aller+infinitif" tend à remplacer, dans nombre de cas, le futur ou le conditionnel présent" (Grammaire Larousse, c. 207).

[19] *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 185.

[20] *Золотова Г. А.* Указ. соч., с. 172.

[21] Как пишет Ш. Балли, «прогрессивная (...) последовательность требует, чтобы модальные знаки предшествовали диктальному глаголу. Именно в этом, по-видимому, и проявляется эволюция французского языка» (*Балли Ш.* Указ. соч., с. 234).

[22] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 273.

[23] *Fibras J.* Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech.— Brno Studies in English, Praha, 1959, v. 1.

мого[24]: описание данных, сведенных в таблицы, представляет собой в данном случае логико-информационный центр научного изложения.

Представляет интерес еще одна форма функционирования конструкции aller + inf. в научном тексте, в которой существенная роль при определении ее значения принадлежит лексическому значению инфинитива. В сочетании с глаголами движения (изменения местоположения) глагол aller сохраняет обобщенное словарное значение движения и употребляется, как это считает Н. М. Штейнберг [25], наряду с глаголом venir + inf. для логического выделения действия, обозначенного сказуемым (т. е. для рематизации сказуемого.— *С. Л.*), представляя его как результат движения. Рассмотрим следующий пример: 31) Enfin il peut y avoir dans certains cas dismigration c'est-à-dire fuite du pétrole hors du piège, soit pour *aller se piéger* dans une autre position, soit pour s'échapper vers la surface du sol. (...) Une fois atteint un réservoir poreux, le mouvement du pétrole et du gaz s'explique facilement (...) Les hydrocarbures tendent (...) á occuper les points hauts de la couche et *viennent se piéger* dans les dômes anticlinaux (...) La dismigration est une fuite des hydrocarbures hors du piège. Ils peuvent soit *venir remplir* un autre piége, soit atteindre progressivement la surface (R 77, 76, 333).

Если в приведенном примере поменять местами сочетания aller + inf. и venir + inf., смысл информации и грамматическая правильность ее не нарушатся, что свидетельствует об утрате глаголами aller и venir их словарного различия, состоящего в обозначении разнонаправленных действий, при сохранении их акциональной маркированности. Весьма существенно, что в этом случае имеются избирательные синтаксические отношения внутри конструкции: как уже говорилось выше, личная форма глаголов aller и venir предшествует инфинитиву глаголов, обозначающих передвижение, изменение положения в пространстве (реальном или воображаемом). Наличие определенных синтаксических связей внутри данной конструкции не позволяет говорить о полной грамматизации глагольных сочетаний aller + inf. и venir + inf.[26] Однако значительное ослабление лексического значения обоих глаголов и выполняемая ими функция рематического усиления сказуемого дают повод считать эти конструкции глагольными перифразами. Возможность разных степеней грамматизации конструкции aller + inf. и venir + inf. можно видеть на следующих примерах: 32) C'est à partir de l'élément snivant — le lanthane — que la situation *va commencer* à se régulariser. En effet, l'électron qui *vient s'ajouter à* la configuration du baryum pour former celle du lanthane occupera la première orbitale du niveau 5d "oublié" jusqu'ici (...) Si on se rappelle que les orbitales ns occupent un volume supérieur à celui des orbitales (n — 1) et (n — 2) f on voit que les orbitales insaturées *vont se trouver* a l'intérieur de l'orbitale saturée 6s, et *vont* donc *occuper* une position profonde, relativement abritée... (J. F. 2—3); 33) Des séquences de DNA qui correspondent à des fragment du message génétique, tel qu'il est enfoui dans le DNA de la

[24] Об увеличении информационного значения глагольного сказуемого средствами лексики и грамматики, в частности путем употребления глагольных сочетаний, см.: *Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научном и техническом тексте. М., 1974, с. 98.

[25] *Штейнберг Н. М.* Грамматика французского языка, с. 205.

[26] *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 14.

cellule. Ces fragments *vont* donc *servir* d'hameçon en quelque sorte, pour aller pêcher cette fois, dans une "bibliothéque" de DNA génomique de souris ou d'homme, les gênes dont proviennent les mRNAs (R 140, 83, 86). В примере (32) имеются два случая полной грамматизации конструкции verbe + inf.: va commencer Fut. im. и vient s'ajouter — распространенная в научном тексте разновидность перифразы venir + inf., где глагол venir вводит, согласно определению Н. М. Штейнберг, "новый фактор (...), изображающий извне ход событий и влияющий на их дальнейшее развитие"[27]. В сочетаниях vont se trouver и vont occuper глагол aller, так же как и в предыдущем примере, может быть заменен глаголом venir без ущерба для информации и грамматической правильности текстового отрывка.

В примере (33) vont servir в форме Fut. im. имеет слабое значение начинательности, а aller pêcher представляет собой весьма выразительное стилистически, но в научном описании нечастое свободное сочетание, в котором акциональное значение глагола aller подчеркивается обстоятельством места, уточняющим направление движения, обозначенного этим глаголом (см. в этой связи пример (6) настоящей статьи).

Несомненным представляется рематизирующее влияние рассматриваемых глагольных конструкций, независимо от степени их грамматизации [28]. Идею о самостоятельной коммуникативной значимости перифрастической структуры предиката наглядно иллюстрирует следующий пример: 34) Nul doute que les échanges d'information et les discussions d'Athênes *vont peser* sur l'organisation des recherches dans les années que viennent (...) Le colloque d'Athênes s'est achevé dans une ambiance très optimiste du point de vue scientifique, ambiance sur laquelle la question des litiges politiques, actuellement très brûlants, en mer Egée, *n'est venue peser* à aucun moment (R 85, 78, 64).

Если в двух предшествующих отрывках глаголы venir и aller выглядят утратившими свое словарное значение разнонаправленных действий, но сохранившими свою акциональную маркированность, то в данном примере грамматизация сочетания vont peser не оставляет сомнений благодаря наличию контекстной индикации (dans les années qui viennet). Что касается сочетания venir peser, то глагол venir без всякого ущерба для смысла может быть опущен, а глагол peser поставлен в форму Passé composé. Однако логико-информативный баланс предложения окажется нарушенным: отсутствие перифразы ослабит информационную значимость сказуемого.

Выводы из всего вышеизложенного можно сформулировать следующим образом.

I. Конструкция aller + inf. в значении Fut. im. используется в научных текстах для презентации содержания последующего изложения или последовательности излагаемого материала. При этом ее использование представляет собой пример контекстного варьирования с другими временными формами (Fut. simple, Présent), привнося в семантику предиката оттенки преднамеренности, начинательности. Подлежащее при этом выражено, как правило, личным местоимением nous или неопределенно-личным on.

---

[27] *Штейнберг Н. М.* Сложные глагольные конструкции во французском языке, с. 9.

[28] Относительно рематизирующей роли варьирования глагольных времен см.: *Цыпышева М. Е.* Актуальное членение и перевод некоторых английских многочленных структур.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М., 1982, с. 175—196.

II. В итоговой части научного изложения Fut. im. наряду с Fut. simple используется в оценочно-перспективном контексте, где отнесенность действия к будущему не вызывает сомнений. Категориальное различие двух времен при этом в значительной мере сглажено.

III. В собственно научном описании встречаются следующие случаи употребления конструкции aller + inf. (при подлежащем-существительном или заменяющем его местоимении 3-го лица).

1) В значении сложного времени Futur im. категориальное отличие которого от Fut. simple состоит в наличии связи с настоящим и оттенка начинательности и/или преднамеренности.

2) В значении контекстного варианта Fut. simple со свойственным обоим временам модальным оттенком предположительности, потенциальности при ослабленном категориальном значении будущего. Иногда оно замещается значением следования относительно некоторой точки отсчета.

3) В качестве перифразы, когда в сочетании с инфинитивом глаголов, обозначающих изменение местоположения (действительное или возможное) в соответствующем контексте, личная форма глагола aller сохраняет в ослабленном виде свое акциональное значение, сближаясь с одним из случаев функционирования venir в составе глагольной перифразы.

IV. Перифрастический характер сказуемого, независимо от функциональной значимости рассматриваемой конструкции verbe + inf. и ее компонентного состава, является, по-видимому, фактором его рематизации. Логико-информативное значение предиката усиливается благодаря линейному удлинению группы сказуемого за счет появления дополнительного глагола, вспомогательного или полувспомогательного, выполняющего формальные функции связи с подлежащим. Это обстоятельство способствует более яркой выраженности семантики глагола в форме инфинитива, чем при использовании личной формы того же глагола в Présent или Fut. simple.

Все сказанное имеет существенное значение для преподавания разных аспектов языка. При обучении переводу следует привлекать внимание учащихся к указанным выше функциональным особенностям перифразы aller + inf., подчеркивая, с одной стороны, содержательный параллелизм форм Fut. im. и Fut. simple, с другой — необходимость опоры на контекст и конситуацию для выявления существенных для содержания текста оттенков значения Fut. im. и возможностей их передачи на русском языке. Следует также учитывать наличие перифразы aller + inf., синонимичной перифразе venir + inf. с общим значением передвижения, а не будущего времени.

В группах устной практики полезным представляется упражнение навыка употребления Fut. im. как контекстного варианта Fut. simple, учитывая трудности владения парадигмой спряжения глаголов в простом будущем, а также с целью развития чувства языка и придания речи учащихся, прежде всего подготовленной, естественной гибкости и выразительности, сближающей ее с речью носителей языка.

Функционирование глагольных перифраз разного состава, имеющее в научных текстах разных типов свою специфику, послужит предметом дальнейших исследований.

Принятые сокращения

АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
ВЯ — Вопросы языкознания.
С. — *Степухович А. Д., Улицкий В. А.* Лекции по статистической физике. М., 1978.
A Hyd — Annales d'Hydrobiologie.
Ch Ph — Journal de Chimie Physique.
Fut. im. — Futur immédiat.
J. F. — *J. Flahaut.* Les éléments des terres rares. Paris, 1969.
R — La Recherche.
LdB — L. de *Broglie.* Physique et microscopique. P., 1947.
M. F. — M. *Françon.* Granularité laser. P., 1978.
RAY — *Y. Cauchois et al.* Action des rayonnements de grande énergie sur les solides. P., 1956.
VR — Verres et Réfractaires.

Там, где буквенное сокращение символизирует название монографии, следующая за ним цифра обозначает номер страницы. В тех случаях, когда сокращение символизирует название периодического издания, цифры обозначают последовательно его номер, год издания, страницу.

Е. К. САВИНОВА

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ В ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В условиях научно-технической революции терминология является наиболее динамичной и бурно растущей частью лексико-семантической системы языка, при этом массовое возникновение новых терминов, терминологических полей и целых терминосистем носит во многом стихийный характер. Для того чтобы превратить этот «терминологический взрыв» в управляемый процесс, чтобы быть в состоянии сознательно и успешно вмешиваться в формирование и развитие терминологических систем, решать задачи стандартизации и унификации терминологии, нужно познать закономерности строения и функционирования этого специфического сектора словарного состава языка. Изучение терминологической лексики вызывает большой интерес лингвистов еще и потому, что оно дает возможность углубить наши знания о закономерностях строения и функционирования всего общенационального языка, способствует выявлению системности словарного состава и дальнейшему развитию теории языковой номинации.

Новые приемы и методы лингвистического анализа, новые ракурсы рассмотрения лингвистических явлений находят плодотворное применение в изучении словарного состава языка науки и в первую очередь его наиболее информативной части — терминов [1].

Особое место среди различных направлений теории словообразования в наши дни занимает деривационная ономасиология, которая изучает номинативные закономерности формирования производных лексических единиц. Не так давно в рамках этого подхода появился новый ракурс рассмотре-

[1] См., например: *Джапаридзе Л. Д.* Структурно-семантическая характеристика специальной лексики английского языка. Канд. дис. М., 1981; *Сафин Р. А.* Поле английской лингвистической терминологии. Канд. дис. М., 1981; *Загидулин Р. З.* Синонимия и гипонимия в лексико-семантических группах терминологического характера: (на материале английской медицинской терминологии). Канд. дис. М., 1981 и др.; *Алексенко В. А.* Опыт исследования словообразовательной системы терминологических глаголов в современном английском языке: (на материале терминов электроники). Канд. дис. М., 1972; *Соловьева М. В.* Деривационные и семантические потенции глагольной основы: (на материале терминосистем в современном английском языке). Канд. дис. М., 1977 и др.; *Ильин Ю. В.* Проблема территориальной вариативности в терминологии: (ономасиологическая и лексико-семантическая характеристика спортивной терминологии в английском языке). Канд. дис. М., 1980; *Михайлова В. И.* Варианты терминов и их функционирование в современном английском языке. Канд. дис. М., 1976 и др.

ния словообразовательных явлений — изучение способов выражения средствами словообразования ономасиологических категорий, т. е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния, в соответствии с которыми осуществляется номинативная деятельность языкового коллектива [2].

Как показали недавно проведенные исследования [3], каждая ономасиологическая категория реализуется при помощи определенной системы языковых средств и способов. Можно предположить, что терминология и даже каждая отдельная терминосистема характеризуется специфическим набором средств выражения одной и той же категории или своеобразным функционированием имеющихся в языке средств. Однако включение терминологического материала в сферу анализа подобного рода еще только начинается.

Поскольку пространство представляет собой форму существования материальных объектов и процессов, характеризует структурность и протяженность материальных систем, исследование пространственных отношений является важнейшей составной частью процесса познания материального мира, а их номинация играет особую роль в человеческом языке. Именно поэтому системное изучение языка невозможно без ясного представления о том, какое выражение находит в нем пространственная координация объектов окружающей действительности.

В настоящее время имеется уже целый ряд интересных работ, рассматривающих на материале того или иного языка структуру и семантику синтаксических конструкций, передающих пространственные отношения [4], значения локативных предлогов [5], морфологические [6] и лексические [7] средства выражения локативности.

Что же касается исследования словообразовательных средств выражения пространственных отношений, то они остаются наименее изученными. Есть лишь несколько работ, специально посвященных рассмотрению отдельных

---

[2] Более подробно о сущности ономасиологических категорий см. *Dokulil M.* Tvóreni slov v češtiné. Teorie odvozování slov. Praha, 1972; *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

[3] *Бычко Л. Н.* Лексические средства обозначения качественных изменений: (на материале современного английского языка). Канд. дис. М., 1977; *Астафурова Т. Н.* Категория итеративности в современном английском языке. Канд. дис. М., 1981; *Тухтаходжаева З. Т.* Выражение категорий квантификации и оценки в словообразовательной системе современного английского языка. Канд. дис. М., 1982.

[4] *Бадхен М. В.* Поле пространственной локализоварности в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1981; *Уткин Д. В.* Синонимические словосочетания с пространственным значением в современном русском языке.— В кн.: Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966 и др.

[5] *Закарян А. А.* Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке. Канд. дис. М., 1982; *Лашанская С. С.* Номинация и полисемия в шведском языке. Док. дис. Л., 1974; *Лежава В. Г.* Семантическая структура предлогов пространственного значения в современном немецком языке. Канд. дис. Тбилиси, 1970; *Lindkvist K. G.* A Comprehensive study of conception of locality in which English prepositions occur. Stockholm, 1979.

[6] *Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений: (на материале падежных систем дагестанских языков).— В кн.: Язык и человек, вып. 4, М., 1970.

[7] *Исмаилов К. А.* Семантический анализ пространственных прилагательных в английском языке (с привлечением материала каракалпакского языка). Канд. дис. М., 1979; *Ковтун Л. Н.* Лексико-семантическая группа глаголов перемещения по вертикали: (на материале английского языка). Канд. дис. Калининград, 1981.

словообразовательных моделей, призванных обозначать те или иные пространственные отношения [8].

На современном этапе несомненный научный и практический интерес представляет многоаспектное изучение словообразовательных средств выражения локативности, особенностей выражения пространственных отношений в терминологической лексике по сравнению с общеупотребительной, а также установление специфики отдельных терминосистем по сравнению с другими терминосистемами.

Поскольку префиксация является важным способом словообразования в современном английском языке, особенно в области терминологии, мы сочли целесообразным сравнить префиксальные средства выражения категории локативности в общеупотребительной и терминологической лексике английского языка и при этом выявить своеобразие функционирования этих средств в области медицинской терминологии.

В системе понятий, которыми оперирует эта древняя и важная область человеческого знания, пространственные отношения занимают значительное место, поскольку специфика этой науки диктует постоянную необходимость обозначения различных «точек» человеческого тела при описании расположения органов относительно друг друга, а также при определении локализации заболевания: внутри какого-либо органа (или части тела), рядом с ним, в его верхней или нижней части и т. п.

Предварительное ознакомление с английскими медицинскими терминами показывает, что среди однословных терминов с пространственным значением подавляющее большинство принадлежит производным словам. При этом наиболее распространенным типом этих производных являются префиксальные образования [9]. Например: *forebrain* 'передний мозг', *forearm* 'предплечье', *precordial* 'предсердечный', *subcortical* 'подкорковый', *postfrontal* 'заднелобный', *encysted* 'осумкованный, заключенный в кисту', *supraspinal* 'надостный', *intranasal* 'внутриносовой'.

Материал для исследования извлечен из третьего издания Большого Вебстеровского словаря (NID), Большого англо-русского словаря под редакцией И. Р. Гальперина и дополнения к нему, а также из Медицинского словаря под редакцией Б. Злотницкого [10]. Общее число привлеченных для анализа префиксальных образований составляют более 2.000 единиц.

Структура пространства отличается большой сложностью. В связи с этим и ономасиологическая категория локативности представляет собой сложную структуру. В этой категории можно выделить статический и динамический аспекты (местонахождение предмета относительно какого-

---

[8] *Игнатьева М. В.* Глаголы с пространственными значениями приставки *пере-* в современном русском языке.— В кн.: Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966; *Комаева А. З.* Структура и семантика образований с первым компонентом over- и out- в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1974; *Яковлев Б. Н.* Деривационно-семантический анализ имен существительных со значением места в русском языке. Канд. дис. Л., 1980.

[9] *Полюжин М. М.* Особенности функционирования системы префиксации в современном английском языке. Канд. дис. М., 1975, с. 38.

[10] См.: Webster's third new international dictionary of the English language. L., 1961; Большой англо-русский словарь/Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1972; Дополнение к Большому англо-русскому словарю/Под общим рук. И. Р. Гальперина. М., 1980; Медицинский словарь/Под ред. Б. Злотницкого. Варшава, 1972.

либо ориентира и его передвижение относительно ориентира). Каждый из этих аспектов включает в себя ряд типов пространственных отношений.

Пространственные отношения динамического аспекта могут быть сгруппированы в оппозициях: приближение—удаление, контактность—неконтактность, ограниченность—неограниченность, движение вверх—движение вниз. В самом общем виде все динамические пространственные отношения могут быть сведены к трем группам: приближение к ориентиру; удаление от ориентира; отсутствие приближения или удаления относительно ориентира (при фактическом движении предмета).

Для статического аспекта также характерно большое разнообразие типов пространственных отношений. Местонахождение предмета относительно ориентира можно определить с помощью целого ряда критериев. Первое из возможных разграничений — это местонахождение предмета внутри или вне ориентира. Второе разграничение — это контактное или неконтактное положение предмета по отношению к ориентиру. И, наконец, в рамках первого и второго разграничений возможны различные уточнения местоположения предмета: на/над и под ориентиром, вокруг него, за и перед ним, около него, рядом с ним, между двумя предметами-ориентирами и среди множества предметов-ориентиров, напротив ориентира и поперек него и т. д.

Каков инвентарь префиксальных средств, призванных выражать отношения пространственной ориентации в современном английском языке? Каковы особенности их использования с целью обозначения пространственных отношений в общеупотребительной и терминологической лексике?

Известно, что выражение пространственно-временных отношений является одной из важнейших функций префиксации. Однако, насколько нам известно, выявление набора префиксальных средств выражения системы пространственных отношений представляет собой еще далеко не полностью решенную задачу. Судя по имеющимся исследованиям в области семантики словообразования в английском языке, состав локативных префиксов насчитывает несколько единиц [11].

Изучение имеющихся списков префиксальных морфем [12] с точки зрения способности префиксов обозначать пространственную координацию сосуществующих объектов показывает, однако, что набор префиксов, призванных выражать разные типы локативных отношений значительно шире и составляет примерно половину всех английских префиксов — их более 30.

Локативные префиксы представляют собой совокупность гетерогенных по своим характеристикам элементов. Они различаются по происхождению, по своему лингвистическому статусу, по семантическим и фукциональным особенностям.

К исконно английским относятся около трети локативных префиксов:

---

[11] Например, в работе Максимовой Т. В. лишь 12 префиксов признаны способными выражать пространственные отношения, в работе Пиоттух К. В.— 19 префиксов. См.: *Максимова Т. В.* Семантические особенности глагольной префиксации в современном английском языке. Канд. дис. М., 1979; *Пиоттух К. В.* Система префиксации в современном английском языке. Канд. дис. М., 1971.

[12] *Marchand H.* The categories and types of present-day English word-formation. München, 1969; *Пиоттух К. В.* Указ. соч.; *Полюжин М. М.* Указ. соч.; *Алейников П. А.* Природа первых компонентов производных в английской научной лексике. Канд. дис. М., 1978.

after-, *fore-*, *in-*, *mid-*, *off-*, *over-*, *out-*, *under-* и др. Почти все они функционировали уже в древнеанглийском языке. Остальные префиксы с пространственным значением были заимствованы в средне- или новоанглийский период из латинского *circum-*, *cis-*, *sub-*, *ante-*, *pre-*, *post-*), греческого (*endo-*, *epi-*, *hypo-*, *hyper-*) или из латинского через французский (*en-*, *counter-*).

Исконные локативные префиксы входят в класс относительных префиксов, они имеют в системе языка коррелятивные предлоги или наречия. Префиксы иноязычного происхождения относятся как к собственно префиксам (*endo-*, *epi-*, *exo-*, *pre-*), так и к относительным префиксам (*extra-*, *hypo-*, *sub-*, *super-*, *counter-*). При этом иноязычные относительные префиксы не имеют соответствующих им по форме предлогов и наречий в английском языке. Они, как правило, соотносятся с существительными и прилагательными, часто сокращенными словами, малочастотными в английском языке.

Говоря об инвентаре рассматриваемых элементов, следует отметить, что часть из них не причисляется некоторыми лингвистами и составителями словарей к разряду префиксов (например, *endo-*, *exo-*). Существует даже мнение о том, что термины, заимствованные или образованные на основе латино-греческих элементов, являются немотивированными, нечленимыми в принимающем языке, поскольку они лишены внутренней формы для носителей заимствующего языка [13]. Мы, однако, разделяем точку зрения тех лингвистов, которые считают, что "немотивированные в литературном языке термины оказываются мотивированными в ряде терминологий" [14], Ведь "к специальной терминологии ... нельзя подходить только с позиций среднего носителя литературного языка" [15]. Терминоэлементы типа *epi-*, *peri-*, *endo-*, *exo-*, *meta-*, и др., которые могут быть непонятны для неспециалиста, хорошо известны каждому медику и биологу.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что в наши дни многие научные термины, в том числе медицинские, известны широким слоям населения. Думается, что наличие в языке таких цепочек терминов, как *pericarditis* 'перикардит' — *endocarditis* 'эндокардит'; *epigastric*, *hypergastric* 'надчревный' — *hypogastric* 'подчревный' дает возможность говорить об их членимости и мотивированности, а значит и о выделимости в них префиксальных морфем.

Анализ словарных дефиниций рассматриваемых производных показывает, что локативные префиксы английского языка способны выражать практически все типы пространственных отношений, передаваемых с помощью языковых средств в целом.

Каждому типу локативных отношений соответствует свой набор префиксальных средств выражения. Так, например, обозначение положения предмета над ориентиром или в его верхней части осуществляется с помощью префиксов *over-*, *hyper-*, а положение ниже ориентира или в его нижней части — с помощью префиксов *under-*, *sub-*, *hypo-*; положение перед ориентиром или в его передней части — образованиями с *fore-*, *pre-*, *ante-*, а нахождение за ориентиром или в его задней части — образованиями с *after-*, *post-*; нахождение между предметами — производными с *inter-*.

---

[13] *Фридман Л. А.* Английские заимствования в французской медицинской терминологии. Канд. дис. М.,, 1968, с. 155.

[14] *Акуленко В. В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972, с. 157.

[15] Там же, с. 157.

Нередки случаи, когда к одной и той же основе присоединяются разные префиксы, указывающие на разное положение предмета относительно ориентира. Например: *forebrain* 'передний мозг', *midbrain* 'средний мозг', *afterbrain* 'задний мозг', *precordial* 'предсердечный', *postcordial* 'находящийся за сердцем', *intracardial* 'внутрисердечный', *endocardial* 'внутрисердечный'; *overground* 'надземный', *underground* 'подземный'.

Что же касается средств передачи статического и динамического аспектов одного и того же типа пространственной ориентации сосуществующих объектов, то они могут частично перекрещиваться. Так, например, для указания на положение ниже ориентира или в его нижней части (статический аспект локативности) и для указания на движение вниз, под ориентиром, снизу, из-под него (динамический аспект локативности) используются одни и те же префиксы (*under-*, *sub-*, *hypo-*), но они часто входят в состав разных структурных моделей.

В моделях со статическим локативным значением ономасиологический базис выражен, как правило, существительным и прилагательным (*underground* 'подземный', *undersea* 'подводный', *underwood* 'подлесок', *underpass* 'подземный переход', *subway* 'подземный переход', *substratum* 'нижний слой, основание', *submarine* 'подводный', *sublunar* 'подлунный'; *hypogastric* 'подчревный', *hyparterial* 'расположенный под артерией'). В моделях с динамическим локативным значением ономасиологический базис выражен глаголом или отглагольным образованием (*underline* 'подчеркивать', *underprop* 'подпирать', *undersign* 'подписывать', *underlay* 'подстилать'; *subscribe* 'ставить подпись под документом', *subdrain* 'осушать землю снизу', *subirrigate* 'снабжать водой снизу', *sublineation* 'подчеркивание', *subirrigation* 'подводное орошение').

Подавляющее большинство префиксов способно передавать и статический, и динамический аспекты локативности. В материале нашего исследования лишь префиксы *para-* и *cis-* передают исключительно статический аспект. Сочетание двух аспектов локативности в семантике префиксов генетически и синхронно связано с совмещением этих значений в семантике предлогов и наречий, которые несут информацию о положении или перемещении в пространстве, а также о взаимном расположении предметов и явлений действительного мира.

Многие префиксы совмещают в себе два или более статических или динамических значения. Часто, например, один и тот же префикс обозначает и положение предмета относительно другого предмета, и положение предмета в какой-то части (верхней, нижней и т. д.) того же предмета. Такое сочетание двух статических значений можно обнаружить в префиксах *after-*, *ante-*, *fore-*, *inter-*, *pre-*, *post-*, *under-*, *sub-* и др.

Так, префикс *fore-* совмещает в своей семантике по крайней мере три пространственных значения: 1) положение перед другим предметом, 2) положение в передней части предмета, 3) движение вперед. Например, в словах *forefoot* 'передняя нога', *forepost* 'аванпост', *foreyard* 'передний двор' он обозначает положение предмета перед другим предметом-ориентиром, в словах *forefield* 'передняя часть поля', *foreground* 'передний план (картины)' — положение в передней части того же предмета (поля и т. п.), а в словах *forerun* 'бежать, идти вперед', *foreglance* 'взгляд вперед' — перемещение вперед относительно ориентира.

Префикс *out-* сочетает в себе еще большее число пространственных

значений, как статических, так и динамических: 1) положение на расстоянии от предмета-ориентира (*outcamp* 'лагерь, лежащий в стороне от основного лагеря', *outhouse* 'надворное строение', *outkitchen* 'кухня во дворе'); 2) положение за пределами предмета-ориентира (*out-college* 'живущий вне колледжа', *outlying* 'лежащий в стороне', *out-patient* 'амбулаторный больной'); 3) положение в отдаленной части предмета-ориентира (*out-country* 'отдаленная часть страны', *outpost* 'аванпост'); 4) движение за пределами ориентира (*outbuild* 'строить в стороне'); 5) движение за пределы ориентира (*outcast* 'изгонять', *outflow* 'вытекать', *outleap* 'перепрыгивать за пределы ориентира'); 6) движение извне (*outcomer* 'приходящий извне').

В большинстве случаев в пределах одного ряда префикс выступает разных пространственных значениях, соединяясь с разными основами. Одн ко в некоторых случаях наблюдается совмещение двух видов локативных значений в рамках семантической структуры одного слова. Иными словами, соединяясь с одной и той же основой, префикс выступает в разных значениях.

Так, например, целый ряд производных на *intra-* и *circum-* обозначают и положение, и перемещение относительно ориентира, т. е. сочетают выражение статического и динамического аспектов локативности. Например, *intradisciplinary* 'внутридисциплинарный (существующий или происходящий внутри изучаемой дисциплины)', *intraparty* 'внутрипартийный (существующий или происходящий внутри партии)' и т. п.; *circumplanetary* 'околопланетный (вращающийся вокруг планеты, окружающий ее)', *circumsolar* 'околосолнечный (окружающий солнце, двигающийся вокруг него)' и т. п.

Аналогичное явление можно наблюдать в семантической структуре производных с другими префиксами. Например: *off-shore* '1) двигающийся в направлении от берега, 2) находящийся на некотором расстоянии от берега'.

Как мы видели, локативные префиксы используются и в общеупотребительной, и в терминологической лексике [16]. Интересно посмотреть, как ведут себя многозначные префиксы изучаемой группы при функционировании в разных сферах.

Как правило, в терминосистемах префиксы используются во всех своих значениях. Так, например, префикс *fore-* используется в терминологической лексике в тех же значениях, что и в общеупотребительной лексике: 1) *forehold* морск., 'носовой трюм', *foretooth* 'передний зуб', *forecordial* 'предсердечный'; 2) *forebody* морск., 'передняя часть корпуса судна', *forefield* воен. 'предполье', *forebrain* 'передний мозг'; 3) *foreswing* спорт. 'мах вперед', *forestroke* спорт. 'удар вперед'.

Префикс *post-* образует термины со значениями: 1) местоположение позади предмета (*postcardial* 'лежащий за сердцем', *postconsonantal* 'следующий за согласным', *postdental* 'зазубный'); 2) местоположение в задней

[16] Противопоставляя общеупотребительную и терминологическую лексику, отметим, что это деление весьма условно. Рассматриваемые нами общеупотребительные слова неоднородны с точки зрения функционально-стилистической. Наряду с повседневными обиходными стилистически нейтральными словами среди них можно обнаружить некоторое количество слов книжных, обычно не употребляемых в разговорной речи, отдельные диалектальные и устаревшие слова, а также некоторые другие стилистически маркированные элементы. Например, отличительной особенностью общеупотребительных образований на *circum-* и *cis-* является то, что все они относятся к книжной лексике. Например: *circumpose* 'обставлять окружать', *circumnavigation* 'кругосветное или круговое плавание', *circummure* 'окружать или обносить стеной', *circumscription* 'очертание, предел, установление пределов'.

части предмета (*postscenium* 'задняя часть сцены', *postpalatal* 'задненебный', *postencephalon* 'задний мозг'); 3) движение за ориентиром (*postscribe* 'делать приписку после текста').

То же самое можно сказать о терминологическом использовании префикса *over-*: *overbridge* 'железнодорожный путепровод', *overburden* с/х. 'покрывающий пласт', горн. 'покрывающая порода', *overcheck* текстильн. 'ткань с рельефными или накладными клетками', *overdraught* техн. 'верхнее дутье'.

Некоторые префиксы проявляют определенную избирательность в отношении сферы применения: значения таких префиксов функционально-стилистически ограничены.

Так, например, префиксы *pre-* и *hypo-* указывают на положение относительно ориентира, преимущественно в терминологии: *precordial* 'предсердечный', *premaxillary* 'предчелюстной', *premolar* 'малый коренной зуб', *precava* 'верхняя полая вена', *hypogastric* 'подчревный', *hypoglossal* 'подъязычный', *hypodermic* 'подкожный'.

Анализ изучаемых префиксов с точки зрения способности функционирования в разных сферах показывает прежде всего полное отсутствие префиксов, применение которых было бы ограничено рамками общеупотребительной лексики. В то же время не все префиксы, используемые в области терминологии, входят в состав общеупотребительных слов. Префиксов в общеупотребительной лексике несколько меньше, чем в терминологии. Однако это не означает, что терминам и нетерминам присущи разные наборы префиксальных элементов. Подавляющее большинство пространственных префиксов ($\approx$80%) функционируют как в лексике общеупотребительной, так и терминологической (*ante-*, *extra-*, *en-*, *off-*, *over-*, *out-*, *super-* и др.). Лишь небольшая группа префиксов функционирует исключительно в языке науки (*endo-*, *hypo-*, *para-*, *supra-*, *meta-*).

Характеризуя роль префиксации в выражении пространственных отношений, целесообразно провести количественный анализ исследуемых единиц: выявить количественное соотношение всех производных терминов и нетерминов с пространственным значением в материале исследования, а также установить общую активность каждого локативного префикса и его активность в области общеупотребительной и терминологической лексики, иными словами, установить, с одной стороны, общую протяженность ряда, образованного с помощью данного префикса, и, с другой стороны, соотношение терминологической и нетерминологической части ряда.

Количественный анализ производных с пространственным значением приведенных в NID, указывает, что префиксальные образования, выражающие пространственную ориентацию объектов, значительно шире представлены в научной лексике, чем в общеупотребительной. Терминологические производные составляют примерно 70% всех привлеченных к анализу единиц.

Принимая во внимание многозначность большой части рассматриваемых производных, следует сказать, что, если бы при определении роли префиксации в выражении пространственной координации в разных сферах мы подсчитывали не целые лексемы, а отдельные пространственные значения (ЛСВ), количественное соотношение могло бы значительно измениться и, возможно, в пользу терминологического сектора. Многие полисемантичные слова, которые мы относим к области общеупотребительной, содержат в своей семантической структуре, наряду с общеупотребительными, терминоло-

гические значения (а иногда и несколько значений). Терминологические производные также иногда включают два—три специальных значения.

Что касается числа общеупотребительных и терминологических образований в пределах каждого ряда, интересно прежде всего отметить, что средняя протяженность терминологической части ряда в материале исследования в два раза больше, чем ряда общеупотребительного (64 и 32 слова соответственно).

Сравнение общей активности изучаемых префиксов показывает, что к наиболее протяженным относятся ряды с префиксами *out-* (295), *sub-* (293), *peri-* (212), *epi-* (184), *endo-* (151), *fore-* (115), *pre-* (104). Среди самых коротких — ряды с префиксами *hyper-* (10), *after-* (18), *cis-* (21), *sur-* (24), *contra-* (29).

Примечательно, что протяженность ряда не зависит от этимологии и лингвистического статуса префикса. Среди наиболее активных оказываются и исконные, и заимствованные, и собственно префиксы, и относительные. То же можно сказать о префиксах, имеющих самые короткие ряды.

Набор префиксов, наиболее активных в общеупотребительной и терминологической лексике, разный. В общеупотребительной сфере наиболее активными являются префиксы *out-* (250), *sub-* (146), а в терминологической — *peri-* (208), *epi-* (175), *endo-* (151), *sub-* (147), *pre-* (101).

Наборы префиксов, образующих ряды наименьшей протяженности, в сравниваемых сферах лексики также разные. В области общеупотребительной лексики наименьшую активность проявляют префиксы *post-*, *after-*, *hyper-*, имеющие по два общеупотребительных образования, *pre-* (3), *peri-* (4), *epi-*, (7), *cis-* (10). Так, из 70 префиксальных образований с префиксом *post-* в его пространственном значении, зарегистрированных в NID, к разряду нетерминов можно отнести (и то небезоговорочно) только *postface* 'послесловие' и *postscript* 'приписка (в конце текста)'. В области терминологии самой низкой активностью обладают *sur-* (7), *hyper-* (8), *cis-* (11).

Префиксы, сфера действия которых охватывает как общеупотребительную, так и терминологическую лексику, неоднородны с точки зрения их роли: одни из них одинаково активны в той и другой сфере, другие чаще используются в области терминологии, а третьим отдается предпочтение в области общеупотребительной лексики.

Лишь немногим префиксам свойственно в равной мере участвовать в образовании локативных терминов и нетерминов. Согласно данным NID, к таким префиксам относятся *sub-* (147 терминов и 146 нетерминов), *fore-* (56 и 59), *mid-* (30 и 34), *circum-* (34 и 34), *cis-* (11 и 10). Префиксы данной группы неоднородны по происхождению, лингвистическому статусу и протяженности образуемых рядов. Производных на *sub-* в четыре раза больше, чем образований с *mid-* или *circum-* и в два раза больше, чем с префиксом *fore-*, а по сравнению с *cis-* их больше в 14 раз.

Около 40% всех исследуемых префиксов встречаются в составе терминов. В рядах, образуемых этими префиксами, терминологическая часть составляет от 98% до 65%. Так, например, доля терминов среди производных с префиксом *peri-* 98%, с *post-* и *pre-* по 97%, *epi-* 95%, *exo-* 75,9%, *intra-* 73,5%, *extra-* 65,9%, *contra-* 68%. Почти все префиксы, употребляемые преимущественно в терминологии, иноязычного происхождения.

Среди префиксов, которые более присущи общеупотребительной лексике, выделяются, с одной стороны, префиксы исконные (*out-*, *over-*, *under-*, *off-*),

с другой стороны, иноязычные (*pro-*, *super-*, *sur-*). Исконные образуют ряды большей протяженности, чем иноязычные. Например: *out-* (295), *super-* (61), *sur-* (24).

Возникает вопрос, как используются префиксальные средства для передачи пространственных отношений в медицинской терминологии английского языка? Отличается ли эта область терминологии каким-либо своеобразием с точки зрения инвентаря префиксов и их функционирования?

В английской медицинской терминологии префиксальные средства выражают практически все типы пространственных отношений, которые передаются префиксальными образованиями в общеупотребительной лексике английского языка. Например, положение под ориентиром — *subcortical* 'подкорковый', *submaxillary* 'подчелюстной', *subcostal* 'подреберный', *submucous* 'подслизистый'; положение внутри ориентира — *intraarterial* 'внутриартериальный', *intracardial* 'внутрисердечный', *intravenous* 'внутривенный'; положение вне ориентира — *extracranial* 'внечерепной', *extraperitoneal* 'внебрюшинный' *extrauterine* 'внематочный'; положение между двумя или более ориентирами — *intermuscular* 'межмышечный', *intercostal* 'межреберный', *intercellular* «межклеточный'.

Интересной особенностью выражения пространственной ориентации в медицинской терминологии является то, что подавляющее большинство префиксальных терминов со значением локативности в этой области науки обозначает статические пространственные отношения, а не динамические. Лишь единичные термины нашей выборки, содержащие рассматриваемые префиксы, выражают динамический аспект локативности. Например: *transplantation* 'пересадка органа или кожи', *encystation*, *encystment* 'образование капсулы', *enepidermic* 'втираемый в кожу (о лекарстве)'.

Префиксы, которые способны входить в состав каких-либо терминов (за редким исключением), используются, согласно NID, и в области медицины.

Наиболее протяженные ряды медицинских терминов образуют *peri-* (95 единиц), *epi-* (79), *sub-* (77).

Во многих терминологических рядах, образованных с помощью локативных префиксов, медицинские термины занимают большое место. Так, среди терминов с префиксом *post-* они составляют 61% (42 единицы), с префиксом *para-* 54% (39), с *sub-* 52% (77), *supra-* 50% (33), *pre-* 48% (49), *intra-* 48% (36), *peri-* 46% (95), *epi-* 45% (79).

Вместе с тем некоторые префиксы «непопулярны» в области медицины. Так, из всех терминов с префиксом *counter-* (58) медицинских терминов только два (3,4%), с *contra-* — один (5%), с *circum-* — четыре (12%). Совсем не входит в состав медицинских терминов, например, префикс *cis-*.

Что касается места префиксальных медицинских терминов с локативным значением в английской терминологии, то они составляют более трети всех рассмотренных нами терминологических единиц (38,5%), их общее число немногим меньше всех общеупотребительных слов выборки (ср. 633 и 619).

Интересно отметить, что медицинская терминология отдает явное предпочтение иноязычным префиксам, пожалуй, даже в большей степени, чем другие терминосистемы (традиция английского языка науки использовать преимущественно образования греко-латинского происхождения широко известна). Медицинские термины с исконными префиксами крайне

малочисленны: шесть с *fore-*, три с *after-*, девять с *mid-*. При этом большинство медицинских наименований с данными префиксами, такие как *foretooth* 'передний зуб', *afterwrist* 'запястье', *underlip* 'нижняя губа', *underjaw* 'нижняя челюсть' и др., пожалуй, нельзя отнести к чисто терминологическим.

Если образования с исконными локативными префиксами не характерны для подъязыка медицины, в других областях научно-технической терминологии они достаточно широко используются (например, *underbelly* 'нижняя часть фюзеляжа', *underbody* 'нижняя часть корпуса ракеты', *undercoating* 'антикоррозионная защита днища кузова автомашины').

Проведенный анализ дает возможность сделать следующие выводы.

Английский язык располагает разветвленной сетью префиксальных средств, призванных обозначать пространственную координацию сосуществующих объектов. Эта совокупность гетерогенных по своим характеристикам префиксов способна передавать практически все типы локативных отношений, имеющих выражение в английском языке. Каждому типу локативных отношений соответствует свой набор префиксальных средств выражения.

Префиксы английского языка характеризуются совмещением в своей семантике статических и динамических значений.

Значительная часть локативных префиксов используется для передачи пространственных отношений и в общеупотребительной, и в терминологической лексике, однако в языке науки префиксальные производные представлены значительно шире как по набору префиксальных средств, так и по протяженности образуемых рядов.

Выражение пространственных отношений в медицинской терминологии отличается предпочтительным использованием префиксов иноязычного происхождения, семантической избирательностью, а также преобладанием производных, обозначающих статический аспект локативности.

Л. В. ДУБРОВИНА

МОТИВИРОВКА ТЕРМИНОВ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ

При изучении терминологии, в том числе и медицинской, возникает вопрос о различных способах обозначения предметов этой науки. Один из таких способов, в частности, связан с двумя универсальными процессами — метафоризацией и метонимизацией, с тем, как происходит замещение в слове одного понятия другим и употребление одного слова для двух разных понятий.

Приведем определение метафоры и метонимии, предлагаемые Н. Д. Арутюновой: «Метафора (от греч. metaphorá 'перенесение') — троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеризации или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не по его прямому назначению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры. Взаимодействие метафоры с двумя различными типами объектов (денотатов) создает ее семантическую двойственность, двуплановость» [1].

[1] Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 140.

«Метонимия (от греч. metōnymia, букв. 'переименование') — троп или фигура речи, состоящая в переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между самыми различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в человеческом сознании, закрепленном значениями слов,— между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п.» [2].

Исходя из анализа медицинской лексики, мы постулируем, что метафора и метонимия различаются как по своей семантической сущности, так и по функции в языке науки.

Сразу же определим свое отношение, во-первых, к терминологии как к набору средств специального назначения; во-вторых, к языку науки как к целенаправленному орудию общения специалистов данной отрасли знаний; в-третьих, к терминам, входящим в терминологию, как единицам специально созданным для обозначения определенных предметов науки или техники и, в-четвертых, к самим способам создания специальной терминологии, образующим свои типы номинации для каждого микрополя.

В средние века европейскую науку обслуживала латынь, впитавшая культурное наследие и богатство древних языков — греческого и латинского. Латынь в течение многих веков была средством общения, хранения знаний и обмена информацией между представителями медицинской науки. Обучение, диспуты и общение между медиками, написание ученых трактатов и историй болезней, прописи в рецептах — все было на латинском языке. Эта традиция культивировалась и поддерживалась вплоть до нашего столетия среди медиков европейского ареала.

Интересно проанализировать причины использования определенных языковых единиц в терминологии английского и русского языков. Так, значительную группу современных медицинских терминов составляют слова, которые относились к общеупотребительной лексике древних языков — греческого и латинского и были выбраны специалистами по определенным мотивам. Например, в основу некоторых медицинских терминов положено сходство: 1) с представителями животного мира (*ichthyosis, ихтиоз* от греч. ichthus 'рыба'; *phrynoderma, фринодерма* от греч. phrynos 'головастик'; *cancer, рак* от лат. cancer 'краб'; *muscle, мышца* от лат. musculus мышка); 2) с растениями (*streptococcus, стрептококк* от греч. kokkos 'ягода'; *nucleus, ядро* от лат. nux 'орех'; *uvea, средняя сосудистая оболочка глаза* и *uvula, язычок* восходят к лат. uva 'виноград'); 3) с различными частями тела животных (*rostriform, клювообразный* от лат. rostrum 'клюв'; *axilla, подмышка* от лат. axilla 'крыло'); 4) с предметами военного снаряжения, военных доспехов (*xiphoid, мечевидный* от греч. xiphos 'меч'; *vagina, влагалище* от греч. vagina 'ножны'; *thyroid, щитовидная железа* от греч. thyreos 'щит'; *thorax, грудная клетка* от лат./греч. thōrax 'доспехи'); 5) с предметами домашнего обихода (*patella, коленная чашечка* от лат. patella 'мелкая тарелка'; *pyelitis, пиелит* от греч. pyelos 'корыто'; *ethmoid, решетчатый* от греч. ēthmos 'сито'; *ampul, ампула* от греч. ampulla 'амфора'); 6) с музыкальными

[2] Там же, с. 142.

инструментами (*salpinx, фаллопиева труба* от греч. salpinx 'труба'; *tympanum, барабанная перепонка* от греч. tympanon 'барабан'; *fistula свищ* от лат. fistula труба; *syrinx, евстахиева труба* от греч. syrinx/syring 'свирель').

Приведенные примеры показывают, что отбирались слова, обозначающие наиболее известные предметы из ближайшего окружения человека. Образ, положенный в основу таких названий, напоминал европейским ученым-медикам некоторые признаки именуемого объекта в их области знания.

Формирование понятийной сферы медицины как науки нашло отражение в наборе и архитектонике языковых единиц, использованных для создания терминов. Понятийное содержание каждого такого знака складывалось постепенно и явилось результатом наблюдений, обобщений, практической работы многих поколений медиков в разных странах мира. Со временем в языке медицины возник ряд типичных параллелей, о чем свидетельствует наличие различных терминоэлементов международного медицинского фонда, маркирующих определенный признак, указывающий, например:

1) *-cele* на образование *грыжи*: *cystocele — грыжа мочевого пузыря, cephalocele — мозговая грыжа*;

2) *-malacia* на *размягчение* какого-либо органа: *encephalomalacia — размягчение мозга*;

3) *-itis* на *воспаление* какого-либо органа: *osteitis — остеит, воспаление кости*;

4) *-pathy* на *заболевание* какого-либо органа: *osteoarthropathy — заболевание костей в суставе*;

5) *-ectomy* на *удаление* какого-либо органа: *ovariectomy — удаление яичника или его части*;

6) *-pexy* на *фиксацию* какого-либо органа: *gastropexy — пришивание желудка к брюшной стенке*;

7) *-tomy* на *разрез* какого-либо органа: *gastrotomy — вскрытие желудка, разрез стенки желудка*;

8) *-algia* на *боль* в каком-либо органе: *gastroenteralgia — боль в желудке и кишках*;

9) *-therapy* на *лечение: gastrotherapy — лечение заболевания желудка.*

Теперь уже при сложившейся терминосистеме медицины сходство процессов, явлений в данном терминологическом поле передается с помощью средств международного терминологического фонда и реже национальных единиц.

Основываясь на исследованиях Н. Д. Арутюновой [3] и В. Н. Телии [4], мы выделили в нашем материале следующие типы языковой метафоры.

1. Номинативную, при которой семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим. При этом перенос основывается на сходстве внешнего признака, например, формы (*club-shaped stump — булавовидная культя, cylinder-shaped stump — цилиндрическая культя, fusiform cell — веретенообразная клетка, oat-shaped cell — овсяновидная клетка, pisiform — гороховидный.* Примерами также могут служить английские и русские анатомические термины: *deltoid — дельтовидный* от греч.

[3] *Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры.— Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1978, № 4.

[4] *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды.— В кн.: Языковая номинация. М., 1977.

deltoeidēs 'имеющий форму греческой буквы дельты'; *sygmoid — сигмовидный* от греч. sigma 'греческая буква сигма'. При этом сходство по форме чаще всего передается языковыми элементами в английском *-shaped, -form, -old*, в русском — *-образный, -видный*), цвета (*yellow fever — желтая лихорадка, black plaque — черная оспа, delirium tremens — белая горячка, white of the eye — белок глаза*).

2. Когнитивную, при которой метафоризация протекает в сопоставлении объекту метафоры признаков, свойств и действий, характерных для других классов объектов. Например, прилагательное *острый* связывают с острыми и режущими предметами, в медицине это прилагательное получает метафорическое значение в сочетании *острый живот*; так же как и прилагательные *холодный* в сочетании *холодная инфекция, холодный процесс* и *горячий — горячий абсцесс*.

Процесс метафоризации характерен не только для медицинской лексики, но и для терминологии других отраслей знаний. Так, Д. С. Лотте отмечал, что во многих случаях даже трудно определить общие признаки двух предметов, просто «при взгляде на один предмет возникает образ другого» [5]. На основании возникающего сходства предметов или явлений в текстах научно-технической литературы выделяются ряды слов, значение которых возникло в результате переноса наименования с одного предмета на другой.

Вопросу номинации, в частности, именований в основе которых лежит метафора, психологи уделяют значительное внимание. Так, анализируя взгляды Л. С. Выгодского, А. А. Леонтьев пишет: «Дело здесь часто не в переносе по закону комплексного мышления, а в гораздо более интимных, определяемых смысловой и аффективной окрашенностью употребления, микросистемных связях». В психологическом плане «слово выполняет здесь функцию номинативную, указывающую. Оно указывает, называет вещь. Можно сказать, что метафора в известном смысле есть направленное изменение смысловой и аффективной окраски слова через его значение» [6].

В. Г. Гак выделяет два вида метафор. Первый, когда образуется новое наименование путем переноса значения: «На семантическом уровне перенос наименования заключается в субституции одних семантических компонентов другими. Этот процесс может не сопровождаться изменениями в лексеме, и переносное наименование по структуре не отличается от прямого» [7]. Ср.: *зуб* (часть тела) и *зуб* (пилы); английские *alligator — аллигатор* и *alligator forcepts — щипцы по форме напоминающие аллигатора*; *bulldog — бульдог* и *bulldog forcepts — щипцы для зажатия кровеносного сосуда* (как бульдог зажимает зубами). В них новое наименование целиком мотивировано исходным.

Второй вид переноса сопровождается изменениями во внешней форме лексемы: простое слово заменяется производным, словосочетание — сложным словом. Это помогает различать слово, возникшее в результате переноса от исходного. Аналогичное явление можно наблюдать в медицинской терминологии, например, *кровяной островок, черепные корешки, свинка, лопатка, желудочек, ушко* и т. д.

---

[5] *Лотте Д. С.* Краткие формы научно-технической терминологии. М., 1971, с. 47.
[6] *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965, с. 189, 191.
[7] *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977, с. 111.

В русском языке медицинские термины отличаются от исходного слова по форме чаще, чем в английском: *ложечка*, *коленка*, *чашечка*, *лопатка*. В этих примерах уменьшительная форма, деминуация, способствует отличию терминов от слов общей лексики, подвергшихся специализации. Они теряют эмоциональную окрашенность и воспринимаются уже не как слова с уменьшительным суффиксом, а как специальные термины. При этом одни и те же суффиксы (*-ок-/-ек-*, *-к-*, *-очк-/-ечк-*) выступают как уменьшительные и ласкательные в общей лексике, а в специальной, как терминообразовательные. За суффиксальной формой закрепляется новое научное понятие.

Таким образом, метафоризация — это перенос наименования на объекты другого вида по сходству второстепенных признаков, по характеру движения, функции, форме и т. п. Логико-лингвистический анализ позволяет вскрыть истоки метафоры, поскольку при переносе по сходству новый термин сохраняет один из признаков исходного слова, хотя часто и он подвергается частичному изменению. Метафоры «образуют группы по принципу "параллельного включения", т. е. каждое переносное значение восходит к тому же самому прямому» [8].

Если в общеупотребительном языке метафора является стилистическим приемом и в литературном произведении может быть создана автором, то в языке специалистов она создает терминологическое значение, постоянно присущее данному термину. С помощью метафоры в терминологии осуществляется новый акт номинации, т. е. вторичная номинация, после чего эта терминологическая единица продолжает свое развитие в новом окружении, с иными системными отношениями. Она характеризуется новой словоизменительной и словообразовательной парадигмой в соответствии со своим полем и своей функцией, поскольку терминообразование регулируется правилами своей системы, отличными от правил общеупотребительного языка. Ср.: в общеупотребительном языке от существительного *грязь* (на улице) образуется прилагательное *грязный*, в специальном языке *грязь* (лечебная) имеет форму прилагательного *грязевой*.

Пересечение понятий составляет логическую основу семантического процесса переноса значения по сходству (метафора) или по смежности (метонимия). Как мы сказали, метонимический перенос значения возникает в тех случаях, когда понятия находятся в отношениях смежности. При анализе терминов, образованных в результате метонимического переноса, мы исходили из классификаций, предлагаемых А. А. Реформатским [9] и Н. Д. Арутюновой [10]. Типичные случаи метонимии связаны с такими отношениями:

1) одно в другом (*анестезия*: а — отсутствие чувствительности — тактильной, температурной, болевой; б — общее название методов обезболивания, например, при хирургических операциях);

2) одно из другого (*аудиометрия*: а — часть исследований: пороговая аудиометрия — измерение порогов восприятия звуков с помощью аудиометра; б — весь процесс: измерение остроты слуха);

3) одно под другим (*аллерген*: а — вещество, способное вызывать аллер-

[8] *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967, с. 78.
[9] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 54—55.
[10] *Арутюнова Н. Д.* Указ. соч., 1978. № 4.

гию; б — препарат для диагностики и лечения аллергических заболеваний);

4) одно через другое (*анастомоз*: а — в анатомии — естественное соединение двух полых органов; б — в хирургии — создание оперативным путем сообщения между полыми органами);

5) одно после другого или в результате другого (*ампутация*: а — хирургическая операция, б — отрыв или отсечение конечности или ее части);

6) занятие, отрасль знания и объект знания или результат (*хирургия*: а — отрасль знания, б — учебник);

7) материя и изделие (слово *пломба* происходит от названия свинца — plumbum);

8) орудие или его продукт (*язык:* а — орган, б — речь);

9) имя и связанные с ним обобщенные положения (*Поль и Мари Кюри* — ученые, открывшие радий, *кюри* — единица радиоактивности).

Как показано выше, при метонимии осуществляется перенос наименования на объекты в силу существования смежности между предметами реальной действительности. "При метонимии лишь соседние звенья подобной цепи переноса названия поддаются объяснению, связь же последующих звеньев идет от одного к другому последовательно и опосредованно, что в корне отличает метонимию от метафоры" [11].

Особо следует остановиться на терминах-словосочетаниях медицинской лексики, представляющих собой своеобразную характеристику предмета или процесса в области медицины. Уже в 30—40-е годы нашего века Г. О. Винокур и Д. С. Лотте начали изучение терминологических словосочетаний. Так, Винокур отмечал, что «научно-технический термин есть непременно название понятия. Для каждой области знания или мастерства отдельная называемая вещь является практически символом общего понятия, с которым оперирует отвлеченная мысль» [12]. Он подчеркивал, что «отдельные термины техники должны входить в ту или иную группу терминов, что смежные и родственные понятия должны быть связаны чем-то общим в языке. Одним из языковых средств такой систематизации терминов является двусоставной термин, одна часть которого является общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой» [13].

В нашем материале медицинские термины-словосочетания представляют комплексные наименования, основанные на связи смыслового содержания их компонентов. Результатом такой номинации являются термины, которые составляют ядро современной специальной медицинской лексики в английском и русском языках. Такие единицы отражают существенные для данной отрасли знания признаки объектов. В структуре словосочетания можно выделить определение и определяемое. При этом определяемое, репрезентирующее родовое понятие, составляет основу названия, определение служит видовым отличием данного родового понятия от других понятий этого класса (например, *hematogenous pleurisy — гематогенный плеврит, rachitic platipodia — рахитическое плоскостопие, intracranial pneumatocele — внутричерепное пневматоцеле, graphite pneumonoconiosis — графитовый пневмокониоз*. Определяемое (англ. *pleurisy* = рус. *плеврит*, англ. *platypodia* = рус. *плоскостопие*, англ. *pneumatocele* = рус. *пневматоцеле*, англ.

[11] *Реформатский А. А.* Введение в языковедение, с. 80.

[12] *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Труды ИФЛИ, М., 1939, т. 5, с. 5.

[13] Там же, с. 38.

pneumonoconiosis = рус. *пневмокониоз*) указывает на ближайший род.

Иногда термины-словосочетания оказываются ориентированными не на специальную медицинскую лексику, как в приведенных выше примерах, а на названия каких-либо анатомических органов: англ. *maid's knee* = рус. *воспаление сумки надколенника*, англ. *black lung* = рус. *черное легкое* (вид пневмокониоза, распространенного среди шахтеров), и даже на слова казалось бы не связанные с медициной: англ. *St. Francis's fire* = рус. *рожистое воспаление*, англ. *St. Vitus' dance* = рус. *пляска святого Витта*. Следует подчеркнуть, что, попадая в медицинскую сферу, общеупотребительное слово в составе словосочетания подвергается специализации, а его значение суживается до узко специального.

Следовательно, в терминах-словосочетаниях для родового понятия используется уже готовый однословный термин. Для видового — к нему добавляются языковые единицы, суживающие его значение. Таковы установившиеся наименования вирусов: *rabies virus — вирус бешенства*, *vaccine virus — вирус вакцины*.

Введение обозначения для какого-либо нового вида вирусов основывается на модели ранее созданных терминов с заменой атрибутивного элемента: *аттенуированный вирус — attenuated virus*, *гемадсорбирующий вирус — hemadsorbing virus*, *фиксированный вирус — fixed virus*, *фильтрующийся вирус — filterable virus*. Частичное сохранение исходных обозначений и использование уже известных моделей облегчают понимание мотивировки нового названия, дают возможность связать новый вирус с известным ранее и в то же время дифференцировать его разновидности с применением, например, буквенной символики: *вирус гриппа А — influenza type A virus*, *вирус гриппа В — influenza type B virus*, *вирус гриппа С — influenza type C virus*.

Итак, признак, положенный в основу первичного наименования какого-либо объекта (даже если он несуществен или изменился со временем) становится как бы «лицом» всего объекта. Знание семантической мотивировки термина позволяет определить, уточнить, когда и почему он возник, установить, с какого времени он начал использоваться в языке медицины в новом качестве.

Процесс номинации тесно связан с процессом узнавания новых названий. Терминация нового понятия часто основывается на сопоставлении понятий, что облегчает выявление их общих и различительных свойств и признаков. Например, обозначение *врожденный семейный тремор heredofamilial tremor* становится более понятным на основе знания таких терминов, как *алкогольный тремор tremor potatorum*, *мышьяковый тремор arsenical tremor*, где отражены другие разновидности болезни — *тремор*, по которым специалист может распознавать объект.

Создавая новый термин, специалисты чаще выбирают наиболее типичный признак и кладут его в основу атрибутивного словосочетания определенной модели, где значимы и форма, и местонахождение каждого компонента. Например, структура терминов *амебный гепатит — amebic hepatitis* и *бруцеллезный гепатит — brucellous hepatitis* строятся по одному и тому же принципу, различаются лишь признаки, положенные в основу мотивировки видов гепатита, разные возбудители.

В названиях препаратов также встречаются атрибутивные словосочета-

ния, например: *антипеллагрический витамин — antipellagric vitamin* и *противоцинготный витамин — antiscorbutic vitamin*. В терминах *водорастворимый витамин — water-soluble vitamin* и *жирорастворимый витамин — fat-soluble vitamin* в основу видовых характеристик положен принцип приготовления препарата для приема. Атрибутивный компонент термина-словосочетания, называя мотивационный признак, позволяет осознать понятие в его цельности. Здесь языковая форма оказывается подчиненной соотношению вещей в системе определенных понятий конкретной микросистемы.

Сопоставление английских и русских медицинских терминов-словосочетаний показывает, что они регулярно отождествляются по содержанию при сохранении национальной языковой формы. Это происходит вследствие того, что модели словосочетаний в обоих языках оказываются заданными своими латинскими двойниками, а также соотношением понятий в узкой области знаний. Ср.: лат. *roseola syphilitica*, рус. *сифилитическая розеола*, англ. *syphylitic roseola*; лат. *syndromum adaptionis*, рус. *адаптационный синдром*, англ. *general adaptation syndrome*; лат. *punctio exploratoria*, рус. *пробная пункция*, англ. *exploratory puncture*.

Поскольку термины могли создаваться в разные эпохи и в разных странах, некоторые одинаковые явления или процессы получали различные обозначения. Так, на островах и побережье Средиземного моря существует болезнь, получившая свое название в зависимости от того, где она была впервые зафиксирована, название, указывающее место ее появления: *мальтийская лихорадка — Malta fever* (о. Мальта), *кипрская лихорадка — Cyprus fever* (о. Кипр), *неаполитанская лихорадка — Napoletaneaп fever* (г. Неаполь), *гибралтарская лихорадка — Gybraltar fever* (африканское и испанское побережье Гибралтара), *средиземноморская лихорадка — Mediterraneaп fever* (на побережье и островах Средиземного моря).

Кроме того, в зависимости от протекания этой болезни ее называют *волнообразной лихорадкой — undulent fever*, *абортивной лихорадкой — abortus fever*, поскольку у заболевших ею особей женского пола бывают выкидыши.

Все перечисленные названия болезни сложились естественным путем и вошли в этой форме в специальную литературу.

Однако известно другое название этой же болезни, возникшее иным путем. Так, когда ею заболели английские солдаты, расквартированные на побережье и островах Средиземного моря, врач Д. Брус обследовал больных и выявил возбудителя, который находился в молоке коз, пораженных этой болезнью. В 1887 г. возбудителю болезни было дано имя врача-первооткрывателя: *Bruce* + суффикс *-ella* = *Brucella* (рус. *Брус* + суффикс *-елла* = *бруцелла*). Позже самому заболеванию также было присвоено имя Бруса: *бруцеллез* (*brucellosis*).

Таким образом, слово или словосочетание специальной медицинской лексики может иметь прозрачную мотивировку для терминолога и специалиста узкого профиля. При этом ясны и семантические преобразования, которые претерпело слово при переходе из бытовой лексики в специальную. Термины-описания часто сохраняют образность, выразительность. Когда мотивировка медицинского термина завуалирована, вскрытие ее терминологом помогает разобраться в типе и форме термина. Однако для специалиста системное значение термина оказывается важнее его этимологии. Звуковой образ термина закрепляется за определенным понятием. В про-

цессе функционирования термина становится важным именно он, а не его первоначальная мотивировка, *послужившая* номинацией.

Мотивировка единиц специальной лексики постепенно стирается. Забываются положенные в основу номинации образы, имена, и термин становится просто специальным знаком. Это происходит потому, что термин стремится освободиться от своей "описательной информативности", превратиться в семантически неразложимое целое, стать знаком-ярлыком. Мотивированность, заключенная в термине, становится избыточной. Основное значение термина способствует стиранию лексического значения его компонентов, послуживших исходным материалом для его создания. Состав и последовательность фонем, образующих термин, его структура приобретают более важное значение для его узнавания, а положенный в основу мотивировки термина образ не представляет больше интереса для тех, кто им пользуется. Но для филолога, терминолога и историка медицины важно знать, что данное медицинское понятие связано или с именем ученого, или с названием географического объекта, или имело какую-либо иную реальную мотивировку при его создании.

Е. А. МИРОНОВА

К ВОПРОСУ О МЕЖВАРИАНТНЫХ СИНОНИМАХ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА АНГЛИИ И США

Проблема американизмов и британизмов в английской научно-технической терминологии представляет не только теоретический интерес, но имеет также практическое значением для всех, кому приходится работать с научно-техническими текстами на английском языке.

Мнения языковедов относительно лексических расхождений в языке научной прозы Англии и США весьма противоречивы. Одни решительно указывают на необходимость различения английских научных терминов по принципу их территориальной принадлежности, ибо в противном случае могут иметь место недопустимые в научной литературе разночтения [1]. Другие обходят этот вопрос молчанием, не проводя никаких разграничений между лексикой языка науки в Англии и Соединенных Штатах [2]. Третьи считают, что межвариантная синонимия в научной терминологии развита слабо, и при этом оговариваются, что степень унификации научной лексики в британском (BE) и американском (AE) вариантах английского языка зависит от описываемой области знания. Наибольшие расхождения обнаруживаются в автомобильной и железнодорожной терминологии. В областях же науки, терминология которых складывалась после первой четверти

[1] См., например: *Newmark M.* Dictionary of science and technology in English, French, German and Spanish. N. Y., 1943, Preface, p. 11; *Гинцберг С. И.* Об американизмах в английском техническом языке.— В кн.: Вопросы теории и практики перевода. Л., 1966, с. 56.

[2] См., например: *Johansson S.* Some aspects of the vocabulary of learned and scientific English. Göteborg, 1978; *Del Vecchio A.* Dictionary of mechanical engineering. N. Y., 1961; *Crispin F. S.* Dictionary of technical terms. Milwaukee, 1964; Mandel's dictionary of science. N. Y., 1970.

XX века, например, в языке ядерной физики, радиотехники и др., отличия незначительны [3].

Анализ конкретного материала ряда научно-технических словарей (как политехнических, так и специализированных, например, геологического, радиотехнического, ракетно-космического и др.) позволяет сделать несколько интересных наблюдений.

М. Ньюмарк [4], как отмечалось выше, подчеркивает необходимость дифференцировать английские и американские научные термины. При этом он оговаривается, что различия, вызванные особенностями правописания в двух странах (armor—armour, tyre—tire), а также ставшие уже привычными аналоговые противопоставления типа truck—lorry, gasoline—petrol, не вызывают трудностей в понимании. В составленном Ньюмарком словаре, содержащем около 10 000 терминов, выделяются следующие межвариантные пары синонимов:

airmeter	aerometer* [5]	'расходомер для воздуха'
aviator	aeronaut*	'летчик'
airplane	aeroplane*	'самолет'
air force	air arm	'военно-возд. подразделение'
blow-torcb	blow-lamp	'паяльная лампа'
hub	boss	'втулка, ступица колеса'
motor	engine*	'двигатель'
gas-tank	gasometer	'газгольдер'
rubber	India-rubber	'резина'
elevator	lift*	'лифт'
truck	lorry*	'грузовик'
steam sbovel	nevvy	'экскаватор'
gasoline	petrol*	'бензин'
plumb-bomb	plummet	'отвес, лот'
television	radiovision*	'телевидение'
railroad	railway*	'железная дорога'
reamer	rimer	'развертка'
oar-lock	row-lock	'уключина'
ways	slipway	'эллинг, стапель'
wrench	spanner	'гаечный ключ'
spark-plug	sparking-plug	'свеча зажигания'
electromic tube	thermionic valve	'электронная трубка'
trolley	tram*	'вагонетка, тележка'
squadron	wing	'крыло'
radio	wireless*	'радио'

Итак, из менее, чем тридцати межвариантных синонимичных пар, по крайней мере одиннадцать давно перешли в разряд традиционных [6]. Проти-

[3] См.: *Nybakken O.* Greek and Latin in scientific terminology. Iowa, 1959, p. 10—11; *Savory T. H.* The language of science. L., 1967, p. 26; *Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971, с. 183—185.

[4] *Newmark M.* Op. cit. (Предисловие), p. 11.

[5] Звездочкой обозначены ставшие традиционными аналоговые пары.

[6] См.: *Stubelius S.* Airship, aeroplane, aircraft. Göteborg, 1958; *Barber Ch.* Linguistic change in present-day English. Edinburg; L., 1964, p. 101; *Klasson K.* Developments in the terminology of physics and technology. Stockholm, 1977, p. 48—50.

вопоставления air force—air arm и squadron—wing скорее принадлежат к области лексики, описывающей организационную сторону военного дела, нежели к научно-технической терминологии. В соответствиях, образованных сложными единицами типа spark-plug—sparking-plug, территориальные различия в наши дни довольно быстро стираются [7] (ср. общеупотребительные frypan—frying pan, long-play record—long-playing-record). Даже при чисто формальном подходе, когда во внимание принимаются лишь соответствующие словарные пометы "американизм—британизм", доля локально маркированных терминов невелика — 0,3%. А при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что, согласно вышеуказанному словарю Ньюмарка, вопреки высказываниям самого составителя, расхождения в научно-технической терминологии Англии и США незначительны.

Примечательно, что и другие авторы, признающие наличие межвариантных терминов-синонимов, в качестве примера приводят преимущественно все те же знакомые соответствия. У Барбера [8] это:

radio	wireless	'радио'
movie	film	'фильм'
gas	petrol	'бензин'
elevator	lift	'лифт'
gas-pedal	accelerator	'акселератор'

у С. И. Гинцберга [9]:

automobile	car	'автомобиль'
truck	lorry	'грузовик'
radio	wireless	'радио'
railroad	railway	'железная дорога'
tie	sleeper [10]	'шпала'

Однако приводимые в статье Н. М. Булавина [11] цифры на первый взгляд свидетельствуют об обратном. Из 251 научного термина-неологизма лишь 144 являются общими для AE и BE. Но сам автор отмечает, что в анализируемую им научно-техническую лексику включаются не узко специальные термины, а лишь те, которые проникли в общенародный язык [12]. Среди приводимых им примеров такие, как assembly line 'сборный конвейер', to air condition 'создавать искусственный климат', Belisha beacon 'голубой шар на столбе, знак перехода в Англии', newscast 'передача новостей по радио', roomette 'одноместное купе в спальном вагоне' и т. п.

Здесь следует отметить, что, по свидетельству многих лингвистов, в наше время высоких темпов развития науки и широкого применения ее достижений в практической деятельности людей научно-технические термины достаточно быстро проникают в общенародный язык и перестают восприниматься

[7] *Barber Ch.* Op. cit., p. 21.
[8] Ibid, p. 101.
[9] *Гинцберг С. И.* Указ. соч., с. 56.
[10] См. также: *Klasson K.* Op. cit., p. 48.
[11] *Булавин Н. М.* О тенденциях пополнения словарного состава британского и американского вариантов английского языка.— В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1960, с. 141.
[12] Там же, с. 106.

как узкоспециальные терминологические единицы, т. е. теряют свою терминологическую окраску [13]. Вряд ли единицы типа AE newscast, BE Belisha beacon, AE roomette можно сейчас отнести к научно-технической терминологии. С тем же основанием к научно-технической лексике можно причислить названия различных инструментов, электробытовых приборов и т. п., т. е. такие лексические единицы, которые А. А. Реформатский считает целесообразным относить к номенклатурной лексике [14].

Представляется уместным сказать, что объем понятия "научно-техническая терминология" вообще недостаточно определен. Он зависит, например, и от субъективных воззрений языковедов, и от того, как обрабатывается лексикографический материал.

Говоря о наличии расхождений между английской и американской научно-технической терминологией, С. И. Гинцберг среди прочих словарей, снабженных пометами "американизм—британизм", называет словарь А. М. Мурашкевича [15]. Из этого словаря, содержащего более 50 тысяч терминов, при тщательном подсчете удается выделить немногим более двухсот локально маркированных терминов, т. е. примерно 0,4% от общего числа слов. Но по крайней мере 190 из этих терминов — словосочетания, которые более правомерно было бы отнести к терминологии, описывающей организационную сторону военного дела, нежели к научно-технической.

В упомянутом словаре четыре локально маркированных термина-словосочетания содержат слово base в значении 'военная база', тридцать два — слово center в значении 'военная организация', два — слово course в значении 'курсы', восемь — слово office, девять — слово range в значении 'полигон' и т. п.

Итак, при ближайшем рассмотрении оказывается, что различия собственно в научной терминологии этой области знания очень малочисленны. После проведения аналогичных подсчетов в Радиотехническом словаре [16] и в Геологическом словаре [17] были получены следующие результаты. В Радиотехническом словаре, который содержит около 25 тысяч слов, локально маркированных терминов — около сорока. В процентном отношении это 0,16%. А в Геологическом словаре, также содержащем приблизительно 25 тысяч терминов (в самом словаре цифра не указывается) удается выделить два термина с различными, согласно этому словарю, значениями в AE и BE:

hard coal	AE 'антрацит'
	BE 'дюрен'
lode	AE 'жильный пояс'
	'жильное месторождение.'

[13] См., например: *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 61; *Savory T. H.* Op. cit., p. 47; *Klasson K.* Op. cit., p. 12.
[14] *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология? М., 1959.
[15] *Мурашкевич А. М.* Англо-русский ракетно-космический словарь. М., 1966.
[16] *Герман-Прозорова Л. П.* и *Виноградова Н. И.* Англо-русский радио-технический словарь. М., 1960.
[17] *Софиано Т. А.* Англо-русский геологический словарь. М., 1957.
[18] Например: Webster's new World dictionary of the American language. N. Y., 1970 (WDAL); Большой англо-русский словарь/Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1977.

Однако в более поздних лексикографических источниках [18] термин hard coal дается как американизм, синонимичный общеанглийскому antracite, a lode — как имеющий в АЕ, наряду с общеанглийским значением 'жильное месторождение', дополнительное значение 'жильный пояс'. Третья лексическая единица, снабженная в рассматриваемом Геологическом словаре пометой "американизм—британизм", слово county, АЕ 'округ' — ВЕ 'графство'. Но это слово принадлежит общеупотребительной лексике. Итак, и в геологической терминологии расхождения между двумя территориальными вариантами английского языка незначительны.

Приведенные данные лишний раз свидетельствуют о том, что британская и американская научная терминология отличается наивысшей, по сравнению с другими областями словарного состава английского языка, степенью унификации.

Наболее стабильными и удобными для международного общения принято считать термины, образованные из латино-греческих элементов, общность лексического значения которых обеспечивает взаимопонимание людей разных наций. Случаи, когда такие лексические единицы вытесняются терминами, образованными на материале общенародного языка, достаточно редки [19].

Представляется очевидным, что такие способы словообразования, как "семантические изменения" [20], т. е. приобретение уже имеющимся в языке словом нового значения, или стяжение и акронимизация дают большие творческие возможности. Между тем слова, созданные этими способами, даже для носителей языка представляют порой бо́льшие трудности в понимании, чем слова, состоящие из греко-латинских элементов. В качестве любопытного примера можно привести такие научно-технические неологизмы: bird 'любой летательный аппарат', bus 'одна из ступеней ракеты', exotic (ядерная физика) 'сверхнеустойчивый, трудноулавливаемый'. И все же даже сторонники создания терминов на материале классических языков вынуждены признать, что при современном бурном развитии науки порой невозможно адекватно назвать новое понятие, прибегая к латинскому и греческому [21]. К тому же, как справедливо замечает А. Кейсо, далеко не все ученые обладают достаточными лингвистическими знаниями для подобного образования терминов. А ведь научные термины среди неологизмов являются весьма многочисленной группой [22]. В наши дни образование слов посредством семантических процессов (расширение значения, метафоризация и т. д.) является, по свидетельству А. Кейсо, ведущим способом образования терминов. Можно было бы предположить, что на современном этапе неминуемо появление многочисленных синонимичных терминов в американском и британском вариантах английского языка. Но благодаря высокому уровню развития средств общения этого не происходит. Даже термины, отличающиеся сугубо субъективной мотивировкой, быстро распространяются и становятся не только общеанглийскими, но и международными. В качестве примера можно привести термин quark 'кварк, гипотетическая атомная частица'. Он был введен физиком Мур-

[19] См., напр.: *Klasson K.* Op. cit., p. 28.
[20] См.: *Caso A. L.* The production of new scientific terms.— American Speech, v. 55, 1980, № 2.
[21] *Caso A. L.* Op. cit., p. 101.
[22] См., например: *Klasson K.* Op. cit., p. 12.
[23] *Caso A. L.* Op. cit., p. 101—102.

реем Белл-Манном, который позаимствовал слово quark у Дж. Джойса, описывавшего с помощью этого слова крик чайки [23]. Термин quark, так же как термины-неологизмы thermister — thermo + resister 'термистор', varactor — variable + reactance + or (суффикс) 'диодный полупроводник, емкостное сопротивление которого может варьироваться в зависимости от напряжения', contrails — condensation + trails 'конденсационный след', vocoder — voice + coder 'электронное устройство, преобразующее звуки речи для передачи их по среднечастотным каналам связи' и др., первоначально возникли в AE, о чем свидетельствуют соответствующие пометы в словаре WDAL, но затем быстро распространились и стали общеанглийскими, подтверждением чему служит отсутствие пометы "американизм" в Webster's third new international dictionary of the English language и в дополнениях к нему [24].

В доказательство того, что на современном этапе, несмотря на быстрое пополнение английской научно-технической лексики неологизмами (возникающими преимущественно в AE [25]), новые термины быстро приобретают статус общеанглийских, можно привести следующие данные. В словаре Барнхарта [26] от A до G включительно зарегистрировано немногим менее 500 единиц, принадлежащих к научно-технической лексике. Из них лишь 8 являются локально маркированными, а 4 из этих восьми: AE boob tube 'телевизор', BE goggle 'телевизор', AE glitch 'неожиданная поломка', AE to fritz out 'сломаться' принадлежат к сленгизмам, т. е. к профессиональному жаргону.

Из изложенного можно, на наш взгляд, сделать следующие выводы. При общей высокой степени унификации англо-американской научно-технической терминологии в ней имеется немалое в абсолютном отношении число межвариантных синонимов. Однако эти межвариантные синонимические пары в большинстве своем стали уже традиционными, они описывают области знания, прежде всего железнодорожный и автомобильный транспорт, развивавшиеся независимо в Англии и США в условиях недостаточных контактов между двумя ареалами. Терминология других областей науки и техники обнаруживает незначительные территориальные расхождения.

Вновь создаваемые научные термины, независимо от степени "прозрачности" мотивировки и места происхождения, вследствие тесных контактов между носителями AE и BE быстро распространяются и приобретают статус общеанглийских.

---

[24] См.: Webster's third new international dictionary of the English language. Springfield, 1961.

[25] См.: *Bloomfield M. W.* A Brief history of the English language.— In: Contemporary English change and variation. Philadelphia, 1972, p. 14.

[26] См.: The Barnhart dictionary of new English since 1963. Bronxville; N. Y., 1973.

Использованные словари

1. Большой англо-русский словать/Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1977.
2. *Герман-Прозорова Л. П.* и *Виноградова Н. И.* Англо-русский радиотехнический словарь. М., 1960.
3. *Мурашкевич А. М.* Англо-русский ракетно-космический словарь. М., 1966.
4. *Софиано Т. А.* Англо-русский геологический словарь. М., 1957.
5. *Crispin F. S.* Dictionary of technical terms. Milwaukee, 1964.
6. *Del Vecchio A.* Dictionary of mechanical engineering. N. Y., 1961.
7. Mandel's dictionary of science. N. Y., 1970.
8. *Newmark M.* Dictionary of science and technology in English, French, German and Spanish. N. Y., 1943.
9. The Barnhart dictionary of new English since 1963. Bronxville, N. Y., 1973.
10. Webster's new World dictionary of the American language. N. Y., 1970.
11. Webster's third new international dictionary of the English language. Springfield, 1961.

М. Я. ЦВИЛЛИНГ

ЭЛЕМЕНТЫ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

В советской лингводидактической концепции лингвострановедческим аспектам обучения иностранному языку отводится значительное место. Наиболее разработанными являются вопросы, возникающие в связи с необходимостью обеспечения лингвострановедческой направленности преподавания русского языка иностранным учащимся [1]. Это, однако, ни в коем случае не означает, что изучение иностранных языков советскими учащимися, т. е. изучение в Советском Союзе языков зарубежных стран должно обладать лингвострановедческой направленностью в меньшей мере. Общеобразовательная целеустановка учебного предмета "иностранный язык" на всех ступенях общего и специального образования с необходимостью предполагает сообщение самых разнообразных сведений и знаний о культуре, истории, общественной жизни и быте народа — носителя изучаемого языка, ознакомление с реальными условиями функционирования языка и его единиц в естественной социальной среде, нашедшими отражение в так называемом культурном компоненте значения слова и иных элементов языка [2].

Естественно, что такая широкая постановка задачи не применима в полной мере к любому виду обучения иностранному языку. В зависимости от конкретной целеустановки и уровня обучения меняются как объем и глубина подлежащего усвоению материала, так и его отбор.

Чем шире и разнообразнее задачи, преследуемые учебным процессом, тем большее место занимают в нем лингвострановедческие аспекты. Полноценное общение с носителями языка, глубокое и всестороннее понимание публицистической и художественной литературы, качественное осуществление различных видов переводческой деятельности в устной и письменной форме требуют наиболее полного учета лингвострановедческих моментов в изучении языка, безоговорочного внедрения в преподавание лингвострановедческого метода [3].

Существует, однако, мнение, что при некоторых узко-прагматических установках, в частности, при ограничении цели обучения одним лишь овладением навыком чтения литературы по свой специальности, необходимость учета лингвострановедческих аспектов отпадает как бы сама собой.

[1] Ср.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1976, с. 59—64.
[2] Ср.: *Берков В. П.* Слово в двуязычном словаре. Таллин: Валгус, 1977, с. 24—109.
[3] См. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура, с. 62—63.

Показательно в этом отношении высказывание немецкого ученого А. Шмида: "Специалисту какой-либо узкой научно-технической области требуется научиться т о л ь к о читать, ни писать, ни говорить, ни слушать ему не нужно. В этом случае страноведение как учебный предмет оказывается лишним" [4].

Нам представляется, что безоговорочное применение подобного подхода в преподавании иностранного языка научным работникам, в частности и при подготовке к сдаче кандидатского экзамена, было бы ошибочным по ряду причин. Во-первых, такой подход вступает в явное противоречие с общеобразовательной установкой в преподавании иностранного языка, с его идеологической и политико-воспитательной направленностью. Во-вторых, программы обучения иностранному языку разных категорий научных работников, и в частности программа кандидатского экзамена, предусматривают не только овладение навыками чтения литературы по специальности, но и развитие навыков устной речи как в сфере профессионального общения, так и в сфере бытовой и общественно-политической тематики. В-третьих, даже такой специфический языковой объект, каким является научный текст, не свободен полностью от лингвострановедческих моментов, поскольку сопутствующие общенаучному содержанию реалии, коннотативные значения слов и словосочетаний, а порой и жанрово-стилистические особенности данного типа текстов в значительной степени соопределяются национально-культурной и социально-политической спецификой страны, представителем которой и на языке которой создан данный текст. Одним словом, лингвострановедческий подход в той или иной мере должен применяться в преподавании языка на разных уровнях и при изучении любого его аспекта.

В области грамматики, например, известной лингвострановедческой окрашенностью обладают грамматические явления, отличающиеся достаточно выраженной стилистической или, шире, прагматической отмеченностью [5]. Выбор временно́й и залоговой формы глагола, формы единственного или множественного числа существительного, определенного, неопределенного или нулевого артикля, той или иной степени сравнения прилагательного либо краткой или полной его формы в предикативе и других альтернативных решений в области морфологии, предпочтение той или иной конструкции словосочетания и предложения, в частности субстантивного или адъективного определения, номинальной или глагольной конструкции сказуемого, причастного оборота или придаточного предложения в сложных синтаксических комплексах и т. д., зачастую оказываются обусловленными отнюдь не внутренними закономерностями грамматического строя языка (в нашем случае — немецкого), а зависят от действующих в данном сообществе правил речевого поведения, т. е. неких социально обусловленных предписаний и запретов, непосредственно не осознаваемых и поэтому как бы скрытых от "непосвященного", т. е. человека, не принадлежащего к данному языково-культурному коллективу [6].

---

[4] *Шмид А.* Страноведение СССР на уроках русского языка за рубежом.— В кн.: Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. М.: Изд-во МГУ, 1972, с. 17 (цит. по: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура, с. 62).

[5] *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975, S. 101—111.

[6] Ср.: *Гак В. Г.* Беседы о французском слове. М.: Междунар. отношения, 1966, с. 9—10.

В рамках данной статьи не представляется возможным проиллюстрировать примерами все перечисленные явления, однако даже разбор одного абзаца из произвольно выбранного специального текста дает достаточно наглядное представление о рассматриваемых закономерностях: Alle beschriebenen Vorsichtsmaßnahmen gelten prinzipiell auch für die Objektive und *das Zubehör. Objektive* (mit Schutzdeckel) *werden* in einzelnen Köchern *transportiert* oder wie das Zubehör in festen Gerätetaschen bzw.-koffern. Eine Umhängetasche hat den Vorteil, *daß beide Hände* für praktische Arbeit mit der Kamera *frei sind* (Fotografie, 1984, 38. Jg., Nr. 1, S. 34).

Глагол transportieren стоит в форме пассива, хотя в принципе не исключено употребление актива (man transportiert...) Существительное Zubehör дано в единственном числе в отличие от русского термина "принадлежности" (которому может быть поставлено в соответствие сложное слово во множественном числе Zubehörteile). Во втором предложении слово Objektive не имеет артикля, несмотря на то, что грамматические правила вполне допускают в данном случае и определенный артикль. В последнем предложении мы видим именное сказуемое (...daß beide Hände frei sind), в то время как столь же естественным могло бы оказаться и глагольное сказуемое freimachen, befreien. Кстати, в синтаксическом построении данного предложения также реализуется одна из ряда возможных конструкций — определительное придаточное, как альтернатива к распространенному инфинитиву (...beide Hände ... freizumachen) или к иному построению, основанному на расширении простого предложения с глаголом в пассиве (durch die Benutzung einer Umhängetasche werden ... beide Hände freigemacht). Лингвострановедческая норма в области грамматики обладает не облигаторным, а скорее частотно-преференциальным характером, так как она определяет не обязательность, а предпочтительность того или иного из равноценных вариантов, что, однако, скорее затрудняет ее усвоение из-за неочевидности определяемых ею закономерностей [7].

Со сходными явлениями приходится сталкиваться и в области словообразования (словопроизводства и словосложения), в частности терминотворчества. Язык не реализует всех заложенных в его системе потенций в равной мере, а отдает предпочтение некоторым определенным моделям, избегая использовать другие — причем в разное время и в разных сферах эти предпочтения, опять-таки не столько в силу внутрисистемных, сколько в силу социально-исторических, нормативно-поведенческих факторов, могут оказаться различными. В области терминологии этим, например, объясняется выбор между простым или составным, национальным или заимствованным, обобщающим или конкретизирующим термином и т. п.

Так, в немецком языке огромное большинство терминов представляет собой сложные слова в отличие от русского языка, где значительная часть терминов является либо однословными производными словами, либо словосочетаниями (ср., напр., Taschenrechner — калькулятор, Blendenwert — значение диафрагмы и т. п.). С другой стороны, немецкий язык часто отдает предпочтение конкретизирующим терминами перед обобщаю-

[7] См.: *Цвиллинг М. Я.* От иностранного языка к родному и обратно.— В кн.: Тетради переводчика. М., 1964, № 2; *Троянская Е. С.* Лингвостилистические основы перевода научной литературы.— В кн.: Обучение научных работников иностранным языкам. М., 1984.

щими. Так, единому русскому термину "футляр" (в фотографической терминологии) в немецком соответствуют Bereitschaftstasche (футляр для фотоаппарата), Köcher (футляр для объектива), Tragekoffer (футляр для переносного увеличителя). Что касается соотношения национальных и заимствованных терминов, то здесь, как известно, большое значение имеют социально-политические и конкретно-исторические факторы, определяющие соотношения и смену интернационалистических и пуристических тенденций в пополнении и нормализации лексического состава языка. В современном немецком языке трудно дать однозначную характеристику соотношения этих тенденций, однако в целом отмечается некоторое преобладание заимствованных терминов в "языке" ФРГ при большем удельном весе исконных по лексическим истокам терминов в "языке" ГДР (Branche — Industriezweig; Computer — EDV-Anlage, Pool — Verbund и т. п.).

Лингвострановедческими факторами обусловлена значительная часть фразеологии, паремиологии, афористики, находящей также широкое применение в различных жанрах научной литературы. Причем дело не только и не столько в восприятии, толковании и переводе соответствующих выражений, сколько в правильном понимании самого факта их употребления, осознания их мотивированности в данном контексте.

Таким образом, мы видим, что лингвострановедческая проблематика затрагивает по существу все уровни и сферы функционирования языка, тесно стыкуясь с проблематикой функционально-стилистической, социолингвистической, прагматической. Однако прежде чем перейти к рассмотрению лингводидактических выводов, вытекающих из этого положения, мы должны остановиться еще на одном проявлении лингвострановедческих факторов в языке — в его лексическом составе, в наличии или отсутствии тех или иных лексических единиц, в их группировке по идеографическим гнездам, синонимическим рядам, антонимическим парам, в специфике главным образом коннотативных значений, а отчасти и в употребительности и сочетаемости слов [8].

Лексический аспект лингвострановедения представляет собой наиболее наглядное материальное проявление национально-культурной специфики языка, что, естественно, находит самое непосредственное отражение в работе над языком в процессе его преподавания.

Мы постараемся показать на нескольких примерах, в какой мере лингвострановедческая специфика реально проявляется в конкретном текстовом материале на немецком языке.

Рассмотрим следующий отрывок из руководства по забастовочной борьбе, изданного прогрессивным западногерманским издательством в 1979 г.: Fur die *verkehrslose bzw.-arme Zeit* muß besonders *bei Betrieben mit großem Einzugsgebiet* für die An-und Abfahrt der Streikposten gesorgt werden bzw. sind *Mitfahrgelegenheiten mit privaten Pkws* zu organisieren...

Für die "ruhigen" Zeiten, zumal nachts, und für diejenigen, die sich (z. B. in einem Nebenraum des Streiklokals oder in einem *Wohnwagen* in der Nähe des Einsatzortes) in Bereitschaft halten, muß an Möglichkeiten

[8] Ср., например: *Морковкин В. В., Курочкина И. М.* О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка.— В кн.: Словари и лингвострановедение. М.: Рус. яз., 1982, с. 62—72.

des Zeitvertreibs gedacht werden: Radio, Bücher, *Skatkarten* und andere Spiele usw [9].

Этот отрывок весьма показателен, благодаря наличию многочисленных лингвострановедческих элементов. Так, в первом абзаце находит отражение специфика транспортных условий ФРГ, отличающихся высокой степенью "моторизации", преобладанием индивидуального транспорта над общественным. Это воплощено в таких словах (словосочетаниях), как: verkehrslose bzw.-arme Zeit, Betriebe mit großem Einzugsgebiet, Mitfahrgelegenheiten in privaten Pkws.

Слова verkehrslos нет ни в Большом немецко-русском словаре [10], ни в многотомных толковых словарях немецкого языка, изданных в ГДР и ФРГ [11]; слово verkehrsarm, правда, имеется во всех трех названных словарях, но только в одном из них — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache — ему приписано также и то значение, которое реализовано в рассматриваемом тексте, тогда как основным лексикографическим значением оказывается иное. Ср.: verkehrsarme Straße 'тихия улица'. Понимание данного текста (и, как предпосылка к этому, раскрытие значения употребленных в нем слов) требует учета суточной (и недельной, а отчасти и годовой) цикличности работы общественного транспорта в городах ФРГ, ограниченных возможностей передвижения без использования индивидуального транспорта. Перевод в данном случае, конечно, не может непосредственно основываться на словарном эквиваленте 'тихий', а должен исходить из осознания реальной ситуации. Необходимость поиска лексического эквивалента к словам verkehrslos и verkehrsarm отпадает, так как вполне понятным оказывается обобщающий, но имплицитно содержащий указание на страноведческую реальность перевод: 'Когда это требуется по условиям работы городского транспорта...'

Второе из выделяемых нами словосочетаний привлекает внимание словом Einzugsgebiet. Дополнение к Большому немецко-русскому словарю [12] переводит его (со ссылкой на Einzugsbereich) как 'радиус обслуживания, зона обслуживания', что явно не подходит для данного контекста, поскольку в нем речь может идти только о местах жительства занятых на предприятии рабочих, о расстоянии между домом и работой.

Словарь Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (ГДР) приводит под Einzugsgebiet толкование einzubeziehendes, dazugehöriges Gebiet и пример Arbeitskräfte im Einzugsgebiet des Hüttenwerkes, а словарь Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (ФРГ) ограничивается объяснением Bereich, weiterer Umkreis, aus dem der Zustrom zu einem wirtschaftlichen o. ä. Zentrum erfolgt, не приводя примера, аналогичного нашему. Мы видим, таким образом, что опора на одну лишь словарную информацию и в этом случае не является достаточной для полного понимания и правильного перевода рассматриваемого словосочетания, не говоря уже

[9] *Degen B., Siebert G., Stöhr W.* Handbuch für den Arbeitskampf. Frankfurt a.M.; Nachrichten-Verlags-Gesellschaft, 1979. S. 185.

[10] Большой немецко-русский словарь/Под рук. О. И. Москальской. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1980, т. 1—2.

[11] Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, Bd. 1—6. Berlin, 1961 ff; Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Mannheim, Wien, Zürich, 1977 ff.

[12] Дополнение к Большому немецко-русскому словарю/Авторы словаря: *Цвилинг М. Я., Лепинг Е. И., Страхова Н. П.* и др. М.: Рус. яз., 1982, с. 76.

о том, что привлеченные нами для толкования словари практически недоступны для повседневного использования в учебном процессе. Исходя из лингвострановедческого восприятия мы, однако, можем предложить перевод: 'заводы, рабочие которых проживают на значительном удалении...'

И, наконец, третье сочетание, включающее слово Mitfahrgelegenheit, требует для своего понимания лингвострановедческого подхода в двояком смысле. Во-первых, мы здесь имеем дело со специфическим проявлением того, что было названо нами нормативно-поведенческим фактором в словообразовании. Во-вторых, -gelegenheit как элемент словосложения широко используется главным образом в письменной речи различных функциональных стилей для создания не только узуальных, но и окказиональных образований [13], придающих изложению более официальный, книжный [14], а тем самым и престижный характер. Осознав, таким образом, лингвострановедческую обусловленность выбора данной словообразовательной модели, мы как бы освободили себя от необходимости ее воссоздания средствами родного языка, поскольку убедились в нерелевантности ее дифференциальных признаков для иной социокультурной среды.

Что же касается смыслового содержания данного слова, отраженного главным образом в его инициальной части, то его понимание на фоне вышерассмотренной ситуации (широкое распространение индивидуального автотранспорта в ФРГ) дальнейших трудностей не вызывает, и для его передачи может быть использовано русское слово *подвоз*.

Перевод предложения в целом в этом случае принимает примерно следующий вид: 'Если рабочие проживают на значительном удалении от завода, то в зависимости от условий работы городского транспорта необходимо позаботиться о доставке участников забастовочных пикетов к месту дежурства и обратно, в частности, организовав их подвоз на индивидуальном транспорте'.

Во второй части анализируемого текста с лингвострановедческой точки зрения привлекают к себе внимание в первую очередь слова Wohnwagen и Skatkarten, которые также нуждаются для правильного понимания в детальном комментарии: Wohnwagen 'жилой прицеп', "дача на колесах" ', получивший в ФРГ широкое распространение и как объект частного владения, и как предмет проката; Skatkarten — карты для игры в "скат" (карточная игра, широко распространенная в ФРГ и ГДР, по популярности сопоставимая с нашим домино или "козлом", официально признанная как вполне респектабельный способ времяпрепровождения, вплоть до организации турниров, публикации задач в газетах и журналах и т. д.).

Таким образом, мы убедились на примере небольшого отрывка из текста общественно-политического содержания в том, настолько значительным может оказаться удельный вес лингвострановедческих моментов, без учета которых существенно затруднено прочтение данного текста.

В текстах естественнонаучного, математического, научно-технического содержания удельный вес лингвострановедческих моментов, конечно,

[13] Обратный словарь немецкого языка приводит следующие сложные слова Bade-, Wahl-, Fahr-, Sitzgelegenheit (*Mater E.* Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1967).— В словаре Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, кроме того, даются: Brause-, Dusch-, Koch-, Nist-, Schlaf-, Waschgelegenheit.

[14] Ср.: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982, с. 87.

меньше, чем в общественно-политических и общественно-научных текстах, если только они не имеют дело, например, с природными реалиями определенного региона или страны (география, геология, метеорология, агрономия, экология, некоторые области медицины и т. п.). Однако и в этом общем случае нет оснований пренебрегать лингвострановедческими моментами.

Для полного понимания научных текстов (независимо от дисциплины) и полноценного общения в сфере научного сотрудничества необходимо прежде всего знание лингвострановедческих реалий, относящихся к организации научной деятельности в странах изучаемого языка.

Так, следует иметь четкое представление о том, какое конкретное значение присуще в странах немецкого языка таким псевдоинтернациональным терминам, как, например, Institut, Doktor, Monographie, Diskussion, Fakultät, Rektor, чем именно их значения (т. е. обозначаемые ими реалии) различаются в разных странах немецкого языка (и даже в разные периоды их истории) и каково их отличие от значений сходных с ними слов родного языка (институт, доктор, профессор, монография, дискуссия) [15]. Не вдаваясь в детальное толкование каждого из этих слов, ограничимся лишь указанием на то, что Institut в ФРГ обозначает, в частности, автономное научно-исследовательское подразделение университета, объединяющее преподавателей одного предмета и возглавляемое профессором, функционально эквивалентное кафедре в наших вузах. Doktor в ФРГ — ученая степень, близкая нашему кандидату наук, в Австрии — титул выпускника университета, в ГДР — либо кандидат, либо доктор наук, в зависимости от дополнительных уточнителей (Doktorat A — Doktorat B, Doktor eines Wissenschaftszweiges — Doktor der Wissenschaften, Dr. phil., Dr. med.— Dr. sc. phil., Dr. sc. med.). Monographie означает не только книгу, но и статью, детально разрабатывающую определенную тему. Под словом Diskussion зачастую понимаются вопросы, задаваемые докладчику после выступления, и его ответы на них, без собственно дискуссионных высказываний, обсуждения выступления по существу. Тем же словом, как известно, обозначаются и прения по докладу на собрании общественной организации. Словом Fakultät в системе высшего образования ГДР обозначается не факультет в нашем смысле, а специализированный научно-совещательный орган по соответствующей отрасли знаний, своеобразный Ученый Совет специальности. Даже такое, казалось бы, однозначное слово, как Rektor (руководитель высшего учебного заведения), при ближайшем рассмотрении оказывается также лингвострановедческой реалией, поскольку, например, в Австрии ректор университета — не административная должность, замещаемая по назначению, а выборный пост, занимаемый в порядке очереди сроком на два года всеми ординарными профессорами, причем прежний ректор для обеспечения преемственности руководства на следующий срок остается в должности проректора. Таким образом, перемещение с поста ректора на пост проректора — не снижение в должности, а нормальная академическая процедура, освобождение ученого от ответственных, но обременительных обязанностей, т. е. вполне положительный факт в его научной биографии.

---

[15] Ср. также: *Готлиб К. Г. М.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Рус. яз., 1972, с. 439; *Келтуяла В. В.* О смысловых несовпадениях в интернациональной лексике немецкого и русского языков.— В кн.: Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М.: Наука, 1979, с. 135—136.

Лингвострановедческие моменты в значительной степени проявляются в лексике, знание которой необходимо для правильной оценки значимости, достоверности, актуальности публикаций, характера участия в них отдельных ученых или целых научных коллективов: Herausgeber, Redaktion, Lektorat, Redaktionskollegium, Redaktionsbeirat, wissenschaftlicher Beirat, Federführung.

Словом Herausgeber обычно обозначается лицо, одновременно являющееся инициатором издания и его ответственным редактором либо руководителем авторского коллектива; однако при издании научного наследия или исторического памятника этим же словом может быть назван составитель сборника, ответственный редактор текста. Как Herausgeber могут быть названы и учреждение или организация, от имени которых издается журнал или бюллетень.

Слово Redaktion от сходного русского слова *редакция* отличается тем, что оно обычно называет только редакционный коллектив периодического издания, тогда как подразделение книжного издательства принято обозначать термином Lektorat.

Redaktionskollegium — руководящий коллегиальный орган научного журнала. Redaktionsbeirat — совещательный орган при редколлегии журнала, определяющий общее направление его научной деятельности, исполняющий оценочные и экспертные функции (приблизительно то же значение имеет словосочетание wissenschaftlicher Beirat).

Несколько необычно значение слова Federführung, употребляемого обычно в сочетании unter der Federführung von... Оно обозначает выполнение каким-либо лицом функций ответственного (научного) редактора, руководителя авторского коллектива, а иногда и председателя редакционной коллегии. Конкретное значение приходится устанавливать, исходя из типа издания и наличных указаний на участие различных лиц и коллективов в его подготовке (на титульном листе, в предисловии, примечаниях, выходных данных и т. д.).

Лингвострановедческие моменты могут проявиться самым неожиданным образом, в частности, в выходных данных научных публикаций. Так, например, периодичность выходящего в ГДР научно-популярного журнала "Wissenschaft und Fortschritt" обозначена такой необычной для нас формулировкой: die Zeitschrift erscheint in jedem ungeradzahligen Monat. Примерный перевод этой фразы: 'Журнал выходит раз в два месяца, начиная с января'.

Возвращаясь к более общим проблемам лингвострановедения, укажем на то, что и в научных текстах большое место занимают такие традиционно относимые сюда элементы языка, как имена собственные — топонимы, антропонимы, названия литературных и художественных произведений и т. д. В отношении английского языка США достаточно полная сводка подобных единиц дана Г. Д. Томахиным [16], значительная часть лингвострановедческих реалий Великобритании представлена в соответствующем лингвострановедческом словаре [17]. Для немецкого языка в настоящее время мы еще не располагаем подобным сводным пособием, хотя, безусловно, и в этой сфере имеется очень разнообразный материал. Так, для ученого,

[16] *Томахин Г. Д.* Америка через американизмы. М.: Высш. шк. 1982.
[17] Великобритания. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1978.

например, в целом важно знать, что тот или иной город является ведущим научным центром в определенной области знания (напр., Berlin-Buch центр медико-биологических исследований ГДР, Marburg — очаг философской мысли ФРГ, Linz, Donawitz — города в Австрии, в которых была разработана новая металлургическая технология и т. д.). Число подобных примеров легко умножить, в том числе за счет материала из других разрядов ономастической лексики, но это едва ли целесообразно в рамках данной статьи, задача которой заключалась в том, чтобы обратить внимание преподавателя иностранного языка на необходимость более целенаправленной и сознательной работы над лингвострановедческими моментами в процессе обучения научных работников иностранным языкам.

В заключение хотелось бы сформулировать некоторые методические рекомендации по рассматриваемому вопросу.

Прежде всего необходимо целенаправленно работать над повышением лингвострановедческой культуры преподавательского состава. Это может быть достигнуто с помощью специальных семинаров, на которых должно быть организовано систематическое изучение лингвострановедческого материала на основе самых различных источников — страноведческих справочников, учебников для иностранцев, созданных в странах изучаемого языка, газетно-журнальных материалов, текстов художественной литературы. Значительную роль при этом могут сыграть различные средства наглядности: от книжных и журнальных иллюстраций и туристских проспектов до серий диапозитивов и кинофильмов.

Внедрение лингвострановедческих элементов в учебный процесс должно осуществляться дифференцированно. В группах совершенствования навыков устной речи, особенно в группах целевой подготовки для участия в международных научных мероприятиях, лингвострановедческим моментам должно отводиться большое место, что может быть достигнуто за счет проведения циклов специализированных занятий с широким использованием наглядного и справочного материала, постановки докладов и дискуссий, организации разнообразных внеаудиторных мероприятий (посещение выставок, просмотры кинофильмов и пьес, обсуждение книг и т. п.).

В нормативных группах кандидатского семестра специальные лингвострановедческие моменты могут и должны найти отражение в изучении страноведческой тематики (сведения о странах изучаемого языка должны преподноситься в тесной связи с усвоением специфических средств их выражения на изучаемом языке), а также при прохождении таких тем, как "Биография ученого", "Научный конгресс", при работе над материалом прессы и т. п. Часть внеаудиторных мероприятий, упомянутых выше, может проводиться и для слушателей, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена.

Е. С. ТРОЯНСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОТБОР ТЕКСТОВ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Проблемам отбора учебных текстов, в частности и отбору текстов для обучения чтению в неязыковом вузе, в последнее время уделяется большое внимание. Обсуждается тематика текстов, их объем, организация учебного материала, распределение по этапам обучения и пригодность для различных видов чтения [1]. Однако, как справедливо указывает А. Я. Багрова, эту проблему ни в коей мере нельзя считать окончательно решенной, и «задача методистов заключается в дальнейшей разработке требований и критериев отбора текстов, в отборе наиболее типичных образцов реально существующих текстов» [2]. Эта проблема достаточно актуальна и для обучения чтению и переводу научного текста аспирантов и научных работников, когда перед преподавателем стоит задача успешного обучения в сжатые сроки взрослых учащихся, иногда (нередко) имеющих уже отрицательный опыт изучения иностранных языков в школе и вузе. Для того чтобы кратчайшим путем подойти к цели, преподаватель должен хорошо ориентироваться во всем многообразии научной литературы и в ее особенностях («типичных образцах реально существующих текстов»), выбрать оптимальный для каждого этапа учебный текст [3] или дать методические рекомендации учащимся по отбору текстов для чтения. Причем, естественно, и здесь особо важную роль играет дидактический принцип "от легкого к трудному".

Задача данной статьи — обзор и краткая лингвистическая характеристика жанров научной литературы с целью найти объективные критерии "трудности" и "легкости" для учащегося того или иного научного текста на иностранном языке и дать некоторые методические рекомендации по использованию текстов разных жанров научной литературы на различных этапах обучения с учетом этих критериев, ибо, как представляется, "трудность" или "легкость" текста в значительной степени связаны именно с жанровыми разновидностями (и с наличием подстилей, в частности, научно-популярного и научно-публицистического).

Дело в том, что, с одной стороны, мы можем говорить о научном стиле как

---

[1] См., например, ряд статей в тематических сборниках последних лет: Методика преподавания иностранных языков в вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 85, М., 1974; Методика преподавания иностранных языков в вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 90, ч. 2, М., 1975; Вопросы преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 136, М., 1978; Вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 183, М., 1981.

[2] Особенно близка к нашему ракурсу рассмотрения точка зрения Т. Н. Мальчевской: *Мальчевская Т. Н.* Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов).— В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976.

Багрова А. Я. Проблемы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе.— В кн.: Вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1981, вып. 183, с. 10.

[3] О нашем понимании «учебного текста» см.: *Троянская Е. С.* Лингвостилистические основы отбора учебных текстов для обучения чтению научной литературы.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982.

о стиле достаточно м о н о л и т н о м, выделившемся из числа других функциональных стилей и отличающемся от них по способам построения коммуниката (организации языкового материала), т. е. по стилистическим приемам [4], но, с другой стороны, нельзя все же не заметить, что в конкретных произведениях даже одной и той же дисциплины обнаруживаются определенные (иногда значительные) р а з л и ч и я в частотных характеристиках тех или иных лингвистических средств (вызванные в некоторых случаях также и большей или меньшей последовательностью в применении того или иного стилистического приема). Этот «разброс» л и н г в и с т и ч е с к и х характеристик (а именно лингвистические особенности в итоге и создают те или иные трудности для учащихся) в значительной степени обусловлен наличием жанрового расслоения научного стиля [5].

Вопрос о жанрах научной литературы можно считать в настоящее время еще мало разработанным. Поэтому многие соображения и характеристики, приведенные в статье, носят лишь предварительный характер и нуждаются в углублении и уточнении (это касается как количества выделяемых жанров, соответственно подстилей и их классификации, так и особенно лингвостилистических характеристик этих жанров и подстилей). Однако и эти предварительные соображения могут представить, на наш взгляд, определенный интерес, хотя бы с чисто методической точки зрения.

В лингвистической литературе встречается в настоящее время упоминание следующих жанров научной литературы: статья, научно-технический отчет, монография, диссертация, рецензия, тезисы, реферат, аннотация, патент, учебная и справочная литература разного типа, разнообразная научная документация, научная биография, доклад, сообщение, лекция, выступление в дискуссии. В качестве подстилей научной литературы упоминаются научно-популярный и научно-публицистический [6]. Следует иметь также в виду, что внутри жанров (и подстилей) научной литературы имеет место значительное расслоение, т. е. наличие большого количества разновидностей, о чем мы

---

[4] О нашем понимании стилистических приемов и об основных приемах построения коммуниката в научной литературе см.: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982.

[5] Правомерность применения термина «жанр» к произведениям научной литературы признается в настоящее время еще далеко не всеми исследователями. Нам представляется, однако, что определение жанра, относящееся к произведениям художественной литературы («под жанром понимается повторяющееся во многих произведениях на протяжении истории развития литературы единство композиционной структуры, обусловленной своеобразием отражаемых явлений действительности и характером отношения к ним художника»), данное в «Словаре литературоведческих терминов» (М.: Просвещение, 1974, с. 82), может быть в основном перенесено и на произведения научной литературы (вместо «художник» следует однако сказать более широко: «автор»), поскольку речь и в научном жанре идет «о единстве содержания и формы при ведущей роли содержания» (Там же, с. 83).

[6] Более подробно о различных классификациях функциональных стилей и выделении подстилей см.: *Троянская Е. С.* К общей концепции понимания функциональных стилей.— В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976, с. 64—82. См. также: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование...

[7] Как справедливо указывает Л. В. Славгородская, «жанровая специфика научной прозы отражает, конечно лишь в общих чертах, динамику восприятия и освоения научного знания, процесс перемещения информации от сферы активного творческого обмена, сферы научных коммуникаций до вхождения в ту устоявшуюся систему, которая на данном этапе является для данной отрасли системой дисциплинарного знания» (*Славгородская Л. В.* К вопросу о коммуникативной направленности научного текста.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982, с. 6).

[8] Ср. приведенное выше утверждение в «Словаре литературоведческих терминов»

более подробно будем говорить ниже. Это расслоение на жанры и подстили (соответственно их разновидности) связано в первую очередь с тем, что научные произведения выполняют различные коммуникативные задания, различные социально-культурные функции [7] как в плане содержания, так и в плане выражения (формы)[8].

В плане содержания различаются научные тексты: 1) фиксирующие дисциплинарное знание; 2) расширяющие дисциплинарное знание; 3) изменяющие дисциплинарное знание [9]. Естественно, что каждое конкретное научное произведение фактически выполняет не одну функцию, а чаще две или даже все три основные функции. Речь идет, таким образом, лишь об удельном весе отрезков текстов с разными коммуникативными заданиями в рамках одного произведения или (шире) одного жанра, соответственно его разновидности. Очевидно также, что "удельный вес той или иной функции в жанрах научной прозы может со временем измениться не только для всего жанра в целом, но и для конкретного уже созданного текста [10].

Выполнение этих коммуникативных функций научного произведения связано с отбором лингвистических средств (форма!), прежде всего с выбором оптимального функционально-смыслового типа речи[11] и использованием оптимальных стилистических приемов. Ф и к с а ц и я дисциплинарного знания обычно осуществляется в форме повествования или описания с применением стандартных для научного стиля стилистических приемов и лингвистических средств. Р а с ш и р е н и е дисциплинарного знания[12] также больше тяготеет к использованию функционально-смысловых типов «описание» и «повествование» или их гибридных форм (в меньшей мере к рассуждению) и к стандартным приемам и лингвистическим средствам. И з м е н е н и е дисциплинарного знания обычно вызывает к жизни употребление различных типов речевой формы «рассуждения» и менее стандартных (иногда нестандартных, в том числе эмоционально-образных и субъективно-оценочных) средств. Дело в том, что «в тексте "традиционном" языковой стандарт в известной мере гарантирует автору контакт с читателем; в тексте "новаторском" возникает необходимость в дополнительных средствах для установления этого контакта, для преодоления барьера, возникающего между отправителем и получателем речи в результате введения новых понятий»[13]. В этой связи Л. В. Славгородская приводит также чрезвычайно интересное высказывание Х. Крамерса, которое также свидетельствует о том, что в период становления новой

о воплощении в жанровой разновидности единства содержания и формы при ведущей роли содержания (с. 83).

[9] *Огурцов А. П.* Дисциплинарное знание и научные коммуникации.— В кн.: Системные исследования. 1979. М., 1980; *Славгородская Л. В.* К вопросу...

[10] Ср. *Славгородская Л. В.* К вопросу о коммуникативной направленности..., с. 6—7.

[11] Обращение к изучению «структурно-логических типов текстов» с целью оптимального их отбора для обучения чтению научных текстов мы находим у Л. М. Ермолаевой (*Ермолаева Л. М.* Методика обучения чтению текстов по специальности на продвинутом (факультативном) этапе неязыкового вуза. Канд. дис. М., 1975). Перспективность такого подхода к отбору текстов подчеркивалась и в более поздней работе А. Я. Багровой (*Багрова А. Я.* Указ. соч., с. 9—10).

[12] Если автор текста стремится «встроить» новую информацию в уже имеющуюся систему, то мы, вслед за Л. В. Славгородской, считаем возможным говорить о расширении дисциплинарного знания. Если же «предметом сообщения является материал, принципиально несовместимый со сложившейся системой, требующий ее значительной перестройки, ломки привычных схем мышления, то можно говорить об изменении дисциплинарного знания, хотя, естественно, провести четкую границу между расширением и изменением дисциплинарного знания вряд ли всегда возможно (см. по этому вопросу: *Славгородская Л. В.* К вопросу..., с. 4, 9).

[13] Там же, с. 10.

теории, "нового знания", индивидуальность характера исследователя (выражающаяся, естественно, также и в отборе языковых средств) проявляется в литературе сильнее, чем это можно было бы ожидать при других условиях[14].

Кроме того, в отдельных жанрах и подстилях научной литературы могут возникнуть и дополнительные коммуникативные установки, связанные уже непосредственно с формой изложения: 1) устное изложение (представление) научного знания, при котором возникают особые задачи, связанные с элементом спонтанности, со стремлением установить непосредственный контакт с аудиторией, с ограниченными возможностями восприятия на слух и т. д.; 2) сжатое и обобщенное изложение (представление) нового научного знания; 3) оценка научного знания, включая рекламирование научных достижений разного рода; 4) популяризация научного знания.

Жанры научной литературы, возникшие под влиянием различных коммуникативных задач, можно было бы подразделить следующим образом: 1) ядерные жанры, т. е. основные жанры, определяющие специфику стиля, его "лицо", являющиеся как бы своеобразными "законодателями" стиля (статья, научно-технический отчет, монография, диссертация); 2) периферийные жанры, не составляющие основу стиля (учебники, справочники, научная биография, рецензия, аннотация, реферат, тезисы); 3) пограничные жанры (т. е. жанры, находящиеся на границе между научным стилем и другими стилями — официально-деловым, публицистическим, отчасти даже содержащие элементы разговорного и художественного стилей), которые можно подразделить на ядерно-пограничные и периферийно-пограничные. Ядерно-пограничные жанры, куда относятся доклад, сообщение, научный диалог (познавательный диалог и научный спор-полемика), не репрезентируя стилистические особенности научного языка в чистом виде, все же тяготеют по своей коммуникативной значимости к ядру стиля. Периферийно-пограничные жанры (патент; конструкторская документация — техническое предложение; производственная документация — инструкция; государственные стандарты, а также лекция) ни в коммуникативном, ни в языковом отношении не принадлежат к ядру стиля.

Поскольку каждый жанр имеет в свою очередь много разновидностей, часто представляя собой, так же как и сам функциональный стиль, как бы круг с ядром и периферией или круг с сегментами, то очевидно, что подобная классификация условна: границы зыбки, текучи; вероятны взаимопереходы.

Кроме того, возможны также (в зависимости от ракурса рассмотрения) и другие классификации, например, подразделение на устные/письменные жанры или первичные/вторичные жанры. К устным жанрам следовало бы в этом случае отнести доклад, сообщение, лекцию и научный диалог в широком смысле этого слова, т. е. познавательный диалог и научный спор-полемика. Все остальные приведенные нами ниже жанры относятся к письменным. Вторичными жанрами, т. е. жанрами, возникшими под влиянием первичного документа, подвергшегося обработке с разными коммуникативными целями, можно было бы считать аннотацию, реферат, рецензию, тезисы (которые в идеале должны быть отражением подготовленного доклада, а не доклад, как это имеет иногда место, представлять собой развернутые тезисы). В широком понимании вторичными документами следовало бы считать также справоч-

[14] *Крамерс Х. А.* Физики как стилисты.— В кн.: Эренфест П. Относительность. Кванты. Статистика. М., 1972.

ную и учебную литературу разного рода, в том числе в устном жанре — лекцию. Остальные жанры можно отнести к первичным.

Возьмем за основу первую классификацию (учитывая попутно в практических целях в случае необходимости и две другие) и рассмотрим особенности каждой из групп более подробно, концентрируясь на лингвостилистических особенностях, поскольку целью статьи является выяснение вопроса о "трудности" или "легкости" того или иного жанра для учащихся и о перспективах использования произведений различных жанров в учебном процессе.

1. Ядерные жанры (статья, научно-технический отчет, монография, диссертация). В зависимости от содержания, которое, естественно, модифицирует и форму, принято различать (и эта классификация нашла несмотря на свою уязвимость достаточно широкое распространение в лингвистической литературе) семь видов статей [15]: 1) краткое сообщение, в котором содержится сжатое изложение результатов научно-исследовательских работ (НИР) и опытно-конструкторских работ (ОКР); 2) научно-техническая статья, в которой излагаются основные результаты НИР и ОКР и содержатся сообщения по проведенному исследованию; 3) научно-методическая статья, излагающая методику научных исследований, испытаний, измерений; 4) историко-научная статья, отражающая историю развития отдельных видов науки и т. п.; 5) теоретическая статья, имеющая целью показать результаты теоретических исследований, проведенных для выявления закономерностей, разработки научных гипотез и т. д.; 6) дискуссионная статья, имеющая своей целью обсуждение актуальных вопросов, пока не нашедших определенного решения (иногда носящая полемический характер.— *Е. Т.*)[16]; 7) рекламная статья (в классификации Г. В. Корсунской эта разновидность отсутствует).

В статьях первых трех разновидностей обычно преобладает функционально-смысловой тип "описание", а в 4-й разновидности —"повествование". Вкрапления "рассуждения" незначительны. Эти статьи пишутся обычно стандартным языком (причем функцию стандартизации несет уже само появление статьи в том или ином типе издания). Они представляют собой лишь расширение дисциплинарного знания (или даже его фиксацию — тип 4), ибо автор текста обычно стремится "встроить" новую информацию в уже имеющуюся систему, так как системность дисциплинарного знания подразумевает существование некого критерия истинности, признаваемого в данный момент данным научным сообществом, существование ... нéкоторых норм, регуляторов и стандартов решения, стереотипных устойчивых когнитивных структур [17].

---

[15] Иную классификацию мы находим у Ж. В. Витковской: 1) собственно научная и техническая статья, 2) статья-сообщение, 3) статья передовая, 4) статья-обзор, 5) статья — подборка кратких сообщений, 6) статья-реклама (*Витковская Ж. В.* Источники информации и отбор текстов по специальности для обучения чтению на иностранном языке.— В кн.: Вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 183, М., 1981, с. 40). Обе классификации основываются, по-видимому, на изучении разновидностей статей в естественнонаучной и научно-технической литературе. Привлечение для анализа научных дисциплин гуманитарного профиля может внести в эти классификации определенные коррективы.

[16] *Корсунская Г. В.* Типология первичных публикаций, освещаемых в реферативном журнале ВИНИТИ.— НТИ, сер. 1, 1969, № 7, с. 11—14 (последовательность пунктов классификации Г. В. Корсунской в нашей статье изменена в соответствии с ее задачами). См. также: *Васильев Ю. А.* Семантико-синтаксическая характеристика речевого жанра научной статьи. Автореф. канд. дис. М., 1979.

[17] *Огурцов А. П.* Указ. соч., с. 316. Ср. также: *Славгородская Л. В.* Указ. соч., с. 4.

Статьи 5 и 6-й разновидностей представляют собой в лингвистическом отношении переплетение различных подтипов "рассуждения" с незначительными вкраплениями других функционально смысловых типов, поскольку достаточно часто имеет место в определенной степени уже изменение дисциплинарного знания. Эти статьи менее стандартны по форме, так как в такого рода статьях, как отмечают многие исследователи, возникает необходимость в дополнительных средствах "для преодоления барьера, возникающего между отправителем и получателем речи в результате введения новых понятий" [18]. Нестандартность этих статей может проявляться также и в повышенном употреблении эмоционально-образных и субъективно-оценочных средств, что особенно характерно для полемической статьи, которая (по нашей классификации) явно тяготеет уже к пограничным жанрам (правда, в процентном отношении ко всем остальным типам доля этого вида статей незначительна).

Рекламная статья написана обычно в форме описания или повествования, но содержит много оценочных элементов, эмоционально-образных нестандартных средств.

Научно-технический отчет с лингвистической точки зрения, по-видимому, обладает теми же характеристиками, что и научно-техническая статья (по принятой нами классификации близок к разновидности, описанной в п. 2)[19].

Монографии также подразделяются на несколько видов, которые соотносимы с некоторыми разновидностями статей, в частности, критический научно-исторический обзор (4) и описание результатов теоретических исследований (5). (Обычно обе эти разновидности встречаются не в отдельности, а вместе, в одной монографии, как правило, в разных разделах. Однако достаточно часто монография представляет собой фундаментальное теоретическое исследование, которое не только фиксирует и расширяет систему дисциплинарного знания, но и в той или иной мере изменяет его, соотносясь в этом случае с дискуссионной статьей (6). Критический научно-исторический обзор и описание результатов научно-исследовательских работ составляет лишь часть, иногда значительную, монографии подобного вида. Такая монография может иметь довольно большие отрезки текста, представляющие собой рассуждение (естественно, при значительной доле описания и повествования). Ее язык может быть менее стандартным, возможно и оживление в употреблении эмоционально-образных и субъективно-оценочных средств. Монографии же первых двух разновидностей, о которых мы говорили выше, соотносимые соответственно с разновидностями статей, представлены преимущественно повествованием и описанием, и стандартными лингвистическими средствами.

В любом из видов монографий возможно большее проявление индивидуального стиля, чем в статьях, в том плане, о котором мы говорили в одной из наших работ: более тяжелый или легкий слог; преимущественное употребление тех или иных грамматических форм и лексических единиц (в частности и допустимых нормами научного стиля, но встречающихся в "массовой" литературе не очень часто)[20].

Диссертации, на наш взгляд, в большинстве случаев, по-видимому, мало отличаются от монографий, распределяясь, в основном, по тем же

[18] Там же, с. 10.

[19] Подробно см. об этом: *Егоров В. Л.* Анализ взаимосвязей текстов современной немецкой научно-технической литературы. Канд. дис. М., 1983.

[20] *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. с. 261—271.

видам, хотя данный вопрос еще нуждается в дополнительном исследовании, как, впрочем, и вопрос о разновидностях монографий и их лингвистических особенностях.

2. Периферийные жанры (учебники, справочники, научная биография, рецензия, аннотация, реферат, тезисы). Учебники фиксируют систему дисциплинарного знания. "Исследование непременно предполагает вечное беспокойство, преподавание (разрядка моя.— *Е. Т.*) как таковое стремится к установлению невозмутимой уверенности, которая противопоставляется беспокойству"[21]. Формами выражения этой "невозмутимой уверенности" являются повествование и описание.

Учебник представляет собой весьма своеобразный тип научного текста, так как он особенно вариабелен в отношении объема, содержательной сложности информации и усложнения или упрощения структуры текста, поскольку ориентируется на "апперципирующую массу" получателя информации[22]. Лингвистические средства, употребляемые в учебниках для старших классов школы и особенно для высших учебных заведений (т. е. тех учебников, которые представляют для нас интерес с методической точки зрения), стандартны, безóбразны, неэмоциональны. Учебники для младших и средних классов могут содержать эмоциональные, образные и разговорные элементы.

Справочники (справочная литература) близки по своим коммуникативным и лингвистическим характеристикам к учебной литературе, однако имеют и дополнительное задание: представить информацию в сжатой форме (отсюда короткие, малораспространенные предложения с преобладанием простых и вообще более «простой» синтаксис; возможно в некоторых случаях употребление разного рода средств слитности)[23].

Научная биография. Жанр биографии, как и все другие жанры, не однороден. Как указывает И. Ю. Тарасова, научные биографии подразделяются по коммуникативной направленности на две большие группы[24]. К первой группе относятся биографии-исследования, анализирующие жизнь и творчество того или иного деятеля науки или культуры с чисто научной целью и адресованные в первую очередь ученым, историкам и биографам. Биографии этого типа более тяготеют к ядерным жанрам (в зависимости от объема — к статьям, монографиям или диссертациям) и имеют схожие лингвостилистические характеристики. Ко второй группе относятся биографии, в которых фактически отсутствует элемент исследования, и лишь излагаются определенные стороны жизни и творчества какого-либо ученого. Этот тип биографий только фиксирует научное знание. Основной функционально-смысловой тип — повествование, в которое вкраплены описание и рассуждение. Лингвистические характеристики хотя и менее

---

[21] *Бройль Л. де.* По тропам науки. М., 1962, с. 345.

[22] *Рогава М. Д.* Некоторые языковые особенности английского учебника как разновидности научной литературы.— В кн.: Повышение эффективности учебного процесса в обучении научных сотрудников иностранным языкам. Тез. докл. Москва — Ташкент, 1982. Кафедра иностранных языков АН СССР, с. 101.

[23] Подробнее о средствах слитности см.: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы, с. 218—235.

[24] *Тарасова И. Ю.* Научная биография — важный материал для интенсификации учебного процесса.—В кн.: Обучение научных работников иностранным языкам. М.: Наука, 1984.

стандартны, однако тесно связаны с традицией научного изложения[25]. Этот тип представлен краткими биографическими справками об ученых в научных журналах, краткими биографическими справками об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала, статьями в энциклопедиях, биографическими очерками, научными автобиографиями, выступлениями, посвященными юбилейным датам и опубликованными в научных изданиях и т. д.[26] Следует иметь в виду (и это важно для методических целей), что в биографии затрагиваются многие проблемы, она обычно многопланова с точки зрения содержания[27].

Рецензия, реферат, аннотации и тезисы, относясь к периферийным жанрам, представляют собой вторичные документы, что и объединяет их в одну группу и отличает от других научных произведений. Они существуют только как отражение первичного документа (статьи, монографии, диссертации, учебника, доклада, сообщения и т. д.). В этих жанрах наряду с передачей определенного знания весьма существенное значение приобретают и другие коммуникативные задачи: в рецензии о ц е н к а того или иного научного произведения, в реферате, аннотации и тезисах — к р а т к о е (сжатое) изложение основной информации, причем в тезисах часто в форме выводов. Поскольку целью р е ц е н з и и[28] является оценка научной работы, то, естественно, в этом жанре гораздо больше чем в других (концентрированно) представлены субъективно-оценочные средства (гипербола — для положительной оценки, литота — для отрицательной оценки). Значительная часть рецензии представляет собой описание с элементами рассуждения и повествования. На фоне стандартных средств возможно вкрапление нестандартных (или стандартных только в пределах данного жанра) эмоционально-образных средств.

Реферат, являясь вторичным документом, имеет различные модификации: он может быть общим, передающим содержание документа в целом, с п е ц и а л и з и р о в а н н ы м (аспектным), передающим содержание документа в специфическом аспекте, и с в о д н ы м (или обзорным), передающим содержание нескольких документов на одну тему[29]. Назначение реферата (сообщить только н о в у ю информацию в очень с ж а т о й и обобщенной, концентрированной форме) определяет употребление

---

[25] *Тарасова И. Ю.* Указ. соч.

[26] Жанр биографии особенно хорошо показывает взаимопроникновение и взаимопересечение жанров и отсутствие четких границ между ними: биография—статья, биография—монография, биография—библиографическая справка, биография—устное выступление и т. д.

[27] Ср.: *Тарасова И. Ю.* Указ. соч.; *Родный Н. И.* Ученый и наука.— В кн.: Ученые о науке и ее развитии. М., 1971, с. 13.

[28] Подробнее о лингвостилистических особенностях научной рецензии см.: *Троянская Е. С.* Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии: (К вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле).— В кн.: Язык и стиль научного изложения: Лингвометодические исследования. М.: Наука, 1983; *Она же.* Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы).— В кн.: Научная литература. Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985.

[29] *Синев Р. Г.* Аннотирование и реферирование в языковой подготовке научных кадров.— В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982. См. также: Инструкция для референтов реферативного журнала ВИНИТИ. М., 1975. Существуют и другие классификации рефератов, например, у Ж. В. Витковской находим подразделение на и н ф о р м а т и в н ы е и и н д и к а т и в н ы е рефераты (*Витковская Ж. В.* Указ. соч., с. 38).

в нем функционально-смысловых типов речи — описания и повествования. Язык ясный, конкретный, синтаксис простой [30]. Лингвостилистические средства, композиция — стандартны [31].

Аннотации также имеют множество разновидностей, основными из которых следует считать описательные, реферативные (обе разновидности близки по лингвостилистическим особенностям к реферату) и рекомендательные (которые сближаются с рецензиями).

Тезисы по своей форме весьма разнообразны (пожалуй, это один из тех жанров, где стандартизация и по форме, в частности композиция, и по объему прошла наименее последовательно): от плана и аннотации до микропроизведения-сообщения. Поскольку этот жанр наименее изучен, мы не считаем возможным дать даже его предварительную характеристику.

3. Пограничные жанры. Как уже указывалось выше, эти жанры в свою очередь подразделяются на ядерно-пограничные и периферийно-пограничные. К ядерно-пограничным жанрам относятся доклад, сообщение, научный диалог (познавательный диалог и научный спор-полемика), т. е. лишь (согласно другой классификации) устные жанры (устное представление материала). Эти устные жанры также весьма неоднородны. Если они ориентированы на письменную речь, то приближаются по своим лингвостилистическим особенностям к ядерным жанрам. В случае же ориентации на спонтанную устную речь обычно имеют место особенности, характерные для устной речи вообще и, кроме того, достаточно часто появляются иностилевые включения — элементы других стилей, особенно публицистического, а в некоторых случаях (в частности в полемике) разговорного и художественного.

К периферийно-пограничным жанрам относятся патент, государственный стандарт, конструкторская документация — техническое предложение, производственная документация — инструкция, а также лекция. Патент передает в весьма концентрированном виде новое знание. Эти тексты представляют собой своеобразный тип описания, где, с одной стороны, в сжатой, а с другой стороны, в подробной форме в полном соответствии с жестко регламентированной патентной формулой фиксируется это новое знание. Синтаксис сложный, громоздкий. В лексическом плане наличие жестких штампов, характерных для официально-деловой речи. Индивидуальность сведена в изложении до минимума, что также сближает патент с официально-деловым стилем.

Конструкторская документация (техническое предложение) имеет целью расширение дисциплинарного знания и характеризуется преобладанием функционально-смыслового типа речи — описания. Для этой формы описания характерна краткость (абзацы состоят из одного — двух предложений; большое количество эллиптических предложений разного типа), отсутствие субъективных оценок и коннотаций, стандартизованность, близкая уже к официально-деловой речи (техническое предложение состоит из двух частей: технической (конструкторской) и коммерческой (договорно-правовой).

---

[30] *Синев Р. Г.* Указ. соч., с. 354.

[31] Подробнее о лингвостилистических характеристиках реферата см.: *Миронова В. Ю.* Лингвистическая характеристика речевого жанра научно-технического реферата (на материале немецких научно-технических реферативных журналов). Автореф. канд. дис. М., 1975.

Производственная документация, т. е. производственные инструкции, использует речевую форму «предписание» (преимущественное употребление глаголов в неопределенной форме, абзацы пронумерованы или обозначены буквами). Тексты стандартизованы, по отсутствию проявления индивидуального приближаются к официально-деловому стилю [32]. В этом жанре также есть подтипы (импликативные инструкции, экспликативные инструкции), несколько отличающиеся по своим лингвистическим характеристикам (более сжатой формой обладает импликативная инструкция)[33].

Лекция (устный вторичный жанр) может иметь самые различные лингвостилистические характеристики в зависимости от индивидуальности лектора (см. наши соображения выше по поводу ядерно-пограничных жанров).

Что касается п о д с т и л е й научной литературы, например, научно-популярного и научно-публицистического, то они, как правило, в лингвостилистическом отношении еще дальше, чем пограничные жанры отстоят от ядра научного стиля. Они выполняют два коммуникативных задания: фиксацию научного знания и его популяризацию (т. е. доведение этого знания в упрощенной форме до неспециалиста (в научно-публицистическом — с целью вызвать определенные социальные последствия). Преимущественные функционально-смысловые типы речи — описание и повествование. Язык всегда (в большей или меньшей степени) с вкраплением иностилевых элементов, эмоционально-образных и субъективно-оценочных средств, употребление которых иногда далеко выходит за рамки, допустимые нормами стиля (даже учитывая и жанровый «разброс») и «размывает» полностью основу научного стиля. Следует, однако, подчеркнуть, что в рамках научно-популярного стиля встречаются также и произведения, довольно близкие по своим лингвостилистическим характеристикам к научному стилю (но никогда не совпадающие с ним полностью).

Рассмотрим теперь, какие экстралингвистические и лингвистические особенности делают текст на иностранном языке «трудным» для восприятия.

Трудным текст делает для читателя прежде всего и з м е н е н и е дисциплинарного знания, когда «традиционные идеи и представления, составляющие общую память автора и читателя, не только перестают способствовать связи между ними, но и превращаются в "барьер, их разделяющий"[34]. (Естественно, эта "трудность" остается и при чтении текста на родном языке, лишь усугубляясь в отношении иностранного).

Наиболее трудным для восприятия функционально-смысловым типом речи является р а с с у ж д е н и е (представленное 6 подтипами)[35], а также его гибридные формы — рассуждение-описание, рассуждение-повествование. Большинство из этих подтипов характеризуется более с л о ж-

---

[32] Подробно о лингвостилистической специфике конструкторской и производственной документации см.: *Егоров В. Л.* Анализ взаимосвязей текстов современной немецкой научно-технической литературы. Канд. дис. М., 1983.

[33] *Егоров В. Л.* Производственная инструкция как вид учебного текста (на материале немецкого и английского языков).— В кн.: Вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1981, вып. 183.

[34] *Славгородская Л. В.* Указ. соч., с. 9.

[35] Подробнее см.: *Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.

н ы м синтаксисом (особенно трудным для читателя, если это касается восприятия иноязычного текста): часто имеет место разветвленная сеть сложноподчиненных предложений (условные, причинные, уступительные), наличие разного рода выводных суждений, употребление сослагательного наклонения (например, в немецком языке конъюнктива), модальных глаголов в несобственной функции (гипотетическое рассуждение) и т. д.

Для читающих на иностранном языке чрезвычайно трудны тексты с использованием н е с т а н д а р т н ы х, в том числе субъективно-оценочных и эмоционально-образных средств, а также тексты с иностилевыми включениями (т. е. с теми средствами, которые, если речь идет о родном языке, призваны облегчить понимание текста читателем).

С ж а т а я форма изложения также в некоторых случаях связана с трудностями восприятия (сокращения, средства слитности и т. д.). Эта форма изложения может представлять трудность и при чтении на родном языке.

Оценивая тексты с точки зрения этих критериев, можно подразделить их условно по степени трудности для восприятия учащимися на следующие группы:

Легкий текст — это письменный текст, фиксирующий дисциплинарное знание, в котором преобладают функционально-смысловые типы речи описание или повествование, реализуемые стандартными средствами.

Средний текст — это письменный текст, расширяющий дисциплинарное знание, в котором преобладают, как правило, функционально-смысловые типы речи описание или повествование (возможны и значительные вкрапления рассуждения), реализуемые стандартными средствами.

Трудный текст — это письменный текст, изменяющий дисциплинарное знание, в котором преобладают различные подтипы функционально-смыслового типа рассуждение, реализуемые в основном стандартными средствами или средствами, незначительно отклоняющимися от стандарта. К трудным текстам можно отнести, как правило, и устные варианты текстов (с письменной фиксацией), отнесенных нами к разряду легких и средних.

Сверхтрудный текст — это письменные (устные) тексты, изменяющие дисциплинарное знание, в которых преобладают различные подтипы рассуждения и имеются элементы полемики, реализуемые со значительным отклонением от стандарта, в том числе с использованием субъективно-оценочных и эмоционально-образных средств и громоздкого синтаксиса (тяжелый слог), а также иностилевые элементы [36].

Во всех случаях некоторые формы выражения «сжатости» могут сильно усложнять текст.

Вернемся теперь к жанрам и попытаемся оценить их с точки зрения трудности для иноязычного читателя и целесообразности использования их, исходя из этих критериев, на различных этапах обучения. Условно примем за основу к о м п л е к с н ы й курс (т. е. курс, предусматривающий не только обучение чтению научной литературы, но и обучение устной речи на научные и общественно-политические темы) в 420 учебных ча-

[36] Поскольку искусствоведческие (особенно, литературоведческие) тексты и некоторые другие тексты гуманитарного профиля (например, исторические) в силу своей тематики содержат в большинстве случаев иностилевые элементы, то они достаточно часто могут быть отнесены к сверхтрудным текстам.

сов — 3 семестра по 140 часов [37] (с "нуля" до сдачи кандидатского экзамена). Этот курс можно разделить на четыре этапа (соответствующих нашему подразделению текстов на легкие, средние, трудные и сверхтрудные). В качестве учебного материала для каждого из этапов (учитывая все сказанное выше) можно предложить оригинальные произведения следующих жанров [38]:

I семестр (140 часов) и начало II семестра (70 часов): 210 часов. Отбираются легкие тексты: научные биографии описательного типа и учебники (нередко школьные) по соответствующей специальности, первые также в силу того, что они пригодны и для комплексного обучения [39]. На этом этапе возможно использовать аннотации (как описательные, так и реферативные).

Конец II семестра (70 часов) и начало III семестра (50 часов): 120 часов. Отбираются средние тексты, в основном статьи (статьи — краткие сообщения, в которых содержится сжатое изложение результатов научно-исследовательских работ; статьи, излагающие основные результаты научно-исследовательских работ, методику научных исследований, испытаний, измерений и т. д.; историко-научные статьи и/или научно-технические отчеты). Можно использовать также монографии (или по крайней мере отрывки из них), представляющие собой описание и обобщение результатов научно-исследовательских работ или критическое научно-историческое исследование, а также рефераты и стандартные рецензии (последние, так же как и научные биографии, особенно пригодны для комплексного обучения). В конце II семестра и в слабых группах III семестра полезно использование вузовских учебников по соответствующей специальности, справочной литературы, производственной документации — инструкций, некоторых видов тезисов.

Середина III семестра: 50 часов. Отбираются трудные тексты: теоретические статьи (т. е., статьи, имеющие целью показать результаты теоретических исследований, проведенных для выявления различных закономерностей, или выдвижение научных гипотез и т. д.) и монографии, представляющие собой фундаментальные, теоретические исследо-

[37] Это количество часов оправдало себя при обучении специалистов негуманитарного профиля. Оно примерно совпадает с количеством часов в вузах и на факультетах негуманитарных специальностей. Для обучения гуманитарным специальностям курс обучения должен быть значительно увеличен, как это и имеет место в университетах. Поэтому соображения по этапам обучения будут в основном касаться негуманитарных специальностей.

[38] В данные рекомендации в зависимости от изучаемого языка следует вносить изменения, даже вопреки главному принципу «от легкого к трудному», поскольку соотношение разных типов публикаций, в частности разных типов статей в журналах разных стран, не одинаково и во многом отличается от распределения статей в наших отечественных журналах, что естественно, необходимо учитывать при отборе материала. Например, если в наших периодических научных журналах преобладают собственно-научные и технические статьи, на втором месте статьи-сообщения, далее идут по значимости статьи-подборки и затем уже рекламные статьи, то для журналов США характерна другая картина: статьи подборки, рекламные статьи и статьи-сообщения более типичны по сравнению с собственно научными и техническими статьями. В журналах, которые издаются в Великобритании, научно-технические статьи и статьи рекламного порядка представлены почти одинаково: это наиболее частотные типы статей; обзоры, подборки встречаются сравнительно редко (*Витковская Ж. В.* Указ. соч., с. 40).

[39] *Тарасова И. Ю.* Указ. соч.

вания. Дополнительно можно использовать в случае необходимости конструкторскую документацию, например, техническое предложение, тезисы, а также рекламные статьи.

Конец III семестра: 40 часов. Отбираются сверхтрудные тексты: полемические статьи, патентная литература, нестандартные рецензии, определенные части монографий (нестандартные по форме "введение" и "заключение", полемическая часть), стенограммы докладов и выступлений в дискуссии. В слабых группах этот материал остается недоступным вплоть до окончания обучения.

Естественно, предполагается, что в пределах выделенных периодов также проводится дифференцированное по степени трудности распределение текстов — нарастание трудностей с учетом критериев, описанных нами выше, в частности с учетом трудностей, порождаемых сжатостью текста.

Учет расслоения научного стиля при отборе текстов для различных жанров обучения релевантен, как представляется, для всех типов учебных текстов (текстов для изучающего, просмотрового и ознакомительного чтения, текстов для перевода, внеаудиторного чтения, текстов для развития навыков устной речи и экзаменационных текстов), используемых при комплексном обучении вообще и при обучении чтению научной литературы в частности.

Отбор текстов с учетом наличия в научной литературе большого жанрового разнообразия не является, естественно, единственным критерием отбора. Однако, как представляется, он может быть одним из ведущих принципов, уточняясь и корректируясь в случае необходимости дополнительными критериями.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об использовании при обучении на первом этапе научно-популярных текстов, что рекомендуется в настоящее время многими методистами [40]. Хотя популярное (а значит облегченное) изложение научного материала снимает значительные содержательные трудности (материал доступен для учащихся по содержанию), однако его форма может быть далека от формы собственно научного текста: с одной стороны, в нем могут иметься трудные для понимания (и особенно для перевода) эмоционально-образные и субъективно-оценочные средства, а также иностилевые включения, не типичные для научного стиля как такового, но требующие времени на свое усвоение (своего рода ненужный балласт), с другой стороны, в нем достаточно часто отсутствуют наиболее типичные для научного языка средства (особенно это касается лексических средств, в частности употребления устойчивых словосочетаний серийного образования [41] и приближающихся к ним свободных сочетаний), в силу чего этот текст не всегда готовит к чтению собственно научного текста. Эти соображения требуют, на наш взгляд, очень осторожного отношения к научно-популярному тексту как учебному, хотя и нельзя отрицать, что при тщательном отборе можно выбрать из большого количества научно-популярных текстов такие тексты (или по крайней мере отрывки из них), которые по своим параметрам будут максимально приближаться к характеристикам научного текста.

---

[40] См., например, работы: *Луговая А. Л.* Методика работы на начальном этапе по технической тематике во втузе. Канд. дис. М., 1965; *Соколов А. М.* О содержании курса иностранных языков в неязыковых вузах, отраслевых учебниках и учебных пособиях.— В кн.: Структура и содержание комплексного отраслевого учебника по иностранному языку. Тез. докл. М., 1974, (Горный институт).

[41] *Москальская О. И.* Устойчивые словосочетания серийного образования как объект грамматики.— ВЯ, 1972, № 4.

Г. В. НАУМАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

(к вопросу отбора учебного материала и развития языковой догадки)

В лингвистике текста утвердилось представление о том, что текст не равнозначен любому множеству линейно расположенных предложений, а представляет собой единство более высокого порядка. Это единство подчиняется определенным законам построения, которые, видимо, диктуются как содержанием текста, так и особенностями функционального стиля, варьирующего в каждом случае репрезентацию этого текста. Целостность текста, тесная взаимосвязь его составляющих получила в современной лингвистике название когерентность текста [1]. Целостность проявляется "одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция" [2]. Из вышесказанного вытекает чрезвычайно важный для практики обучения чтению вывод: единицей обучения должен являться целый текст, а его тема (смысловое содержание) должна рассматриваться как отправной момент для анализа лексических трудностей [3].

В специальных исследованиях отмечалось, что в методике работы с письменными текстами на иностранном языке достаточно использовать типологию текстов, построенную на основе критерия "тип содержания", так как данный критерий является одним из основных факторов, организующих высказывание (содержание текста определяет его логическую структуру и схему композиционного построения). На основе этого критерия принято выделять три основных структурных типа научно-технических текстов: 1) текст—описание предмета в статике, 2) текст—описание предмета в динамике, 3) текст-рассуждение [4].

Статьи, репрезентирующие структурный тип "рассуждение", отличаются большей композиционной сложностью и требуют как более глубокой компетентности специалиста в соответствующей области, так и значительных знаний по иностранному языку. Поэтому более целесообразно на начальном этапе использовать тексты структурного типа "описание предмета в статике" (например, конкретное описание технологического оборудования в машиностроении и станкостроении и т. д.), поскольку, хотя каждый станок и имеет особенности, отличающие его от других, все-таки можно сказать, что тексты, представляющие собой описание технологического оборудования, характеризуются явной тенденцией к стандартизации изложения, что в свою очередь способствует выработке стандартизации

---

[1] См.: *Москальская О. И.* Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981, с. 17.

[2] Там же.

[3] Естественно, при обучении чтению на завершающем этапе следует помнить, кроме того, что выбор оптимальных текстов определяется не только лингвометодическими, но прежде всего прагматическими целями обучения, поскольку в квалификационной характеристике специалистов подчеркивается, что они должны уметь владеть рациональными приемами поиска и использования научно-технической информации.

[4] *Ермолаева Л. М.* О системе текстов в учебном пособии.— В кн.: Вопросы анализа специального текста. Уфа, 1979, с. 115.

восприятия у читающего, обладающего теоретическими и практическими знаниями в области машиностроения.

Целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей использования некоторых особенностей композиционно-смысловой структуры текста "описание" для выделения в нем опор, облегчающих восприятие информации при чтении. Как представляется, это прежде всего законченность и связность (когерентность) текста, его правильное (т. е. логичное) построение и оформление (находящее, в частности, свое выражение в заголовках, подзаголовках, членении текста на абзацы, в записи единиц текста друг под другом при специальном графическом оформлении и т. д.), что создает визуально оформленные опоры, помогающие ориентироваться в нем читателю.

Как известно, при рассмотрении текста обычно принято говорить о двух типах его структуры, а именно: вертикальной и линейной. Для текстов—описаний технологического оборудования характерна иерархическая (вертикальная) структура, которую можно упрощенно представить в виде трех композиционных элементов: 1) введение (название оборудования, его предназначение, указание предприятия-изготовителя), 2) информативный центр (конкретизация информации, преимущества данного оборудования и т. п.), 3) заключительная стандартная фраза текста, так называемая «кода» (например: по желанию заказчика оборудование может дополнительно комплектоваться тем-то и тем-то). Рассмотрим композиционное членение (вертикальную структуру) на примере текста Werkzeugkopf für DLZ-Maschinen-WMW 10744 [5].

Во введении статьи (первый абзац) дается краткая информация [6]: *На народном предприятии...* (следует стандартная конструкция с указанием предприятия и его местонахождения) *был разработан ... инструментодержатель ... в качестве дополнительной оснастки для станков. Инструментодержатель предназначается для...* (далее указывается вид токарных станков и перечисляются выполняемые операции). После этого следует информативный центр статьи, представленный двумя абзацами, темы которых могут быть сформулированы как "способ использования данного инструментодержателя" и "преимущества, вытекающие из его эксплуатации", причем все перечисляемые в статье "преимущества" имеют особое графическое оформление: расположение колонкой, после знака—. Заключением (кодой) данного текста является один из вариантов стандартных фраз, употребляемых в подобных текстах: *Предприятие предоставляет техническую документацию для последующего использования,* а также стандартная отсылка к каталогу рацпредложений и изобретений: *Более подробная информация об области и условиях применения содержится в каталоге рацпредложений за номером таким-то.*

Линейная структура текста, т. е. связь между предложениями, может быть представлена в текстах-описаниях двояко: 1) параллельной связью между предложениями текста, характерной для подробных описаний с перечислением (детализацией) отдельных узлов станка, их расположения относительно друг друга, предназначения и т. д. и 2) лучевой

[5] Metallverarbeitung, 1981, N 3, S. 82.
[6] Краткое изложение содержания текста дается нами на русском языке.

структурой [7] научно-технического текста. В последнем случае связность (когерентность) текста выражается с помощью специальных лексических и грамматических средств, например: употребление слов одного тематического ряда, употребление контекстуальных синонимов, лексический и корневой повтор, соотнесение артиклей, местоименные наречия, прямой порядок слов, используемый для более четкого введения новой информации [8]. Для рассматриваемого нами типа текста — кратких описаний оборудования типична именно лучевая структура. Покажем эту структуру на примере анализируемого нами текста.

В тексте имеется несколько тематических рядов. Например, тематический ряд "оборудование" представлен следующей лексикой:

der Werkzeugkopf, die Zusatzeinrichtung, das Universal-Werkzeug, der Trommelrevolverkopf, die Werkzeuge, die Pinole, der Reitstock, Morse 5. Представлены также слова тематического ряда "рабочие операции": Zentrieren, Vorbohren, Gutbohren, Senken, Gewindeschneiden, причем не произвольно, а в порядке усложнения перечисляемых операций. Тематический ряд "преимущества" представлен отглагольными существительными, образовавшими блоки и имеющими значение процессуальности: Bestückung mit maximal 5 Werkzeugen, Übernahme einfacher Arbeiten, rationelle Fertigung von Klein- und Mittelserien im Werkzeugbau, günstige Auslastung von Maschinen.

Тема текста, т. е. его субъект, в наиболее общем виде может быть сформулирована как "оборудование", а именно "инструментальная головка, инструментодержатель". В качестве к о н т е к с т у а л ь н ы х синонимов выступают существительные заголовка (*"Der Werkzeugkopf für DLZ-Maschinen"*) и отдельных предложений. Они являются ключевыми словами, подчеркивающими единство темы текста и его коммуникативной целостности: *Eine Werkzeugaufnahme* ... wurde ... entwickelt. *Sie* eignet sich für ... . *Bei dem Universal-Werkzeug* bringt man ... die einzelnen Werkzeuge ... nacheinander in Arbeitsstellung. Die Aufnahme *des Universalwerkzeugkopfes* erfolgt in der Pinole des Reitstockes.

Достаточно четко представлен л е к с и ч е с к и й повтор, под которым в данном случае понимается неоднократное употребление одной и той же лексики в контекстах различных предложений, например: *Eine Werkzeugaufnahme* für die Bearbeitung von Bohrungen wurde ... entwickelt. Bei Verwendung *der* neuen *Werkzeugaufnahme* entstehen ... Vorteile. Встречается также и к о р н е в о й повтор (под которым в данном случае понимается употребление слов, имеющих общий корень): Werkzeugkopf — Werkzeugaufnahme — Universal-Werkzeugkopf; Trommelrevolverkopf — Werkzeugkopf; Klein- und Mittelserie; Vorbohren — Gutbohren; Aus- und Einspannen der Werkzeuge.

В тексте имеются вкрапления предложений с обратным порядком слов (2 случая), однако большинство предложений имеет п р я м о й порядок слов, по-видимому, для более четкого введения новой информации (8 случаев). Такие виды связности текста, как соотнесение артиклей и местоименные наречия, в данном тексте не реализованы. Это обстоятельство показывает,

[7] Подробно о структуре текста см: *Миронова В. Ю.* Лингвистическая характеристика речевого жанра научно-технического реферата (на материале немецких научно-технических реферативных журналов). Автореф. канд. дис. М., 1975.

[8] Там же.

что в рамках одного текста могут быть реализованы не все, а лишь некоторые виды связи.

Таким образом, анализ подтверждает сформулированное выше положение: типология текста имеет соответствующую ей композиционную структуру и определенные виды связи между предложениями, большой же контекст (обычно концентрированно выраженный в заголовке) диктует выбор лексических средств, при помощи которых обеспечивается связность текста.

В соответствии с целью статьи (выделение опор, облегчающих восприятие информации при чтении) представляется целесообразным подробнее остановиться на существительных данного текста. Большой удельный вес существительных, употребляемых в данном типе текста, является характерным для так называемого именного стиля [9], в котором принято усматривать специфику научно-технического текста, т. е. большую концентрацию информации при экономии языковых средств. Наряду с заголовками, подзаголовками, средствами невербальной наглядности (графики, чертежи, фото) существительные являются важными носителями смысла, а следовательно и важными опорами при понимании технического текста[10]. То обстоятельство, что лексика текста может быть упорядочена в группы, входящие в определенные семантические поля, позволяет в известных пределах корректировать прогностическое понимание как общего смысла текста, так и отдельных его слов. Исключительно ценным для методики обучения чтению является тот факт, что число лексических групп, образующих то или иное семантическое поле, ограничено[11]. Для текстов, представляющих собой краткое описание оборудования, можно выделить следующие основные семантические поля и составляющие их лексические группы (см. таблицу).

Остановимся кратко на некоторых семантических полях и основных лексических группах, входящих в них. Так, для семантического поля *наименование объекта* характерным является употребление специальной терминологии наряду с ее контекстуальными синонимами и словами общетехнического значения: die Maschine, die Einrichtung, die Ausrüstung, die Neuerung, die Weiterentwicklung, die Modifikation и т. д. Второе семантическое поле *предприятие-изготовитель* представлено общей для всех (т. е. обязательной) лексикой типа: das Werk, der Betrieb, der VEB, die Fabrik, das Kombinat и факультативно представленными именами собственными — названиями предприятий с указанием названий населенных пунктов, где они расположены: der VEB Carl Zeiß Jena, der VEB Getriebwerke Brandenburg. Как правило, эта информация легко понимается обучаемыми (в опоре на стандартное оформление, строго соблюдающееся в немецких технических текстах). В этом же семантическом поле представлены глаголы herstellen, erzeugen, produzieren, entwickeln, weiterentwickeln как в активе, так и в пассиве.

---

[9] *Паремская Д. А.* Структурные и функциональные черты именного способа оформления высказывания (именного стиля) в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. Минск, 1979.

[10] *Каскулова М. М.* О двух подходах при обучении пониманию текста.— В кн.: Методика и лингвистика: Иностранный язык для научных работников. М.: Наука, 1981.

[11] *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982. Автором детально описаны основные семантические поля для темы «исследование» (12 семантических полей и около 60 лексических групп). Представляется возможным в методических целях сузить данный подход, исходя из практики работы с указанными текстами, как это показано в таблице.

Таблица

Композиционное членение текста	Основные семантические поля	Основные лексические группы, входящие в поле
Введение	Наименование объекта	Наименование станка, приспособления и т. п.
	Предприятие-изготовитель	Название предприятий. Местонахождение предприятий
	Рабочие операции	Дефиниция. Наименование (выполняемых операций)
Информативный текст	Устройство (характеристика) описываемого объекта	Владение, обладание, наличие. Качественные и количественные характеристики, выраженные в конкретных единицах измерения (данные технического паспорта)
	Преимущества	Качественные характеристики. Сравнение. Владение, обладание, наличие
Заключение	Рекомендация	Предложения (напр., воспользоваться оборудованием, документацией и т. п.)

Более разнородным материалом представлено третье семантическое поле — *рабочие операции*, что объективно обусловлено большим разнообразием оборудования и осуществляемых с его помощью операций. Однако то обстоятельство, что в пределах одного текста эта терминология детерминируется экстралингвистическим и лингвистическим контекстом, значительно облегчает для обучаемого поиски эквивалента неизученной единицы в родном языке. Таким образом, процесс догадки (в частности, проверка и коррекция гипотезы) протекает в определенном русле, ограниченном широким контекстом «смысловое содержание» и узким контекстом данного предложения. В третьем семантическом поле обязательно представлены глаголы dienen, sich eignen, ausführen, durchführen, а в качестве второстепенных членов предложения существительные folgende *Arbeitsoperationen*, folgende *Arbeitsgänge* и перечисление этих рабочих операций и процессов.

Отбор русских эквивалентов обучаемый совершает на основании своего личного профессионального опыта. Так, например, работая с предложением Sie eignet sich für alle DLZ-Maschinen, wenn mehrere unterschiedliche Arbeitsoperationen, z. B. Zentrieren, Vorbohren, Gutbohren und Gewindeschneiden an einem Werkstück durchgeführt werden, обучаемый должен пользоваться самыми различными опорами в тексте. Опираясь на лучевую структуру текста, он должен поставить знак равенства sie = Werkzeugaufnahme = = Werkzeugkopf für die Bearbeitung von Bohrungen = Universalwerkzeugkopf и на этой основе выразить субститут sie как 1) 'она — эта инструментальная головка' или 2) 'он — этот инструментодержатель'. Используя опору на понятные члены предложения *Она... для всех видов токарных станков*, учащийся находит возможные эквиваленты для глагола eignet sich — 'годится, пригодна' или более далекие, но не противоречащие передаче содержания: 'предназначена, используется, применяется'. Предположение же о том,

что речь идет действительно о семантическом поле *рабочие операции* проверяется с одной стороны, стандартной композицией текста и местом в нем искомого и, с другой стороны, наличием смысловой опоры mehrere unterschiedliche Arbeitsoperationen. Данная опора служит пусковым моментом понимания перечисления Zentrieren, Vorbohren, Gutbohren, Senken, Gewindeschneiden, из которых одни слова понятны, так как являются интернационализмами (центровка, зенкерование), другие — на основе словообразования, например: Gut—bohren, Vor—bohren: gut — хорошо, die Güte — качество, следовательно, Gutbohren 'чистовое сверление'. Исходя из этого, многозначное слово vor может быть понятно здесь как 'перед', а Vorbohren как 'предварительное или черновое сверление'. Термин Gewindeschneiden должен быть на основе профессиональных знаний обучаемых и восстановительной функции контекста предположительно понят как 'нарезание резьбы', что и подтверждается при словообразовательном анализе в опоре на компонент -schneiden ('резать'). Само семантическое поле *рабочие операции*, выраженное лексической группой *наименование выполняемых операций* и конкретным указанием "инструментальная головка для токарных станков" не позволяет обучаемому выбрать другие операции, например: "фрезерование", "чеканка", "обкатка", "дробеструйная обработка", как невозможные для данного оборудования и для данного контекста.

Подобный подход представляется нам особенно плодотворным для работы в технической аудитории, поскольку специалисты должны сознательно применять свое знание данной стереотипной ситуации для использования в процессе чтения различных видов догадки[12]. Следует также отметить, что чем сложнее текст по своему содержанию, чем больше выделяется в нем семантических полей, тем выше должна быть инженерная и языковая подготовка читателя. Успешное овладение методикой работы с более простыми в структурном плане текстами-описаниями можно рекомендовать как начальный этап работы с более сложными по содержанию и структуре текстами.

Н. С. КРЕЛЕНШТЕЙН

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ СИЛА КОНТЕКСТА КАК ФАКТОР ПОНИМАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В акте восприятия речевого сообщения выделяются три слагаемых: само сообщение (текст), способ передачи сообщения (звуковой или зрительный) и получатель сообщения (реципиент). В обычном процессе восприятия правильно организованного сообщения на родном языке все его языковые элементы полагаются известными реципиенту. Если все три слагаемых акта восприятия полноценны и нормально «работают», то сам процесс восприятия сообщения оказывается скоротечным, нерасчлененным и труднодоступным для анализа, так как «в общем случае восприятия текста человеком все виды контекста — языковый и внеязыковый, лексический и грамматический, общеситуативный и определяемый наличными членами последовательно-

[12] *Креленштейн Н. С.* Обучение пассивной лексике иностранного языка.— В кн.: Методика и лингвистика: Иностранный язык для научных работников. М.: Наука, 1981.

сти — предстают в нерасчлененном виде..., мы основываемся сразу на нашем интуитивном владении всеми закономерностями родного языка, используем комплексно все виды связи а) между словами, б) между «смыслами», в) между словами и их референтами и т. д.»[1] Лишь разного рода нарушения процесса восприятия, отклонения от нормы в любом из трех слагаемых позволяют заглянуть в механизм восприятия речи, исследовать особенности каждого фактора. Так, опыты с деграмматикализованными текстами, а также с текстами, в которых пропущены (или заглушены) разные слова, являются способом исследования роли разных языковых элементов текста в понимании его смысла[2], с одной стороны, и способом исследования способностей реципиента к обучению языку и уровня его знаний, а также трудности и пригодности текста для определенных групп реципиентов, с другой[3]. Работы А. Р. Лурия и его школы по исследованию патологии речи при различных заболеваниях и травмах головного мозга имеют огромное значение и для лингвистики, так как, исследуя процесс восприятия речи при выпадении определенных его звеньев, эти работы позволяют определить роль этих звеньев в процессе восприятия и тем самым глубже понять структуру и сущность самого процесса восприятия речи[4].

Понимание языкового сообщения складывается из понимания значения слов в их связях и соотношении друг с другом и с реальным миром через обозначаемые ими понятия. В нормальном акте восприятия затруднительно отделить значение отдельного слова и значение его окружения для понимания текста. Ситуация меняется при выпадении слова из текста. В этом случае оказывается возможным выделить и определить импульсы, исходящие от контекста и способствующие пониманию выпавшего слова.

Понимание значения слова обусловлено узнаванием материальной формы слова (звуковой или зрительной), которая является знаком значения слова и актуализирует его в сознании реципиента. Непонимание слова может иметь своей причиной как невосприятие материальной формы слова, так и непонимание (незнание) его содержательной стороны. Слово и в том и в другом случае как бы выпадает из текста, что представляет собой один из самых распространенных видов нарушений акта восприятия. Такого рода отклонение от нормы (т. е. выпадение слова из сообщения) может быть обусловлено особенностями каждого из трех слагаемых акта восприятия.

В самом сообщении (тексте) неполноценным с точки зрения восприятия смысла оказывается любое многозначное и омонимичное слово. Этот случай особенно важен для восприятия речи на родном языке, поскольку реципиент знает обычно разные значения данного слова, и только контекст позволяет ему выбрать необходимое. Здесь особенности языковой системы (отсутствие однозначного соответствия между формой и значением слова) проявляются в виде нарушения обычного соотношения слова и кон-

---

[1] *Фрумкина Р. М.* Психолингвистические аспекты статистической организации связной речи.— В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 235.

[2] *Лущихина И. М.* Экспериментальное исследование психолингвистической значимости грамматической структуры высказывания.— В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1970; *Wissemann H.* Die Rolle des Grammatischen beim Verstehen des Satzsinnes.— Indogermanische Forschungen, 1966, Bd. 6, H. 1; и др.

[3] См., например: Тестирование по иностранным языкам в США. Информационный центр высшей школы. Экспресс-информация. М., 1970, с. 27; Методика исследования восприятия информации. Л., 1972.

[4] *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975, гл. 1, 3.

текста и позволяют исследовать роль контекста в понимании значения слова родного языка.

Нарушения в способе передачи текста приводят к невосприятию материальной формы слова и тем самым закрывают доступ к пониманию его значения. Естественно, что звуковой канал оказывается гораздо более уязвимым и менее надежным в сравнении со зрительным, так как он очень подвержен помехам окружающего мира (шумам), а процесс восприятия звукового сообщения ограничен во времени темпом передачи и не допускает повторений, возвращения к услышанному[5]. Нарушения в восприятии графической формы слова, напротив, чрезвычайно редки: это искажающие слово опечатки, неразборчиво написанные или стершиеся слова в рукописном тексте (в учебном процессе — все виды письменных упражнений с пропущенными словами или частями слов). При зрительном способе передачи графически зафиксированного сообщения акт восприятия мало зависит или почти не зависит от канала передачи и определяется преимущественно особенностями самого сообщения и получателя сообщения.

И наконец, отклонения от нормы в акте восприятия сообщения могут определяться свойствами реципиента: при восприятии сообщения на родном языке — патологией психики (реципиент забыл обычные слова), неподготовленностью реципиента к восприятию сообщения по данной теме (реципиент не знает терминов незнакомой науки или профессии, не имеет фоновых знаний в данной области). Осведомленность реципиента и доступность информации, как известно, находятся в прямой связи.

Незнание значения слов при зрительном восприятии сообщения на родном языке взрослым человеком большей частью предполагает особые нетипичные условия коммуникации. Но этот же случай представляет собой крайне распространенную, типичную ситуацию при восприятии сообщения на иностранном языке при условии недостаточного владения лексикой этого языка. Вследствие несовершенства знаний реципиента сообщение на иностранном языке оказывается для него полным лакун — слов, которые «выпадают» из текста, потому что реципиенту неизвестно их значение. Неподготовленность реципиента делает текст дефектным для него. Отметим, что при этом грамматические связи «выпавших» слов (а за ними и их смысловые связи) не утрачиваются, так как незнакомое слово сохраняет в тексте свои внешние грамматические показатели (место в предложении, грамматические аффиксы, грамматические слова-определители и т. п.). Выпавшее слово является частицей логически и лингвистически организованного и структурированного целого — осмысленного связного текста. Именно в нем, а также в психических возможностях человеческого сознания кроются опоры для покрытия словесных лакун текста.

Ситуация чтения текста на иностранном языке недостаточно подготовленным человеком оказалась крайне удобной для изучения всех импульсов, идущих от целого, от контекста и способствующих пониманию отдельной отсутствующей единицы (слова) не только в данной ситуации, но и в любой ситуации восприятия текста со словесными лакунами. Проблема восстановительных возможностей контекста, с одной стороны, опирается на лингвистическое описание существенных особенностей структурно-семантической организации связного текста. С другой стороны, она важна для исследования

[5] Напомним, что одним из истоков теории информации было исследование пропускной способности канала передачи.

всех видов пассивной речевой деятельности и особенно для обучения пассивным видам речевой деятельности на иностранном языке, в первую очередь для обучения чтению.

Чтение как процесс зрительного восприятия текста в обычных условиях свободно от всех внешних помех. При чтении реципиент может опираться не только на ближайших соседей неизвестного слова, но и на большие отрезки текста, он может вернуться к уже прочитанному (и потому рассчитывать не только на память и мгновенное понимание), может прибегнуть к последовательному анализу и синтезу как отдельных единиц текста, так и текста в целом. Иначе говоря, ситуация чтения иноязычного текста позволяет учесть и всесторонне проанализировать все восстановительные возможности графически зафиксированного связного текста, т. е. полностью использовать логическую и лингвистическую характеристику текста. В любой другой речевой ситуации потребуется учесть специфические условия акта восприятия, которые накладываются на лингвистическую характеристику текста и делают ее роль не столь очевидной, а может быть, и не столь решающей для понимания этого текста. Именно поэтому чтение иноязычного текста в условиях ограниченного словаря реципиента оказалось такой благоприятной ситуацией для изучения взаимосвязи значения слова и контекста в аспекте восстановительной силы контекста.

Для того чтобы выявить восстановительные возможности контекста, мы несколько искусственно исключаем из анализа слова, входящие в потенциальный словарь[6], и исходим из предположения, что само слово "немо" и ничто в нем не подсказывает его лексического значения. Наша задача состоит в том, чтобы определить в общем виде те языковые особенности текста, которые подводят реципиента к пониманию "немых" (неизвестных или пропущенных) слов в данном тексте. При этом мы не останавливаемся специально ни на психологической характеристике процесса восприятия вообще, ни на тех языковых особенностях текста, которые обеспечивают восприятие других его компонентов.

Смысловое восприятие "немого" слова как части высказывания в тексте на родном языке определяется: 1) пониманием л и н г в и с т и ч е с к о г о статуса этого слова в соответствующем предложении, т. е. в том, в котором оно дано (в микроконтексте); 2) пониманием л и н г в о п о н я т и й н о г о статуса значения этого слова в лексико-семантическом поле слов данного текста (в макроконтексте).

Л и н г в и с т и ч е с к и й статус слова выводится непосредственно из соотношения и связей этого слова с другими словами в данном предложении, т. е. характеризуется его синтаксической позицией как члена предложения (или части члена предложения). Определение синтаксической позиции слова в предложении является первым шагом в определении его значения в силу целого ряда причин. Во-первых, набор синтаксических позиций в предложении невелик, и каждая имеет достаточно четкие внешние грамматические признаки (что характерно в первую очередь для предикативного ядра предложения и дополнений). Во-вторых, определение слова как члена предложения позволяет также определить его как часть речи, поскольку главные синтаксические позиции в предложении связаны с типичным выра-

[6] *Креленштейн Н. С.* Вероятностное прогнозирование речи и обучение чтению на иностранном языке.— В кн.: Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М.: Наука, 1979, с. 7—8.

жением определенной частью речи. Таким образом, одновременно определяются наиболее обобщенные элементы в значении самого слова, т. е. его категориальное значение и большей частью также лексико-семантический разряд внутри части речи (это касается в первую очередь разрядов существительных). И наконец, синтаксические позиции слова в предложении так или иначе выражают сущность и связи обозначаемых словами понятий, т. е. в конечном счете выражают элементы структуры мысли. Без определения синтаксических позиций слов в предложении невозможно определить характер связей обозначаемых словами понятий, по существу невозможно структурирование мысли. Лингвистический статус "немого" слова в предложении выявляет его положение в языковой системе, с одной стороны, и в структуре данной мысли с другой (ибо "всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то"[7]). Если набор синтаксических позиций в предложении мал и известен, то количество слов, которые могут выступить в данной синтаксической позиции, как правило, весьма велико, поэтому следующая задача состоит в том, чтобы максимально ограничить это количество.

Дальнейшее продвижение в поисках значения "немого" слова связано с определением его лингвопонятийного статуса, конкретно — с установлением сем его родового, видового, индивидуального значения, т. е. с установлением частных элементов его значения. Естественно, что реципиент при этом не занимается ни разложением значения слова на его составные элементы, ни определением значения каждого из этих элементов. Для реципиента этот процесс принимает характер поиска конкретизаторов значения искомого слова в виде разного рода уточнителей в микро- и макроконтексте. Функция этих уточнителей сводится к максимальному ограничению того ряда слов данного класса, которые могут выступить в данной синтаксической позиции в данном предложении. Этот поиск носит эвристический характер. Чем больше импульсов контекста способен увидеть и учесть реципиент, тем быстрее и безошибочнее протекает процесс понимания.

О факторах, определяющих возможность восстановления значения отсутствующего (или неизвестного) слова, мы уже писали[8]. Были выделены три фактора: 1) связи слова внутри предложения (микроконтекст); 2) связи слова за пределами предложения (макроконтекст); 3) накопление информации в микро- и макроконтексте. Проследим в общем виде взаимодействие этих факторов.

Возможность конкретизации значения искомого слова зависит в первую очередь от типа значения и валентности непосредственно с ним связанных слов. Словам с обобщенным значением свойственна широкая сочетаемость, словам с конкретным значением — узкая. Слова с конкретным значением и узкой сочетаемостью как бы включают в свое значение некоторые другие слова: *оскалить* можно только зубы, *подмигнуть* только глазом, *лакать* — только жидкость и только о животном и т. д. Эти "включенные" слова представлены, однако, обязательно в иной синтактико-морфологической форме, чем подчиняющее слово. Семантическое согласование в синтагме выража-

[7] *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 330.
[8] *Креленштейн Н. С.* О комплексе упражнений по развитию навыка контекстуальной догадки.— В кн.: Вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, М., 1981, вып. 183, с. 126.

ется в обязательном наличии у связанных слов категориально разных, но предопределенных сем.

Опорные слова с узкой сочетаемостью делают микроконтекст достаточным детерминатором значения "немого" слова, они определяют одновременно и его лингвистический и его лингвопонятийный статус. Но чем шире сочетаемость опорного слова в синтагме, тем большей поддержки контекста требует понимание "немого" слова. Эти поддержки (или способствующие пониманию импульсы контекста в виде ограничения альтернатив) могут идти от других синтагм в пределах того же предложения, но могут и вообще отсутствовать в микроконтексте. В этом случае лингвопонятийный статус "немого" слова определяется макроконтекстом. В обоих случаях поддержки контекста выражаются в том, что описываемая ситуация конкретизируется, уточняется до такой степени, что в позиции "немого" слова оказывается возможным лишь одно значение (или синонимический ряд слов). Иначе говоря, макроконтекст уточняет понятийный статус "немого" слова внутри его лингвистического статуса, определяемого предложением. Проиллюстрируем это положение примерами накопления ограничительной информации в микроконтексте и в макроконтексте на материале русского языка.

1. Микроконтекст. С глаголом *наградить* в функции дополнения может быть связан ряд слов: *наградить орденом, грамотой, улыбкой, любовью, аплодисментами* и т. п. Словосочетание *наградить актера* вносит в этот ряд определенные ограничения. А предложение *зал наградил актера...*, состоящее из двух синтагм, представляет уже вполне определенную ситуацию, в которую с уверенностью вписывается слово *аплодисментами*.

2. Макроконтекст. Глагол *сесть* [*на*] в современном русском языке может иметь применительно к людям два основных значения: 1) принять сидячее положение; 2) занять место в каком-либо виде транспорта для поездки. В обоих случаях с этим глаголом сочетаются существительные, обозначающие конкретный предмет. Одиночное короткое предложение *он сел на...* не дает никаких импульсов для выбора значения глагола и соответственно для определения сочетающихся с ним существительных. Эти импульсы может дать описание ситуации в макроконтексте. В первую очередь требуется уточнение места действия — в помещении или вне помещения. Ситуация "в помещении" исключает значение 2, и тогда более подробное описание вида помещения или указание на этот вид в предыдущем описании или, наконец, описание последовательности действий человека подскажет, на какой вид мебели (или предмет, ее заменяющий) сел человек. Например, в старом деревенском доме — на лавку, табурет, в современном городском — на стул, диван, кровать и т. д. Ситуация "вне помещения" в свою очередь оказывается недостаточно конкретной, так как допускает оба значения глагола. Требуется дальнейшее уточнение ситуации как в виде уточнения места действия (в городе, вне города), так и в виде уточнения цепи предшествующих событий (человек устал, плохо себя почувствовал — ищет, куда сесть; либо человек собрался куда-то — ищет транспорт). Уточнение ситуации позволяет определить значение глагола *сесть на* в данном контексте, и ситуация же подсказывает значение сочетающихся с глаголом существительных — либо как названий предметов, на которые можно сесть, либо как названий городских или сельских средств передвижения.

Глагол *сесть на* может иметь и метафорическое значение, например, в устойчивом словосочетании *он сел на своего (любимого) конька*. Для

человека, не знающего этого оборота, уточняющая роль ситуации (в данном случае — пространное высказывание на определенную тему) сведется к тому, что она исключает возможность двух предыдущих значений глагола. Тем самым ситуация подводит реципиента к пониманию того, что здесь глагол выступает в нетипичном значении и с нетипичной сочетаемостью, т. е. ситуация сигнализирует о наличии в микроконтексте языкового идиома.

Тема макроконтекста задает ситуацию (обозначает реальный участок действительности, в котором происходят описываемые события) и вместе с тем определяет тематический круг лексики, внутри которой возможен выбор значения "немого" слова. Развитие описания конкретизирует ситуацию и одновременно все более ограничивает количество слов (данной части речи и данного лексико-семантического разряда), из которых возможен выбор.

Контекстуально обусловленное понимание значения слова лежит на пересечении двух осей координат слова: его координат в языковой системе (синтагматическая ось, определяемая микроконтекстом) и его координат в понятийной системе (парадигматическая ось, определяемая макроконтекстом). Эти два фактора взаимосвязаны, ослабление (недостаточность) одного обязательно должно компенсироваться другим. Слова с широкой сочетаемостью представляют собой как бы пробелы в системе словесных связей языка, недостаточность их значения как связующего элемента текста компенсируется за счет понятийных связей, устанавливаемых макроконтекстом.

Итак, понимание конкретного значения слова внутри его лингвистического статуса сводится к сужению обозначаемого до единственно возможного в данной речевой ситуации. Это сужение (ограничение) обозначаемого определяется: 1) либо единичной сочетаемостью опорного слова внутри одной синтагмы; 2) либо единичностью понятия, обозначаемого "немым" словом, которая выводится а) из совокупности ограничений, накладываемых несколькими синтагмами внутри данного предложения и б) из совокупности ограничений, накладываемых данным макроконтекстом (содержанием предшествующего текста, особенностями данной реальной ситуации, фоновыми знаниями реципиента и т. п. (роль макроконтекста в прогнозировании требует еще более подробного исследования).

Таким образом, контекстуально обусловленное понимание значения "немого" слова может осуществляться на уровне синтагмы, на уровне предложения и на уровне макроконтекста.

Поскольку слов с узкой сочетаемостью в языке сравнительно немного, то понимание "немого" слова на уровне синтагмы происходит значительно реже, чем понимание на уровне предложения или макроконтекста. Но в любом случае понимание обусловлено синтагматическими и парадигматическими связями слова, которые являются выражением и отражением ассоциативных связей понятий. Отметим, что синтагматические и парадигматические связи присущи значению слова и вне контекста. Контекст оживляет и уточняет эти связи в определенном направлении, выбирает из них нужные для данной ситуации. По-видимому, это определяется тем, что ассоциативные связи присущи понятию как таковому (хотя необязательно осознаются человеком в каждом отдельном случае). Языковым проявлением этого свойства понятия можно считать валентность слова, которая хотя и выводится из суммы типичных окружений слова в тексте, но выступает как характеристика слова, а не контекста.

Тот факт, что связующую роль в тексте играют не только специальные строевые слова и грамматические элементы слов, но также лексические значения полнозначных слов — существенен как для понимания природы текста, так и для методики обучения языку.

* * *

Описанный выше механизм восстановления выпавшего слова действует при восприятии текста на родном (русском) языке. Следующий вопрос заключается в том, как действует этот механизм при восприятии иноязычного текста. При чтении иноязычного текста с неизвестными "немыми" словами контекстуально обусловленное понимание этих слов возможно, естественно, лишь в лексических единицах родного языка, поскольку неизвестное иноязычное слово отсутствует в языковой памяти реципиента. Исходя из структуры и семантики иноязычного предложения реципиент должен прогнозировать значение неизвестного иноязычного слова на родном языке. Таким образом, при восприятии иноязычного текста с словесными лакунами (в виде неизвестных слов) вступает в действие четвертый фактор, определяющий восстановительную силу контекста — соотношение языка сообщения (текста) и языка реципиента (или иначе, соотношение исходного языка и языка перевода), которое определяет возможность/невозможность непосредственного перехода от иноязычного контекста к слову родного языка, минуя иноязычное слово. Нас интересует конкретно восприятие текста на немецком языке читателем, родным языком которого является русский, что требует сопоставительного описания немецко-русских языковых параллелей.

Очевидно, что такой переход от одного языка к другому возможен при определенном сходстве структуры словосочетания в обоих языках, точнее, при сходстве валентности опорных слов в словосочетании сопоставляемых языков. Мы обратимся в первую очередь к сопоставительному анализу валентности немецкого и русского глаголов, поскольку валентностью глагола определяется как потенциальная структура свободного глагольного словосочетания, так и в известной степени структурно-семантический тип предложения.

Свойственная немецкому языку обязательная двусоставность и глагольность предложения имеет своим следствием жесткую синтаксическую определенность структурно-семантического ядра предложения. Именно поэтому валентность глагола (сказуемого) оказывается основой синтаксической схемы предложения, тем исходным пунктом, который позволяет определить синтаксические функции остальных слов в предложении: либо непосредственно — через их связь с глаголом-сказуемым (подлежащее, дополнение, обстоятельство), либо косвенно — через отсутствие этой связи (определение). Прямо или опосредованно синтаксические позиции слов в немецком предложении выявляются через их отношение к глаголу (сказуемому).

Валентностью глагола в немецком языке определяется позиционный план предложения, а также (до известной степени) характер глагольных партнеров. В "Словаре валентности и дистрибуции глаголов" Г. Хельбига и В. Шенкеля характеристика валентности глагола дается в следующих признаках: 1) количество партнеров и их обязательность/факультативность; 2) морфолого-синтаксическая характеристика партнеров (часть речи, падеж существительного, предложная группа, инфинитивная группа, придаточное

предложение); 3) элементы лексико-семантической характеристики партнеров (лексико-семантический разряд внутри части речи, конкретный предлог в предложной группе, союз придаточного предложения и вместе с тем до известной степени и вид его семантического отношения к главному) [9]. Авторы словаря решительно отказываются от традиционного определения глагольных партнеров в терминах членов предложения. Мы же полагаем, что несмотря на возможность различных подвидов семантических отношений между глаголом и его партнерами, несмотря на наличие пограничных случаев все же на уровне понятийной валентности глагола (сказуемого) с неизбежностью выделяются три основных типа партнеров, логико-понятийная характеристика которых находит свое выражение в синтаксических позициях членов предложения. Мы полагаем также, что отказ от теории членов предложения и чисто формальное описание валентности глагола крайне затруднили бы для учащегося понимание смысловых отношений между словами в предложении и словосочетании, выход к которым является первым шагом в понимании его содержания. Кроме того, вторая ступень описания валентности глагола по существу и есть описание его сочетаемости с членами предложения. Так, обязательная валентность Sn[10], т. е. сочетаемость с существительным в именительном падеже, является всегда сочетаемостью с обязательным подлежащим (и ни с чем иным). Валентность Sa переходных глаголов обозначает их сочетаемость с прямым дополнением и т. д. Поэтому нам представляется, что формально-семантическую характеристику глагольных партнеров следовало бы сочетать с их синтаксической характеристикой как членов предложения.

На 1-й ступени описания валентности глагольные партнеры делятся на обязательные, факультативные и свободные. Наиболее четко определяются обязательные партнеры глагола, так как их отсутствие делает предложение аграмматичным. Указание на возможное наличие и форму факультативных партнеров также содержится в значении глагола, однако в предложении они могут отсутствовать. И наконец, характер и форма свободных партнеров не детерминируются глаголом, хотя возможность таковых также определяется категориальным значением глагола. Предсказуемость лингвистиче-

[9] *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1975, S. 93.

[10] Здесь и дальше мы используем символы и знаки, данные в словаре Г. Хельбига и В. Шенкеля (*Helbig G., Schenkel W.* Op. cit., S. 93—99). Поясним те из них, которые встретятся в последующем тексте и в таблице:

Sn — существительное в именительном падеже
Sa — существительное в винительном падеже
Sd — существительное в дательном падеже
pS — существительное с предлогом
p — предлог
NS — придаточное предложение
Adj — прилагательное
Sa/NS — косая черта означает наличие либо одного, либо другого партнера
pS_{adv} — существительное с предлогом в функции обстоятельства
pS_{ob} — существительное с предлогом в функции дополнения
refl — возвратное местоимение
V1 — первый вариант значения глагола
V2 — второй вариант значения глагола

Цифра внизу справа от глагола означает количество валентностей. Цифра и символ без скобок обозначают обязательного партнера, в скобках — факультативного, которые складываются в общее число валентно связанных партнеров.

ского статуса слова в предложении прямо пропорциональна степени его структурно-семантической обязательности как глагольного партнера. Можно расположить партнеров немецкого глагола в вертикальном ряду соответственно уменьшению степени этой обязательности, что соответствует и уменьшению степени их детерминированности:

Подлежащее: структурно обязательно при любом глаголе-сказуемом (даже если семантически отсутствует при безличных глаголах), имеет стабильную форму — именительный падеж.

Дополнение в аккузативе: структурно и семантически обязательно при семантически и морфологически определенном разряде глаголов — переходных с префиксами be- и *er-*; при других переходных глаголах может быть факультативным.

Дополнение в дативе: структурно и семантически обязательно при единичных глаголах типа ähneln, gleichen, entsprechen; определяется лишь семантикой глагола; большей частью факультативно.

Дополнение с предлогом: структурно и семантически обязательно при единичных глаголах (achten auf, sich interessieren für); как правило, факультативно.

Первичные обстоятельства (времени, места, образа действия): структурно и семантически обязательны при единичных глаголах типа sich befinden, liegen (в значении *быть расположенным)* — обстоятельство места, dauern — обстоятельство времени, sich verhalten — обстоятельство образа действия, как правило, свободные партнеры.

Вторичные обстоятельства (все остальные): всегда свободные партнеры.

Регулярно детерминированным в немецком предложении является подлежащее, а также — при определенных разрядах глаголов — прямое дополнение. Не детерминированы, как правило, вторичные обстоятельства. Детерминация остальных глагольных партнеров носит индивидуальный характер. Естественно, поэтому, что синтаксическое определение членов предложения, менее зависящих от глагола (сказуемого), требует накопления вербальной информации внутри предложения, а их семантическое определение требует большей опоры на макроконтекст и накопленную информацию.

Значение глагола (сказуемого) в немецком предложении позволяет: 1) определить субъектно-объектные отношения, т. е. выделить структурно-семантическое ядро предложения (и вместе с тем основу суждения); 2) двигаясь внутри позиционного плана глагола от главных членов к второстепенным накопить информацию для определения факультативных и свободных партнеров глагола; 3) выделить по принципу остаточной выделимости именные группы (определения к существительному), а также обособленные обороты; 4) определить состав инфинитивных и причастных оборотов (так как инфинитив и причастия сохраняют валентности глагола, естественно, за исключением субъектной); 5) понять семантику глагольных партнеров, зависящих от глаголов с узкой сочетаемостью; 6) двигаясь по синтаксической схеме предложения, последовательно суммировать всю семантическую информацию микроконтекста, необходимую для понимания семантики свободных глагольных партнеров и партнеров, зависящих от глаголов с широкой сочетаемостью.

Мы не затрагиваем здесь проблему взаимной детерминации членов именного (определительного) словосочетания, которая еще требует своего

решения в аспекте прогнозирования значения слов. Отметим лишь, что если валентность глагола играет решающую роль для понимания структуры предложения в целом и семантики его ядра, то валентностные отношения внутри именного словосочетания существенны для понимания семантики субстантивных членов, в особенности второстепенных, т. е. для накопления информации в микроконтексте.

* * *

Для определения роли четвертого фактора (соотношения языка сообщения и языка реципиента) мы провели сопоставительный анализ валентности 100 немецких глаголов и соответствующих 100 русских глаголов, итоги которого приводятся ниже. Мы взяли 100 первых глаголов из уже упомянутого выше "Словаря валентности и дистрибуции немецких глаголов" Г. Хельбига и В. Шенкеля, начиная с глагола achten и кончая глаголом bauen [11]. Мы полагали, что совпадение валентности немецких и русских глаголов явится доказательством возможности перехода от немецкого глагола к значению его партнеров, выраженному в лексических единицах русского языка.

Сопоставительный анализ валентности 100 немецко-русских глагольных пар действительно оказался убедительной иллюстрацией определенной тенденции, ясно ощутимой интуитивно и широко используемой в практике преподавания.

За отдельную единицу было принято каждое значение многозначного глагола, выраженное в вариантах синтаксического и/или семантического окружения. Например:
kürzen$_2$ (V1 = kürzer machen), Sn, Sa (Der Regisseur kürzte die Diskussion);
kürzen$_2$ (V2 = verringen), Sn, Sa (Der Direktor kürzt die Löhne).

Сопоставление валентности немецких и русских глаголов проведено по указанным в словаре трем ступеням характеристики валентности, которое упоминалось выше. В русском языке мы опирались на собственные знания носителя языка, а в сомнительных случаях обращались к "Словарю сочетаемости слов русского языка" [12]. Таким образом, в сопоставительном анализе учитывается: 1) количество партнеров (сумма облигаторных и факультативных валентностей, заложенных в значении глагола); 2) морфолого-синтаксическая характеристика глагольных партнеров (к которой мы добавили определение партнера как члена предложения); 3) частичная семантическая характеристика глагольных партнеров (лексико-семантический разряд существительных и прилагательных, конкретный предлог, союз придаточного предложения).

При определении глагольного партнера как члена предложения мы исходили из семантики его связи с глаголом и его морфолого-синтаксической формы. Наиболее сложным здесь является определение синтаксической позиции предложно-именных групп. Основанием для разделения предложных дополнений и обстоятельств послужило лексическое значение предлога: при локальном, темпоральном, каузальном значении предлога мы отнесли предложно-именные группы к обстоятельствам, при отсутствии такого значения у предлога — к дополнениям. Например:

---

[11] Helbig G., Schenkel W. Op. cit., S. 101—131.
[12] Словарь сочетаемости слов русского языка/Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983.

Таблица соответствий валентностей немецких и русских глаголов

Немецкий глагол					
Группа глаголов	Формула валентности	Представитель группы/ подгруппы	Кол-во глаголов в подгруппе	Кол-во глаголов в группе	Тождественные
Одновалентные	Sn	arbeiten$_1$ (V1)		12	11
Двухвалентные	Sn, Sa/(Sa)	beschäftigen$_2$ (V_1)	50	65	44
	Sn, Sa/NS	berücksichtigen$_2$			
	Sn, pS$_{ob}$ Sn, pS/NS/Inf	spielen$_2$ (V2) achten$_2$ (V2)	6		2
	Sn, pS$_{adv}$ Sn, (pS)$_{adv}$	leben$_2$ (V2) sterben$_{1+(1)=2}$	9		5
Трехвалентные	Sn, Sa, (Sd/Sa)	kosten$_{2+(1)=3}$ (V2) beantworten$_{2+(1)=3}$	2	20	
	Sn, Sa, pS$_{ob}$/ (pS)/NS	verarbeiten$_{2+(1)=3}$ (V1) befragen$_{2+(1)=3}$	12		9
	Sn, Sa, pS$_{adv}$	schleifen$_3$ (V2)	2		1
	Sn, (Sa/p$_1$S), (P$_2$S$_{ob}$)	spielen$_{1+(2)=3}$ (V1)	2		
	Sn, Adj, (Sd)	schmecken$_{2+(1)=3}$(V2)	1		
	Sn, NS, (pS)	anfragen$_{2+(1)=3}$	1		1
Четырехвалентные	Sn, NS, (Sd), (pS)	erwidern$_{2+(2)=4}$ (V1)	3	3	2
Общее количество случаев			100	100	75

spielen$_2$ (V2 = nicht ernst nehmen), Sn, pS, p = mit (Er spielt mit den Problemen) — дополнение;
spielen$_2$ (V4 = vor sich gehen), Sn, pS, p = an, während (Der Vorfall spielte in Berlin, während des Weltkrieges) — обстоятельство.

Для сопоставительного анализа слов двух языков аксиомой стало положение о несовпадении объема значений разноязычных слов. Это положение существенно для репродуцирования иноязычной речи, когда говорящий должен выбрать иноязычное слово, соответствующее определенному значению слова родного языка, и не существенно при рецепции иноязычной речи, поскольку в этом случае сопоставляемое иноязычное слово в своем актуализируемом значении и единственном для этого значения окружении дано в тексте. Для понимания данного в тексте значения слова реципиенту не обязательно знать как другие значения этого иноязычного слова, так и все соответствия в русском языке. В этом случае важно знать другое: как соотносится валентность опорного иноязычного слова с валентностью соответствующего слова родного языка, т. е. может ли валентность ино-

Соотношение валентностей в немецком и русском языках

Совпадают в основном, расходятся в побочном варианте	Частично расходятся					Не совпадают
	Немецкий глагол управляет бóльшим количеством предлогов	Падеж в немецком языке соответствует предлогу в русском	Разные падежи в немецком и русском языках	Разные предлоги в немецком и русском языках	Предлог в немецком языке соответствует падежу в русском	
1						
2					2	2
				2	2	
1	1			2		
		1	1			
1				2		
	1					
		1		1		
						1
1						
6	2	2	1	7	4	3

язычного опорного слова служить достаточным основанием для определения лингвистического статуса прогнозируемого слова родного языка.

Для определения лингвистического статуса "немого" слова в иноязычном тексте важны специфика и соотношение форм языковых связей в сопоставляемых языках, поскольку лингвистический статус слова выводится из языковой системы. Для определения лингвопонятийного статуса иноязычного "немого" слова важно соотношение понятийных систем, выраженных в сопоставляемых языках. В этом вопросе, однако, мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые полагают, что человек обладает одной понятийной системой, которая может быть выражена средствами разных языков [13]. Это не исключает возможности некоторой модификации отдельных понятий

[13] *Залевская А. А.* Об экспериментальном исследовании структуры языкового знака в условиях учебного билингвизма.— В кн.: Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1978; *Даугатс З. Ю.* К тезису о языковой «картине мира».— В кн.: Иностранные языки в высшей школе. Рига, 1977, вып. 5.

в соответствии с различиями в языковых системах. В качестве примера приведем хотя бы традиционное сопоставление прилагательных *синий, голубой* в русском языке и *blau* в немецком. Это различие в названиях цвета не меняет того существенного факта, что представление о цветовом спектре у носителей обоих языков одинаковое. Мы полагаем, что различия в понятийном содержании слов (но не в значениях!) носят единичный характер и проявляются лишь на фоне принципиального сходства (или единства) понятийных систем носителей языков общего культурно-исторического ареала. Однако на фоне единства понятийных систем, представленных в сопоставляемых языках, для нашего случая очень существенным является соотношение набора понятий, которым оперирует автор текста и которым может оперировать реципиент.

Для наглядности и обозримости итоги нашего сопоставительного анализа мы свели в таблицу. В ней мы пользуемся всеми условными обозначениями "Словаря валентности и дистрибуции глаголов", приведенными выше. Из-за ограниченности места мы не можем подробно описать все детали соотношения валентности немецких и русских глаголов. Дадим лишь краткие пояснения к таблице.

Все немецкие глаголы разделены на группы по количеству валентностей (помета словаря "факультативная валентность" учитывалась как обязательная, поскольку она также заложена в значении глагола; нам же важно было сопоставить все возможные связи глагола). Внутри двух- и трехвалентных глаголов выделены подгруппы, в зависимости от характера второй, а также второй и третьей валентности (четыре первые левые вертикальные колонки).

Сравнение позволило выделить глаголы с тождественными валентностями (т. е. такие, у которых полностью совпадают и количество валентностей и характер партнеров) — 75 глаголов; глаголы с частичными расхождениями в валентностях — 22; глаголы с несовпадающими валентностями — 3 глагола, а также выделить наиболее сходные и наиболее различающиеся виды валентности.

У 100 проанализированных немецких глаголов (семем) и соответствующих русских глаголов полностью совпадает субъектная валентность (Sn). Лишь глагол rauchen$_1$ (V1 = Rauch ausstoßen) имеет безличный вариант, где валентность Sn семантически нулевая — es raucht aus dem Ofen. Этот вариант, однако, включается в ряд регулярных немецко-русских соответствий (*дым идет из печи* аналогично пáрам es regnet — дождь идет; es schneit — снег идет). Регулярные соответствия несовпадающих структур обычно изучаются в нормативном курсе немецкого языка и потому знакомы учащимся. Таким образом, совпадение субъектной валентности у всех 100 глагольных пар позволяет перейти от немецкого глагола непосредственно к подлежащему, выраженному русским словом.

Все расхождения касаются несубъектных валентностей глаголов. Полностью несовпадающими в несубъектных валентностях оказались три глагола: *putzen*$_2$ Sn, Sa (refl) (Sie putzt sich = kleidet sich schön); arbeiten$_2$ (V3 = anfertigen, herstellen), Sn, Sa (Sie arbeitet einen Mantel); этот семантический вариант в "Большом немецко-русском словаре" приводится

[14] Большой немецко-русский словарь/Под рук. проф. О. И. Москальской. М., 1980. Т. 1, 2.

лишь как идиом в пассивной конструкции (Der Mantel ist auf Pelz gearbeitet)[14]; *schmecken*$_{2+(1)=3}$(V2 =einen subjektiv bewerteten Geschmack von sich geben), Sn, Adj, (Sd). Глагол не имеет точного соответствия в русском языке и в практике преподавания обычно дается в списке идиомов.

Все три глагола с несовпадающими валентностями так или иначе идиоматичны для русскоязычного учащегося и должны быть изучены как таковые.

Среди 22 немецких глаголов, которым соответствуют русские глаголы с частично несовпадающими несубъектными валентностями, выделяется несколько подгрупп. Необходимо отметить, что у этих 22 глаголов количество партнеров, выражение их в определенной части речи и логико-понятийное отношение к глаголу совпадают с количеством и сущностью валентностей соответствующих русских глаголов. Расхождение чаще всего отмечается в форме выражения валентностей в предложно-падежной сфере. При этом немецко-русские соответствия в форме валентности могут иметь как единичный характер, так и регулярный (т. е. могут представлять собою определенный тип соответствий). По степени и виду расхождения валентностей выделяются следующие подгруппы (см. в таблице верхнюю горизонтальную графу слева направо).

1. Полностью совпадают типичные валентности и не совпадают валентности в редком, мало употребительном варианте — 6 глаголов. Например, для двухвалентных переходных глаголов bauen, nähen словарь дает предложный вариант: bauen, nähen an + D, не имеющий аналогов в русском языке. Предложный вариант для этих глаголов в "Большом немецко-русском словаре" не приведен, что можно считать косвенным доказательством его малой употребительности по сравнению с валентностью Sa, которая совпадает с валентностью русских глаголов. По существу эта группа настолько близка к группе глаголов с совпадающими валентностями, что ее можно к ней присоединить.

2. Немецкий глагол управляет бóльшим количеством предлогов, чем его русский аналог: schleifen в значении 'тянуться, волочиться (*по* полу)': *am* Boden, *auf* dem Boden, *über* den Boden schleifen — 2 глагола.

3. Падежному дополнению немецкого глагола соответствует предложное дополнение у его русского аналога (характерно в основном для переходных глаголов с префиксом be-, er-). Например: erwidern$_2$ (V2 =vergelten), Sn, Sa 'ответить *на*' → 2 глагола.

4. Немецкий глагол и его русский аналог имеют падежные дополнения с одинаковой семантикой, но падежные формы дополнений разные. Например: kosten$_{2+(1)=3}$ (V2 =wert sein, zu bezahlen sein), Sn, Sa$_1$, (Sd/Sa$_2$) 'стоить *кому-л. чего-л*'.— 1 глагол.

5. Немецкий глагол и его русский аналог связаны с обязательными предложными группами, но между предлогами нет семантических соответствий, даже в случае семантически полноценных предлогов. Например: sterben an + D 'умереть *от* чего-л'., erwachen *aus, von* 'очнуться *от, из-за* чего-л'. Эта группа наиболее многочисленна — 7 глаголов.

6. Немецкому глаголу с предложным дополнением соответствует русский глагол с падежным. Например: sich beschäftigen *mit* 'заниматься *чем-л.*'— 4 глагола.

Тот факт, что группы 5 и 6 более многочисленны, легко объясняется особенностями сопоставляемых языков. Употребление предлогов в каждом

языке является наиболее идиоматичной, традиционно консервативной областью, часто не поддающейся логическому объяснению с точки зрения современного языка, отсюда сравнительная многочисленность группы 5. В немецком языке меньше падежей, чем в русском, поэтому падежным формам зависимости в русском языке часто соответствуют предложные в немецком (группа 6). Об этих особенностях сопоставляемых языков следует предупредить учащихся продвинутой ступени.

Из 16 глаголов с частичным расхождением в валентности (подгруппы 2—6) 7 немецких глаголов с предложными конструкциями отличаются от русских аналогов лишь иным предлогом. Однако предлог заложен в значении соответствующего русского глагола, например, sich fragen *nach* 'спрашивать (себя) *о чем-л.*', bitten *um* 'просить *о ком-л., чем-л.*' и т. п. Прогнозируя позиционный план предложения на основе валентности такого немецкого глагола, форму валентности (т. е. русский предлог) следует определять, исходя из значения русского глагола.

К этим выводам следует добавить итоги наблюдений над некоторыми глаголами, не вошедшими в число 100 названных. Глаголы danken *j-m* für A 'благодарить *кого-л.* (вин. п.) за что-л.' и stören *j-n* bei, in D 'мешать *кому-л.* (дат. п.) в чем-л.' расходятся со своими русскими аналогами в падеже дополнения, обозначающего лицо, что, однако, совершенно не препятствует правильному смысловому определению глагольных партнеров и без знания управления глаголов. Это объясняется тем, что в каждой немецко-русской паре (danken/благодарить, stören/мешать) падежное и предложное дополнение одинаково противопоставлены друг другу по смыслу: падежное дополнение обозначает лицо (абстрактный предмет), на которое непосредственно направлено действие, предложное дополнение обозначает основание действия или уточнение условий действия. При совпадении логико-понятийной валентности, заложенной одинаково в значении глаголов двух языков, расхождение в морфолого-синтаксических формах выражения этой валентности не мешает восприятию. Как правило, учащийся даже не замечает в тексте этого расхождения. Давление тождественных смысловых связей оказывается сильнее формальных расхождений. Аналогичным образом воспринимаются и пары двухвалентных глаголов, в которых немецкому глаголу с падежным дополнением соответствует русский с предложным: ähneln *j-m D* 'походить, быть похожим *на кого-л.*' (вин. п). Обязательно дополнение, обозначающее объект уподобления, заложено в значении обоих глаголов, предлог при русском глаголе выводится из значения русского глагола на основании тождества логико-понятийной валентности данной пары.

Итак, для 88 глаголов из 100 характерны либо совпадение валентностей (81 глагол), либо легко выводимые соответствия (7 глаголов). По-видимому, это объясняется тем, что основная функциональная специализация падежей немецкого языка имеет аналогию в функциональной специализации соответствующих падежей русского языка. И это структурно-семантическое сходство двух языков должно быть широко использовано в процессе обучения немецкому языку.

Как и следовало ожидать, больше всего случаев расхождения отмечено в области предложных конструкций, в особенности в предложном управлении, где семантика предлога в значительной степени утрачивается, и предлог выступает как формально-связующий элемент. Отсюда можно

сделать вывод, что этот раздел необходимо изучить активно и для овладения чтением. Важно знать также глаголы с двойным падежным и двойным предложным управлением (например: глагол kosten в значении *стоить;* erwachen — *очнуться от чего-л., благодаря чему-л.*). Количество таких глаголов сравнительно невелико.

Существенным для определения позиционного плана русского предложения является тот факт, совпадает ли количество и сущность валентностей немецкого и русского глаголов. Внутри этих совпадающих валентностей нет логико-понятийных расхождений, имеются лишь расхождения в морфолого-синтаксических формах выражения валентности, причем среди этих случаев расхождения есть а) регулярные соответствия форм валентности в сопоставляемых языках и б) нерегулярные, но легко выводимые соответствия форм валентности.

Итоги сопоставительного анализа представляются нам убедительным доказательством того, что переход от значения немецкого глагола к значению его партнеров, выраженным русским словом, вполне допустим и оправдан. Тождество логико-понятийной валентности и сходство синтаксической валентности двух языков позволяют определить лингвистический статус искомого русского слова, т. е. построить надежную семантическую гипотезу на языке реципиента, исходя из структуры и семантики языка сообщения и опираясь на импульсы макроконтекста.

* * *

Из сказанного выше следует вывод, важный для методики обучения пассивным видам речевой деятельности на иностранном языке. При восприятии иноязычного текста незнание его отдельных лексических единиц возмещается благодаря пониманию связей слов в микро- и макроконтексте. Умение видеть и использовать связи слов, в первую очередь грамматические, но также стоящие за ними семантические и понятийные — есть способ преодоления недостаточности лексических знаний в процессе обучения [15]. Можно даже сказать, что для пассивных видов речевой деятельности (для чтения в особенности) умение видеть, понимать и использовать связи слов в тексте важнее знания отдельных лексических единиц (разумеется, при наличии некоторого достаточного объема исходного словаря). Именно на эту сторону в понимании иноязычного текста, как нам кажется, следует обратить особое внимание.

[15] Конечно, возможен (и в практике преподавания не столь уж редок) случай, когда и грамматическая структура текста непонятна реципиенту. Но этот случай представляет собой «уравнение с двумя неизвестными», которое вообще не поддается решению. Чтение текста без словаря требует достаточно высокого уровня знания грамматики. Однако достичь его, как известно, принципиально легче, чем овладеть всем необозримым словарем иностранного языка.

В. К. РОЗНЮК

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Возникновение проблемы аудирования и обучения аудированию обусловлено объективными причинами, в частности тем, что стремительный рост потока информации, широкое развитие международных контактов сделали практическое овладение иностранным языком массовой потребностью. В условиях массовости изучения иностранных языков остро обнаружился недостаточный уровень навыков и умений аудирования и соответственно возникла необходимость в обучении аудированию. Развитие техники подготовило материальные предпосылки для организации такого обучения, сделав доступной портативную звукозаписывающую и звуковоспроизводящую аппаратуру массового пользования. Психология и педагогика столкнулись с необходимостью изучения этого типа речевой деятельности и разработки методики обучения аудированию, поскольку стихийное обучение аудированию на иностранном языке в ходе обучения говорению оказалось неэффективным.

Уже в 1954 г. З. М. Цветкова [1], а в 1956 г. И. В. Рахманов [2] отмечали, что понимание устной речи не может быть обеспечено в результате обучения говорению, а после публикации статьи З. А. Кочкиной "Аудирование: что это такое?" [3] термин "аудирование" стал общепринятым, а исследованию этого вида речевой деятельности уделяется все больше внимания. В настоящее время во всех руководствах по методике обучения иностранному языку целые разделы посвящены аудированию [4]. В ряде работ раздел, рассматривающий обучение этому виду речевой деятельности, помещен перед разделом, посвященным обучению говорению, что подчеркивает значение аудирования и объективно отражает его роль в системе обучения иностранному языку.

Растущие требования предъявляются к обучению аудированию и в связи с тем, что учащиеся "чаще слышат иностранную речь в кино, по радио и телевидению, чем говорят сами" [5]. Следовательно, объективно аудированию необходимо уделять больше внимания, чем говорению, как чтению уделяется гораздо больше времени по сравнению с письмом. Обучение данному виду речевой деятельности приобретает особое значение еще и благодаря тому, что аудирование обеспечивает также слуховую наглядность и позволяет в определенной мере компенсировать отсутствие языковой среды. Однако до настоящего времени обучение аудированию все еще продолжает оставать-

[1] *Цветкова З. М.* О методике устной речи.— ИЯШ, 1955, № 4, с. 14.
[2] *Рахманов И. В.* Методика обучения немецкому языку. М., 1956, с. 10.
[3] *Кочкина З. А.* Аудирование: что это такое? — ИЯШ, 1964, № 5.
[4] *Пассов Е. И.* Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Рус. яз., 1977, с. 176—178; *Демьяненко М. Я., Лазаренко К. А., Кислая С. В.* Основы общей методики обучения иностранным языкам. Киев: Вища школа, 1976, с. 114—118; 119—134; Очерки методики обучения устной речи на иностранных языках. Киев, Вища школа, 1980, с. 212—219; *Ляховицкий М. В.* Методика преподавания иностранных языков. М.: Высш. шк., 1981, с. 73—91; Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Педагогика, 1981, с. 242—265; Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Высш. шк., 1981, с. 213—241.
[5] Курс обучения иностранным языкам в средней школе. М.: АПН РСФСР, 1971, с. 23.

ся на неудовлетворительном уровне. Это подтверждается тем фактом, что учащиеся, заканчивающие школу, не понимают даже простейших текстов, если они передаются по радио, или элементарного вопроса, с которым к ним обращается иностранец [6]. О том же свидетельствуют публикации методических журналов [7].

Авторы "Общей методики обучения иностранным языкам" считают основной причиной такого положения отсутствие специально подобранных и градуированных по степени трудности материалов и конкретных задач по аудированию для каждого года обучения [8]. Н. Н. Пруссаков усматривает причины отставания обучения аудированию в отсутствии "практических указаний и методических рекомендаций обучению этому виду речевой деятельности" и в "непонимании учителями характера механизмов аудирования", что приводит часто к неправильному выполнению предлагаемых упражнений [9].

Нужно отметить, что трудности обучения аудированию по сравнению с обучением говорению имеют свои объективные причины, одна из которых заключается в особенностях функционирования механизма смыслового восприятия. Механизм смыслового восприятия продолжает оставаться неясным. В настоящее время существует три основных теории восприятия речи, которые могут быть обозначены как "акустическая теория" [10], "моторная теория" [11] и теория "анализа через синтез" [12]. Нам представляется, что процессы восприятия, абсолютизированные этими направлениями, на самом деле в различном объеме реализуются на разных этапах смыслового восприятия речевого сообщения, взаимодействуя друг с другом. Это подтверждается результатами исследований И. А. Зимней. В частности, фаза смыслового прогнозирования практически является осуществлением "анализа через синтез", а в фазе вербального сличения реализуется модель "моторной теории". На сенсорном уровне действует процесс, описанный "акустической теорией" [13]. Степень реализации и характер взаимодействия этих процессов в ходе смыслового восприятия речи требуют специального исследования и изучения. Мы не ставим себе цели установить, насколько справедлива та или иная теория. Наша задача заключается лишь в выяснении причин, обуславливающих трудности обучения аудированию, и в поисках методов преодоления этих трудностей.

Исследование механизмов смыслового восприятия при аудировании закономерно потребовало изолировать этот вид речевой деятельности от других ее видов с тем, чтобы более тщательно изучить ее специфические

---

[6] *Исенина Е. И.* Механизм речевого слуха и обучение восприятию иноязычной речи.— ИЯШ, 1975, № 2, с. 35.

[7] *Пруссаков Н. Н.* Трудности при обучении аудированию иноязычного звучащего текста.— ИЯШ, 1981, № 3, с. 57.

[8] Общая методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1967, с. 175.

[9] *Пруссаков Н. Н.* Указ. соч., с. 58.

[10] *Jakobson R.* The role of phonic elements in speech reception.— 18-th International congress of psycology. Symposium 23. Model of speech perception, 1966.

[11] *Леонтьев А. Н.* О механизмах чувственного отражения.— Вопр. психол., 1952, № 2; *Зинченко В. П.* Теоретические проблемы психологии восприятия.— В кн.: Инженерная психология. М., 1964.

[12] *Halle M., Stevens K.* Speech recognition. A model and a program for research.— In: The structure of language. Reading in philosophy of language. Englewood: Cliffs, 1964.

[13] *Зимняя И. А.* Психология слушания и говорения. Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 19.

свойства. Однако особое выделение работ по обучению аудированию, разработка специальных упражнений, постоянное подчеркивание решающей роли аудирования в обучении языку [14] — все это привело к определенной автономизации аудирования, некоторому ослаблению увязки аудирования с говорением [15], что в результате отрицательно сказывается на обучении аудированию. Итак, по нашему мнению, одна из причин, снижающая эффективность обучения аудированию, заключается в некоторой его фетишизации и недооценке роли говорения в обучении аудированию.

Можно предположить, что процессы кодирования при говорении и декодирования при аудировании проходят некий общий участок цепи в "черном ящике" психофизиологических процессов, по которому они пробегают в противоположных направлениях, замыкаясь соответственно в одном случае — на речедвигательных органах, а в другом — на слуховых рецепторах. При преобладании упражнений на развитие навыков говорения закрепляется замыкание цепи в направлении к речедвигательным органам, но слабо индуцируется возбуждение цепи, ведущей к слуховым рецепторам, которым отводится лишь контролирующая роль. При преобладании тренировки на развитие навыков аудирования закрепляется замыкание цепи в противоположном направлении с недостаточным возбуждением в цепи, ведущей к речедвигательным органам. В первом случае у учащегося вырабатываются более развитые навыки говорения и слабые навыки аудирования, а во втором — наоборот. Обучение в равной степени навыкам говорения и аудирования способствует замыканию цепи в обоих направлениях и благоприятствует развитию как одного, так и другого вида речевой деятельности.

Говорение всегда представляет собой передачу языковыми средствами информации, определенных сведений, которыми располагает субъект, какому-то адресату. Говорение как вид речевой деятельности обладает достаточной эксплицитностью процесса кодирования информации. Опираясь на содержание высказывания, мы имеем возможность корректировать форму его репрезентации языковыми средствами. Следовательно, манифестация навыков и умений учащегося происходит «на выходе» сигнала, поддающегося коррекции. Нарушение нормы на любом уровне этого процесса эксплицируется в соответствующих языковых формах. Коррекция осуществляется на основе системы лексико-грамматических нормативных знаний, подлежащих усвоению и активизации.

Аудирование является процессом приема информации, т. е. ее интериоризацией. Происходит процесс преобразования полученной информации, репрезентируемой языковыми средствами, в сведения, которыми располагает субъект. В данном случае имеет место декодирование текста, происходящее после поступления сигнала "на входе" и представляющее собой сложный психофизиологический процесс, недоступный нашему непосредственному наблюдению. Вторая причина трудности обучения аудированию заключается в том, что этот психофизиологический процесс лишен эксплицитности на всем своем протяжении и на всех уровнях и исключает всякий непосредственный контроль за его ходом и коррекцию. Все возможности преподавателя

[14] *Кочкина З. А.* Что должен слышать студент при овладении иностранным языком.— В кн.: Иностр. языки в высшей школе. 1965, № 1, с. 17.
[15] *Старков А. П.* Обучение устной речи. Воронеж, 1964, с. 87.

сводятся к выяснению правильности понимания аудитором прослушанного материала.

Преподаватель не имеет возможности корректировать процесс смыслового восприятия звучащего текста и поэтому стремится добиться успешного аудирования путем совершенствования организации и подачи аудируемого материала, т. е. сигнала "на входе". Естественно, большинство исследований по обучению данному виду речевой деятельности посвящено в основном вопросам подготовки аудируемых текстов, рассматривают их параметры: грамматическую структуру, лексическое наполнение, объем, темп подачи, паузирование и т. д., что должно обеспечить успешное функционирование механизма смыслового восприятия. Однако самая тщательная подготовка сигнала "на входе" не гарантирует успешное аудирование и не позволяет достичь требуемого уровня навыков и умений аудирования. Необходимо максимально использовать результаты психофизиологических исследований, которые провели советские ученые (В. Н. Артемов, Б. В. Беляев, Н. И. Гез, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, Е. И. Исенина, В. И. Ильина, А. А. Леонтьев, Н. И. Соколов и др.), посвятившие свои работы изучению самого процесса аудирования. Результаты исследований аудирования как психофизиологического процесса свидетельствуют о необходимости формирования у аудитора новых стереотипов нейрофизиологических процессов речевой афферентации, функционирующих соотнесенно с новой артикуляционной базой и новой системой структур понятийных психологических ассоциаций.

Третьей причиной трудностей обучения аудированию нам представляется отсутствие четкой классификации видов учебного аудирования и системы их применения в процессе обучения, что, собственно, и препятствует формированию новых стереотипов в нейрофизиологических процессах речевой афферентации.

Первая попытка подразделить аудирование на виды была предпринята английскими учеными Дж. Брауном и Г. Карлсеном, определившими два вида аудирования: рецептивный, предназначенный только для восприятия, и рефлексивный, предусматривающий воспроизведение прослушанного [16]. Американский ученый Эдварт Пратт усовершенствовал эту классификацию и предложил рассматривать первый вид как направленный на детали информации, их запоминание, выполнение приказов, а задача второго вида, по его мнению, заключается в определении структуры информации, ее основных идей, главного и второстепенного, их взаимосвязи [17]. Г. Хьюз различает 4 вида аудирования: упредительно-ретроспективное, избыточное, конструктивное и аналитико-синтетическое. По классификации Г. Хьюза, упредительно-ретроспективное представляет собой прогнозирующее аудирование; избыточное аудирование предусматривает поиск нужной информации; конструктивное — направлено на выявление связи между главными и второстепенными идеями, а аналитико-синтетическое аудирование служит для установления истинности или ложности суждения [18]. Е. М. Березенкова предложила по аналогии с видами чтения следующие виды: ознакомительное,

[16] *Brown J., Carlsen G. R.* Listening comprehension test. Evaluation and adjustments series, Grades 9—13, World Book Co., 1953.
[17] *Pratt E.* Experimental evaluation of program for improvement of listening. Elementary School. Chicago, v. 56, 1956.
[18] *Hughes Gl.* Aspects of listening comprehension.— Audio-visual Language Journal. L., 1974.

просмотровое, изучающее и поисковое аудирование [19]. Во всех приведенных выше случаях речь идет об одном и том же виде аудирования, который осуществляется в связи с разными учебными задачами. Нам необходимо определить виды аудирования, реализуемые в ходе учебного процесса. Мы опираемся для этого на структуру этого процесса, формы учебной работы и анализ элементов "стихийного" аудирования на разных этапах обучения. Такой подход дал возможность выявить существующие виды аудирования, позволяющие реализовать требование М. В. Ляховицкого, обучать аудированию на всех уровнях обучения иностранному языку [20]. Эти виды аудирования мы предлагаем обозначить как: ситуативное, постановочно-корректив ное, сопутствующее и собственно аудирование. Рассмотрим эти виды.

1. Ситуативное аудирование заключается в аудировании речи преподавателя, опирающейся на экстралингвистические и паралингвистические факторы. Этот вид аудирования пронизывает весь учебный процесс и характеризуется большой эмоциональной насыщенностью, ситуативностью, клишированностью, эллиптичностью, фразеологичностью. Данный вид аудирования играет важную роль в переключении общения с базы родного языка на иностранный. Такой вид аудирования направлен на создание языковой среды на занятии. Родной язык используется минимально как средство общения и теоретической информации.

Преподаватель как личность, его подготовка определяют во многом успех ситуативного аудирования. Цель этого вида аудирования — создать условия коммуникации, побудить обучаемых к речевому акту, выработать у них соответствующие психофизиологические речевые реакции. Этот вид аудирования требует проводить занятие только на иностранном языке. Преподаватель обязан владеть нормативным произношением, так как его речь должна способствовать формированию в памяти учащегося соответствующих эталонов для восприятия звучащего текста.

2. Постановочное или корректив ное аудирование осуществляется при всех видах работ, которые проводит преподаватель для постановки или коррекции произношения учащихся на занятиях по фонетике и на других занятиях во время фонетической зарядки, введения новой лексики. Корректив ное аудирование способствует постановке фонем и развитию фонематического слуха. Этот вид аудирования осуществляется при отработке фонем не только в отдельных словах, но и в словосочетаниях, а также в коротких простейших употребительных фразах, начитанных носителем языка, ситуативно и тематически связанных с изучаемым материалом. Таковы, например, пословицы и поговорки, клишированные фразы разговорного языка. В процессе отработки аудируемый материал проговаривается не менее 10—12 раз с опорой на печатный текст. Такое аудирование можно рассматривать как псевдоаудирование.

При постановочно-корректив ном аудировании формируется четыре алфавита: 1) дифференциальных признаков фонем; 2) совокупности дифференциальных признаков; 3) морфем; 4) слов [21]. Обычно упускают работу над

---

[19] *Березенкова Е. М.* Виды аудирования.— Научн. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, 1979, вып. 142, с. 15—16.

[20] *Ляховицкий М. В.* Указ. соч., с. 78.

[21] *Жинкин Н. И.* Четыре коммуникативные системы и четыре языка.— В кн.: Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965.

словосочетанием, т. е. пятым алфавитом, что негативно сказывается на навыках аудирования иностранной речи. Эти алфавиты обеспечивают четыре уровня узнавания: а) отдельных фонем; б) слов; в) предложений; г) текста [22]. Реализуя этот вид своего рода псевдоаудирования, мы добиваемся активизации проприоцептивной речевой мускулатуры, ретикулярной формации и таламуса, в котором преобразуются нервные импульсы, идущие от органов слуха и зрения [23]. Продолжается становление или коррекция и закрепление эталонов для восприятия звучащего текста. Для успешной реализации данного вида аудирования отработку фонем следует осуществлять в слове, словосочетании и предложении, т. е. на смысловом уровне, только тогда этот вид аудирования не дискредитируется.

3. Сопутствующее аудирование проводится на основе учебных текстов, предназначенных для изучения и закрепления нового грамматического и лексического материала. Сопутствующее аудирование предназначено для окончательного формирования пятого алфавита словосочетаний и развития навыков различения и узнавания на уровне предложения и текста. Оно предполагает, что новые тексты вводятся методом аудирования после предварительной подготовки: знакомства с новым грамматическим материалом и новой лексикой, содержащимися в тексте. Текст прослушивается без зрительной опоры. После контроля степени понимания проводится повторное прослушивание со зрительной опорой на текст. Третье аудирование текста сопровождается коллективным чтением, после которого переходят к индивидуальному чтению. Учебные тексты обычно отвечают требованиям, предъявляемым к текстам для аудирования и с точки зрения лексического наполнения, и грамматической структуры. Отклонения касаются преимущественно таких параметров предложений, как их протяженность и структура, которые могут быть причиной неполного понимания. Таким непониманием можно пренебречь, так как оно устраняется в процессе дальнейшего изучения учебного текста. В процессе работы над текстом во время фонозарядок учащиеся прочитывают текст в целом до 10 раз в сопровождении аудирования. Термин сопутствующее аудирование наиболее точно определяет место и характер этого вида аудирования в процессе обучения другим видам речевой деятельности.

Данный вид аудирования не является основной целью занятия, он сопровождает работу над лексическим и грамматическим материалом, активизируя и закрепляя его. В то же время сопутствующее аудирование, сопровождаемое чтением, способствует дальнейшему становлению нового вида проприоцептивной импульсации и функционирования гаммаэфферентного механизма. Ретикулярная формация, возбуждаемая импульсацией, осуществляет взаимодействие поступающих в нее как восходящих — афферентных, так и нисходящих — эфферентных импульсов, иннервирует таламус, где происходит первичный анализ и синтез всех возбуждений, поступающих от рецепторов в головной мозг [24]. Так постепенно формируется основа для перехода механизма смыслового восприятия на новую артикуляционную базу. Многократное громкое чтение, сопровождаемое аудированием, благоприятствует упомянутым нейрофизиологическим процессам речевой эффе-

[22] *Исенина Е. И.* Механизм речевого слуха., с. 40.
[23] *Соколов Н. И.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968, с. 132; 217—218.
[24] *Соколов Н. И.* Указ. соч., с. 217—218.

рентации, создает базу для обеспечения аудирования иноязычного речевого высказывания.

4. Собственно аудирование представляет собой аудирование, осуществляемое на основе системы текстов, предназначенных для восприятия только на слух. Этот вид аудирования рассматривается в руководствах по методике преподавания иностранных языков, ему посвящены многочисленные исследования. Все предыдущие виды аудирования служат подготовке к осуществлению собственно аудирования, представляющего собой иерархически высший уровень развития навыков и умений аудирования.

При обучении аудированию обычно имеют в виду обучение собственно аудированию, реализуемое методом однократного предъявления текста. На однократное предъявление текста как необходимое условие обучения аудированию указывают М. Лёшманн и Г. Пецчлер [25]. Этой точки зрения, хотя и не столь категорически, придерживаются Н. Я. Демьяненко, К. А. Лазаренко, С. В. Кислая [26], отмечающие, что повторное предъявление текста противоречит естественным условиям общения. Ограничение собственно аудирования требованием однократного предъявления текста неоправданно сужает потенциальные обучающие возможности данного вида аудирования.

В процессе собственно аудирования осуществляются операции анализа и синтеза по различению элементов формы и содержания, сличению и узнаванию, что дает основание подразделить этот вид аудирования на два подвида: синтетическое и аналитическое. Такое объективно обусловленное деление собственно аудирования на два подвида позволяет признать только за синтетическим аудированием требование преимущественно однократного предъявления, а за аналитическим — повторного. При синтетическом аудировании осуществляется работа над текстом в целом как над определенной информацией: над его содержанием, структурой, смысловыми частями. При аналитическом аудировании внимание направляется на языковые средства репрезентации информации: на отдельные предложения, структуру предложений, грамматические формы, словосочетания и даже отдельные слова, поэтому здесь необходима повторность предъявления. Таким образом, эти два подвида совпадают с соответствующими видами чтения как рецептивного вида речевой деятельности. Синтетическое и аналитическое аудирование взаимосвязаны, едины, что позволяет использовать тексты для синтетического аудирования, а также и для аналитического.

Собственно аудирование и его виды служат дальнейшему развитию и совершенствованию навыков и умений аудирования. Чтобы добиться максимальной эффективности учебного процесса, все виды собственно аудирования должны осуществляться комплексно с обучением говорению. В таком случае реализуется интерфункциональное взаимодействие слушания и говорения, опирающееся "на соответствие характеристики разрешающих способностей речедвигательного и слухового аппарата по всем основным параметрам речевого сигнала" [27]. Собственно аудирование предполагает у аудитора уже наличие нейрофизиологических процессов речевой афферентации, функционирующих соотнесенно с новой артикуляционной базой и новой системой

---

[25] *Löschmann M., Petzschler H.* Übungsgestaltung zu verstehendem Hören und Lesen. Leipzig, 1976.

[26] *Демьяненко М. Я., Лазаренко К. А., Кислая С. В.* Указ. соч., с. 115.

[27] *Зимняя И. А.* Психология слушания и говорения. Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 22.

структур понятийных психологических ассоциаций. Все предшествующие виды аудирования должны подготовить такое функционирование нейрофизиологических процессов речевой афферентации.

* * *

Таким образом, трудности в обучении аудированию заключаются не только в недостаточной разработке системы упражнений для аудирования и неправильной методике их использования при обучении иностранному языку. Они объясняются также: недооценкой взаимосвязи обучения аудированию с обучением говорению; невозможностью непосредственного наблюдения и корректировки процесса смыслового восприятия; отсутствием четкого определения видов учебного аудирования и их применения в учебном процессе.

Одним из путей преодоления трудностей при обучении аудированию является систематическое применение рассмотренных видов учебного аудирования и методически правильное их использование в учебном процессе. Это определение видов аудирования опирается на объективные особенности процесса обучения иностранному языку и органически вписывается в его структуру.

Все рассмотренные виды аудирования осуществляются в процессе обучения иностранному языку при доминировании одного из них.

Ситуативное аудирование начинается с первого занятия, способствует воссозданию элементов языковой среды, и как средство коммуникации между преподавателем и слушателями, реализуется на протяжении всего курса обучения, постепенно усложняясь структурно и лексически, до завершения обучения.

Постановочное или коррективное аудирование осуществляется в начале обучения при постановке и коррекции фонематического слуха учащихся и служит для формирования обобщенных образов—эталонов фонематического слуха, создавая соответствующую артикуляционную базу.

Сопутствующее аудирование начинается с введением первого текста, продолжается до завершения обучения и переходит к концу обучения в собственно аудирование. Сопутствующее аудирование, сопровождаемое многократным громким прочтением текста, окончательно формирует и закрепляет соответствующие психофизиологические образы—эталоны для различения и узнавания слова, словосочетания и предложения.

Собственно аудирование доминирует на последнем этапе обучения иностранному языку. Аналитический и синтетический подвиды этого аудирования взаимосвязаны, взаимообусловлены особенностями самого механизма смыслового восприятия звучащего текста и разделяются искусственно в учебных целях.

Изложенная классификация аудирования объективна и позволяет организовать систематическую работу над развитием навыков и умений аудирования от начального этапа изучения иностранного языка до завершения обучения. Такая организация обучения аудированию, как показала наша многолетняя практика, обеспечивает формирование нового речеслухового психофизиологического стереотипа и функционирование механизма смыслового восприятия иноязычного звучащего текста. Эта классификация методически ориентирована, цельна и не исключает выделения различных подвидов в чисто прагматических учебных целях.

И. К. ЛИХАЧЕВА

О ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ В НОРМАТИВНЫХ ГРУППАХ КАНДИДАТСКОГО СЕМЕСТРА

Одна из задач кандидатского семестра — подготовить специалистов к овладению чтением как способом оперативного получения информации, а оперативность извлечения информации основывается прежде всего на владении различными видами чтения,— на умении переходить от одного вида чтения к другому в зависимости от цели чтения, информативной ценности текста и целого ряда других факторов.

Для решения этой задачи необходимо владеть чтением, которое в современной методической литературе иногда называют синтетическим [1], имея в виду не что иное, как беспереводное понимание смысла текста или интеграцию смысла прочитанного на уровне предложения, абзаца, фрагмента текста или текста в целом.

Владение синтетическим чтением означает умение пользоваться навыками всех основных видов чтения — просмотрового, ознакомительного и изучающего. Эта классификация видов чтения, предложенная С. К. Фоломкиной [2], широко используется не только в методической литературе, но и в практике преподавания иностранных языков при обучении чтению. Согласно этой классификации наиболее важными факторами, влияющими на характер чтения, являются: 1) предполагаемое использование извлекаемой из текста информации — с установкой на дальнейшее использование полученных сведений и знаний или лишь на просмотр и общее ознакомление с текстовым материалом и 2) установка читающего на достижение определенной степени полноты и точности понимания прочитанного [3].

В данной статье мы не будем останавливаться на характеристике отдельных видов чтения и особенностях обучения каждому из них в отдельности, тем более, что в методической литературе (и практика преподавания говорит о том же) рекомендуется обучать различным видам чтения одновременно или с небольшим сдвигом во времени, начиная с просмотрового и ознакомительного чтения с переходом к чтению изучающему. Целью нашей статьи является показать, какие лингвометодические принципы положены в основу обучения чтению в нормативных группах кандидатского семестра.

Учащиеся этих групп по роду своей деятельности являются людьми, для которых работа без чтения специальной литературы с целью извлечения необходимой информации просто невозможна. Как правило, научные сотрудники и аспиранты являются зрелыми читателями на своем родном языке, но в различной, иногда весьма слабой степени владеют навыками зрелого чтения на иностранном языке. Понятие "зрелого" чтения, основанного на умении читающего следить прежде всего за развитием мысли

---

[1] *Берман И. М., Бухбиндер В. А.* Очерки методики обучения чтению на иностранных языках. Киев, 1977, с. 154.

[2] *Фоломкина С. К.* Принципы обучения чтению на иностранном языке.— Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, М., 1974. Методика преподавания иностранного языка в вузе, вып. 85, с. 5—35; *Она же.* Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе.— ИЯВШ, М., 1971, вып. 6, с. 3—12.

[3] С. К. Фоломкина указывает на условность предлагаемой ею классификации и терминологии и не исключает возможности иных классификаций, основанных на других признаках видов чтения.

автора и под этим углом зрения воспринимать слова текста (а текст всегда предстает перед читающим именно как последовательность слов), было введено еще Л. В. Щербой. Умение следить за развитием мысли приводит к восприятию содержания текста и его осмыслению. Понимание как результат осмысления представляет собой уяснение связей и отношений предметов и явлений, о которых говорится в сообщении, и осуществляется на разных уровнях и в разных планах, характеризующихся различной глубиной и качеством понимания [4]. Понимание смысла прочитанного — явление очень сложное и неоднородное. Оно обусловлено целым рядом психологических, лингвистических и экстралингвистических факторов [5]. Анализ психологических факторов не входит в нашу задачу. Мы коснемся лишь тех из них, которые имеют непосредственное отношение к разработке методики обучения чтению. Это — вероятностное прогнозирование, основанное на прошлом опыте читающего (сюда входит знание тех слов, словосочетаний и даже фраз, которые обычно используются для выражения данной мысли), представление о возможных вариантах значений слов, которые могут быть образованы от некоторой основы с помощью элементов синтеза или анализа (a study, to study, studies, studying, has been studying, и т. д.) и влияние семантических ассоциаций (например, слово table прежде всего ассоциируется со словом chair, если chair не подходит по контексту, возникают иные варианты выбора) [6]. Другими важными факторами, обеспечивающими понимание текста, являются его информационная насыщенность и композиционно-смысловая структура.

К числу языковых средств, владение которыми необходимо для понимания содержания текста при чтении, относятся правила произношения, обеспечивающие достаточную степень автоматизации техники чтения (вслух и про себя — внутренняя речь). Чтение должно быть быстрым и достаточно автоматизированным процессом перевода зрительных образов в смысловой код, основанным на умении учащихся членить текст на синтагмы, интонационно оформлять каждую синтагму и правильно ставить фразовое ударение.

Известно, что одним из важных факторов, влияющих на улучшение техники чтения и повышение его скорости, что в свою очередь несомненно способствует автоматизации процесса чтения и переходу к непосредственному извлечению смысловой информации, является увеличение объема чтения. Однако одно это не является достаточно эффективным средством развития навыков различных видов чтения. Приемам извлечения информации необходимо учить не только на начальных этапах обучения чтению, но и при обучении учащихся, уже достигших минимального порога зрелого чтения или даже превысивших его.

В нашем случае при обучении чтению особый интерес представляет

---

[4] *Зимняя И. А.* Понимание как результат рецептивных видов речевой деятельности.— В кн.: Психология и методика обучения чтению на иностранном языке. Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978, вып. 130, с. 3—12. Теория уровней понимания была использована С. К. Фоломкиной в ее классификации видов чтения. См.: *Фоломкина С. К.* Принципы обучения чтению...; *Она же*: Некоторые вопросы обучения чтению...; см. также: *Клычникова З. И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М., 1973, с. 98—100.

[5] К числу экстралингвистических факторов, способствующих пониманию текста, следует отнести его информативную ценность, заинтересованность читающего в этой информации и степень его осведомленности в данной области знаний.

[6] *Клычникова З. И.* Указ. соч., с. 29—32.

языковая реализация тех смысловых отношений, в которых находятся между собой отдельные элементы текста на уровне слов и словосочетаний, частей сложных предложений и на уровне межфразовых связей в тексте. Трудность понимания таких смысловых отношений возрастает с переходом к каждому последующему уровню, и снятие этих трудностей требует умения распознавать различные грамматические явления или по их внешним признакам (владение элементами признаковой грамматики), или опираясь на функциональный анализ текста, умения определять значение и категориальную принадлежность слов по словообразовательным элементам и контексту, находить устойчивые словосочетания и из нескольких значений слов выбирать то, которое соответствует данному контексту. Последнее требует владения навыками работы со словарем.

Все это в целом создает базу для овладения навыками и умениями осмысленного чтения любого вида, но при конкретизации методической задачи, т. е. при установке на обучение определенному виду чтения, необходимо разработать задания и упражнения для развития умений, характерных именно для этого вида чтения.

Обучение чтению наиболее целесообразно начать с подготовительного периода, включающего прежде всего ознакомление с уровнем языковой подготовки учащихся, понимая под"языковой подготовкой" владение основными морфологическими и синтаксическими категориями, усвоение функциональной грамматики, навыки грамматической ориентации в тексте и т. д. [7]

Учебным материалом при обучении чтению на кандидатском семестре являются общественно-политические, общенаучные и оригинальные научные тексты по специальности, и их правильный отбор, особенно на начальном этапе обучения, имеет большое значение. Если при обучении просмотровому и ознакомительному чтению тематика текстов может носить более общий характер (общенаучные и общественно-политические тексты), то при переходе к изучающему чтению следует использовать оригинальные тексты, соответствующие профессиональным и научным интересам учащихся.

Подробные и методически обоснованные характеристики текстов для обучения чтению даны в уже упоминавшейся статье А. А. Маркиной [8], в диссертации Л. М. Ермолаевой [9] и в ряде работ других авторов.

Основные требования, предъявляемые к учебным текстам, сводятся к следующему.

1. Текст должен иметь определенный объем, исчисляемый в печатных знаках. При определении нормативов для различных видов чтения всегда учитываются количество знаков и фактор времени.

2. Текст должен обладать логико-смысловой и композиционно-структурной законченностью.

3. В тексте должны содержаться и быть выделены грамматические и лексические явления, необходимые для адекватного понимания читаемого, а также языковые явления, характерные для письменного научного стиля речи и включенные в программу кандидатского семестра.

---

[7] *Маркина А. А.* К вопросу оптимизации обучения чтению научной литературы по специальности.— В кн.: Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М., 1979, с. 27.

[8] *Маркина А. А.* Указ. соч., с. 28.

[9] *Ермолаева Л. М.* Методика обучения чтению текстов по специальности на продвинутом (факультативном) этапе неязыкового вуза. Автореф. канд. дис., М., 1975.

4. Последнее и самое важное. В течение длительного времени содержательная сторона текста оставалась за пределами внимания исследователей, занимавшихся проблемами обучения чтению. Однако именно содержание определяет все остальные характеристики текста — его построение и использование тех или иных языковых средств. И это нельзя не учитывать при подборе текстов для обучения различным видам чтения.

В связи с увеличивающейся ролью чтения как средства извлечения информации и исследователи языка, и методисты приходят к убеждению, что для понимания информации, заключенной в тексте, совершенно недостаточно установить смысловые и структурные связи на уровне предложения. Для понимания смысла целого текста читающий должен уметь выделять "смысловые вехи" [10] и устанавливать отношения между ними на уровне более или менее длинного отрезка текста. Процесс понимания и состоит в установлении контактных и дистантных связей внутри предложений и между предложениями и абзацами, т. е. в умении воспринимать синтаксическую и логико-семантическую структуру текста или его фрагментов как единое целое.

Лингвистический анализ характеристик текста, влияющих на процесс понимания и служащих опорой в процессе обучения чтению, проведенный Л. М. Ермолаевой, показал, что тексты по "типу содержания" делятся на тексты-описания (дескриптивные) и тексты-рассуждения (дискурсивные), различающиеся по характеру предъявления данного и нового, плана содержания и плана выражения.

Описательные тексты включают описание предметов и явлений, для них характерны отношения перечисления и обозначения свойств, предложения и абзацы в таком тексте функционируют однотипно, структуры отдельных частей текста аналогичны структуре текста в целом. Описательные тексты легче для понимания, чем тексты-рассуждения, которые характеризуются более сложной логической структурой мысли и ее языкового выражения.

Тексты-рассуждения не обладают цикличностью и многослойностью, характерными для описательного текста, и плохо поддаются сокращению и свертыванию. Поэтому при обучении чтению на первых этапах и в особенности при обучении просмотровому и ознакомительному чтению предпочтение следует отдавать описательным текстам.

Учащиеся групп кандидатского семестра, как правило, хорошо владеют техникой зрелого чтения литературы по своей специальности на родном языке и обладают обширными фоновыми знаниями в своей области. Поэтому после определения уровня языковой подготовки учащихся и их потенциальных возможностей первая и основная задача преподавателя иностранного языка, ставящего перед собой цель рационального обучения чтению, заключается в том, чтобы как можно раньше и полнее перенести уже имеющиеся у учащихся навыки чтения на родном языке на чтение иноязычных текстов. При этом одним из важнейших условий является ориентация на извлечение из текстов смысловой информации (а не только на его лексико-грамматический анализ). В этом заключается основное различие между работой с учащимися групп по подготовке к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку и студенческими группами в неязыковых вузах. Занимаясь изу-

[10] Смысловые вехи — это слова, предложения или группы предложений, выражающие центры мысли, различные по степени значимости предикации. См.: *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М., 1958, с. 124.

чением иностранных языков, в основном, на I и II курсах, студенты еще не являются специалистами в избранной ими области знаний, что неизбежно сказывается на степени зрелости их чтения и на глубине проникновения в содержание текста. Поэтому в неязыковых вузах обучение чтению начинают с более легких, доступных для понимания текстов, с проверки понимания на уровне предложения в основном с помощью тестов, или с опорой на тематическую логико-структурную схему [11].

Преподаватель в кандидатских группах имеет возможность свести подготовительный период обучения чтению к минимуму, ограничив его показом приемов, необходимых для овладения просмотровым и затем ознакомительным чтением, и закреплением их на соответствующих текстах с учетом количественных и временных нормативов, а также выполнением ряда подготовительных упражнений. Задания в таких упражнениях должны коренным образом отличаться от традиционных типов заданий, так как последние учитывают семантико-синтаксические связи только в пределах предложения и не учат видеть смысловые связи между предложениями и абзацами и не приводят к умению синтезировать смысл целого текста.

На подготовительном этапе задания по тексту (или отдельные упражнения) должны основываться на синтактико-смысловом анализе отдельных единиц текста, с учетом прежде всего единиц несоответствия в иностранном (в нашем случае — английском) и русском языках, и логико-смысловом анализе всего текста [12]. Эти задания должны быть направлены на установление текстообразующих связей, различного рода "смысловых вех", а также на выявление структурно-синтаксических и логико-семантических средств связи в предложении, абзаце и целом тексте.

В задачу данной статьи не входит перечисление возможных типов таких упражнений и заданий, они приводятся в работах ряда авторов [13].

На занятиях с аспирантами и соискателями особое внимание следует уделять заданиям, связанным с конкретными текстами, по выявлению таких текстообразующих средств, как повторы на лексическом и синтаксическом уровнях, использование местоимений (личных, указательных, относительных) и местоименных наречий (типа thereby, thereof), нахождение слов-заместителей и слов идентичных, синонимичных и антонимичных по значению, определение роли служебно-строевых слов [14]. Порядок слов в предложении (прямой или инвертированный) может служить показателем того, является ли данное предложение связующим звеном с предшествующими или последующими отрывками текста.

---

[11] *Зеленина С. А., Серова Т. С.* Обучение чтению на иностранном языке с опорой на тематическую логико-структурную схему.— В кн.: Текст в процессе преподавания иностранного языка. Пермь, 1979, с. 28—36; *Серова Т. С.* Обучение чтению в системе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку.— Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1981, вып. 183, с. 79—83.

[12] *Зильберман Л. И.* Структурно-семантический анализ текста. М., 1982, с. 5 и след.

[13] *Фоломкина С. К.* О работе над компонентами чтения.— Иностр. языки в школе, 1979, № 14; *Усачева Н. И.* О синтетическом чтении оригинального иноязычного текста по специальности.— В кн.: Проблемы изучения иностранных языков в заочной и вечерней высшей школе. Л., 1982, вып. 4, с. 3—10; *Маркина А. А.* Указ. соч., с. 30—32.

[14] О первостепенной важности строевых элементов языка при обучении чтению на иностранном языке писал еще Л. В. Щерба. См. *Перфилова Г. В.* О дифференцированном подходе к языковому материалу при обучении чтению.— ИЯВШ, 1982, вып. 17, с. 51 и след.

Для понимания смысловых элементов текста необходимо уметь выделять темы и подтемы, наиболее информативные абзацы, повторы-перифразы, отыскивать вопросно-ответные структуры и определять, возникают ли вопросы в связи с предшествующим изложением или они связаны с последующей информацией.

Для определения логико-семантической структуры текста необходимо научиться выделять такие элементы, как парные союзы и союзные слова, связующие слова типа also, therefore, however, first, second и т. п., которые также осуществляют связь с предшествующими или последующими отрезками текста.

Примерные задания такого типа помогают найти структурно-семантическое ядро текста, получить общее представление о содержании текста и определить наиболее и наименее важные и интересные в информативном отношении отрезки текста.

В заключение необходимо подчеркнуть, что на подготовительном этапе обучения чтению обязательны лишь те виды работы с текстом, которые обеспечивают овладение синтетическим чтением, включающим владение просмотровым, ознакомительным и изучающим чтением и свободный переход от одного вида чтения к другому в зависимости от цели чтения и степени информативности текста. Необходимость в тех или иных упражнениях зависит от уровня языковой подготовки учащихся и характера текста. Но во всех случаях целью подготовительных упражнений и заданий должна быть проверка понимания прочитанного, и поэтому все упражнения и задания должны быть направлены на выявление основных смысловых линий с помощью структурно-семантического анализа текста.

При обучении чтению преподаватель должен ясно представлять себе конечную цель обучения и то, какими навыками и умениями необходимо обладать для достижения этой цели. Цель обучения чтению — понимание текста как результат осмысления его содержания благодаря владению языковыми средствами, с помощью которых это содержание выражается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Н. М. Разинкина. О возможности приложения некоторых критериев эстетики к формулировке лингвостилистического понятия "функциональный стиль" . 3
В. Л. Наер. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) 14
З. Я. Тураева. Темпоральная структура научных и художественных текстов . . 26
О. Н. Гришина. Особенности организации информации в научном и художественном тексте 39
В. А. Кухаренко. Информативность вводящего абзаца научного филологического текста 49

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

А. В. Стеллиферовский. Некоторые структурно-смысловые характеристики информационных газетных текстов 63
Н. А. Александрова. О некоторых языковых способах воздействия на участников научной дискуссии 73
И. Ю. Тарасова. Временные формы глаголов в текстах научных биографий (на материале немецкого языка) 78
А. В. Шадрин. Некоторые особенности немецкой диалогической речи интеллектуального характера (на примере телевизионных интервью и бесед-дискуссий) 84

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Е. А. Рейман. О "десемантизованных" элементах языка (английское местоимение it и наречие there) 97
С. Т. Болтунова. Обозначение причинно-следственных отношений простыми первообразными предлогами в английских научных текстах 107
О. А. Лаптева. Синтаксическая дискретность монологического высказывания в устной научной речи 118
М. Ю. Федосюк. Сходства и различия между сложносочиненными предложениями и союзными сочетаниями самостоятельных предложений в научной речи 133
С. З. Ластовка. Функциональные особенности глагольной перифразы aller + inf. в научном тексте 143

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Е. К. Савинова. Особенности словообразовательных средств выражения категории локативности в общеупотребительной и терминологической лексике английского языка 155
Л. В. Дубровина. Мотивировка терминов медицинской лексики 165
Е. А. Миронова. К вопросу о межвариантных синонимах в научно-технической терминологии английского языка Англии и США 173

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОМЕТОДИКИ

М. Я. Цвиллинг. Элементы лингвострановедения при обучении чтению общественно-политических и научных текстов 180

Е. С. Троянская. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку . . 189
Т. В. Науман. Использование некоторых данных лингвистики текста в учебном процессе (к вопросу отбора учебного материала и развития языковой догадки) 202
Н. С. Креленштейн. Восстановительная сила контекста как фактор понимания значения слова 207
В. К. Рознюк. Трудности обучения аудированию и пути их преодоления . . . 224
И. К. Лихачева. О лингвометодических основах обучения чтению в нормативных группах кандидатского семестра 232